

Олег РОГОЖКИН

ПО МИННОМУ ПОЛЮ ЖИЗНИ

Одесса, 2010

ББК 68.4(4Укр)243д
Р598
УДК 355.1(477)(091)

Рогожкин, Олег Борисович

Р598 По минному полю жизни./Автор предисловия Ю. Работин Одесса: Издательство «Барбашин», 2010, — 336 с.: илл.

В увлекательной форме автор рассказывает об интересных людях и событиях, к которым ему довелось быть причастным на протяжении почти сорока лет службы в армии. Книга интересна для специалиста и рядового читателя.

ISBN 966-8871-21-9

О 4702010204
2009

ББК 68.4(4Укр)243д
УДК 355.1(477)(091)

**Автор выражает глубокую признательность
Председателю совета ЗАО «Городская страховая
компания» господину Гандельману Д.Г., Генераль-
ному директору Припортового завода господину
Горбатко В. С. за дружескую поддержку, а также
всем друзьям и товарищам, внесшим посильный
вклад в издание этой книги.**

ISBN 966-8871-21-9

© Рогожкин, О., 2010

ЭТУ КНИГУ НЕОБХОДИМО ЧИТАТЬ...

Мемуары - один из самых сложных жанров литературы. Несомненно, что сложный он в первую очередь для автора, перед которым стоит сверхзадача: оперируя только конкретными историческими фактами и конкретными персоналиями сделать свое повествование не только общественно и научно значимым, но и быть интересным рядовому читателю.

В нашей литературе давно существует некое скептическое отношение к этому жанру сложившееся в годы приснопамятных многомиллионных тиражей воспоминаний, которые приходилось изучать и конспектировать всему "советскому народу".

Примерно так, я подумал, взвешивая на руке рукопись. Очередные воспоминания очередного генерала, да еще инженера. Правда несколько смущала объемистая цитата из Монтеня. Я нашел и полистал упоминаемые автором "Опыты", снова взялся за рукопись, и неожиданно для себя прочитал на одном дыхании, даже не поняв почему.

При наличии огромного пласта совершенно новой информации, читалось легко, и книга не отпускала. Парадоксальным было то, что за несомненно жесткой гражданской позицией, и не менее жестким авторским "Я", в книге не замечалось "яканья".

Автор приглашает читателя в удивительное путешествие по жизни одного, как он считает типичного для своего поколения человека, и через его сознание, рисует достаточно яркие картины нашего недалекого прошлого. Этот метод не нов и больше присущ художественной, а не мемуарной литературе. Но что здесь подкупает? Искренность. Искренность в большом, в главном, но не в "бытовухе".

Говоря о своей профессии, автор не романтизирует ее, а честно говорит о трудностях и смертельной опасности постоянно подстерегающих сапера. Однако он подчеркивает, что это такая же работа как и любая другая. Эта работа и была много лет его полем, точ-

нее частью поля. Сегодня никто не скажет скольким жизням не дали прерваться те 8 тысяч лично обезвреженных автором боеприпасов. А сколько обезвредили ученики и подчиненные за все годы службы в инженерных войсках генерала О.Б.Рогожкина?

Но автор не привязывает читателя именно к своему полю. У него поле из места действия трансформируется в философскую категорию, в форму бытия. Своим примером, он не навязчиво убеждает читателя в том, что у каждого из нас, свое минное поле, которое нужно не только перейти, но и вспахать его, засеять и вырастить посаженное.

Эту книгу необходимо читать, здесь много интересного и есть чему поучиться. Примечательно, что автор не стремится понравиться всем, но страницы книги проникнуты любовью к человеку. В том числе и потенциальному читателю. А читатель у Олега Борисовича будет.

Юрий Работин, Председатель Правления Одесской региональной организации Национального Союза журналистов Украины, заслуженный журналист Украины

«Жизнь прожить — не поле перейти»

*Посвящается
моей боевой подруге
Галине Алексеевне Рогожкиной*

Дорогой читатель! Я задумался над предисловием к своему рассказу о жизни и о себе в этой жизни, о своих товарищах, друзьях, коих было больше, о недругах, которых к счастью было меньше. Название этой книги может показаться несколько вычурным и с претензией на красоту. В первоначальном варианте было — «Через поле жизни». Но всю свою жизнь я отдал служению Отечеству в инженерных войсках, где мины встречаются на пути не только реальные — военных лет, но и виртуальные, которые постоянно подбрасывала жизнь. И еще неизвестно, какая из них могла быстрее взорваться под ногами и разнести все в клочья к чертовой матери.

Какие слова подобрать, что сказать? И тут я вспомнил своего любимого Монтеня и его «Опыты». Я отправляю Вас в одна тысяча пятьсот восьмидесятый год, когда Мишель Монтень обратился к читателю и под каждой его строкой я могу подписаться. Пусть это будет и моё обращение к Вам!

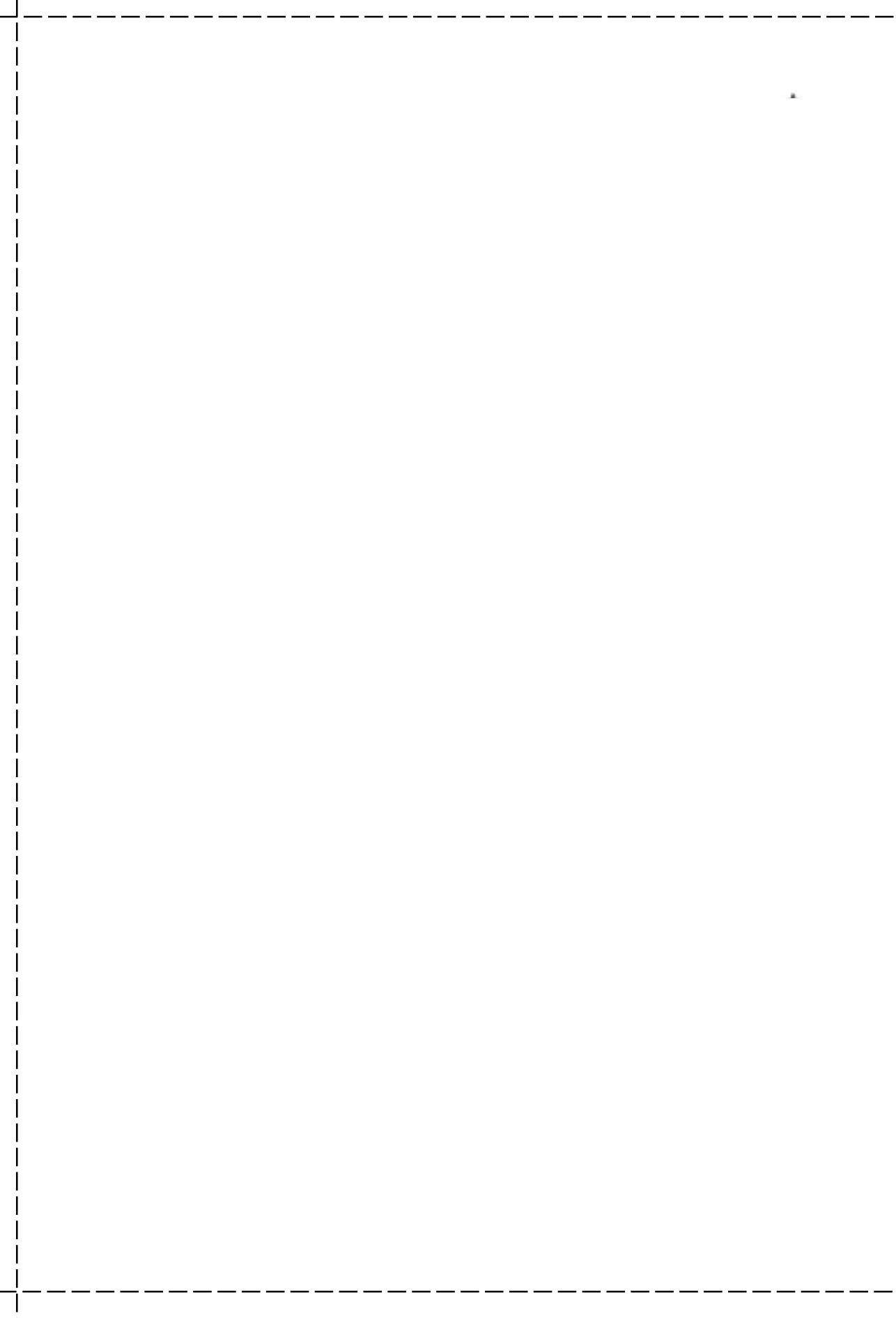
С уважением — Олег Рогожкин

К читателю

Это искренняя книга, читатель. Она с самого начала предупреждает тебя, что я не ставил себе никаких иных целей, кроме семейных и частных. Я нисколько не помышлял ни о твоей пользе, ни о своей славе. Силы мои недостаточны для подобной задачи. Назначение этой книги доставить своеобразное удовольствие моей родне и друзьям: потеряв меня (а это произойдет в близком будущем), они смогут разыскать в ней кое-какие следы моего характера и моих мыслей и, благодаря этому, восполнить и оживить то представление, которое у них создалось обо мне. Если бы я писал эту книгу, чтобы снискать благоволение света, я бы принарядился и показал себя в полном параде. Но я хочу, чтобы меня видели в моем простом, естественном и обыденном виде, непринужденным и безыскусственным, ибо я рисую не кого-либо иного, а себя самого. Мои недостатки предстанут здесь, как живые, и весь облик мой таким, каков он в действительности, насколько, разумеется, это совместимо с моим уважением к публике. Если бы я жил между тех племен, которые, как говорят, и посейчас еще наслаждаются сладостной свободой изначальных законов природы, уверяю тебя, читатель, я с величайшей охотой нарисовал бы себя во весь рост, и притом нагишом. Таким образом, содержание моей книги — я сам, а это отнюдь не причина, чтобы ты отдавал свой досуг предмету столь легковесному и ничтожному. Прощай же!

Де Монтень

Первого марта тысяча пятьсот восьмидесятого года.

1. НАЧАЛО

Если ехать по Транссибирской ж/д. магистрали на восток то, не доезжая 100 км до Красноярска, на юг уходит ветка, которая заканчивается поселком, а сейчас уже городом Боготол. На сибирском наречии это божий угол или божья долина — тол. В далеком 1938 году он таковым и был. В этой сибирской глухомани 14 августа я родился на свет и был в семье самым маленьким. Старше были сестра Люба и самый старший — брат Владислав.

Наверное, прежде чем говорить о своей жизни и жизни моего поколения — нужно сказать хорошие и добрые слова о моих родителях, поскольку в этой жизни многое проистекало от них, от их жизненного опыта и мудрости, которые перешли в нас — и пусть вечная мерзлота Таймыра — где они покоятся — будет им пухом. Да святится имя ваше — мои папа и мама!

Фамилия Рогожкин происходит от рогожных дел мастеров, коих на Руси было великое множество, а наибольшее скопилось в Москве, где и обосновало Рогожскую заставу. Уже потом она стала и Симановской — после переворота 1917 года отличился и был памятован большевик Симанов. Но Рогожская ведёт своё начало от времён Ивана Грозного, если не ранее. Во времена бунтов Рогожские присоединились к недовольным, за что и были с треском выдворены на окраину империи — тогда это была только — что взятая Казань.

Отсюда Рогожные расселились вниз по Волге, а наиболее крупная группа ушла на устье Дона, где и обосновала станицу Рогожкино. Она и доселе стоит там и более половины станичников — Рогожкины. Уже, будучи генералом, я летел с проверкой из Ростова в Анапу и залетел на вертолёте туда. Приземлился на окраине и полчаса говорил со стариками и пацанами о житье — бытье. Мужики загордились — гляди, куда наша кровь продвинулась — в генералы. Но время торопило, и на этом мой экскурс закончился.

Вообще-то рогожа — это плетённые из луба или лыка полотна, где ленты переплетались крест — на — крест, в клеточку и образовывали полотнища, из которых потом делали кули — мешки для соли и других нужд.

Луб или лыко — это то, что является прослойкой между корой и стволом дерева. Раньше из этого материала чаще всего из липы плели лапти, а грубые

ленты шли на рогожку. В народе говорили — гляди, напился так, что лыко не вяжет. И ещё говорили — гляди-ка, обернулся из куля в рогожку. Рогожные кули были крепкими, а главное не пропускали воду и хорошо сохраняли соль. В этих кулях её то и перевозили чумаки по немерянным шляхам Руси. А для бедных это была и немудреная одёжка — только дырки делай для головы и рук — вот и рубаха. Сразу вспомнился старый Одесский анекдот. Сидят два биндюжника под навесом, идет дождь. На одном мешок с прорезями для рук и головы, а другой по пояс голый. Один — другому, — Сеня, и што ты дрожишь? — Холоднооо! Ничего Сеня, когда-то и я был в таком положении!

Так подробно пишу потому, что «нонешняя молодежь» абсолютно ничего в этом не смыслит, не знает и знать не хочет, а ведь эта наша недавняя история — наши глубинные корни, о которых забывать нельзя.

Спрашиваю внучку — что такое Баклуши бить — ну говорит — это дурака валять.

Наверное, мало кто знает что баклуши — это деревянные чурбачки липы, из которых потом тесляры (мастера по резке из дерева) вырезали деревянные ложки.

Бить липовые пенечки на баклуши было самой лёгкой работой, и давали ее самым ленивым. На Руси всегда деревня была самодостаточна, если в ней была хоть маленькая, но церква или часовенка на погосте, была кузня и свой кузнец, свой гончар, что лепил горшки и корчаги, бондарь — делал бочонки и бочки. Умельцы плели из бересты туеса, из лыка — лапоточки, а из ивовых прутьев корзины, сундуки, столы, стулья и столько всякой всячины нужной в хозяйстве, что все и не упомнить. Я не говорю о прялках, домотканых ряднах, катках и рублях (не денежных рублях) из дерева на которых стирали на речках исстари и гладили бельё.

Наверное, из того обихода до нас в первозданном виде дошли только скалки да сита.

Я не зову всех туда — в то время! Этого уже никогда не вернуть. Но помнить и знать об этом — нужно!

Вернусь к своим корням.

Батя мой — Борис Иванович родился в 1906 году в деревне Заплавное на другом берегу Волги от Царицына в семье Ивана Михайловича и Манефы Леонтьевны. Семья была большая. Бабка моя Манефа родила деду десять девок и только последним — одиннадцатым был сын — Борис. Все свое детство он, как сыр в масле, катался, и все старшие сестры только его и умасливали — наш Боренька, наш Боренька! Конечно, он и вырос таким, что привык, чтобы за ним ухаживали. Но когда подрос, то со смертью деда остался одним добытчиком в семье, и нужно было идти работать. Девки — мои тетки повыходили замуж и разъехались по городам и весям, а баба Манефа так и осталась с Борисом и еще успела понянчить меня в Сибири.

Отец рассказывал, как учился в церковно-приходской школе, а по арифметике был учебник Малинина — Буренина с картинками. Самым вредоносным из учителей был поп, преподавал закон божий. Он каждого провинившегося бил линейкой по пальцам и по голове, а особо «отличившихся» ставил на колени на горох. Школяры этого ему не простили и, подкаравлив вечером у школьных ворот, закидали камнями. На другой день поп пришел в синяках, но свой пыл поубавил.

Уже в 12 лет от — роду отец стал работать на почте учеником телеграфиста и быстро освоил эту профессию. На телеграфах тогда стояли аппараты «Бодо» пропечатывая дырочки на ленте, а потом эта дырчатая лента перегонялась на буквенную. Были и более продвинутые аппараты, где лента с пропечаткой шла сразу. Это часто показывали, как атрибут времени в революционных фильмах. После нескольких лет работы уже взрослым парнем он получил назначение начальником почтового отделения в одно из сел, прилегающих к Царицыну. Здесь он и познакомился с молодой учительницей Лидией Михайловной Агафоновой — моей мамой.

Мама была потомственной астраханкой и родилась в 1908 году в семье Михайло Владимировича Агафопова. Было у них в семье четверо детей — три дочери и сын Борис. Первую свою тетку я не застал — она умерла еще в молодости, а тетя Оля и дядя Борис часто были у нас в Дагомысе под Сочи, когда мои старики обосновались там, на пенсии, после ледяного Таймыра.

Мамина родня мучилась диабетом и после нескольких операций в шестидесятых годах они (т. Оля и д. Боря) ушли из жизни. Знаю, что муж тети Оли был арестован в 1937 году и строил сначала Беломор — Канал, а потом Волга — Дон, но еще в довоенные годы, где и умер от истощения. Деда по линии мамы я не видел, поскольку он в двадцатые годы прошлого века умер. Памятью от него осталась Агафоновская набережная на Волге в Астрахани. Дело в том, что дед еще в молодости пришел мальчиком работать на небольшую кондитерскую фабрику в Астрахани, быстро дорос до приказчика и сумел прельстить хозяйскую дочку, что сразу же сделало его управляющим на этой фабрике, а затем и хозяином. Однажды в весеннее половодье Волга начала в этом месте выходить из берегов и грозила затопить все вокруг, дед приказал немедленно нести из амбаров мешки с мукой, и эта стенка спасла людей от половодья. Благодарная община эту часть набережной назвала Агафоновской. Сохранилось ли это сейчас — не скажу, поскольку в Астрахани был один раз — проездом, когда с Кавказа в Волгоград вывозил поездом демобилизованных, а с дальними родственниками в Астрахани все связи пропали.

Мама училась в институте благородных девиц, а потом в педагогическом училище. Рассказывала, что в двадцатые годы слушала выступления Луначарского — тогдашнего наркома просвещения. После окончания училища получила назначение в сельскую школу в селе Заплавное, где и учи-

тельствовала. Не только в молодости, но и по жизни мама была статной и красивой этакой простой славянской красотой. Отбоя от женихов не было, но всех перебил Борька — телеграфист и увел её из под носа всех воздыхателей. — они долго грозились его побить, но он уже тогда был «ЧОНовец» и ходил с револьвером. Что такое «ЧОН» — это Части Особого Назначения, и они создавались на местах из актива местной власти, сочувствующих и других примкнувших к большевикам. Эти формирования были нужны ВЧК для поддержания порядка на местах, а также борьбы с кулачеством.

Когда по Южному Поволжью прокатилась волна кулацких восстаний, в Заплавном это была кровавая бойня, когда почти весь актив был буквально растерзан, расстрелян, повешен и даже колесован за одну ночь. Пьяная от крови и от самогона толпа пришла к почте и ворвалась в комнату, давай Борьку — телеграфиста — мы его вздернем. Мама была тогда на сносях и с большим животом сидела на плетёном сундуке с домашним барахлом. Нету Бориса — еще вчера в район уехал. Мужики погудели, поломали столы, телеграф, но беременную маму не тронули и ушли буяннить дальше. А Борис в это время скрючился в этом плетеном сундучке и ждал худшего. Ночью он плавнями ушел в район. Через день в село ворвался отряд конников, и всех у кого были руки в крови — порешили на краю оврага за селом. У мамы вскорости прошли роды, но встряски того времени дали себя знать и первая моя сестра — Люба — умерла, не прожив и месяца.

Вот такой была маленькая нить истории тех лет. Вскоре отец уехал в Саратов на всероссийские курсы повышения квалификации почтовых работников, которые проходили под личным руководством Наркомпочтеля (Народный комиссар почты и телеграфа) товарища Ежова. Он еще не был теми «ежовыми рукавицами», которые душили всех и вся, но хватка уже тогда у него была жуткой. Отец мало рассказывал об этом, но мама говорила, что батя всегда лез вперед и драл горло «за общество».

После одной из стычек на собрании с наркомом он попал в черный список недовольных. По окончании курсов отец получил назначение во Владикавказ, где и родился мой старший брат. По имени города его назвали Владислав, и было это в 1933 году.

Та зарубка, которую сделали на личном деле отца — сработала, и уже через год он загредел в Сибирь — начальником почты в глухом селе Шало, Ужурского района Красноярского края. В 1935 году здесь родилась моя сестра — называли её именем первой дочери — Любой. В 1937 году отец стал начальником райпочты в селе Боготол, где я и родился — 14 августа 1938 года.

Был я маленьким и пухленьким, а по нехватке одежды мама одевала меня в длинные девчоночьи рубашки, что остались от старшей Любы, а посему мама всю жизнь звала меня Аленой, и даже в 1979 году уже теряя сознание, перед смертью звала меня — здорового подполковника — Алёнушка мой. Пухлость моя сыграла плохую службу — все любили меня брать

на руки подбрасывать в воздух — вот и нажились так, что у меня в годовалом возрасте вздулась щека — флюс, да такой, что меня срочно увезли в Красноярск, где прооперировали. Как результат — нечаянно перерезали какую-то мышцу, весь рот у меня уехал влево и стал я косоротый. Все это мне — годовалому стоило еще одной операции в том же Красноярске, где этот перекося с грехом пополам ликвидировали, но шрам справа на скуле — остался, как и маленькое убегание нижней губы влево — особенно при улыбке. Каждый раз на медицинских осмотрах хирурги это тут же ухватывали. А у отца я еще долго был косоротым. Глубокой осенью 1941 года отец получил приказ — возглавить всю связь Таймыра. Предстояла огромная работа по налаживанию связи и устройству полярных станций по трассе Севморпути от Диксона до Тикси, а также радиомаяков — приводов проводки боевых самолетов, поставляемых Америкой по Лендлизу и перегоняемых по Северу на Урал. Была в этом решении и обратная сторона — друзья отца посоветовали ему быстрее уехать в такую глубинку самому, чтобы не попасть туда по этапу. Сейчас во все это как-то не верится, но в то время это было вопросом жизни или смерти.

В детской памяти остались бесконечные заснеженные берега Енисея, проплывавшие, как медленная кинолента перед глазами. Это была последняя баржа в навигации и Енисей вот-вот должен был встать во льду. Выгрузки с баржи в Дудинке конечно не видел, только в избе развернули все одеяла и я начал осваивать все интересные углы нового жилища. Жарко топились большая печь и, находясь в центре избы, она делила вместе с перегородками все помещение на четыре части — кухню, небольшую столовую, спальню родителей и большую детскую. Дом был крепким, срубленным из толстых бревен с высокой завалинкой засыпанной землей и был черным от времени, двухскатная крыша была покрыта щепой, тоже черной, как и дом. Топилось все дровами, которыми доверху были с лета забиты большие сени. Стояла в сенях огромная, деревянная кадка — для воды. Экология тогда была на высоте, хотя слово это даже и не вспоминали. Енисей нес чистейшую, прозрачную воду от Саянских гор и Байкала до Ледовитого океана.

Летом на телеге, а зимой на санях ежедневно водовоз большим черпаком заливал воду из реки, и потом ведрами ее перекидывали в бочки по избам.

Зимой вода в кадке замерзала, а обручи покрывались белым инеем, искрившимся как сахар. Старший брат Славка посоветовал мне попробовать языком — сладко и вкусно. Я сдуру и по детскому незнанию лизнул и, конечно, мгновенно примерз. Орал от боли истошно — мама отклеила язык теплой водой, а Славке достался увесистый подзатыльник.

Зимой мы катались на санках с горок, а самым большим удовольствием было катание на старых санях с высокого бугра по обледенелой дороге.

Нас, маленьких, к этому не допускали, но однажды я пролез среди пацанов в эти старые розвальни. Большие парни на веревках приподняли

оглобли, и сани понеслись вниз. Кончилось все плачевно. Под горой внизу стоял низкий черный барак, в котором во все времена жили цыгане. Толи сани кинуло в сторону, но оглобля слева уперлась в дорогу, весь этот орущий от страха и восторга огромный ком врезался в стену барака. Всех раскидало в стороны, а в бараке выбило несколько бревен. От вопящих цыган улепетывали даже те, кто хромал или волочил ногу. Ну а синяки красовались у всех. Как только все остались живы — просто невероятно. Видать есть такая служба у бога, которая дураков бережет. Наши сани цыгане торжественно сожгли во дворе.

Моим другом тех пацанских лет был Левка Вожаев, с которым мы все лето пропадали на Енисее, а зимой делали поджиги, которые после начинки головками спичек оглушительно бабахали. Правда иногда согнутая медная трубка вышибалась в другую сторону — тогда калечило пальцы и ладонь. Пишу до деталей подробно еще и потому, что эта школа жизни была под жестким контролем родителей, но и не было мелочной опеки за каждым шагом, каждым чихом. Хоть и был маленьким, но мне говорили — сам не маленький — соображай и решай сам. Вот золотая сторона моих родителей, давших мне эти качества. Психологи говорят, что если в ребенка до 10 лет не заложены устои правильного отношения к жизни, меры и степени его ответственности за свои дела и поступки — позднее это будет сделать очень трудно, а иногда и невозможно.

Дудинка, где мы жили — это в первую очередь порт. Начальником порта в это время был крупный хозяйственник — Жук. Мама работала в бухгалтерии управления порта, но дом держала в идеальном порядке. А учились мы сами, без понуканий и принуждений. Когда старшие сестра и брат учили стихи — я их запоминал раньше всех, да так, что и сейчас читаю Пушкина по памяти — уже для внучек и внука — Юлии и Данечки, Фрэнки и Джозика.

В 1946 году, когда мы переехали в Норильск, мама еще немного работала в бухгалтерии, но мы росли и требовали уже большего внимания, тогда мама всю себя отдала семье.

Директором комбината был Панюков, главным инженером Дарьяльский, заместителем директора — Васин. В 1948 году директором стал Зверев. Через короткое время отец передал дела Чайкину и пошел секретарем парторганизации на угольную шахту № 13/15. Начальником шахты был молодой инженер Коваленко Андрей Михайлович. Мы очень дружили семьями. К этому времени в Норильск перебрались друзья отца со своими семьями — инженер связи Равер Семен Абрамович, Левашкевич, Прокопович, Дорогов — все они почти еженедельно собирались у нас дома и были веселые домашние пирушки. Мама делала вкуснейшую запеканку из мяса, риса, лука и вся кастрюля запечатывалась листом теста. В духовке все это кипело и шкварчало. А когда все готовилось — то все вкалывали на кухне — кто чистил лук, кто картошку — всем хватало работы. Редко сейчас в каких

семьях можно встретить такое хлебосольство. Наверное — другие времена, другие нравы.

Семен Абрамович Равер работал с отцом, начиная с тридцатых годов — с Сибири. В последние годы войны и в первые послевоенные годы он с группой инженеров явился автором создания системы связи ЗАС (Засекречивающей Аппаратуры Связи).

Его сын Юрка учился на год младше меня, но шахматы любил самозабвенно. Громил меня в пух и прах все время. Но жизнь шла — мы расстались на долгие годы. За это время я здорово продвинулся по шахматам и был чемпионом 3-й Армии в ГСВГ. Когда Юрка в 1968 году приехал к нам из Калинина отдыхать в Дагомыс — я громил его в шахматы как ребенка, а заодно и своего старшего брата Славика — тоже не новичка в шахматах. Даже сейчас приятно вспоминать их вытянутые рожицы — так это было для них неожиданно.

Коваленки перебрались с Севера в Ялту, где я их разыскал уже, будучи лейтенантом — командиром взвода 9-го саперного батальона в Симферополе.

Среди друзей и сослуживцев отца были самые разные люди, но всех объединяло одно — глубокая добропорядочность и верность дружбе. Еще в Боготоле — в Сибирской глубинке на почте с отцом работал главным бухгалтером Дорогов Николай Иванович — огромный по габаритам чело-вечище. У него был талант-талант художника. Он рисовал изумительные картины, делал прекрасные линогравюры, писал маслом. За 5-10 минут он легко делал портретный набросок. У нас дома висела его картина — «Ледоход на Енисее».

И глядя на картину, вспоминаешь этот вселенский ад — просто оторопь берет уже только от воспоминаний. Трудно словами описать ледоход на Енисее, но я попробую!

К началу июня река, беременная гигантскими массами воды готовится к родам. Ледяной покров полутора-двух, а кое-где и трех метровой толщины вспучивается, чернеет от пропитавшей его воды и в некоторых местах с пушечным грохотом лопается, выбрасывая фонтаны с кусками льда. За ночь эти выбросы превращаются в гигантские наледи. Пишу везде «огромные» «гигантские» — и это действительно так, поскольку Енисей в этом месте разливается на 15 км, перемежаясь в русле несколькими песчаными островами, длинными челноками, вытянувшимися по течению.

И вдруг, в одночасье, как правило, ночью, с грохотом артиллерийской канонады — этот напряженный, тысячетонный девственный пояс льда — взрывается! В воздух взлетают огромные куски льда, ледяные поля налезают друг на друга, выворачиваясь на дыбы и потом с оглушительным грохотом, падают вниз.

Вся эта масса жутких нагромождений высотой с многоэтажные дома медленно движется по реке, выдавливая на берега ледяные горы. Несмот-

ря на высокие берега, лед стоит над берегом отвесными органными стенами и длинные трубы колонок льда, переливаясь всеми цветами радуги, как бы выплескивают какофонию грохочущих звуков ледохода. Всяческие припортовые постройки срезаются льдом, как бритвой. Ледяные поля и горы несут на себе всякую всячину, прихваченную по всей России с юга до севера. Разбитые сараи, всяческие плетни, с корнем вывороченные деревья, лодки и баркасы, смятые как бумага цистерны и баки. Иногда со льдом кочуют собаки и другая живность. Страшно когда эти ледяные потоки тормозятся в узких местах — и тогда вся эта махина начинает напоздать друг на друга, выворачивая желто-зеленые животы льдин. Тогда спокойный шорох проползающего потока перерастает в пушечные взрывы ломающихся и громящихся торосов. И как нежно журчат и по колоночкам соскальзывают вниз столбики льда с этих стеклянных трехметровых громад — на фоне многоголосого грохота ледохода — эти божественные, ни с чем не сравнимые звуки.

Так вот с картин Дорогова эти звуки выплескиваются на зрителя.

Была у нас и линогравюра «Дети тундры» — нарты с оленями и маленькие ненцы — пушистые колобки в своих меховых национальных одеждах.

Где-то в пятидесятых годах один из наших хороших знакомых — Иван Варламович Рехлов, завершив свой полярный стаж, перебрался на юг Красноярского края — в Шушенское. Выйдя на пенсию, он на все свои полярные накопления купил картины, в том числе и Николая Ивановича Дорогова, и в Шушенском, при местной школе создал художественную галерею. Через некоторое время он собрал большую коллекцию «Ленинианы» и выставил ее в музее В.И.Ленина в Шушенском. И тут в газете «Правда» появляется большая статья о заполярном рабочем, — Рехлове — который весь свой скромный заработок тратит на коллекционирование картин и организацию их показа в далекой сибирской глухомани, вот какова сила искусства! Очень многие выдающиеся художники мира немедленно отреагировали на это и подарили далекому сибирскому рабочему свои картины. Это были Пабло Пикассо, Рокуэл Кент и многие другие корифеи искусства.

Иван Варламович постоянно переписывался с моим отцом и один из рисунков Дорогова, где изображен отец в форменной почтовой куртке и огромных бокарях — полярных собачьих унтах — перекочевал к Рехлову на его выставку.

Со временем, когда коллекция «Ленинианы» сильно расширилась, краевое руководство выстроило рядом с музеем В.И.Ленина большой выставочный зал, и Рехлов стал там директором. Как сейчас в далеком Шушенском обстоят дела — не знаю.

Буквально через год начальник комбината Зверев вызвал к себе отца и после короткой беседы вышел он уже в должности начальника Норильторга. Назначение было неожиданным, но требовался честный и порядоч-

ный человек, тем паче, что его два предшественника на должности продержались по полгода и сели на скамью подсудимых, а потом — в лагерь.

Четыре года отец проработал на этой должности и в 1953 году по состоянию здоровья ушел на профсоюзную работу, на родную шахту.

За эти годы мы как жили, так и жили прежней жизнью — не очень то избалованные этой его должностью.

Да и какие могли быть деликатесы, когда красная икра в бочках стояла в магазинах, и продавцы сатанели, когда она подсыхала, поскольку никто особенно ее не покупал, несмотря на небольшую цену. Банки с крабами были основной закуской для алкоголиков, были они дешевыми, почти дармовыми, но вкусными. Ну а овощи и фрукты тогда на Севере были для всех одинаковые — сухая картошка, сухой лук, сухофрукты, сухое молоко и сгущенка. Вот сгущенку мы кипятили в кастрюльке и потом вскрывали банку с коричневой тянучкой. Ели мы ее, эту тянучку всегда и постоянно вместо конфет.

В 1956 году отцу стукнуло 50 и по всем полярным законам, с учетом подземного стажа, он ушел на пенсию в 120 рублей, деньгам по тем временам хорошим. С 1956 по 1979 год — почти двадцать пять лет он прожил в поселке Дагомыс под Сочи, где ему, как полярнику выделили участок земли, на котором мы всей дружной семьей поставили дом в два этажа и высадили хороший сад.

А что такое Дагомыс? Это курортный поселок, который еще в далекие царские годы был выбран для летней резиденции царской фамилии, и разместилась она на правых склонах долины в летних деревянных домиках и других хозяйственных постройках и даже конюшне. А на левых склонах был разбит огромный парк в английском стиле, но с итальянскими добавками, ибо рассаживал его итальянец. В парке стоят итальянские сосны, пробковые деревья, сибирские кедры, а вдоль дорожек насажено великое множество различных плетущихся роз. Когда моя Маринка была совсем маленькая, я рано утром брал ее из коляски и поднимался по склону в этот парк, гулял с ней не менее двух часов, а она спала без задних ног в этом волшебном аромате, замешанном на морском воздухе. А внизу расстилалось море до горизонта, и уходила на Сочи ниточка рельсов через приморский поселок с романтическим названием Мамайка. В центре долины, если смотреть с моря, конусом высится гора Успенка, названная так в честь графа Успенского, побывавшего в этих краях. Ныне конечно нет царских домиков. В семидесятые годы прошлого века на этом месте югославские строители отгрохали великолепный санаторный комплекс в виде трехлучевой звезды, и каждый луч отходил от двадцатипятиэтажного центра, спускаясь уступами по этажу каждый. А к морю сделали стеклянный лифт. Шикарная дорогостоящая игрушка для богатых.

Землю нам выделили в ущелье на окраине поселка в заросших дебрях Кавказских джунглей. И это было хорошо, поскольку дали участок в виде

исключения. По постановлению Совнаркома в 3-х километровой приморской зоне частное строительство и выделение земли было запрещено.

Началась и закончилась победой война с джунглями, корчевка пней и прочее — вся моя инженерно-саперная практика прошла на этом участке. Зато потом, когда дом был готов, у нас открылась масса родственников и знакомых во всех концах Советского Союза от Карелии до Камчатки. Как и в прежние времена на Таймыре, дом всегда был полон. Неприкосновенной оставалась только наша с Галей и Мариной маленькая комнатка на втором этаже. Отец к этому времени уже стал дедом, имея трех внуков и внука Борьку.

За всю его 74 летнюю жизнь и 72 летнюю мамину — это были, наверное, самые счастливые годы. Во всех семьях был лад, внуки, все дети выросли и работали, я служил офицером. Был юг, было море и солнце, пенсия родителей 240 рублей на двоих. Была спокойная размеренная жизнь в эпоху Брежнев, когда стабильность в жизни страны была незыблемой. Как сейчас говорят — мы успели немного пожить почти в коммунизме, но не заметили, как проскочили этот период. В политике, которая всем была до лампочки, был полный одобрямс и еще не подошли годы заката застоя. Страна уверенно дожевывала нефтедоллары и Медуновы, Щелоковы и несть числа нижестоящие, еще шиковали на закрытых дачах в закрытых зонах. Но уже накатывал 1982 год, были уже Иванов, Гдлян, Медунов, Елисеевский и другие многие дела, где следователи золото мерили не граммами, а горстями и закрытые зоны прозрачно превращались в действительно зоны, но уже с режимом. А некоторые заканчивали свой путь с дыркой в затылке — и это было.

В 1977 году осенью я завершил сессию в Военно-инженерной академии, где я учился заочно и возвращаясь, домой в Тбилиси, сделал остановку в Дагомысе. Поздно вечером — уже было темно, я позвонил в калитку дома, но окна остались темными. Перебрался через ограду и начал стучать в дверь. Минут через десять зажегся свет, и шаркающие шаги явили мне в двери закутанного в какое-то покрывало отца.

Он уронил мне голову на грудь и заплакал от немоги и бессилия. В комнатах была затхлая нежить, а мама спала под грудой каких-то одеял. К этому времени она была хронически больна Альцгеймером — потеря памяти и координации движения, а у отца обострилась болезнь сердца. До утра я растопил печь, напоил и накормил их горячим, а утром рванул на ж\д. вокзал — три билета на 5 вечера на Тбилиси.

До весны 1978 года старики жили у меня на Исани. За это время отец два раза по месяцу отлежал в Военном госпитале — в кардиологии, — капитально подремонтировался и с весной запросился домой в Дагомыс. В мае, я отвез их к морю, а через неделю прилетел из Норильска брат — Славик на 6 месяцев полярного отпуска (после 3-х лет непрерывной работы накапливается отпуск — в полгода).

В конце 1978 года он забрал стариков к себе на Север — они как чувствовали близкую смерть и рвались в родные им заполярные края.

В марте-апреле 1979 года я закончил дипломное проектирование досрочно и получил разрешение с 1 по 10 мая слетать в Норильск. В Москве было +15-18 градусов, а в Норильске на Первомайской демонстрации было -42 и я отморозил щеки. Пятого мая мы торжественно отметили «золотую свадьбу» — 50 лет совместной жизни моих родителей. Батя храбрился и тяпнул пару рюмочек, а мама тихо сидела, и только улыбалась всем, почти не понимая, кто и что говорит. Собралась не только вся родня, но и многочисленные знакомые. Вокруг был праздник по заполярному, с изрядным подпитием и двухдневным гулянием, но во всем сквозили последние, прощальные нотки.

В 8 утра 10 мая я вылетел в Москву и в 8 утра я уже был в столице, а через час — в академии. Летом я с блеском защитился, с гордостью надел ромбик академии и был на приеме в Кремле для лучших из лучших выпускников.

9 сентября в столовой Штаба Закавказского округа меня разыскала запыхавшаяся телефонистка — Олег — срочно на телефон — тебя вызывает Таймыр. Вся в слезах звонила сестра — Люба — умерла мама. Вечером я уже был в Москве, а утром 10 был в Норильске. Мои друзья еще по школе и Любины однокашники были в эти годы уже у руля комбината. Помогли все практически во всех вопросах. Начальник штаба дивизии ПВО выделил отделение солдат, и они почти за сутки отковыряли в вечной мерзлоте могилу. Приготовили самосвал подогретой щебенки. На севере кузова самосвалов делают двухслойные и запускают по пазухам выхлопные газы, чтобы кузов подогревался.

На другой день прошли похороны — народу было немного — только близкие. Низкие тучи, как одеяло затянули небо, и несильный ветер швырял в лицо шматки снега. В контрасте с ним цветы выпячивались своей блеклой бумажной расцветкой и натуральной елочной хвоей. Небольшой оркестр отыграл свое и тихонько переполз в теплый автобус. Самосвал выгрузил щебенку, лопатами сформировали холмик все немного постояли и пошли к автобусам, а я как-то нутром ухватил, что это уже все, это уходит навсегда, даже может и памятью, не всегда вернешься к маме. Рванул к могиле, рухнул на нее и навзрыд зарыдал, да так, что все перепугались и, вернувшись, долго меня отпαιвали. Так было горько и горестно, что сердце останавливалось. Только по дороге к столовке, где были проводы, я немного успокоился. И сейчас перед глазами стоит гроб с маленькой усохшей, всей сморщенной бабусей, с поджатыми старушечьими черными губами, а ведь она была красавицей, смерть никого не красит, но уж так ее прибрать — больно и жалостно.

А 22 января 1980 года пришла печальная весть — там, в Норильске в больнице умер отец 74-х лет от роду. Перед этим в снежной пурге его сбил

грузовик и с множественными переломами и сотрясениями он лежал в больнице затянутый в гипс. Как он умудрился ночью взять костыли и дойти до лестницы на втором этаже — никто сказать мне не смог. Он добрался до лестницы, отбросил костыли и сделал шаг вперед. Вниз он долетел уже мертвым. В последние годы он утвердился в мысли и часто повторял — я не хочу быть кому-либо в тягость! Своё намерение он осуществил и бог ему за это судья! Я разделяю эту его мысль.

Двое суток, под натянутой палаткой, разогревая землю костром, отбойными молотками отбивая от мерзлоты семечками землю — работали, сменяя друг друга, солдаты из дивизии ПВО, а на улице мороз за -40 перехватывал дыхание. Помогли все в городе — помнили отца по прошлым годам, хотя мамонтов-полярников осталось уже по пальцам.

Обливался я горячими слезами, особенно когда улыбались, пели и плясали — это тоже отец завещал — хороните меня с радостью, а на поминках хорошо выпейте и повеселитесь. Вот такой у меня был, есть и остался мой отец — Борис Иванович Рогожкин и пусть им будет пухом вечная мерзлота, ему и маме. Комбинат на этой общей могиле поставил им памятник из титана, как ветеранам-полярникам. Титан — материал на века, — чтобы такой была и память! Уже в наши дни, по прошествии четверти века я написал стихи памяти моего отца.

Отцу

*Я помню руки моего отца
Незадолго его кончины
В морщинных сеточках
Как будто бы из тины
С буграми и прожилками. Конца,
который был начертан на ладонях
и мягко уходил за горизонт
коротких дней оставшихся для жизни
От старческого смятого лица
Струился свет и добрые глаза
Слезались, направляя взгляд
В котором спрессовались многолетья
На всех и каждого из всех своих ребят
И внука с внучками, стоявших в ряд
А он глядел на них из прошлого столетья.
Мальчишка — «ЧОНовец», почтарь, телеграфист
В шинели и буденовке на снимке
Он жизнь прожил, как саблю обнажив
Одним дыханием, пока еще был жив
Врагов рубил, но был всегда в обнимку
С семьей, с друзьями коих было столько*

*Что и сейчас с далеких берегов
Приходят вести от друзей, врагов
И память проворачивают горько.
Дай бог дожить нам до его седин
Тогда поймешь — ты в жизни не один!*
Одесса-2007 год

Завершил я описание жизни моих родителей и заново все пережил, комок встал в горле, и слезы навернулись — наверное, и сам уже стал старым, вот и нервы потрепались, — а может так и должно быть — ведь мы не железные.

Теперь, когда я хоть немножечко, но помянул своих родителей, можно вернуться в тот далекий 1941 год.

2. ЗАПОЛЯРЬЕ

Глубокой осенью 41 года отец — тогда начальник районной почты получил назначение в г. Дудинка — начальником связи Таймыра и последней баржей — уже по замерзающему Енисею мы добрались из Красноярска в заснеженную Дудинку.

Местечко это на берегу Енисея было небольшим поселком, но имело важное стратегическое значение в жизни страны. Во-первых, это была угольная бункеровка для всех судов Северного Морского Пути, а уголь подвозили за 100 км из Норильска. Ну и главное — Дудинка была перевалочной базой для всего, что за короткую летнюю навигацию завозилось для Норильского горнометаллургического комбината и вывозилось из него. Во всем этом многое было «самое— самое». Самая северная в мире железная дорога — её построили заключённые «Норильлага» — простую узкоколейку на вечной мерзлоте. Понятно, что по условиям тех лет она была построена, как и комбинат на костях лагерников. Названия станций на этой дороге и до сегодняшнего дня звучат гортанным местным наречием — Алыкель, Кайеркан, Боганитка, Снежная. Поезд проходил этот путь за сутки, и было страшно — особенно зимой, когда бешеная пурга била в тонкие дощатые стенки, и вагоны катились, то на правых, то на левых колёсах. Простояла дорога до 50-х годов и была перешита на широкую колею в середине прошлого века. А названия станций — это лагпункты — попросту лагерные бараки многих десятков лагерей эков. Зэк — это сокращенное от — заключённый.

Я ещё вернусь к норильской теме. В 1945 году 9 мая заплаканная от радости мама металась по избе и искала красный материал для флага. В ход пошла красно-малиновая подушка, из которой вытряхнули перо, брат забрался на крышу и над домом заполоскался флаг Победы. А летящие по комнатам перья так и остались в памяти. У каждого это было по-своему, а у меня это отложилось так.

Летом широкий Енисей гудел от речных пароходов, бесчисленных барж и морских высокобортных кораблей. Пацанами, мы пропадали на берегу, купались в холодной воде, глазели на разгрузку. Больше всего нра-

вилось грызть макуху — жмых, который привозили на корм скоту, а нам всегда щедро давали грузчики. Но самым сладким был ворованный турнепс, его успевали выращивать за короткое полярное лето, у нас на антенном поле радиостанции — на корм скоту. Было особой гордостью проползти среди низкорослой ботвы, набрать в рубашку корней и потом грызть эту сочную «грушу», сидя на высоком берегу Енисея.

Помню осень 1945 года, когда в снежную вьюгу я потопал в первый раз в первый класс. Первая моя учительница — Анна Николаевна ходила в жилетке и юбке из материала цвета хаки, почему-то это запомнилось, хотя только кончилась война, и все ходили зелёно — серые. В школе был проектор для диафильмов и диапозитивов, и мы по полтора — два часа, как зачарованные смотрели на мир, там, на экране и впитывали в себя, как губка столько всего, что этот багаж и сейчас порой помогает в жизни.

А потом пошли трофейные киноленты, и мы захлёб проглатывали Тарзана — Вейсмюллера и знаменитых Читу и Джейн. Потом не было большей забавы, как раскачиваться на веревках и орать как Тарзан. На второй месяц учёбы, когда мама разбудила меня в пять утра, чтобы собрать в школу я заорал — «и когда это мучение кончится?» Все, конечно, смеялись, но мне было не до смеха. Школа занималась в три смены, и было трудно вставать спозаранку.

Почти всё лето приходили баржи с заключёнными. Берег оцепляли конвоиры с собаками и пулемётами. Серая лента людей, как река перетекала с барж в теплушки. Когда поезд уходил и берег пустел, мы бродили по гальке и иногда находили клочки бумаги с короткой записью — «сообщите по этому адресу, что я живой и сейчас в Норильске!». Это сейчас все поголовно кричат о Гулаге и репрессиях, а все кричащие всё тогда знали и понимали. А мы — тогда дети, знали, что это «враги народа».

Носили мы им из дома хлеб-чернушку, благо уже в 1946 году отменили продуктовые карточки, и хлеб можно было свободно покупать в магазине, хотя и приходилось выстаивать трех-четырёхчасовые очереди, когда номер записывали чернильным карандашом на ладони. Чернушку мы меняли на смешных деревянных человечков, приделанных на закрученной верёвочке и двух деревянных стоечках. Когда их сжимаешь внизу, то верёвочки натягивались, и человечек начинал крутиться, как спортсмен на перекладине. Охранники смотрели на это сквозь пальцы.

В 1946 году отцу предложили стать начальником почты в Норильске. За пять лет жизни в Дудинке мы редко видели отца. Он отвечал за весь Таймыр и всегда был в разъездах. Разъезды тогда, это далеко не так, как сейчас. Кругом была первозданная тундра, где никогда не ступала нога человека. Это были поездки на тракторных поездках, когда трактор тянет на полозьях балки* — не ба*лки, а балки*, где раскалилась буржуйка, тепло, горит керосинка и можно жить в дороге.

Маршруты проходили по льду рек и были случаи, когда трактор вместе с балком уходил под лёд, в промоину и все погибали.

Были поездки на аэросанях, на собачьих и оленьих упряжках. Отец рассказывал, как в тундре переживали «чёрную пургу». «Чёрная пурга» — это когда снег метёт с такой силой и густотой, что ладонь вытянутой руки уже не видно. Прямо перед глазами стоит снежная пелена бело— молочного цвета.

Ненцы, коренные жители этих мест, в таких случаях распрягают оленьей или собак, укладывают боком нарты и укладываются с подветренной стороны, а перед собой втыкают в снег длинный хорей. Тут нужно сказать, что хорей — длинный тонкий шест из морёного дерева, а на конце насажен шарик из мамонтовой кости. Мамонтовые бивни в тундре находили часто — дома лежал небольшой, но очень тяжёлый кусок бивня. Предназначен хорей для управления оленями, когда погонщик этим шестом подталкивает в заднее место последнего оленя и при этом покрикивает — хорь, хорь! Отсюда и название— хорей. Воткнутый перед собой шест — это сигнализатор. Через несколько минут закутанного в оленьи шкуры каюра вместе с нартами засыпает снег и на этом месте вырастает сугроб, из которого торчит высокий шест. Внутри сугроба каюр — погонщик обминает вокруг себя пространство и периодически дёргает хорей — в эту дырку вдоль шеста понемногу сыпется снег, образуя маленькую горку. Теперь можно спокойно спать, а когда просыпается, то смотрит — сыпется сверху снег или нет. И если не сыпется, значит пурга закончилась и можно вылезать из «куропашкиного чума» наверх. Олени, когда их замечает — поднимаются с места и опять укладываются — поэтому на их лёжках остаётся наледенелый наст.

Почему «Курупашкин чум» — это полярные белые куропатки на ночь ныряют в снег и спят там «в тепле» укрытые слоем снега. Весной — в полярном мае — июне эта привычка иногда стоит им жизни, потому что за ночь наст сверху смерзается и куропатка остается в снежном плену, где становится легкой добычей полярных лисиц — песцов.

Пурги и снежные сугробы достигали таких величин, что заносили до крыш поселки. Все двери в сенях всегда делали открывающимися внутрь и в Дудинке мы нередко откапывались после пурги, вырубая кубики снега и складывая их посреди сеней.

В больших сугробах вдоль дома мы откапывали подснежные ходы, делали свои комнатки, запасные выходы и резвились, как только могли.

Иногда отец привозил из поездок рыбу — нельму, кунжу, сига, стерлядь и осетров, а оленина была основным мясным блюдом. Холодильников не было и в помине и все необходимое хранилось в авоське за окном. А замороженная рыба шла на строганину. Даже сейчас, когда пишу эти строчки, то слюну глотаю — так это было тогда вкусно. Замороженная как полено рыба обдавалась кипятком и с нее снималась шкура. Потом она еще немного подмораживалась на морозе и вот тогда острым ножом в большой таз срезалась стружка с этой рыбы, пока не оставалась хребтина с хвостом и головой, которые выбрасывались собакам. А потом начинался праздник

жизни. Строганина посыпалась солью, перчилась, рядом ставилась баночка с горчицей и конечно же под рукой был спирт. После отмеренной и употребленной порции горячительного брался кусочек заледенелой рыбы, обмакивался в горчичку и мгновенно пропадал во рту. Таял он уже где то там, в глубине желудка, оставляя уникальное послевкусие.

Однажды возле избы остановилась оленья упряжка, и отец из груды шкур вытянул большую картонную коробку. Вместо даров тундры там лежала оцененная в пути полярная лайка — «Ячека» (по ненецки — красавица). За все мое детство в Дудинке — лучшего друга, чем Ячека и ее огромное множащееся потомство — у меня не было.

Все поездки по Таймыру, да и полеты на кукурузниках и гидросамолете «Каталина» были очень важны и необходимы.

Шла война, и по всей трассе Северного Морского пути устанавливались полярные станции с метеорологами и радистами. Каждая станция была радиомаяком и служила приводом — привязкой для самолетов. Немногие знают, что большая часть боевых самолетов, получаемых в Америке по Ленд-лизу — перегонялась на фронт своим ходом — по кромке заполярной суши от Аляски до Урала и занималась этим особая авиационная дивизия.

Уже взрослым парнем я часто бродил по тундре и изредка наталкивался в предгорьях Бырранга на обломки тех, кто не долетел. Кстати недавно на телевидении прошел фильм «Перегон», где показали аэродром на Чукотке, принимавший самолеты с Аляски.

Во время войны произошло еще одно событие, которое вошло в историю войны в Заполярье. Фашистский рейдер — карманный линкор «Адмирал Шеер» прорвался через Баренцево море, потопил возле Северной Земли ледокольный пароход «Сибиряков» и вышел на рейд у полярной станции Диксон — в устье Енисея. Первым залпом фашисты снесли маяк и маячные постройки. И вдруг с берега и стоявшего на рейде корабля заговорили орудия. Этими выстрелами рейдеру разворотило корму, второй заряд угодил в палубные надстройки. На рейдере немедленно выпустили дымовую завесу и под ее прикрытием ушли в море. Десант, который они планировали высадить — не состоялся.

Оказывается, еще с началом войны Иван Дмитриевич Папанин просил командование Северного флота поставить на полярных станциях несколько орудий с расчетами. На Диксон были доставлены два 130 м.м. орудия и две 152 м.м. пушки-гаубицы. За несколько дней до 27 августа 1942 года, когда произошло нападение — два орудия были загружены на баржу для перегрузки на рейде и отправки на Большую землю, а две гаубицы после потопления «Сибирякова» срочно подготовили для боя. Первыми по рейдеру открыл огонь СКР-19 «Дежнев» из своих двух 37 м.м. и двух 70 м.м. орудий, но он был быстро подбит. И тут включилась в бой батарея 152 м.м. гаубиц старшего лейтенанта Николая Корнякова, которая вцепилась в рейдер несколько снарядов, и он ушел под прикрытием

острова. Оттуда с безопасной позиции он расстрелял полярную станцию, а потом под дымовой завесой безнаказанно ушел в Шёмен-фьёрд. Судьба догнала рейдер 9 апреля 1945 года в порту г. Киль, где в него попало пять авиабомб с английских бомбардировщиков. Он опрокинулся вверх килем и затонул.

Основная рация на зимовке была разбита, но к счастью за несколько месяцев до этого отец доставил на Диксон резервную станцию, по которой в Дудинку и сообщили о происшедшем. Информация о пиратском рейдере немедленно ушла в Москву, но рейдеру удалось уйти.

На станции были погибшие и тяжело раненные. Самолетом из Норильска туда срочно прибыла бригада медиков во главе с гениальным хирургом Родионовым, который на месте сделал несколько операций, в том числе одну на сердце одного из полярников. Родионов сидел по делу Кремлевских врачей, но после этих событий был реабилитирован и награжден орденом. До 1954 года он продолжал работать в Норильске и даже я умудрился побывать в его могучих руках, когда лежал в больнице с чирьяками на спине — он их вскрыл за секунды так, что я и пикнуть не успел.

В тот период основное «население» города составляло несколько сотен тысяч заключенных и несколько тысяч вольнонаемных, при этом большая часть вольных — это были те, кто отсидел, но оставался «без права выезда» в городе или жил на вольном поселении. Создавал комбинат Авраамий Павлович Завенягин на богатейшей базе запасов медно-никелевой руды — гора Рудная и стоящей рядом горы Шмидтихи, которая слоями угля поднималась на 900м. над тундрой. Самое интересное это то, что здесь в шахту не спускались, а поднимались в гору и заходили в шахту на той или другой высоте, в зависимости от того какой это пласт — коксующегося угля или просто топочного для местной ТЭЦ или пароводяных топков на Севморпути. А гору называли в честь Отто Юльевича Шмидта, знаменитого Советского ученого — полярника.

В 1925-35 годы это месторождение было открыто геологами во главе с Урванцевым. Я уже говорил, что город и комбинат поднимала основная рабсила — эки. В слове рабсила первая его часть — раб — четко обозначала рабский труд. Лагерь «Медвежий Ручей», «Горный» и другие были набиты политическими, сидевшими по 58 статье со всеми добавочными буквами алфавита. Были и уголовники с выдающимися сроками по 25, 30, 40 лет и более. В конце войны пошел поток «власовцев», «бендеровцев». Сидели прибалты и чеченцы, бывшие узники фашистских концлагерей и многие, многие другие.

То, что описал в «Архипелаге Гулаг» Солженицын — только небольшая часть того айсберга, которая была видна большинству. И осталась нераскрытой огромная подводная часть этой глыбы человеческого горя. Живым свидетелем того лагерного времени мне пришлось быть, поскольку весь Норильск был огромным лагерем и прожил я там 17 лет.

Когда заканчивался в сумерках рабочий день на стройках, а город строился «Зэками», то у дощатых ворот собирались все лагерники и разбирались в строю по своим пятеркам. На каждую пятерку у начальника конвоя была своя деревянная табличка с номерами людей — он выкрикивал номера пятерки, и очередная шеренга выходила за ворота, где ее ожидал новый конвой для этапирования в лагерь. Несмотря на метель, мороз изредка проводили шмон, когда одного или нескольких «зэков» раздевали догола с целью проверки — нет ли под одеждой самодельных ножей или других заточек. А вокруг стояли стрелки с собаками, автоматами и сбоку лежал пулеметчик в полушубке возле ручного пулемета.

Перед следованием колонны старший зачитывал лагерный Приказ! — звучал он так — «На марше — шаг влево, шаг вправо считаю побегом, прыжок на месте — провокацией — стреляю без предупреждения». Это сейчас мы, посмеиваясь, произносим друзьям эти слова — а тогда они до жути точно исполнялись.

Помню, как однажды я бродил летом по холмам на Щучьем озере — это между городом и медным заводом и видел, как небольшая колонна зэков, которую через тундру напрямую гнали на завод, вдруг остановилась и что-то забузила. Двое стрелков грохнули в воздух и все мгновенно легли на землю. Остался стоять один, что-то крича и жестикулируя. Протатакала автоматная очередь и зэк упал. Через некоторое время все поднялись и двинулись далее, унося с собой расстрелянного. Для него лагеря и мучения кончились.

Иногда в городе проводились облавы и поголовные проверки — это означало, что из лагеря бежала группа заключенных. Как правило, это было с началом короткого полярного лета, когда была хоть какая-то надежда выбраться из этого ада и добраться до какого-либо транспортного пути. Ближайшая железная дорога была в Красноярске и Воркуте. Отец рассказывал жуткие вещи, когда беглые брали с собой одного человека, наиболее крепкого и мускулистого, как «консерву», а когда заканчивались продукты — убивали и съедали его чтобы выжить самим. По всему Норильлагу, да и по Гулагу тоже, была установка — беглецов назад не возвращать — уничтожать на месте поимки «при попытке к бегству». Хотя сначала пойманных возвращали назад, но если был «каннибализм» — зэки приканчивали беглецов сами.

Когда я заканчивал 10-й класс, то и у меня получилась история, которая к счастью благополучно закончилась. Как-то вечером я присоединился к нашей компании, которая сидела на чердаке Вовкиного дома на Комсомольской 18 — дома имевшего дурную славу, поскольку в нем жило много бывших уголовников. Компания как всегда хорошо сидела и выпивала, причем уже все были порядком навеселе. Пригубил немного и я, но нужно было бежать домой, и я быстренько слинял.

Утром всю нашу компанию арестовали и упрятали в КПЗ. Оказывается утром, проснувшиеся парни увидели, что один хлопец из этого дома

лежит тихо и с проломленной головой. Потянулась неделя допросов, выяснения кто, где сидел, кто что видел и кто что помнит. А в промежутках между допросами мы в ДОПРе проходили другую академию. Быстро наловчившись «ботать по фене» нахватались многих других уроков. Но нужно отдать должное — корефаны из блатных ни в чем не обижали нас — пацанов и даже как-то оберегали от этой «малины». Через несколько дней по одному нас выпустили, а того, кто свою обиду завершил ударом бутылки — вычислили и арестовали. В то время даже у стен имелись уши, а уж сексотов было достаточно много. Тогда еще говорили, что стук доходит быстрее, чем звук.

Кстати, из Норильска я улетел в 1957 году, не снявшись с воинского учета, и числился в беглых аж до 1959 года. Но это отдельная история, которую я раскрою позже.

Наверное, еще придет время для нового «Нюрнбергского» процесса, который осудит это преступление, как геноцид собственного народа и преступление перед человечеством — этот наш Гулаг.

А какие светлые умы были упрятаны в лагеря, выкинуты из жизни страны. И только когда стал, виден дефицит в интеллектуальных силах — срочно создали различные «Шарашки», вывели на вольное поселение инженерно-технический состав, а во многих случаях поставили их на руководящие должности. Это коснулось и военного командного состава, который был немедленно освобожден и в 1941-42 годах брошен в горнило войны.

Сидела Галина Серебрякова — писатель, «Далеко от Москвы» — Ажаев написал в лагере, сидел актер Жженов, великий отец космонавтики Королев, наши маршалы военных лет, и многие, многие другие.

В детстве у нас дома в Дудинке часто были полярные летчики Вериблюсов, Леваневский, Каманин и другие полярники. Дудинский аэродром, а потом и Норильский — «Надежда» на Зуб-горе были отправными для броска к полюсу, Северным землям и Севморпути. Отец рассказывал, что на своей ноге в огромном унте меня — пацанёнка качал Иван Дмитриевич Папанин, а я не помню — они все были тогда для меня на одно лицо.

Даже песня «Надежда» была написана Пахмутовой и Добронравовым после того, когда они прилетали в Норильск и с трудом сели на аэродром «Надежда».

Вообще Норильск — это тоже огромный пласт истории, который ждет еще своего историографа. Значимость его в стране и в мире оценивается тем, что комбинат производит одну треть мировой добычи никеля, платины, кобальта, селена и других редкоземельных металлов, более половины Российской меди — норильские.

Современные методы добычи руды — пирита заставили уйти от горы «Рудная» к предгорьям гор Бырранга и в 50 км от города сделать несколько шахт на глубину 1000-1500 метров и диаметром ствола — 30 метров. Пробивали эти стволы метростроевцы и мощные блоки — тубинги по швам

зачеканивали чистым свинцом, что в мировой практике встречается редко, поскольку очень дорого. Во время продвижения на глубину проходили даже алмазные трубки, но не останавливались и не разменивались на мелочи. Назвали этот рудник, а теперь и поселок — ТАЛНАХ.

Добываемая чистейшая первичная руда перемалывается в огромных мельницах в порошок и в виде пульпы по пяти трубопроводам доставляется на «Надежденский» завод, где в автоклавах по норвежской технологии проходит обработку по выплавлению излишков серы и только после этого идет в плавильный цех. Если в руде больше меди — на Медеплавильный, если никеля — на Никелевый.

После плавки отливаются толстые плиты металла, которые загружаются в электролизные ванны и происходит процесс выращивания пластин чистейшего металла. Все сопутствующие элементы уходят в осадок — шлам. Раньше, в мои юные годы шлам, как и отходы «БОФа» (Большая обогатительная фабрика) сливали в местные озера, и эти грязно-серые хвосты заняли большую часть тундры возле города. Новые технологии сделали эти хвосты новым объектом для переработки промышленностью. Как выяснилось, в этих «шламах» редкоземельных элементов столько, что их стоимость после добычи порой многократно превосходит цену той меди или кобальта, которые были первоосновой процесса.

Все самое-самое касается и десятка пятидесяти километровых трубопроводов от Талнаха до «Надежды» — это чугунные трубы с толщиной стенок 2-3 сантиметра. На Талнахе руда перемалывается в огромных мельницах-барабанах и после смешивания с водой по этим трубопроводам перегоняется на Надежду, где норвежцы построили завод по переработке этой руды и выплавке из нее излишков серы. После года пропуска по трубе наждачной смеси — стенки становятся тонкими и трубы меняют. Трубы проходят над землей и в сорока-пятидесяти градусные морозы остаются горячими за счет трения пульпы.

Север остается севером и он прекрасен своей природой. Зимой иногда лютуют морозы до -60 градусов и ниже, свирепствует пурга, и машины идут по снежным коридорам — тоннелям в трехметровых заносах.

А какая прелесть полярное сияние. В черном ночном небе, а ночь прерывается на серые сумерки на полтора-два часа, вдруг внезапно вспыхивает яркое многоцветное полотнище от горизонта до макушки небосвода, и оно начинает переливаться всеми цветами радуги перекатываясь, как полотенца на ветру или морские волны.

Потоки света перетекают волнами из края в край и эта цветная вакханалия, внезапно обрываясь, снова всплескивает феерическим пиршеством цвета, то раскаляясь невообразимой палитрой, то затухая у края неба. И все это в ледяной тишине, когда беззвучие вышибает мурашки по коже. Кажется, что такого не может быть в природе и такая цветопляска должна сопровождаться каким-то подобающим грохотом. Но вокруг оглушающая

тишина и, рассыпанные щедрой рукой ярко искрящиеся звезды с Полярными Медведицами над головой в глубокой черноте ночи.

Это все настолько величественно и воистину космического масштаба, что невольно чувствуешь себя крохотной песчинкой в этой огромной и необъятной вселенной. А если еще мороз под -60 градусов, то только шорох льдинок замерзающего пара изо рта сопровождает этот праздник вечности.

Летом, когда оглядываешь просторы с макушки горы, конусом поднимающейся над никелевым заводом, вся тундра весело отсвечивает зайчиками солнца от мириад озер и озерчиков. Сам город и дымящие высокими трубами заводы как-то прилепливаются к подножию гор и незаметно уходят на второй план, уступая величию открывшегося пространства, где-то на горизонте окаймленного хребтами Таймырских гор. А цветовая палитра от коричневатого-грязного города и ближних окраин, перетекает в ярко-зеленую тундру с зеркальцами озер и огромным, макушкой вверх, шатром голубого неба с белыми просеками облаков.

Тогда — в пятидесятые годы не было глубоководных шахт, не было трубопроводов. «Надежда» была маленьким аэродромом с кукурузниками и шикарными пассажирскими ЛИ-2 на 8-10 человек.

ЛИ-2 это американские «Дугласы» с небольшим утеплением и сиденьями для пассажиров. Был еще гидропорт в пригороде «Валёк» на реке — Норилке. Самым большим шиком было посмотреть, как взлетает и садится на воду американская «Каталина». Справа и слева в носовой части у нее было два блестящих глаза — полушария для работы авианаблюдателей. Зимой она переобувалась с больших раздутых поплавков на здоровенные лыжи.

Интересно и название города — Норильск — тоже от реки Норилки. Зимой в реке ловили рыбу сетями, а проталкивали ее от лунки до лунки шестами, называвшимися Ныряло. Велик и могуч русский язык, а уж способность менять буквы местами в этом языке — непревзойденны. Так Ныряло поменялось на Норило. А, учитывая, что на севере «12 месяцев зима, а остальные — лето» то эта рыбалка сделала речку Норилкой, а уже потом и город — Норильск.

Здесь прошло и моё школьное детство, отрочество и рабочая юность. Школа запомнилась огромной директоршей — Царёвой, которой всегда ставили два стула. С 1946 по 1950 годы это была деревянная школа № 3, стоявшая у подножия горы Рудная. В голодные послевоенные годы здоровье детей поддерживали школьные обеды, когда в спортзале накрывали низенькие столы из деревянных трапов и ставили неприхотливую овсянку и хлеб с молочным киселем. Миски вылизывали до блеска, и у меня на всю жизнь осталось правило — все, что дали кушать — все съесть дочиста. Школа тех лет учила не только наукам, а учила жизни. И учителя тогда были учителя, а не как сейчас — преподаватели.

В 1950 году в Новом городе — районе новостроек построили школу № 1 — красивое кирпичное здание в 4 этажа, с просторным спортзалом в размер баскетбольной площадки, с актовым залом в два этажа и большим зимним садом на верхнем этаже. В школе были токарная, столярная мастерские, специализированные классы по физике, химии, шикарная радиорубка. Даже по нынешним меркам эта школа остается на хорошей высоте.

Мы получили квартиру на Севастопольской улице на втором этаже над аптекой — это было рядом со школой, и я потопал в 5-й класс. Школа и книги, спортзал и дворец спорта, тундра и горы — все время уходило на проглатывание новых знаний, новых увлечений, интересных книг. Зимой подключались коньки, лыжи, школьный спортзал с ежедневной рубкой в волейбол, а в старших классах секция бокса, секция гимнастики, прыжки в высоту.

Свой рекорд — рекорд школы для своего возраста — 172 см, я оставил на долгие годы и в 1979 году через 23 года с удовольствием увидел его на школьной доске рекордов. Наши учителя были тоже из бывших или посланных, но это были ассы своего дела. Сначала директором школы был Борис Данилович Сухомлинов — мы его звали БарДан. На смену ему пришел Марк Моисеевич Эфрос — душа и радость всей школы — волейболист, спортсмен, прекрасный педагог. Но требовал отдачи на пределе возможности. Мы — уже десятиклассники и многие ребята были после пропущенных военных лет далеко не школьного возраста. На школьных переменах иногда принимали по кругу по глотку горячительного. А чтобы бутылка не была теплой — прятали ее в сливном бачке в туалете. Все были мастера на все руки и, в школьной мастерской я выточил и собрал простенький однозарядный малокалиберный пистолет. Стрелял он отменно, и мы на чердаке школы тут же, подпольно соорудили тир, сделали проводку и освещение для мишеней, отмерили 25 метров до рубежа и палили там по переменам «узким кругом ограниченных лиц». Все кончилось довольно быстро, когда комендантша зашла на чердак со второй лестницы и чуть не брякнулась в обморок, когда грохнул выстрел. Она кубарем скатилась по пролетам, мы таким — же кубарем скатились по другой и чинно уселись на уроке истории. Вошел Марк с комендантшей и тихо спросил — кто? Встал я и мои друзья. За мной — скомандовал Марк, и мы потопали к директору. Пистолет на стол — я положил пистолет, и Марк сказал — хотите стрелять — оборудуйте тир как следует, а я достану винтовки — мелкашки, а сейчас — марш на занятия! Представляете — в то время это все могло кончиться совсем не так! Мы получили хороший урок, урок жизни и уже в большой жизни я часто останавливался, вспоминая этот эпизод, чтобы не рубить с плеча.

Наш 10-Б — бандитский, как его шутливо называли, был самым заводилистым. Мои друзья, — Володька Орлов, Славка Чуков, Жорка Файзов,

Димка Лукьянов и примкнувшая к нам Наташка Иоффе были не только классным, но и школьным мотором. Все были заядлыми физиками и не вылезали из кабинета физики, увлекались химией и наша гениальная химичка — Дония Александровна Волох только причитала — вы мне школу взорвете! И она была недалеко от истины. Еще в 5 классе мы собирали на открытых рудниках не взорвавшуюся взрывчатку и вынашивали планы взорвать ночью угол, где была учительская. Подвели подмоченные картонные детонаторы. Потом пришлось срочно заряды убирать, поскольку появилась идея взорвать лед на Щучьем озере, которое промерзло до дна и как стекло просвечивало далеко вглубь. Конечно, с каждым годом мы росли.

В марте 1953 года заплаканная классная привела нас в спортзал, где мы со слезами узнали, что умер И.В.Сталин. Плакали все и тогда это были откровенные слезы — казалось, что все рухнет без вождя. Прошли похороны, о которых мне из первых рук рассказал потом мой старший брат Славик — он был студентом МИЦМИЗа — Московского института цветных металлов и золота имени М.И.Калинина. Колонна студентов попала почти в район Колонного зала Дома Союзов и, в начавшейся давке, он чудом спасся, забравшись в кузов полуторки.

1954 год принес массовую реабилитацию и наступил исход большинства «бывших» на Большую землю. Здесь — же прошла большая амнистия для уголовников. Весь север, да, наверное, и страну всколыхнули грабежи и убийства. Летом 1955 года по всем лагерям прокатилась волна восстаний. В Норильлаге восставшие были блокированы там, кто, где оставался, в том числе и на заводских стройках.

На город посыпались листовки, хотя никакие самолеты не летали. Оказывается, они использовали только — что построенные высоченные заводские трубы, в нижнюю часть которых с колоссальной тягой всасывается воздух — пачки листовок вылетали из этих труб и ветрами рассеивались далеко вокруг. Восстание было жестоко подавлено. Официальной информации, конечно, никакой не было, но по слухам расстреляно было более 800 человек. После этого началось быстрое рассмотрение дел, и уже к 1957 году лагеря практически были ликвидированы.

И начался массовый приток комсомольцев — добровольцев. В некоторых случаях бывшие лагерные бараки дооборудовались, утеплялись и превращались в общежития для прибывающих.

Норильск, как закрытая зона перестал существовать, но заводы и промышленность работали на всю катушку, правда, несколько срезали полярные надбавки. В 1954 году многие семьи, которые вынужденно жили на севере — выехали на «материк». Правда нужно добавить, что очень многие вскоре вернулись в комбинат — сказывалась мощнейшая тяга к северу, который притягивал к себе раз и навсегда. В 1956 году отцу исполнилось 50 — по полярным меркам это уже пенсионный возраст — все другие ограни-

чения тоже были сняты, и батя уехал на юг, где в Дагомысе — пригороде Сочи на берегу моря получил участок и начал строить свой домик. А вся семья осталась на севере — мама дорабатывала стаж, а я доучивался в школе.

Вернусь к школьным друзьям и начну с Володьки Орлова. Мы его звали Вов Саныч! Его отец — Александр Григорьевич Орлов — генерал-майор авиации Герой Советского Союза был уникальным авиатором из числа тех, кто заканчивал «Качу» и был в одном ряду с корифеями — Нестеровым, Уточкиным и другими, кто начинал на Фарманах, Ньюпорах и других первых этажерках тех лет. Я смотрел дома у Володьки фотоальбомы со старыми порыжевшими фотографиями с уникальными кадрами тогда молодых авиаторов рядом с этими раритетами, разбившиеся в больших количествах авиетки, снимки погибших летчиков и многое, многое другое тех лет. Мамой Вовки была одна из первых советских парашютисток — Пылаева.

В Великую Отечественную Александр Григорьевич был сбит и попал в плен — в обслуживающую команду аэродрома «Люфтваффе». Он бежал из плена на немецком самолете и был в этом первым, еще задолго до подвига Девятаева. За этот подвиг и сбитые самолеты противника он получил Героя. Был в дружеских отношениях с Василием Сталиным и, наверное, поэтому не попал в послевоенные разборки. Более того — сразу после войны он был назначен нашим военным атташе в Югославию. Вплоть до разрыва отношений с Иосипом Броз Тито вся семья жила в Белграде и летом отдыхала на острове Бриони — летней резиденции Тито на Адриатике. Видел я все это на фотографиях семейного альбома. Когда семья жила в Москве — Володька учился на пианино в Школе Гнесиных. Свое мнение и отношение Александра Григорьевича к Тито стоило ему ссылкой — начальником Норильского 24-го авиаотряда УПА (Управления полярной авиации). Война, возраст, жизненные подвиги сделали свое дело и в 1956 году Александр Григорьевич умер за штурвалом самолета, когда после посадки остановился винт самолета — до последней секунды, уже умирая, он посадил машину и его мотор остановился вместе с мотором самолета. Когда у нас в Норильске был Юлиан Семенов — он взял этот сюжет — «При исполнении служебных обязанностей». Похоронили генерала Орлова в Монино. Володька улетел в Москву и следы его пропали.

Славка Чуков в 10 классе школы дружил с одноклассницей — Иркой Абсолямовой — уже через пару лет они поженились в г. Калинин (бывшая Тверь) где осели многие Норильчане на «материке». По слухам он приезжал в Норильск и немного там работал, но потом уехал, и следы его потерялись.

А Жорка Файзов — через год — в 1957 году — в зиму — умер от белой горячки. Было ему тогда уже 25 лет, тогда, когда нам было по 18-19 лет. Пил он много и большей частью спирт с шампанским, что тогда называлось «Северным сиянием».

Димка Лукьянов имел знаменитых родителей. Отец его был Народным артистом СССР, мать — актриса в Норильском Драмтеатре, построенном в

самом конце улицы Севастопольской. Мои родители были большими театрами и были хорошо знакомы с Лукьяновыми, бывали и мы и они в гостях, а мы с Лукой были дружбаны. Тогда в театре играл, правда, на ролях травести молоденький актер Иннокентий Смоктуновский, которого по молодости лет все дружески называли Кешей, а он рвался на большие роли и, наверное, это было правильно, поскольку играл он тогда великолепно!

Наташка Иоффе — была близкой родней академика Иоффе. Я был хорошо принят в их семье, и мы были с Наташкой друзьями. Еще в школе я посвятил Наташке свои первые неуклюжие стихи, которые помню и доселе:

*Темные волосы, очи прекрасные
Я зачем Вас полюбил
Светлое личико, милое ясное
Я б никогда не забыл*

*Ваши веселия, Ваши страдания
Я больше Вас перенес
Белое личико, глазок молчание
Взял бы я Вас и унес*

*Мы никогда бы с тобой не расстались
Вместе бы были всегда
Если б не бы — мы бы вместе остались
Милые сердцу глаза*

*Я сохраню тебя в сердце навеки
В жизни, шагая большой
Глаз широко распахнувшихся веки
Вечно стоят предо мной.*

Норильск 1954 год.

Вот такой вот — опус!

Я потом много писал стихов по поводу и без — даже получил заказ от литераторши — русачки — написать школьный вальс — тогда еще в помине не было вальса — Давно друзья веселые, простились мы со школою ...

Но молодость бесшабашна и я, конечно, ничего не написал. Уже в наши дни я об этом написал так —

*Школьный вальс
Остался перед юностью в долгу
Я сам себе, когда-то обещал
Что «Школьный вальс» ребятам напишу
Года прошли, а я не написал*

*Далекий север — школьные года
Младых отрочеств увлечения, грозы
Гремевшие над нами иногда
И жаркие Норильские морозы*

*Под минус шестьдесят, а иногда
Покруче, крепче завывала вьюга
А всех страшнее — черная пурга
Когда в упор не видите друг друга*

*Мы танцевали в школе вальс — бостон
Фокстрот и танго, польку, краковяк
И было даже как-то моветон
Коль не крутили танцы — «на ребрах»*

*И вот тогда подруги и друзья
Сказали мне, что нужно написать
И мыслями над рифмами скользя
Я все пытался что-то рассказать*

*Но дни прошли, и мой запал остыл
А в памяти осталась лишь заноза
С которой в этой жизни я прожил
Как с льдинкой от полярного мороза*

*Мой школьный вальс остался на снегу
В далекой заполярной стороне
А я простить себе доселе не могу
Что вальс достался взрослой ребятне*

*Холодная далекая планета
Она всегда, она во мне живет
И только теплой памятью согрето
Воспоминанье все переживет.*

Одесса 2006 год

Это уже сейчас, а тогда — в 1956 году родители Наташки дождались окончания ею школы и всей семьей уехали в Москву.

Осенью 1956 года я поступал на юридический факультет МГУ и был у них на даче в Подмоскowie — кажется в Серебряном бору. В этот день на веранде сидели корифеи мировой физики — папа Иоффе — как звали всегда академика, академик Ландау, академик Игорь Евгеньевич Тамм и еще не-

сколько человек, про которых мне потом говорила Наташка — я, к сожалению их не запомнил. Помню, что когда мне предложили чай, Лев Давыдович засмеялся и говорит — молодому человеку, наверное, лучше водочки. Я еще раз заезжал к Наташке через четыре года — уже молодым лейтенантом — выпустившись из военного училища. Наташка была уже не Иоффе, да и я ехал в Дагомыс, где меня ждала моя невеста — Галина. Так наши с Наташкой пути и разошлись.

Но самым большим моим другом был, есть и остается через годы и странства — Юрка «Факир». Сейчас это Юрий Борисович Калмыков — крупный ученый — ученик и последователь покойного академика Семенова, продолжающий его дело в институте физической химии в Черноголовке под Москвой и в наши дни. А в далекие детские годы мы, будучи одногодками, вместе ездили в пионерлагерь «Таежный» под Красноярском на Енисее.

Не могу не сказать о «Таежном». Это была уникальная сказка наяву. Построили эту сказку эки Норильлага в огромном сосновом заказнике на берегу Енисея недалеко от поселка Атаманово где-то 90 км по течению ниже Красноярска. Это было в конце сороковых и только три-четыре года прошло, как кончилась война. Не шибко сладко жилось тогда, но Комбинат бросил большие средства, чтобы создать для детишек свой сибирский «Артек».

Это были два пионерлагеря — один для девочек — прямо на берегу реки и наш — для пацанов — на километр, задвинутый в глубину рощи и на столько же от девочек.

По большой дуге стояли 16 деревянных резных теремов — по восемь справа и слева от огромной деревянной застекленной столовой. Края дуги соединяла длинная линейка — посыпанный красным битым кирпичом проспект для построения лагеря. Каждый день начинался с утренней и заканчивался вечерней линейкой. Вечером после разборок дня дежурный вожатый объявлял — «Трудовой день закончен. Красному знамени — символу пролетарской революции — пионеры — «Салют!» — Флаг — спустить!» — и все отдавали пионерский салют, вскидывая ладошку ко лбу, а горн играл — От-бой, От-бой.

Время лагеря длинной в два месяца пролетало как один день. Чаше всего мы убегали в тайгу и до одури лазили по соснам. Даже сейчас, по прошествии стольких лет, явственно вспоминается дрожь от напряжения в коленках и заляпанность ладоней липучей смолой, когда перебираешься с ветки, на ветку упорно двигаясь все выше, выше и выше — к макушке высоченной сосны. И как поет душа, когда ты наверху, когда можно, удобно устроившись на паре сучков, победно оглядывать бескрайнее зеленое море, а покачивающаяся макушка точно переносит тебя в морскую стихию. Желто бронзовые стволы уходили, куда то вниз к сумрачной земле, а на губах и во рту горько перекатывался вкус разжеванных длинных колючих сдвоенных хвоинок. Сосновый бор нам казался глухой и дикой тай-

гой, и мы упивались этой свободой.

А по вечерам, сидя на высоком берегу широкой реки, мы слушали трубный рев оленей и лосей на той стороне, а иногда схватки рогачей выкатывались на берег. Конечно, были и самоволки, когда мы с утра удирали через село Атаманово на обрывистые гранитные скалы — Атамановы Камни. Зато от них получался прекрасный заплыв на другую сторону реки. Быстрое течение подхватывало нас, и нужно было только немного подгрести ладошками, чтобы поток вынес тебя на противоположный берег. Как мы тогда не топили — не знаю. В тайге мы были сами себе хозяева.

Собирали и тут же обедались лесной земляникой, выкапывали саранки — длинный красивый цветок с луковицей в земле — и лопали эту луковицу. На погорелых полянах, где кипрейник и прочие зелены стояли в рост человека — в этих зеленых джунглях выискивали тонкие и длиннющие молодые поросли сосенок, срезали их, ошкуривали и за тонкий конец подвешивали на верхушках сосен на сушку, да еще к черенку подвязывали камень, чтобы прямога сохранялась. А после недельной выдержки получались легонькие удилища. На Енисее в укромных местах на дальнем пляже местные делали из поваленных лесин береговые запруды. Там мы прикармливали рыбешку и счастливые вытаскивали на червя то окунька то плотвичку. Порой набирали на хорошую уху, которую нам щедро варили толстенные поварихи.

Иногда собирали сыроежки и маслята. Это была целая наука. Брели литровую банку, укладывали туда промытые шляпки сыроег, пересыпали это солью, пряностями и смородиновым листом. Банку заматывали промасленной бумагой и закапывали ее в землю в укромном месте в лесу. Через неделю собирались гуртом и устраивали возле костерка пиршество, с аппетитом уплетая вкусненькие малосолки.

Енисей — холодная река, но при +16 все купались с визгом и брызгами. Для купания в воде стояли в пяти метрах от берега деревянные купальни — только народная изворотливость смогла создать эти шедевры. Сам бассейн 10х20 метров был сколочен из досок, но не доска к доске, а со щелями и опускался в воду на метр — полтора. Вокруг был настил, а под настилом сколоченные ниши, которые загружались камнями. Просто и гениально. На течении купальни удерживались тросами. Каждый отряд по очереди брал штурмом купалку и по пять — десять минут бултыхался в этом «аквариуме» — после чего отогревался на песке, на берегу.

А как мы добирались из Норильска — это тоже целая история. Сутки ехали поездом до Дудинки — это пара составов и до полутора тысяч детишек. На Енисее все погружались на пассажирский теплоход, и начиналось увлекательное путешествие вверх по реке. Иногда везло, и попадали белоснежные «Владимир Ленин» или «Иосиф Сталин» — трехпалубные красавцы. Но, случались и колесные, — «Мария Ульянова» или «Вериблюсов» (легендарный полярный летчик, погибший в Арктике). Это он зимой при-

вязал к борту самолета вал для турбины Норильской ТЭЦ, умудрился на этой этажерке долететь от Красноярска, посадить машину на лед озера Долгое — почти рядом с ТЭЦ и город остался с электричеством..

Огромные механизмы ворочали своими блестящими руками — валами огромные колеса по бокам парохода и большие доски — плиты шлепали по воде, утягивая ее куда-то вглубь, а потом выныривая из воды — большие и скользкие, с гроздьями капель, сливающейся с них в реку. Это было завораживающее зрелище, и смотреть на него можно было бесконечно. Но справа и слева протекали берега — каждый раз, за каждым поворотом реки являя такие яркие картины, что оторваться, было невозможно. А уж когда пароход вдруг неожиданно причаливал для загрузки дров для топки — многосотенная орава обрушивалась на зеленый берег и час — полтора буянила на свободе и воле. Иногда пароход проходил очень близко от берега, и казалось, что можно рукой дотянуться до вековых сосен и красно-синих гранитных скал. А дальше — в глубине леса стоял таинственный полумрак, и воображение рисовало картины одна ярче другой. Тогда все помешались на геологии и все хотели обязательно что-то и как-то, но открыть, найти и сразу стать знаменитым. А Енисей бежал навстречу, неся Саянские воды к Ледовитому океану. Временами навстречу проскакивали пароходы, баржи с буксирами, а иногда и бесконечные плоты леса на тонких тросах — веревочках.

Не было большей радости на пароходе чем клеить змеи и запускать их с верхней, плоской как стол палубы. Вахтенные разрешали нам эти запуски. Большой змей, на который уходила катушка ниток — пятерки, летел уже далеко за пароходом, а иногда оставался на берегу, зацепившись за ветки сосен высокого склона. Интересно было писать телеграмму, свертывать ее вокруг нитки воронкой и отправлять туда — в даль — в небо. Все девчонки располагались в верхних каютах, а мы как селедки набивались в трюмные клетушки с нарами.

Почти неделю мы любовались красотами Сибири, пересекая всю Россию от севера до юга. Было одно место на реке, которое обязательно осматривалось всеми пионерами, и для этого пароход обязательно днем останавливался у пристани. Этот поселок называется Курейка. Чинными рядами, строем, все поднимались к величественному мраморному пантеону, под которым стоял неказистый домик, где отбывал свою «Туруханскую» ссылку Иосиф Виссарионович Сталин. Уже потом, став взрослым, я узнал, что там, в это время, жил и был в группе хранителей этого музея сын Сталина от местной женщины. Ничего особенного в этом и усматривать не нужно. На то она и жизнь.

Но были и другие интересные места. Там, где Ангара впадает в Енисей, природа нагромодила в реке огромные скалы и эти пороги, как кость в горле мешали судоходству. Река в узком русле взбесилась и неслась как курьерский поезд, выплевывая рваные клочки белой пены. Специальный

буксир подавал толстый трос и протягивал пароход через эти подводные нагромождения, при этом дно с противным скрежетом цеплялось за камни. Было страшно. Это сейчас все весело проплывают над порогами, поскольку Енисейская ГЭС подняла уровень воды, и про пороги забыли.

За все время моих поездок в Таежное, а это было пять или шесть раз, два лета были удачными, потому что мы отдельной группой ездили на Красноярские Столбы. Должен Вам сказать, что это почище Швейцарских Альп. Нет во всем мире другого такого места, где бы прямо из дикой тайги, почти вертикально, высоко в небо поднимались сиенитовые и гранитные скалы. Скалы эти потому и зовут столбы, причем для удобства они просто обозначены по номерам и только отдельные имеют выделенные названия — Перья, Галя и другие. По столбам этим лазает особое племя, которое называется — столбисты. И это не простые альпинисты — нет. Австрийские Ассы скал попробовали подняться на столбах и на Перьях попали в такой переплет, что их пришлось снимать оттуда по одному нашим столбистам. Могу с гордостью похвастаться, что я с группой столбистов поднимался на Перья и потом спускался оттуда Шкуродером. Шкуродер, это вертикальная щель между скалами и если коленками и руками упереться в одну стенку, а спиной в другую, то можно аккуратно, меняя положение тела, понемногу спускаться вниз. Достаточно расслабиться и можно уйти вертикально вниз с высоты примерно десятиэтажного дома. Так вот, во время этого спуска на меня сверху свалилась какая то девица, и мне стоило не только большого труда удержаться, но стоило в клочья разорванной вельветовой куртки. Девица плавно переползла дальше вниз и устроилась на ступнях моих ног, при этом спуск значительно ускорился. Недаром этот ход на Перьях называли Шкуродером. Вниз я сполз в остатках одежды, располованной на ленточки. А скалы Перья остались гордо возвышаться над вековой тайгой. Опытные скалолазы по этим экзотическим скалам ходили только в резиновых калошах, привязанных к ногам веревочками.

Больше всего запомнилось, как мы на катере приплыли к берегу в районе заповедника и устроили небольшой привал на берегу, с купанием, поскольку было жарко. Все барахтались в воде и пытались кататься на бревнах, которые проносила мимо река от разорвавшегося кошелья плота. У взрослых ребят это получалось, а я был небольшого росточка, лет 14 — 15 от силы, но тоже пытался ухватить для себя проплывающую сосновую бальсину. Закончилось все плачевно. Я ухватился правой рукой за ствол и прижался головой к пахучей сосне. Конечно, бревно замедлило свой бег, зато другое бревнышко со всего размаху, течением приткнуло к тому, за которое я держался. Башка моя оказалась между бревнами, и по ней так треснуло, что я мгновенно потерял сознание и пошел ко дну. Освободившиеся от балласта бревнышки радостно встряхнулись, и стремительно умчались по течению. А я вынырнул и опять ушел под воду.

На третьем выныривании я, как бы со стороны услышал, как наш руководитель, кореец Ким крикнул— Герша, выдерни— ка из воды пацана рядом с тобой, — вроде как он тонет! Воспитатель из соседнего отряда Гершин ухватил меня за руку, и так толкнул меня к берегу, что я носом пропахал еще полметра на берегу. И не было бы этого моего рассказа, да и меня тоже, если бы эта подлая мина судьбы взорвалась в тот момент. Но бог все видит, и не дал мне возможности тогда скапуться.

Лето завершилось великолепно, и мы набрали полные штаны впечатлений. Наступала осень. В начале августа этот поход по Енисею раскручивался уже с юга на север по течению реки. Вот в этот Таежный мы с Юркой Калмыковым года три ездили в одном отряде и были, не разлей вода! Вместе учились в школе до 5 класса, когда я заболел и болел долго, почему и остался в 5 классе на второй год. Юрка ушел на класс вперед, в 55 году поступил в институт в Ленинграде, где я его и разыскал в 1959 году, когда приехал в Питер на недельные зимние каникулы из Калининграда.

Факиром мы его звали за неуёмную любовь к химии и умение делать такие химические фокусы, что мы все рты раскрывали. Это он наделал таблетки из красного фосфора и селитры. Если её кинуть под ноги девчонкам — раздается сильный хлопок — микровзрыв и все визжат и шарахаются. Делали из ваты нитроклетчатку, обрабатывая ее кислотой, с шиком поджигали на открытой ладони пушистый шар этой нитроваты, и он мгновенно сгорал, не успевая даже обжечь кожу. В одно время увлеклись физикой, и Юрка собрал прибор, в котором к трансформатору была подключена автомобильная бобина, а высоковольтные провода подсоединялись к перегоревшей электрической лампочке. Эффект был феерический. Сначала колба в темноте начинала светиться бледно голубым светом, а потом от каждого проводка внутри лампы начинали разлетаться коленчатые ломаные молнии и они наполняли собой всю лампочку, создавая изумительную красоту буйства электричества. Недавно я прочитал книгу о великом чудодее электричества — Николе Тесла. Тогда мы мало о нем знали, но в своих опытах где то нащупывали и его пути. Вообще интересы наши были широки и разнообразны

Вместе мастерили очки для плавания под водой и подобие ласт. А Юрка, полноватый по фигуре, тут — же получил кличку — «Моржа».

Тогда в 49 — 51 годах никаких масок и ласт в помине не было, и наш энтузиазм помогал нам в этих нововведениях. Вместе мы лазили по горам и выискивали интересные камни и кристаллы. Мама Юры была геологом, а отец — Борис Дмитриевич — главным инженером комбината по технике безопасности. Жили они когда-то в Казахстане и дед его был министром внутренних дел республики. В 1937 году он был арестован и расстрелян, а семья уехала в Норильск — и хорошо, что не по этапу. Все годы, пока я учился в Москве в академиях — почти каждое воскресенье я проводил у него в Черноголовке, в его чудесной семье — жена Галина — ученый

секретарь Академии Наук СССР и дочь Светка чудесная толстушка, которая в 2001 году после командировки в госпиталь — в Анголу — сделала Юрку дедом порадовав красивой внучкой Наденькой — подарком от нашего главврача, тоже москвича.

Школа, школа — она действительно была школой жизни. Сейчас, как от чумы шарахаются от школьных вечеров и школьных танцев, боясь, как бы чего не произошло. И дети инстинктивно собираются, кучкуются возле школ, откуда их тоже гоняют. А после мы ахаем — откуда наркоманы, детский алкоголизм и беспризорные.

В пятидесятые — каждую субботу, а иногда среди недели в школьном спортзале были вечерние танцы. Отплясывали под пластинки, они в изобилии были у меня в радиорубке — которой я последние два года заправлял. А как мы гоняли в волейбол и баскет. Помню самым крупным рубакой в волейбол был Сашка Кибалин или по школьному Киба. Он выпрыгивал над сеткой на полкорпуса и рубил сверху такие колы просто загляденье. Его отец — Кибалин был директором медеплавильного завода. Я случайно встретил Сашку, когда прилетал в Норильск в 1979 году — когда заканчивал академию. Время ушло безвозвратно. Постояли, поговорили и разошлись — уже у каждого свое. Но школа тех лет — это было что — то!

Более того — в школе среди многочисленных кружков — был клуб балльных танцев, и я два года исправно ходил на занятия. До сего дня помню польку, краковяк, па-де-грас, па-де-патенер, медленный вальс, фокстрот и танго. Танцы выучил на всю жизнь и обучал потом своих дочек и внучек. Здесь на танцах в 8 классе я познакомился, со своей будущей женой — Галечкой Макаровой — она тогда училась в 7 классе. Вот тут и завязалась школьная дружба и школьная любовь. Длится она уже более полувека. Правда, расписались мы в 1960 году, когда я молодым лейтенантом после училища приехал в Дагомыс к родителям. Мы до того с ней договорились и Галюндра — как звала Галку моя мама — уже ждала меня. Быстро пролетел медовый Сочинский месяц, и я убыл в Одессу — за назначением, а Галка улетела в Норильск — продолжать учебу на медика.

Школьные годы, закончились в 1956 году, но я вернулся в Норильск, когда не прошел на юрфак МГУ и сразу — же включился в трудовой ритм. С окончанием школы я получил 3-й разряд и корочки токаря, а потому подался в ремцех Медного завода: Начальник цеха — Зеркаль Яков Львович — определил меня на небольшой итальянский станок «Чезаре», доставшийся после войны по репарациям, и точил я всякую мелочевку для нужд скоротечного ремонта, как бы на подхвате. Первую свою получку, около 2-х тысяч рублей я целиком перевел брату Славику — студенту в Москве. Для него это был приятный подарок — и как студенту — очень вовремя.

После 2-х месяцев обкатки меня переставили напарником на ДИП-500 — огромный станок, 13 шагов в длину и 3 в ширину. Вот тут пришлось

попотеть, особенно когда заклинивало мостовой кран, а заготовку приходилось по доскам закатывать и крепить в огромной 4-х кулачковой планшайбе — патроне станка. Зато потом можно было кататься на суппорте — на самоходе. Напахался я тогда вдосталь. А еще приходилось работать в разных сменах утренней, вечерней и ночной.

Осенью — когда солнце до конца не пряталось за горизонт, и было светло — мы после смены под ночным солнцем еще умудрялись гонять в футбол. У меня была прекрасная прыгучесть, и я долго по жизни стоял на воротах. А нашу детскую сборную тренировал не кто иной, как Старостин — он отсидел тогда в Норильске и жил без права выезда. Вот таких мне повезло иметь в жизни учителей, потом их будет много, и я с доброй памятью скажу о каждом.

Весной 1957 года — хороший друг нашей семьи — Семен Абрамович Равер — он был тогда начальником цеха связи комбината — предложил мне пойти техником по ремонту аппаратуры связи на Норильской ТЭЦ — и я пошел. Работу эту я знал, поскольку радиолюбительствовал и нагрузкой она для меня не была. В огромных залах — турбинном, котельном стояла аппаратура громкой связи, с ламповыми коробками усилителей, колоколами громкоговорителей и перепутанной проводкой. Телефонная связь была как бы сопутствующей и много времени не отнимала.

Свободное время уходило на свидания с Галиной — она заканчивала 10-й класс, походы в тундру на охоту — благо отец мне подарил свою двуствольную Тулочку — курковку 16 калибра, выпуска 1936 года.

Год пролетел, как день и встал выбор — куда идти учиться. Решили поступать в Ростове — я все на тот же юрфак, а Галина — в гидромет техникум.

В начале июля мы уселись на ИЛ-14 с оранжевым нарисованным на борту медведем — и Полярная Авиация доставила нас в Архангельск — это был попутный рейс и я воспользовался старыми связями по линии Вовки Орлова. Улететь же с Таймыра в это время — время отпусков — практически было невозможно, да еще при той маломерной авиации. Самолет шел на высоте 1-1,5 км над Северным Ледовитым океаном, и было интересно видеть из края в край голубовато белую равнину льдов, изрезанную черной сеткой разломов и эта паутина внизу не имела ни края, ни конца. Она медленно надвигалась спереди и как огромная скатерть на круглом столе уползала куда-то назад.

Посадка на мысе Каменном — на самом берегу океана на дозаправку, принесла массу впечатлений, которые доселе живут в памяти. Снизившись, самолет, прошел над ровными льдами океана и покатился по полосе, которая была как бы продолжением этих вечных льдов. Выйдя на поле, я увидел, что так оно и было. С ужасом подумал, что если, не дай бог уровень океана немного хоть на сантиметр поднимется, то вся эта плоская тундра окажется под водой, вместе с кургузым домиком аэродромной службы и штабелем

бочек из-под горячего. Больше глазу зацепиться было не за что. Аэродром в Архангельске на другом берегу залива и мы маленьким буксирчиком перебивая проливную волну, добрались до города и ж/д. вокзала.

Путь на Ростов был открыт. На жилье определились на квартиру к знакомым на знаменитой Садовой — помните «Улица Садовая — скамеечка кленовая — Ростов — город Ростов — Дон». Благо это было недалеко от университета и было удобно. Молодость брала свое, и мы уезжали на другой берег Дона — купаться. Конечно, о каких учебниках можно было говорить. Первым на экзаменах сгорел я — все сдал нормально, а на английском срезался. Свои экзамены Галя даже не пошла сдавать — что говорит я здесь одна останусь. И поехали мы с ней в Дагомыс к моим родителям — немного поплескаться в Черном море.

Нашими постоянными соседями по домику, который мы тогда снимали — была супружеская чета из Калининграда — Негановы. Василий Васильевич — тогда подполковник преподавал ИОБ (инженерное обеспечение боя) в Калининградском военно-инженерном училище. Он то и предложил мне не терять 3 года на срочную службу в армии, а ехать и поступать в инженерное училище — те же 3 года, но уже будет образование и профессия в кармане. Так, с напутствием старших я поехал в Калининград, а Галина самолетом улетела на Таймыр.

3. УЧИЛИЩЕ

Кёнигс встретил развалинами Балтийского вокзала и разбитым центром города. В училище — это бывшее танковое училище Гудериана — все было по военному четко и по-немецки разлиновано. Шли дополнительные экзамены — набирали курсантов для открывавшегося Тюменского инженерного училища. Все дисциплины я сдал на отлично с какой-то одной четверкой. На отборочной комиссии смотрели и на оценки и на общую физическую подготовку. Возглавлял ее полковник Городецкий, зам начальника училища — огромный усатый, как Буденный дядька. Про него говорили, что в войну под Москвой курсанты считали, что лучше под танки немецкие, чем под усы Городецкие. Накачен я физически был более чем достаточно — бокс, гимнастика, футбол и волейбол — все это позволило мне остаться в Калининграде — кто же будет отпускать на сторону нормального спортивного парня. Конечно, и в Тюмень поехали не хлюпики, тем более что некоторые взвода старших курсов тоже убыли осваивать Тюменьщину. До начала занятий оставался весь август и меня, уже как курсанта за казенный кошт отпустили домой — к родителям в Дагомыс на Черное море. Здравствуй море!

Вот тут я и дорвался до подводного плавания. Рассказы Вовки Орлова о Сочах — где он часто бывал с родителями стали для меня явью, тем более, что до этого я дальше Таежного под Красноярском — не выезжал. Жизнь из непонятной непонятки повернулась своей приятной стороной. Что еще нужно парню в 19 лет, когда с утра до вечера над тобой плещется зелено-голубое Черное море и расплавленным диском яичного желтка жарит солнце, прожигая тебя до цвета головешки. Это были последние веселые денечки, которые повторились только через трудный и напряженный год учебы.

А началась моя учеба буквально с первого дня с туалета, который я надраивал как моряк медяшку по два часа после отбоя в течение пяти дней. Но лучше по порядку. Попал я в училище в первый батальон, вторую роту, третий взвод, третье отделение. Все училище — это Московское Красно-

знаменное военно-инженерное училище с трех летним сроком обучения. Через год его переименовали в Калининградское, и было оно трех батальонного состава, по три роты в каждом батальоне. В нашем — первом батальоне первая рота была по росту не меньше 180 см, вторая рота — не меньше 170 см, третья рота — 160 см. Во втором и третьем батальонах были курсанты тоже не великаны, но мы с высоты своего первого батальона звали их карандашами. Росту во мне было 170 см, но в своей 2-й роте я ходил в самой последней шеренге.

А девятая рота была десантная — там ребята были здоровые и крепкие — как на подбор, ну так он и был подбор — именно в десантуру. В первый же день, когда нас переодели в военную форму и подстригли, мы были как воробьи после дождя. Весь наш взвод был набран из парней с гражданки, и все нам было внове. Мы сидели в курилке, и тут подходит курсант из старичков, но с погонами старшины и говорит мне — Вы, товарищ курсант возьмите известки, наломайте веничек и вдоль дороги пробелите бордюрные камни перед казармой. Я, конечно взбрыкнул и спокойно говорю — тебе надо, ты и убирай. Оказывается, это был старшина нашей роты Коля Березин — он уже был на втором курсе и до училища три года прослужил в войсках срочную службу. Тут же построили взвод, и старшина объявил мне пять нарядов вне очереди. Так я попал на работы в туалет. Надо сказать, что чистота и порядок в этих немецких казармах были идеальные. Туалеты были в кафеле и там где на кафель дружно писали курсанты, не всегда сливалась вода, а посему через некоторое время на кафеле появляется желтый осадок. Вот этот осадок аккуратненько лезвием топора нужно было счищать, не повредив при этом блестящее кафельное покрытие. Эта увлекательная работа сразу поставила меня в ровный строй ровных курсантов и научила жить по принципу Одесского трамвая двадцатых годов, на котором было написано «Не высовывайся!»

А с Колей Березиным мы стали большими друзьями. Через 18 лет, уже тогда, когда я был старшим офицером Инженерного управления в Закавказском округе — направленцем на инженерные кадры — раздался телефонный звонок и из Ленинакана, из Армении раздался далекий голос — Олежек — это я — майор Коля Березин — прибыл по замене на начальника штаба армейского инженерного батальона. А я в ответ заорал в трубку — А! Это тот Коля Березин, который заставлял меня галюн драить! Вот я тебе это теперь припомню! — Конечно, посмеялись вдоволь. На другой день он уже приехал в Тбилиси — на беседу к Начинжу. У нас была вакантной подполковничья должность дивизионного инженера в 127 дивизии в Ленинакане и конечно Николай, со своим опытом службы в ГСВГ вполне подходил на это место, на которое тут — же и был назначен. Через несколько лет уже в Майкопе я столкнулся с лейтенантом — сапером Березиным — сыном моего друга Коли, который пошел по стопам отца. Вот такие вот судьбы.

В 1957 году, после прошедшей войны весь Калининград — бывший Ке-

нигсберг лежал в развалинах — особенно центр города. Над рекой Прегель высились руины замка Фридриха Вильгельма, только кирха чудом уцелела в пойме реки. Через реку были перекинuty еще с войны сборные мосты «Бейли» и даже трамваи бодро звенели по улицам города. Недалеко от центра, как обломки выбитых зубов, торчали закопченные стены Университета, и еще высовывался со второго этажа балкон, с которого Гитлер выступал в конце 30-х годов.

Каждое увольнение на выходные я переодевался в «гражданку» на квартире своего друга Женьки Шувалова и бродил с утра до вечера, по городу изучая все его улицы и закоулки. Лазил я и на этот балкон университета — бродил внутри адреналиновый экстрим — как же — был сам на том балконе, с которого выступал фюрер.

А рядом с развалинами, у входа в бункер стояла плита с надписью, что именно здесь капитулировало командование Кенигсбергского гарнизона. Около центральной площади города — площади Победы — местные по привычке называли её Драй маршал плац. — Площадь трех маршалов — в большом зеленом парке стоял памятник «1200» — всем погибшим советским солдатам при штурме города. Особенно внушительны были форты по окраинам на подступах к городу. Вековая кирпичная кладка трех метровых по толщине стен как семечки отбивала любые снаряды, в том числе и бетонобойные. И там, где форты были захвачены, сработали войсковые саперы, взрывая проходы в этих неприступных стенах. Тогда фашистам не помогли ни заполненные водой рвы, ни толстенные стены.

Были в городе конечно и тихие тенистые улочки, где как в шеренге строя стояли почти одинаковые, старинные домики под древнучей черепицей и снизу доверху заплетенные по стенам ползучей зеленью. По зелени город был самым, самым среди всей Европы.

Где-то в 1947-1948 годах всех немцев с этих земель вывезли в Германию и до сего дня они, и их потомки требуют пересмотра итогов войны и возвращения им родных земель, родных домов и улиц. Восточная Пруссия — самое воинственное и непримиримое гнездо тогдашнего фашизма. Удивляюсь — как это Ельцин не отдал немцам Калининград. Наверно в тот момент не набрал нужного градуса для «государственного» решения. И нужно сказать, что возвращения Кенигсберга (в переводе — Королевская гора) требовали или вернее жаждали не только западные немцы. Тогда повсеместно ходили легенды о городе, вернее о том, что находилось под городом. Говорили о подземных заводах, выпускавших самолеты и взлетали они из под земли по подземным взлетным полосам в раздвижные проемы среди поля. Рассказывали, что во время отрывки котлована обрушили угол подземного военного завода, у которого даже станки еще оставались под током. Из трех имевшихся электростанций при фашистах с полной нагрузкой работала одна — изредка две станции. В послевоенное время утечка тока была такой, что все три станции с трудом обеспечивали

жизнь города.

В свои воскресные прогулки я иногда попадал в подземные тоннели, но уже через 5-10 метров ступени идущие вниз уходили в воду. По рассказам, уходя, фашисты открыли подводные задвижки под Прегелем и в заливе, посему все подземелья под городом были залиты водой. Любые попытки откачать воду заканчивались безрезультатно, равно, как и попытки отыскать под землей упрятанные сокровища. Отдельные поиски завершались и таинственной гибелью искателей.

Еще на первом курсе — в 1957 году я в составе взвода участвовал в поисках «Янтарной комнаты» — это была разборка завалов в стенах развалин замка Фридриха Вильгельма. Увлекательное, но пыльное это занятие — быть кладоискателем. И все-таки мы нашли фанерные ящики по внешнему виду — то, о чем нам говорили. Но оказалось, что это полуистлевшая военная форма. Не получилось из нас кладоискателей.

А наше курсантское воинство до обеда грызло гранит военно-инженерной науки, после обеда дружно топало на «Сампо» — самоподготовку и еще часик до ужина занималось спортом, благо прекрасный стадион и крытый спортзал всегда были к нашим услугам. С раннего утра и до позднего вечера все было расписано по минутам. Гоняли нас на всякие кроссы, пробежки и марш-броски — по-черному! Весь первый курс — почти год мы ходили худые, не выспавшиеся и голодные. Не потому голодные, что кормили плохо — как раз хорошо, но нагрузка была большая, а организмы еще не привыкли жить на армейский паек. И вот тут срабатывал первый курсантский принцип — старшие курсы почти всегда отдавали нам — молодым — бачки с первым. Потом и мы на втором-третьем курсе тоже подкармливали молодых. Ни о какой дедовщине и близко не было понятия — всегда, везде и во всем была хорошая помощь и поддержка от «старичков». Командирами отделений и зам. ком взвода на первом курсе у нас были старички — выпускники. Зам. ком взвода был Генка Наумов — толковый сержант и очень порядочный человек. Я с ним встретился уже в 1963 году — в Германии, где он был, как и я, командиром взвода в саперном батальоне 23-й (потом переименованной в 207) мотострелковой дивизии 3-й Армии ГСВГ. Генка был неистощим на выдумки. Кроме полочки в марках мы получали так называемую «замену» в размере 300 марок, обмениваемых из наших рублей, которые шли на сберкнижку и выдавались на руки уже тогда, когда мы приезжали в Союз. Кстати весьма немалые денежки по тем временам. Однажды в феврале — когда месяц заканчивался 28 числом Генка принес домой «замену» и отдал жене — Римме — 280 марок, а не 300 — как все. Только на третий день соседские жены смогли доказать Римке, что в феврале тоже выдают 300 марок, а не 280, как убедил ее муж, пропивший эти 20 марок с нами в гаштете — стекляшке, что стояла на дороге от Борстеля до Стендаля — от батальона — к нашим домам в городе. Влетело тогда Гене по полной

программе, благо Римма была женщина крупная.

Вспоминая наш курсантский взвод, могу сказать, что по составу он был разношерстным — был парень из города Грязи Гена Макарович, над которым мы все беззлобно подшучивали, поскольку он был сельским простаком и почти все принимал на веру, а своего запаса развития — было маловато. Половина взвода была местная — из Калининграда и это были тертые ребята. Несколько человек было из Минска — с хорошей физической подготовкой и образованностью. Буквально два-три парня уже прошли по одному — два года службы, но азы учебы подзабыли, и им было тяжелее вгрызаться в общеобразовательный гранит. А вот войсковой они щелкали как семечки и помогали нам как могли. Уже первый год учебы и жизни в казарме сплотил нас в единый, дружный коллектив.

Были у нас и отцы — командиры. Начальник училища — генерал-майор инженерных войск Егоров А.Г. опытный инженер, высочайшей образованности и интеллектуальности. С его сыном — Леней (он учился на курс впереди меня) — я очень подружился еще в училище, потом встретился уже в академии, когда учился заочно, а Леня преподавал, будучи подполковником, электронно-вычислительные машины. Был приглашен к нему на новоселье — в новую квартиру на Юго-западе столицы. Прекрасная семья, чудесная супруга и уже взрослые дети. Когда они отдыхали в Грузии — были у меня в Тбилиси, и мы сделали прекрасный кавказский вечер с шашлычным застольем и морем вина.

Вообще должен сказать, что инженерные войска не так и многочисленны и если вы встретили незнакомого сапера, то через пять минут разговора вы будете уже близко родными людьми, сразу всплывут общие знакомые, с которыми вы или ваш собеседник служили или учились. Мир тесен — и это особенно хорошо понимается, наверное, не только в кругу военных инженеров, но и в других сообществах.

Начальником политотдела был полковник Поздняков М.Т. — честно говоря, был он и был — в нашей курсантской жизни он отметился только однажды — когда на концерте самодеятельности выступил джаз-банд нашей роты и Лева Кунгурцев — эстрадный псевдоним Лев — Кинг — первый ударник Риги на тарабарском английском под джаз спел знаменитую Читананга-Чу-Чу из «Серенады Солнечной Долины» — за что Поздняков всех пятерых джазистов арестовал на 3 суток гауптвахты, а на другой день — в понедельник утром генерал Егоров всех нас вытурил с губы на занятия. Да и песня то имела простой перевод — Этот поезд идет на Читананга-Чу-Чу? — Да, этот поезд идет на Читананга-Чу-Чу! И все!

Не будем держать зла на начальника ПО — он, как и все мы был заложником своего времени, причем с самыми искренними добрыми намерениями.

Начальник учебной части — полковник Нооль В.О. — крупный обрусевший эстонец — был корифеем всего учебного процесса. Когда мы были уже на втором курсе — на первом курсе учился его сын Виктор. Несмотря

на наследственную склонность к полноте Витя имел невероятную прыгучесть и всегда стоял на воротах за сборную училища и в ручной и по футболу.

Нашим первым батальоном командовал подполковник Баринов И.Н. — спокойный и уравновешенный батяня — комбат, никогда не повышавший голос, не бравший никого на командный бас — уже большое достоинство в то громогласное послевоенное время. Мы даже перед зеркалом в умывальнике отрабатывали командный голос — вот был грохот при кафельных стенах и прекрасным эхом.

На общей фотографии нашего выпуска второй ряд руководства начинается с майора Жеманова П.Р. — тогда преподававшего машины инженерного вооружения. Знатком своего дела он был прекрасным. Но и ровно настолько же он был бескомпромиссным в оценках знаний. Ну и конечно от курсантов получил почетную кличку — Дуб Жеманов. Было дело и у меня, когда нужно было доложить все о работе механизма сцепления и коробки передач инженерной машины БАТ — это широкозахватный бульдозер — путепрокладчик на базе артиллерийского тягача. Мое легкомыслие, в поверхностном прочтении материала, закончилось ядовитыми вопросиками, моим невнятным докладом и категорической «двойкой». Если учесть, что это была суббота, а с двойкой в увольнение не пускают, то можно понять мою ярость к этому Дубу — Жеманову. Конечно, злился я и на себя. Плюнул на все и потопал в парк учебной техники — никто лучше не знает технику, чем сержанты срочной службы, которые на ней работают и ее ремонтируют.

Полдня я пролазил по этому БАТу — изучил все самым доскональным образом и в понедельник понес покаянную голову к Жеманову. Минут 15-20 я докладывал со всеми деталями и детальками, о которых даже в учебнике не написано.

Великий Дуб, удовлетворенно хмыкнул и сказал — вот теперь неделю будешь всех консультировать вместо меня по этой технике и только в пятницу исправлю оценку — а так — ходи неделю двоечником. За эту неделю я прославился, как абсолютный знаток БАТа, который даже Жеманова заткнул за пояс. Но и шишки за двоечную неделю тоже отсыпались в полной мере.

Я часто потом, в войсках, уже, будучи генералом, вспоминал этого майора, особенно когда сам лез на платформу тягача и добирался до сути той или иной поломки.

Командиром роты уже на выпускном третьем курсе стал майор Богомазов Н.К. Майор, был очень правильный и требовательный. По строевой выправке, подтянутости и продолжительности нотаций — равных ему не было. А уж стремление к чистоте и порядку — зашкаливали даже в суровых училищных стенах. При этом он обладал немного гнусоватым голосом. И еще у него был пунктик — увидал бумажку или щепку на дорожке возле

роты — мгновенно гнусавил — Дневальный!... почему грязь перед ротой? и тут же пинал эту щепку тонким лакированным носком искусно пошитого сапога. Достал он всех настолько, что я однажды, будучи дневальным, сделал ему шикарную подставку. Гуталин для чистки сапог тогда продавали в круглых металлических коробочках с такой же крышечкой. Железо для этих штамповок было, чуть ли не в один миллиметр — для сравнения — железо для штамповки «Жигулей» сейчас имеет 0,3-0,4 мм.

Я взял пустую коробочку — сделал дырку и прибил ее гвоздем к деревянной раме возле крыльца, на которой вытирают ноги перед входом в казарму. Коробочку закрыл крышечкой и рванул к окну на нашем третьем этаже. Рота была в это время в столовой на завтраке. Ротный медленно подошел к входу и тут же отреагировал — Дневальный! Почему здесь этот бар...? Окончание — дак — он не договорил, поскольку со всей силы пнул мягоньким сапожком эту банку и заорал от боли и ярости все известные ему выражения из ненормативной лексики при этом ... в мать ... и в душу... были самые мягкие.

Весь наряд по роте был строго наказан внеочередным нарядом, но меня никто не выдал и не продал. Где-то подспудно он испытывал ко мне определенную неприязнь, но показал ее только однажды — при распределении по выпуску — я Вас на крайний Север загоню! — Спасибо — я там прожил 17 лет и мне там нравится. — Тогда в Туркестан поедете! — Спасибо — хоть немного отогреюсь после Таймыра, — так мы обменивались с ним мнениями при распределении.

Кстати, при распределении я попал в Одесский военный округ. Самое интересное, что в соседнем взводе учился Толя Богомазов — мой хороший товарищ. Так вот он был родным младшим братом нашего ротного. Я был свидетелем, когда в воскресенье Толя, не раздеваясь, прилег после обеда на кровать и дремал. Зашел Богомазов — старший и сказал — курсант Богомазов — зайдите в канцелярию, и ушел к себе. Толя проворчал что-то под нос и пошел получать разнос. Мы все слышали, как ротный заорал — Ты, что себе позволяешь? Почему одетый и лежишь на кровати? Что ты меня позоришь? Я матери на тебя пожалуюсь! Я тебе морду набью!

На что Толя тоже разорался — Что ты ко всем цепляешься? — Люди раз в неделю хотят отдохнуть, а ты как собака на всех кидаешься! Иди и жалуйся матери — она и так знает что ты дурак! А морду я тебе и сам могу набить — погоди, достукаешься!

И пулей вылетел из канцелярии, поскольку старший запустил в него табуреткой.

Вот такие были жизненные коллизии.

Уже будучи полковником, осенью 1984 года я приехал в родное училище на сборы начальников штабов инженерных войск армий, военных округов и ставок оперативных направлений. На одной из аллей училища навстречу мне шел полковник Богомазов — он работал в управлении учи-

лица.

Конечно, меня он не узнал — нас были тысячи, прошедшие через училище. Встретились два полковника — вежливо отдали честь друг другу и разошлись — у каждого своя судьба ...

Почти все три года учебы нашим взводным командиром был капитан Тесовский Борис Иванович.

Хороший взводный, тихий, спокойный, малословный, где-то в жизни он прибил к хорошему берегу в училище, хорошей квартире, хорошей семье — что еще нужно настоящему мужчине в старости — как говорил в фильме «Белое солнце ...» Так и у него в жизни все сложилось так, как он хотел.

Зам. ком. взвода на первом курсе был сержант со старшего курса — Генка Наумов — я уже о нем говорил. На втором курсе зам. ком. взвода был однокурсник старшина Серега Дьяченко — но он уже прошел срочную службу и был старше нас по возрасту. А на третьем курсе — тоже однокашник Коля Ефременков и тоже отслужил срочную службу и имел войсковой опыт. А вот с учебой ему было туговато, но упертый он был — невероятно. Вот только остался ли он и в жизни таким — не знаю.

Наше отделение — строевое, имело в своем составе:

сержант Костя Чуриков
курсант Женя Шувалов
курсант Валя Цветков
курсант Альберт Селезнев
курсант Олег Рогожкин
курсант Саша Кобенко
курсант Гена Глебов
курсант Витя ДоброгурскиЙ
Всего восемь человек.

На сегодня двое — Саня Кобенко и Алик Селезнев ушли из жизни — оба погибли при исполнении служебных обязанностей. А из состава взвода погиб Витя Плахов — тоже при выполнении задачи. Костя Чуриков — фанат автомашин и вождения. Он чуть ли не с пеленок сидел за баранкой с отцом — таксистом в Калининграде. Закончив училище, тут же женился на владелице шикарной автомашины. Потом развелся и нашел новую подружку уже в Москве — с более крутой автомашиной. Хорошие родственные связи подружки сделали его майором — начальником одного из гаражей Министерства обороны. Я встретил Костю в стенах академии, когда он по случаю заскочил, чтобы урегулировать свою учебу на нашем заочном факультете. Я даже не знал о его судьбе и всей его жизни. Часа два мы проговорили, откуда я и узнал о его жизненных перипетиях. Заочная учеба Костика так и повисла в воздухе — наверное, появилась какая-то другая иномарка. А инженер он, кстати, был отменный. Но упрекнуть его нельзя — каждый выбирает свой путь.

Мой лучший друг по училищу — Женя Шувалов на год младше меня —

был вторым и последним ребенком в семье Василия Васильевича Шувалова — старейшего коммуниста Советского Союза с партстажем чуть ли ни с конца 18 века, когда это была еще Российская Социалистическая Демократическая Рабочая Партия (РСДРП).

Он тогда еще был крепок, хотя и немного тучен. А память у него была феноменальная. Но рассказывал он не все и выборочно — как старый чекист со стажем. Почему чекист — после бурных переворотных годов и военного коммунизма, которые он провел под руководством Феликса Эдмундовича, Василий Васильевич получил личное задание железного Феликса. Он с мандатом, подписанным лично Лениным, умчался в Закавказье — в субтропики Батуми и там — в Аджарии занялся выращиванием люфы — это южно-американский тропический огурец, который сейчас знают все, кто моется этой мочалкой в бане. Этот огромный огурец после очистки от кожуры и высушивания давал прекрасную пористую большую мочалку — и она великолепна как наполнитель в буксы — коробки со смазкой подшипников на концах осей колесных пар вагонов и паровозов. Страна сидела без мануфактуры и тряпок, а буксы нужно было чем-то набивать, тем более, что в Швеции, а потом и в Германии, Советская Россия начала покупать паровозы и вагоны. Председатель ВЧК Дзержинский лично занимался промышленностью, и его сотрудники трудились, в том числе и на этом фронте. Когда начались разборки тридцатых годов, Василий Васильевич уже укрепился, как хороший хозяйственник по субтропическим культурам и вероятно за отдаленностью работы не попал в обойму или вернее под прицел этой обоймы. Уже родилась старшая сестра Женьки, а в 1939 году и он родился. С началом Великой Отечественной Шувалов — старший пошел на фронт, но получил серьезное ранение и после комиссования опять уехал в Аджарию. В 1946 году он откликнулся на призыв партии и в числе первых приехал в Калининград, где проработал на хозяйственных должностях до пенсии. Уже как старейшего коммуниста его постоянно «пытали» журналисты и телевизионщики на все революционные праздники. В доме Василия Васильевича и прекрасной Женькиной мамы я был как еще один сын. Мои старики и Шуваловы долго переписывались, а однажды и приезжали к нам в Дагомыс.

А с Женькой мы встретились уже полковниками в Баку — куда я прибыл осенью 1984 года как Начальник штаба инженерных войск Главкомата, а Жека был начальником инженерных войск 4-й Бакинской армии.

Сразу после училища Женька попал взводным в Манглиси — учебный инженерный батальон Закавказского военного округа. В 60-е годы это была дыра — дырой в горах, в 50-ти километрах от Тбилиси и располагалась в старых казармах и конюшнях казачьего кавалерийского полка. Вместе с Женькой туда попал и Марик Медведцкий — из нашего же курсантского взвода. Пили и бузили они тогда — по черному, благо вино на Кавказе это

как вода в Рязани — пей не хочу!

Там же в Манглиси Женька женился на молоденькой армяночке — связистке. Тут уместно сказать, что в профиль у Женьки выделялся довольно по — гречески прямой и длинный нос. Как его угораздило найти такую же длинноносую жену — не могу сказать ничего, а то Женька меня поймает и прибьет. Но сын у него родился — вылитый Буратино. Через несколько лет я был в Майкопской дивизии и в саперном батальоне на проверке мне представляется лейтенант Шувалов — я как посмотрел, так чуть не задохнулся, — вылитый Женька, но только с ооочень длинным носом.

Кстати — толковый и порядочный лейтенант.

Начинжем армии при мне Жека пробыл недолго — он в это время как раз пробивал себе через кадровиков Сухопутных войск перевод в Москву и в 1985 он уехал на зам. начинжа Московского военного округа. С 1988 по 1990 годы он был начинжем Средне-Азиатского округа и только оттуда уехал Начальником инженерных войск Прибалтийского военного округа, где поработал всего год-до 1991 года. Судьба отпустила ему только одиннадцать лет жизни на пенсии. В 2002 году Жени не стало, может, сказалась его работа по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Мир твоему праху — мой друг Жека.

Недавно я говорил по телефону с Киевом и поздравил с 307 годовщиной Инженерных войск России своего давнего друга и однокурсника полковника в отставке Виктора Доброгурского. В далеком 1957 году его отец полковник Доброгурский был начальником строевого отдела и кадров инженерного училища. Витя практически со школьной парты перешагнул в курсантский строй. И к чести его должен сказать, что нигде и никогда эта его родственная связь не только не упоминалась, но даже и не проскальзывала. Да и сам Виктор оставался простым, уравновешенным, общительным парнем и ничем особенным из общего строя не выделялся. А вот надежным и верным товарищем он был всегда. Служба его проходила, как и у всех на разных должностях, но закончил ее он будучи начальником оперативно-разведывательного отдела Управления инженерных войск Киевского военного округа, а начинжем в это время был один из корифеев инженерных войск — генерал-лейтенант Королев Александр Сергеевич — низкий ему поклон, что вывел он на жизненную дорогу многие сотни хороших парней. Дописываю эту строчку уже через несколько месяцев работы над воспоминаниями, и дописываю со слезами на глазах.

Буквально на днях в возрасте 84 лет, после болезни ушел из жизни генерал-лейтенант Королев Александр Сергеевич — пусть ему пухом будет киевская земля, он был нашим прекрасным учителем и старшим товарищем.

Сын Виктора — Доброгурский младший тоже стал военным, полковником и вот только недавно ушел в запас. А сам Виктор, как и я — работает, но в военной системе КЭО — КЭЧ до сегодня.

Моим однокурсником был Алик Селезнев. Пишу, к сожалению, был,

поскольку в живых его уже нет. Погиб он трагически в Эфиопии, где был в загранкомандировке — специалистом — советником по электростанциям. Был сильный тропический ливень, и молния ударила в электрораспределительный шкаф на столбе — посыпались искры, отлетела дверка, и рубильник вылетел из верхних клемм — весь поселок погрузился в темноту. Алик взял мокрую доску и попытался ею загнать рубильник на место, но попал доской на клеммы 380 вольт — удар был сразу же смертельный. Похоронили Алика в Минске — его родном городе. А курсантская наша жизнь протекала так, что неформальными лидерами во взводе были Алик и я. Ему было легче, поскольку Минская группировка была 3-4 человека, а я — заполярник был один. Первые два курса Алик был секретарем комсомольской организации, а на третьем курсе взбунтовавшаяся общественность вытурила его с секретарства и единогласно избрала меня. А вот после училища наши пути разошлись — я уехал в Симферополь — 9-й корпусный инженерный батальон, а Алик поехал в Белоруссию и почти через год — в Германию — где попал в придворную инженерную бригаду. При его умении быстро оценивать обстановку и находить правильные пути в служебных отношениях — Алик через 8 лет — к 1968 году стал начальником штаба батальона.

В 1968 году я стал командиром инженерной роты в 62-м танковом полку — в Потсдаме и ко мне на проверку приехал капитан — ротный из Алькиного батальона. Проверку мы сдали на хорошо и по ее итогам, да и по срокам службы тоже — мне к 5 декабря — Дню конституции присвоили капитана. Вот такой я был службист — восемь лет проходил командиром взвода — при этом везде был в числе лучших. Просто время было такое.

В правом верхнем углу нашего общего выпускного фото красуется Саша Кобенко. Высокорослый, сухой и поджарый, по — спортивному подтянутый Саша был в нашем взводе, да и вообще в училище лучшим спортсменом — великолепным баскетболистом, ручником, волейболистом. Он входил в многочисленную группу Калининградцев — как говорится — хозяев этого дома, а мы вроде бы были как в гостях — со стороны.

Почти все ребята пришли сразу из школы и были удивлены, когда увидели в моем комсомольском билете мою получку — ежемесячно по две тысячи пятьсот рублей — для ребят это была астрономическая цифра — а на севере это была получка техника связи — пусть не самая маленькая, но и не большая. Дело в том, что по выпуску мы получили лейтенантскую получку — 1180 рублей — и ребята подшучивали надо мной — надо было тебе три года учиться, чтобы начать получать в два раза меньше чем на гражданке. Так это было. Не все в этой жизни оценивается деньгами, хотя и их отсутствие или нехватка — очень не украшают жизнь. Я это сполна ощутил в своей лейтенантской жизни. Но вернемся к Саше Кобенко — вернее к памяти о нем, погибшем на госпитальной койке. В службе своей, а службист он был великолепный — Саша дошел до полковника — командира

инженерной бригады группы войск от Забайкальского военного округа на территории Монголии. На одном из специальных занятий он показывал солдатам — как нужно изготавливать зажигательную трубку для подрыва тротиловой шашки. Особенность заключается в том, что капсюль-детонатор, надетый на огнепроводный шнур должен обжиматься по нижнему, открытому поясочку специальным обжимом, похожим на плоскогубцы. Если рука дернулась и ты прихватил детонатор в средней части, где впрессован Азид свинца или Гремучая ртуть, то происходит взрыв детонатора и мелкие алюминиевые осколки бьют по глазам, поскольку обжим проводится на уровне глаз и перед лицом — чтобы видеть где и как и что ты обжимаешь. Сашу что-то отвлекло от этого процесса, и обжим скользнул по детонатору. С разбитым лицом и почти выбитыми глазами Сашу доставили в госпиталь, сначала в Читу, а потом в Москву в Бурденко — в ЦВГ МО. Сложные операции смогли восстановить зрение, но психологический удар оказался сильнее. Меньше чем через год он тяжело заболел и умер. В нашей памяти он живет большим, красивым, настоящим парнем.

Хорошим товарищем у меня был в училище Гена Глебов — друг Геша. Вот уж действительно никогда не унывающий человек. Уже полковником он заглянул ко мне в кабинет в Одесском военном округе — когда приехал с какой-то проверкой по линии ПВО. Встреча была радостной, с хорошей дозой коньяка и лимончика. Он все хлопал меня и говорил — я еще тогда верил, что ты станешь генералом. Давай за это выпьем! Уволился Гена на пенсию с должности начальника инженерной службы в ПВО Киевского военного округа. Вот такие судьбы, — у всех разные, как разные и люди и их жизненные пути.

Пусть меня простят мои однокашники — добрую половину взвода не упомянул только потому, что их судьбы обрывочными данными скупо просачивались в жизнь.

В самом начале службы погиб Витя Плахов — в Северо-Кавказском округе зацепился автокраном за провисшую высоковольтку и сторел.

Леня Кирилишин был командиром инженерного полка и за разминирование был награжден орденом «Красной звезды». Витя Техтыло, Витя Михайлов и Володька Артамонов — мы его звали «Коняга» — все эти ребята в первые же годы ушли из армии и вернулись в родной Калининград. Не знаю, как сложились судьбы моих ребят — Марика Медвецкого, Жени Фролова, Гены Макарича, Валеры Марцева, Вити Техтыло, Леши Воронова, Леши Шуманского, Сережи Дьяченко, Вити Первовского, Володи Князева, Вали Цветкова, Коли Ефременкова.

Простите мне ребята, что за суетой службы было не до переписок — нужно было служить. Надеюсь, что у Вас всех все благополучно.

До сего дня вспоминаю благословенные дни трех училищных лет.

Проучившись, первые полгода мы поехали в войска на стажировку.

Наше строевое отделение попало в полном составе в г. Советск — бывший Тильзит, знаменитый подписанием между Россией и Германией знаменитого Тильзитского мира. Все мы стали командирами отделений в саперной роте мотострелкового полка и начали тихо и мирно стажироваться. Тильзит — это небольшой старинный Восточно-Прусский городок на берегу Немана. Через реку переброшен высоководный мост, построенный саперами еще в годы войны из фанерных многослойных клееных ферм. А за рекой уже Литва, с маленькими поселками Пагегяй и Панемуне. Хорошие игрушечные поселки. Я специально в воскресенье на автобусе ездил их смотреть — типичные западные городочки. Мы не были бы курсантами, если бы сразу же не разыскали нормальный коллектив с девушками. Им оказалось местное педагогическое училище, и мы определились с нормальным времяпровождением в свободные вечера. Стажировка прошла на ура!

Климат Восточной Пруссии — теплый и влажный был весомым подспорьем в кроссах, пробежках и всяких разных соревнованиях, а то, что я еще в школе занимаясь боксом, накачал хороший пресс — вообще делало для меня все спортивно-физкультурные задачи — легкой прогулкой, чего не сказать многим моим товарищам.

Тогда и там я влезал во все виды спорта, в какие только мог — баскетбол, волейбол, ручной, стрельба, настольный теннис и многое другое. А вот лошадиный спорт — бег — не любил. Когда изредка выпадал снег — вспоминал своё заполярье и помногу ходил на лыжах. Ну а занятия были занятиями. Наши наставники прошли войну и в обучении были не только строги, но и непреклонны. Ночью устанавливали вручную минные поля на переднем крае — шел нудный и мелкий дождь, и приходилось буквально носом бороздить воду. Попробуй только поднять голову — сразу команда — Отбой! — На исходную позицию и начинай снова! И из-за одного снова начинали все — вот это действовало! Мокрые были насквозь и глубже, а выматывались, тягая по четыре мины — каждая по 10-12 кг — просто до ужаса. В казарме падали на койки и спали как убитые. А уж когда взвод был дежурным подразделением — перепадало нам по черному! Поднимали в 12 ночи и пешком гнали на станцию Свобода за 5 километров на разгрузку вагонов с углем. А когда под утро возвращались в казарму, то все спали на ходу, держась за ремень впереди идущего и автоматически переставляя ноги.

Но вернусь к ночным занятиям. Почему вода стояла на полях? Раньше у немцев буквально на всей территории была установлена дренажная система, где керамические трубки собирали воду на разных уровнях — неглубоко от поверхности тонкие, глубже — потолще и еще глубже до 15-20 см в диаметре собирали воду с полей и сбрасывали ее в Прегель. Конечно, после войны в это никто не вникал, да и не занимался — все пришло в запустение и вышло из строя. Вот такая арифметика.

Взрывные работы и разминирование — эти дисциплины стали глав-

ным подспорьем во всей моей службе в армии, поскольку лично сам от лейтенантских до генеральских погон занимался разминированием. Но об этом позже.

Был и еще один интересный эпизод в курсантской жизни. Уже на втором курсе ввели зимние каникулы на 10 дней во второй половине января и разрешили — кому недалеко — уезжать домой на побывку. Недалеко — это до Москвы, Ленинграда, Киева и тому подобное. У меня были знакомые нашей семьи в Питере, которые с удовольствием согласились на мой приезд. Кроме того — в Питере учился в институте физической химии мой друг детства Юра Калмыков и я, записавшись в отпуск, дал его адрес в институтской общаге. Если бы я знал, какие это будет иметь последствия — наверное, не делал бы этого. В последний день перед отпуском я попал в наряд по роте — дневальным. Но дневальный — это не только «дне», т.е. днем, но и ночевальный, т.е. несущий вахту у тумбочки при входе в казарму еще и ночью. В это время сержант — дежурный по роте тоже отдыхает и на это время ключи от всех помещений, в том числе и от оружейной комнаты передает второму дневальному, которым в этом наряде был Саша Соколов — мой однокурсник из нашего же взвода.

Здесь нужно отметить, что это был не просто Саша, имевший в то время всего 16 лет и крепкую мускулистую фигуру. Это был чудесный москвич, но из числа — оторви и выбрось — которого папа и мама от греха подалее пристроили в инженерное училище, а то бы посадили рано или поздно, скорее даже рано.

Сашкин папа — академик, светило в советской гидравлике был руководителем проекта и строительства Ассуанской ГЭС в Египте, и соответственно дома почти не жил, но семья ни в чем не нуждалась. Саня с раннего детства попал в круги золотой молодежи. Это про него написано:

*В Ленинграде — городе
У пяти углов
Получил по морде Саня Соколов
Получил и получил — и ладно
Значит, получил — не напрасно.*

Говорили, что Саня был знаком и с Володией Высоцким. Сашка был хорошим, компанейским парнем, но всегда был себе на уме.

В эту ночь я отстоял свою смену, лег спать, а утром получил проездные, отпускной, сел в поезд и через Ригу поехал в Питер.

Любимая третья полка в общем вагоне и утром — Рига. До Питерского поезда был почти весь светлый день, и я бродил по Риге — смотрел знаменитую Криш Барон Иелу, часы у мостика и прочие отменности — Рига тогда, да, наверное, и всегда была и осталась за границей в нашей совковии. Ленинград встретил небольшим снегом и небольшим морозцем, так что вязаная шапочка, что я купил в Риге — весьма пригодилась. Я быстро нашел

Юру Калмыкова — но у него была зимняя сессия, и я не стал ему мешать. Ударился в музеи — три дня ходил в Эрмитаж — как на работу — потом в музей флота на Стрелке, потом в художественные музеи — отпуск пролетел как за минуту. Правда Юрка говорил, что у них в общежитии был шмон, и кого-то искали, но ему было не до этого и деталей он не знал. Я тоже не придавал этому значения — а зря!

Ровно через 10 дней, но по традиции — без пяти минут 12 ночи я отместился у дежурного по училищу. Он на меня как-то непонятно посмотрел, но ничего не сказал, и я потопал в казарму. Там конечно никто не спал — все поприезжали из отпусков и делились впечатлениями, но косые взгляды в мою сторону были. Все начало разъясняться после того, как мой друг Женька Шувалов, отведя меня в сторону, тихо спросил — зачем я в ночь перед отпуском стырил из оружейной комнаты пистолет ПМ — Макарова. Все эти 10 дней на уши были поставлены все — разыскали весь наряд, который стоял в эту ночь — кроме меня, но все от этого дела открестились. Остался один я, и полагали, что я приехал из Норильска — а это Норильлаг, мало того на запрос в военкомат на Север ответили, что я с воинского учета не снимался, сбежал из города и числюсь в розыске. Попытка найти меня в Ленинграде — в общежитии института — тоже не дала результатов — не нашли и даже не было такого в Питере в помине. Я лег спать, зная, что все это чепуха. Но утром, еще до общего подъема меня разбудил некто в штатском, попросил пройти с ним. В штабе училища сбоку была незаметная дверь, куда меня завели, усадили перед столом на стуле и традиционно осветили настольной лампой. Пожилой подполковник ласковым голосом попросил рассказать, как я нес службу в ночное время. Я сказал, что нес службу по уставу — тут сзади заорал этот штатский — тебя гад, спрашивают, как нес, а как по уставу мы без тебя знаем. И хотя у меня коленки подрагивали — я сказал подполковнику — если этот будет орать, то я вообще разговаривать не буду. Тут же этот штатский вышел, и мы продолжили разговор.

Через 30 минут все разъяснилось и с моей непричастностью и с тем, что я нигде и ни от кого не скрывался. Но того, кто свистнул пистолет, так и не вычислили.

Все выплыло наружу летом, когда на майские праздники из Москвы на побывку к сыну приехала мама Саньки Соколова. Она прогуливалась с комбатом по дорожке около батальона и спросила его — а зачем вы курсантам — еще мальчишкам выдаете пистолеты. Комбата как громом поразило. Слово за слово и выяснилось, что мама увидела у Сашки в чемодане среди вещей пистолет и на вопрос — откуда это? — Саша сказал, что это выдают каждому, как будущему офицеру уже на втором курсе.

Через 15-20 минут Саня уже показывал комбату и особистам тот кустик за забором училища, под которым он закопал пистолет в промасленной тряпке.

Не в то время и не в той стране родился Санька — в Штатах над этим

может быть, и посмеялись, как над шуткой — но не у нас — Саня вылетел из училища, и никакие заслуги папы не помогли. Через год его призвали в армию и следы его потерялись.

Отдушиной курсантских лет были отпуска на весь август, когда я на верхних полках добирался до Дагомыса — к родителям и нырял на месяц в ласковое Черное море.

Это поэма — поэма о подводном мире, который рядом с нами. Мало кто его видел и просто знает, что он существует, но какой он красивый, искристо переливающийся раздробленными водой лучами жаркого солнца, которые тысячами желтых шпаг пронизывают зеленую воду и уже через 2-3 метра мягко растворяются в зыбкой мутноватой синеве манящей глубины.

В маске с трубкой и ластах человек кажется большой птицей парящей между небом и дном — в мириадах пузырьков воздуха и переломанной бликами невесомой воде.

А в глубине проявляются как в ванночке с проявителем разломы скал, которые уступами уходят в таинственный мрак. И вот там, под скалами начинается пиршество подводной жизни, — боком, боком тикают зелено-коричневые крабы и крабики — пока не забьются в какую либо щель. А уж если не успевает — то расщеперивается всеми лапками, а клешнями старается ухватить за пальцы. И если схватит, то пробивает палец до кости и больно невероятно. Одной рукой его поддразниваешь, а другой заходишь сверху и резко хватаешь за панцирь — а потом резко вверх — уже не хватает воздуха.

Ласты работают как мощный винт, и ты на скорости вылетаешь из воды по пояс — как пробка из бутылки. И воздух, пьянящий воздух метрами, кубометрами вливается в легкие, успокаивая колотящееся сердце. А краб, размером с доброе блюдо пополняет запас будущей закуски к пиву.

А что за чудо рапаны. Эти полосатые пришельцы из дальневосточных морей очень быстро освоились у нас и начали активно уничтожать мидий — тоже чудесное лакомство Черного моря. Я привязывал к поясу сетку — авоську, а внизу, чтобы не болталась — к коленке резинкой. По две, три сотни за один заплыв набирал я рапан в погожие дни. От самых маленьких до размеров в кулак они рассаживались на выступах скал, как зрители в подводном театре. Иногда они вытягивали длинную ножку, которой отталкивались от точки присоски, и спирально красавица переползала на новое место. Этой же длинной ножкой, имеющей жесткие бугорки, рапана просверливает круглые дырки в створке мидии и высасывает с аппетитом все содержание.

Мало того, что пустые раковины рапан очень красивы, но они и вкусны необыкновенно. Каждый день после моря мы набирали ведро рапан, заливали водой и кипятили на костре во дворе нашей дачи. Потом шел процесс вытаскивания сваренной улитки загнутым гвоздиком, и при этом нужно было вынуть ее так, чтобы даже самая крохотная завитушка тоже вылетала, иначе она оставалась внутри и шибко воняла. Тогда ракушку на

все лето закидывали в муравейник, где муравьи четко делали свою работу.

Из всего содержимого очищалось белое мясо — главная мышца, мелко рубилась и смешанная с луком и политая уксусом становилась чудным закусоном к любому столу. А сотни ракушек по 10 копеек за штуку забирал один дядька, который потом их чистил, покрывал лаком и бодро торговал по умеренным ценам тысячам отдыхающих.

На вырученные дармовые, денежки я купил себе ласты, маску с трубкой, а потом и подводное ружьё с резиновым взводом. Все это только — только начало появляться в спортивных магазинах юга.

Уже потом, работая командиром взвода инженерной разведки, я в полной мере освоил наши первые акваланги, тренируя своих разведчиков в красивой бухте в Рабочем Уголке на ЮБК (южном берегу Крыма). Вот там, на глубине 12-14 метров действительно были крупные экземпляры рапан. А для отпусков я переделал изолирующий противогаз ИП-4, привозил полный чемодан фильтрующих патронов и бродил под водой в свое удовольствие. Все эти дайвинговые, как сейчас говорят, увлечения порядком укрепили мою дыхалку, да и здоровья прибавили в полной мере.

За время летних отпусков я, как курсант военно-инженерного училища капитально напрактиковался в бетонных и других строительных работах. Всей семьёй мы возводили двухэтажный дачный дом своим родителям среди тропических зарослей окраины поселка Дагомыс — рядом с Сочи. Сейчас его уже нет. После смерти родителей эту территорию выкупил Ленинградский горисполком — под раздачу попало 5-6 участков. Сейчас на этом месте построена длинная пятиэтажка на три подъезда, где живет обслуга Питерского санатория в Лоо. Правда, питерцы сестре — Любе купили 3-х комнатную квартиру на окраине Сочи, а брат — Славик получил однокомнатную в многоэтажке здесь же — в Дагомысе.

Ну а мне, поскольку я тогда уже был подполковник и имел квартиру в Тбилиси — сказали, что за Вас уважаемый — государство уже позаботилось.

В народе говорят — как она не болела — все-таки померла. Так и для меня кончились три года курсантской жизни. Сданы все экзамены, зачеты, сделаны отдельные и общие фото уже в лейтенантской форме, форма сшита и получена. На последнем построении выпускников нам вручили дипломы об окончании и дали проездные документы уже в купейном вагоне. И был это последний выпуск того, бывшего Московского училища, а на наше место уже переселялось Ленинградское инженерное со своим названием, знаменем и высокорослым генералом - начальником училища.

Назначение я получил неожиданно для всех и для себя тоже — в Одесский военный округ. Когда один из наших педагогов — хороший полковник с минновзрывной кафедры — узнал, что я еду в Одессу — сгреб меня в охапку и отдал бутылку коньяка. Там, в Одессе есть начальник штаба инженерных войск — зам начинжа — полковник Холопцев — мой лучший друг и кореш с лейтенантских лет. От меня передай ему огромный привет (с коньяком).

4. ЖИЗНЬ ЛЕЙТЕНАНТСКАЯ

Двое суток колесных перестуков и я в объятиях своих — тогда еще молодых родителей и моей боевой подруги — Гали Макаровой.

Еще в конце выпуска я написал письмо своей Галине и ее маме — Ольге Спиридоновне с предложением Галке — руки и сердца, а у мамы — разрешения на женитьбу. Согласие было получено и на другой день после моего приезда — это было 5 сентября 1960 года, мы чинно потопали в Дагомысский поссовет. Скромно зарегистрировались — распили шампанское и так же вчетвером вернулись на дачу, где уже ждали соседи на свадебный обед. Так мы и поженились — скромненько, но со вкусом.

Месяц отпуска поистине был у нас медовым, с поездками на озеро Рицу, Сочинский Дендрарий, на гору Ахун и спуском по Агурским водопадам. Ну и конечно море, море и море. Все пролетело как день и я, отправив Галю самолетом в Норильск — сам сел на теплоход «Адмирал Нахимов» до Одессы. Осталась у меня на память фотокарточка — «лейтенант — на Адмирале». Долго я ее рассматривал, когда случилась трагедия с этим теплоходом, который попал к нам по послевоенным репарациям. У немцев он ходил под названием «Адольф Гитлер».

Два дня болтанки и вот она — Одесса, порт, Потемкинская лестница — одни легенды вокруг. В штабе округа меня хотели отругать, поскольку прибыл самым последним из всех получивших назначение и тут положение спас полковник Холопцев, которому я передал коньячный привет от его друга из Калининграда.

Дело в том, что Галина уже тогда училась в Норильске в медицинском училище, и мне нужно было попасть в город, где такое училище есть. Холопцев обозвал меня чудачком на букву «М» поскольку в Одессе все места уже были розданы. На мое счастье отыскалась должность командира взвода разведки в 9-ом корпусном саперном батальоне — в Симферополе. И опять теплоход «Петр Великий» — до Ялты, а потом автобусом до Симферополя. Из штаба 32-го армейского корпуса меня забрал дежурный грузовичок.

«Здравия желаю товарищ майор! Лейтенант Рогожкин для дальней-

шего прохождения службы прибыл!» Навстречу поднялся, подтянуто поджарый майор с усиками, боевыми колодками орденов, перетянутый ремнями, как белогвардеец с киноэкрана. Здравствуйте лейтенант! Начальник штаба майор Чегнецкий! Вы погибли вовремя и позагез нужны сейчас. Ставьте Ваш чемоданчик сюда. — Вот командировочное для выезда на газминирование по районам области. Знакомьтесь — это сегжант Богис Постогонко — он опытный сапег и поедет с Вами на выполнение задачи. Оказывается Чернецкий вместо Р часто ставил букву Г.

Потом меня завели к батяне — комбату — подполковнику Роденко — полному фронтовику с нездоровым опухшим лицом. Уже через час мы тряслись на грузовом Газоне в Евпаторию на склады за взрывчаткой. Так началась моя трехгодичная служба в Крыму, из которой только год я был в части, а два года мотался по командировкам — в первую очередь конечно — по разминированию.

Через неделю вдосталь, навзрывавшись всяческих снарядов, минометных мин и всякой другой гадости — мы вернулись в часть, поселок Свобода на окраине Симферополя по Феодосийскому шоссе. Должность мне досталась от уволенного по решению офицерского суда чести старшего лейтенанта Чевычелова, который за семь лет службы дорос до старшего. Но пил при этом упоительно и никакому исправлению не поддавался. Он уже уехал с сыном к родителям в Донецк и только на пару дней вернулся за женой. Валерка Чевычелов оставил мне крепкий, сколоченный отдельный водолазно-разведывательный взвод, который напрямую подчинялся майору Чернецкому. Вместе с должностью мне осталась и квартира в две комнаты из трех, — левой половинки финского деревянного домика — на Карьерном переулке 15 — прямо за забором нашей части. Поставил я солдатскую кровать, уложил матрац, набитый соломой с хоздвора части и поставил на табуретку приемник «Турист» — мою гордость — купленный перед выпуском на деньги «черной кассы» еще в Калининграде. Современная молодежь может и не знать — что такое «черная касса». Это когда 5 курсантов в течение 5 месяцев скидываются ежемесячно по получке — и отдают ее одному из всех — по жребия — кому когда.

Вот тогда на эти деньги и можно купить, что — либо хорошее для себя. Тогда в моду вошли первые малогабаритные приемники «Турист» на батарейках и с приставкой для сети.

По вечерам я холостяковал с этим приемником и громкой музыкой с друзьями гулял по местному Бродвею — улице Гоголя, где стоял Дом офицеров. Играли мы и в бильярдной — в подвале Дома офицеров, где основными ассами были Витя Хомкин — майор — наш батальонный медик и зам комбата — майор Коля Лохматов. — Все фронтовики — молодые боевые ребята — в них еще все играло после тех боевых лет. Лохматов был основным зажигателем всех хохм. Они с Витей спускались на несколько ступенек в бильярдную, и Коля из под потолка спрашивал — фраера

залетные есть? — Все дружно вытягивались, прижав кий, как ружье к ноге и дружно говорили — Никак нет Николай Александрович! — Ну, хорошо — мы с Витей наверху пивком побалуемся — если что — свистните.

Здесь надо сказать, что Лохматов был не просто асс в бильярде — он классически обыгрывал всех и вся — иногда с одного захода. Мало того — он стал моим учителем в бильярде, в котором я потом тоже немного преуспел. Николай был не только «зажигателем», но и прекрасным спортсменом. Во многом благодаря ему, у нас ключом бил спорт и физкультура. Почти каждый день после развода мы на пиво играли в волейбол, гоняли в футбол и баскет. Тогда еще батальон был полного штата — около 500 человек и жизнь кипела во всех ее проявлениях. Проводились чемпионаты корпуса, округа, первенство среди частей и масса других соревнований. Я даже вспомнил свою футбольную Норильскую молодость и в огромной кепке и свитере играл за сборную части вратарем. Галина обхохоталась, видя эту мою игру.

Этому способствовали и молодые как лоси командиры взводов — старшие лейтенанты Володька Садчиков, Володя Кузнецов, Володя Маркелов — мы их так и звали — три-Воло! Маркелов и Садчиков холостяковали и жили на втором этаже деревянного здания наискосок от входа в Салгирский городской парк. На первом этаже с парадной стороны располагалась знаменитая в Симферополе и даже окрестностях забегаловка со звучным названием «Зеленый попугай» а мы звали этот шалман Зеленый какаду. Кстати в нем работал один из немногих оставшихся крымский татарин, который готовил изумительные сочные чебуреки. А в комнате у холостяков на деревянной стенке над кроватью висел крупноразмерный бюстгальтер, прибитый двумя мостовыми гвоздями по 250 мм каждый.

Все холостяки имели мотоциклы «Ява» и были головной болью для комбата Роденко. Однажды он арестовал мотоциклы в парке части на выходные дни. Тогда в процесс включился я со своими разведчиками.

Втихоря, в субботу мы в тыльной части парка перекинули через двухметровый забор из ракушняка длинную доску — шестидесятку так — что с другой стороны вверх торчала вторая половина доски. Первым по доске рванул Садчиков — наверху доска наклонилась в сторону дороги за частью, и зазвенели железяки от мотоцикла. Мы кинулись к забору. Володька поднялся, потер ушибленное колено и сказал — на перегибе не газуйте а, плавно притормаживая, спускайтесь. Так они втроем и укатили гонять по ЮБК, — Южному Берегу Крыма.

Гэсэмщиком был Серега Ярославцев — боевой волейболист и баболоб.

А через год из Николаева к нам перевели худого и длинного старшего лейтенанта Гая Будовича, — тоже командира взвода с восьмилетним стажем. Ярославцев получил новую квартиру в городе, а Гай стал нашим соседом, по маленькой коммуналке. Гай Будович — это отдельный рассказ с

экскурсом в историю.

Его отец Будович был одним из корифеев в штабе Первой конной армии Буденного. Имя его фигурирует в исторических хрониках. Где-то в 32-34 годах у него родился сын, которого он назвал Гай, в честь своего друга — революционера Гая. Сам Будович не дожил до 37-х годов и умер — только потому и не был расстрелян, как и множество его боевых друзей. Гая отдали в детский дом для детей ветеранов революции. По совершеннолетнему возрасту, друзья отца определили Гая в мореходку. После трех лет учебы парусник с курсантами ушел в кругосветку. Из Лос-Анджелеса во Владивосток бриг ушел без Гая, который вдрызг запил на берегу и скитался где-то по дворам и задворкам. По прошествии недели, по трезвому, он добрался до советского консульства и последним пароходом через океан был отправлен в Магадан. Год зимовки в Магадане — до следующей навигации принес Гаю массу наколок, умение пить спирт и все спиртосодержащее, а также железный авторитет среди местных паханов. Когда Гай добрался до Большой земли, его пристроили в Московское военно-инженерное училище, которое он и закончил где-то в 52-53 годах. Судьба гоняла его по многим частям, начиная от станции Парижской — сейчас это Веселый Кут (угол). Кстати это слово во многих языках означает — угол. Так в грузинском — кут хури переводится как — угловой — это всегда со вкусом говорил Котэ Махарадзе. А в украинском языке слово кутувий — тоже означает угловой в футболе.

После войны 1812 года и победного марша Россиян по Франции — многие мелкие городки получили офранцузенные названия. Так в Одесском военном округе можно было оказаться в Париже, Тарутино, Болграде, Сарате и других Татарбунарах.

Потом Гай перебрался в учебный батальон в Николаеве, где стал лидером всех группировок, какие только можно было придумать, и конечно, руководство быстренько сбавило его в Симферополь. Гай не боялся никого и ничего. После поддачи он хватал кухонный нож и начинал гоняться за своей сожительницей — Валькой, — которая хоть и была милой и очаровательной, но тоже умела за себя постоять. Усмирить его могла только моя Галина, которая выходила в коридор — отбирала у него нож и говорила — Гай — ты напугал мою Маринку — ну-ка марш спать в кладовку. Гай послушно сдавался, будучи в трусах и майке при любой погоде закутывался в большой бараний тулуп и могуче храпел за дверью кладовки. В службе он был исполнителен, но только до вечера, вернее до своего свободного времени, которое он никому не отдавал. А вот на разминировании ему не было равных. Это был опытный специалист и в командировках не позволял себе ни грамма. Наверное, потому он и не вылезал из командировок. Но уж если вырвался — то гудел на всю железку.

Вспоминается один эпизод, когда наш батальон в начале марта загрузили в эшелон и срочно откомандировали в Николаев — на полигон в Со-

ляные — окраине Николаева — учебных полях учебной дивизии. Готовились крупные учения Сухопутных войск, которые должны были пройти от Тарутинского полигона в Бессарабии — в Буджакской степи — через Широколановский полигон и заканчиваться на учебном центре Соляные — под Николаевом.

Батальон жил в палатках на полигоне. При отъезде в Симферополь было +18 тепла, и я взял с собой только плащ — накидку. А на полигоне лежал снег, и было при холодном ветре до — 2 — 3 градуса. Хорошо, что в палатках топили буржуйки, но под утро я все равно просыпался под плащ — палаткой, покрытой тонкой ледяной корочкой. Потом меня с взводом перекинули в учебный батальон и я жил в казарме — а батальон стоял напротив тюрьмы. У нас шутили — смотри, чтобы не оказаться напротив батальона. А основания для этого были реальные.

У меня во взводе разведки всегда хранилось все спортивное оружие батальона — в том числе и малокалиберные пистолеты «Марголина» — с обоймой на 7 патронов и длинным стволом как у «Парабеллума». Когда поехали в командировку, я один пистолет взял с собой, проделал дырку в заднем кармане галифе, чтобы затолкать туда длинный ствол и все получилось очень хорошо. Гуляя по Николаеву вечером, я возвращался в часть поздненько, и было страшно идти мимо темных тюремных стен да еще при разбитых лампочках. То, что Николаев был тоже бандитским центром, я уловил, когда впереди вдруг вырос парень и попросил спички — я скомандовал — стоять, где стоишь — и бросил ему коробок. А рука уже была в кармане, но ствол зараза был длинный и с трудом вылезал из дырки в кармане. Когда я его выдернул, парень ухватился рукой за ствол и в этот момент я выстрелил. Видать пуля обожгла парню руку — он хрюкнул и как-то мгновенно растворился — я оглянулся и увидел, что еще две фигуры улепетывают в темноту. Ну а я как на стометровку рванул к КПП в часть. Выскочили солдатики — что случилось товарищ лейтенант? — Не знаю — говорю — вроде бы кто-то стрельнул. На стенке тюрьмы включили прожектор — но я уже был в части.

Второй раз пистолет сыграл свою роль в ресторане, когда мы, молодой лейтенантской гурьбой завалились в ресторан «Украина», сели за столик и долго ждали, когда нас обслужат. Когда терпение кончилось — я подозвал официанта, вынул пистолет и шлепнул его на стол. Уважаемый, — говорю — давай быстренько пиво на всех и по паре поджаренных сосисок — только быстро, а то мы устали ждать. Парень побелел, но бегом кинулся исполнять — сразу три официанта принесли пиво, сосиски. Через минут 10-15 мы рассчитались и быстренько слиняли за угол, где стояла наша дежурная машина. На другой день зам комбата подполковник Рожков долго допытывался, кто напугал пистолетом официантов в «Украине». Наряд комендатуры через полчаса был в ресторане, но конечно уже никого не нашел.

Этот эпизод за общим столом рассказал всем генералам — начальник

инженерных войск генерал-полковник Владимир Павлович Кузнецов, когда мы отмечали в Москве юбилей нашей Военно-инженерной академии. Вот — говорит — каким сорвиголовой был наш генерал Олежка Рогожкин в лейтенантской молодости. Правда, в этой компании в ресторане был и старлей Володя Кузнецов. А через некоторое время замполит произвел обыск в нашей палатке и нашарил у меня под подушкой пистолет. Когда мы вечером вернулись из города, я обнаружил пропажу, а дневальный доложил, что в палатке шарился замполит. Все офицеры возмутились и вызвали для ответа замполита. Тот сначала было начал повышать голос, но возмущение было настолько мощным, что он перепугался и, заявил, что это все случайно, что он перепутал палатки и так далее — короче — он вернул мне пистолет, но утром попросил, чтобы я его положил в штабной сейф до возвращения в часть, — что я и сделал. Никаких последствий для меня это не повлекло. Было не до того. За несколько дней до учений генерал армии Колпакчи — тогда Командующий Сухопутными войсками Министерства обороны — на Тарутинском полигоне погиб, разбившись вместе с вертолетом — в сорока метрах от земли отлетела лопасть вертолета. Учения отменили, нас погрузили в эшелон и уже в мае мы вернулись в Крым.

В своих воспоминаниях я лихо отошел от темы Гая Будовича — а зря! В Николаеве мы как-то всей компанией хотели зайти в ресторан около ж/д вокзала, но дверь была закрыта и неумолимый швейцар не пускал никого. Минут пять прошло в перепалках и просьбах — никакого эффекта. И тут к стеклу протиснулся Гай! Никто не понял, что произошло. Дверь распахнулась и швейцар, напололам согнувшись, завопил — Гай Владимирович! Проходите дорогой Вы наш! Нас он хотел осадить, но Гай сказал — эти ребята со мной — Петрович! И мы с разинутыми ртами оказались за заветной дверью. Петрович куда-то исчез, а на Гае повисла грудастая администраторша с аналогичными воплями. Через несколько минут мы уже сидели за служебным столиком и над нами хлопотали две официантки.

Все попытки выдавить что-либо из Гая ни к чему не привели, но на наш столик периодически приносили питейное — то от одной, то от другой компании — и всё — от друзей — для Гая Владимировича! Вот тогда мы здорово погуляли!

В начале мая был какой-то знаменитый футбол, но мы были на полигоне и конечно билетов не достали. А так хотелось посмотреть.

Гай сказал — постойте здесь — билеты будут. Минут через десять зашморганый пацан подошел к нам, смерил всех взглядом и пробурчал — Ну фраера — вам чёли билеты нужны? Мы хотели дать ему по шее — этих перекупщиков было пруд — пруди! Пацан отпрыгнул — Больно вы мне нужны! Это Гай Владимирович сказал передать вам ваши места! А Гай уже встречал нас на трибуне на вполне презентабельных местах. Слухи потом все-таки подтверждали его старые связи с Колымско-Николаевскими ав-

торитетами, что собственно и послужило причиной его срочной отправки в Крымскую ссылку. Послесловие судьбы Гая Владимировича. Он стал полковым инженером в Керчи, получил майора, очень много разминировал в Аджимушкских каменоломнях и катакомбах и уволился в запас, став почетным гражданином города Керчь. Уже генералом я был на проверке в Керчи, где встретился с Гаем. Он развелся с Валею, хотя она осталась жить в Керчи. Их сын пошел служить в гидрометеослужбу авиации, и я подключался к его устройству на должность где-то в Виннице. Гай сошелся и уже долго жил с другой женщиной — большой и хлебосольной. Я был у них в квартире, и ручной волнистый попугайчик долго топтался у меня на погоне, потербил мочку уха, сказал — Стой! Кто идет? Потом по спине потопал на другое плечо, при этом сам себе командовал — Раз, два, — Раз, два! На левом плече он ткнул меня в ухо и заорал — Стой! Стрелять буду! Я чуть не помер от смеха!

А вот когда с Гаем заехал к Вале, то я её вначале даже не узнал. Встретила меня сухонькая старушка, в которой с трудом угадывались черты бывлой красоты и молодости. Злая судьба. Уже потом Гай мне сказал, что у нее рак. Это он так изуродовал такую красоту. Через несколько месяцев Гай написал, что уже похоронил Валью. Такая нелепая смерть.

Гай сейчас в Керчи, изредка пишет и все так же возится со школьниками в кружке юных саперов.

Жизнь нашего батальона шла по своим военным рельсам. Наступил новый 1961 год — уже Крым переходил на «рідну мову». На магазинах появились вывески — Гудзики. Панчохи та шкарпетки. Изменили деньги — один к десяти и моя получка из 1180 рублей превратилась в 118 рублей. Те копейки, за которые на рынке покупалась зелень и овощи — все кануло в небытие и жить стало труднее. А тут еще сработал войсковой принцип — Снег, мороз, январь холодный!!! В отпуск едет Ванька взводный.

Конечно, было бы лучше — Солнце жарит и палит! — В отпуск едет замполит! Но до этого было еще ой как далеко!

Ну а с 15 января я как молодой взводный рванул в отпуск. У зам. начштаба, который оформлял мне документы, последние волосы выпали. Отпуск я оформил в Норильск. Начали смотреть по карте — как туда проехать. До Красноярска можно поездом — это 7 суток, а потом только на собаках или самолетом. Но на самолет тогда лейтенантам не оформляли.

Поехали с другой стороны — до Воркуты поездом, а дальше опять самолетом — это опять 7-8 суток. Остановились на втором варианте, а на самолет требование дали только после подтверждения штаба округа. Я взял билет на самолет от Симферополя — до Норильска, конечно, доплатил некоторую сумму — тогда самолет не кусался и был по деньгам даже для лейтенанта. Симферополь — Москва — это полтора часа полета, а вот потом из Быково — был такой аэропорт под Москвой — на потрепанном ИЛ-12 — это двухмоторный винтовой вариант улучшенного Дугласа мы в январскую стужу и

метель вылетели на Воркуту. Через час сели в Горьком — на полдня по погоде, затем Сыктывкар — на 3-4 часа, потом также последовательно с болтанкой и остановками приземлялись в Ухте, Печёре и только на второй день добрались до Воркуты, где застряли почти на день — над Дудинкой и Енисеем свирепствовала пурга. Только на третий день после двухчасовой болтанки мы сели в Дудинке, поскольку на аэродроме «Снежный» в Норильске было -63 градуса и висел морозный туман. Нас перевезли на станцию железной дороги, и мы еще ночь катили от Дудинки до Норильска. Это уже была широкая колея и теплые современные вагоны.

Запомнился чисто полярный эпизод в маленьком домике аэропорта в Дудинке, пока ждали погоду в Норильске. Заходит с мороза, весь в клубах снега большущий летчик, в меховой куртке, штанах и торбасах — кричит — Мужики, кому надо в Хатангу — полетели на У-2, а то у меня там жена рождает! Мужики! — Кому надо в Хатангу? Тут же нашелся какой-то попутчик, и они по поземке потопали к кукурузнику. Я представил себе, как этот фанерный ящик пробивается через снежную круговерть и его кидает как бочку на океанских волнах. Жуть, да и только. В Норильске меня встречала вся родня с огромным тулупом и такими же валенками. На станции я выпрыгнул в серой парадной шинельке, шапке с ушками, завязанными сверху и тоненьких хромовых сапожках. В воздухе было минус 58 градусов. Вместе с сапогами меня всунули в валенки, закутали в тулуп и таким путем впихнули на заднее сиденье «Волги».

А через пару дней в квартире мамы Оли гремела свадьба по Норильски. Помню только что на спор, я смешал спирт, вино, пиво и шампанское и выпил эту кружку. Очнулся я через сутки в маленьком закутке Галкиной комнатухи. Тетку — Марусю — родственницу — чуть не побили за выигранный спор, но свадьба все равно гуляла и без меня. Месяц мы кувыркались с Галиной в свободном полете — она даже не бегала в свое медучилище. Иногда я ночевал у старшего брата Славика — он холостяковал в однокомнатке, иногда — в большой квартире сестры Любы, где весело гудел ее огромный Юрка Грицаев — муж — подземник. Работал он на руднике — на глубине где-то более тысячи метров. Уже тогда у них была дочь Ленка и чуть меньше — сын Борька, названный в честь деда — Бориса Ивановича. Сходил я в свою родную школу, где еще были мои старые учителя — Дония Александровна Волох — старая химичка. Она уткнулась мне в плечо и всплакнула — А я — говорит, и не думала, что из тебя выйдет, что-либо путное — а ты вон гляди — офицером стал, тем более сапером — даром, что мне кабинет чуть не взорвал. Побегал по спортзалу с нашим физруком Вишняковым — мы его звали «Фанера!» — потом дернули бутылочку коньячка у него в подсобке и довольные разошлись по домам.

Самое интересное, что я почти весь отпуск провел под водой — в огромном плавательном бассейне, который комбинат построил на верхушке парка за нашей школой. Парк — это относительно, поскольку он имел только

дорожки и вбетонированные скамейки, а между дорожками — голая тундра — как побритая голова, заваленная в низких местах сугробами. А бассейн был великолепен. Я уже рассказывал, что огромная ТЭЦ города сбрасывала кипяток в озеро Долгое, в центре города.

Когда мы заканчивали десятый класс, то в Первомайские праздники решили искупаться в озере. И хотя на улице был мороз под тридцать градусов — это было не так страшно, поскольку большущие трубы с кипятком от ТЭЦ шли вдоль озера и по всей своей длине через разбрызгивающие форсунки выбрасывали кипяток вверх. Охлаждаясь на морозе, кипяток уже теплым сливался в озеро. Вокруг парило как в парной и мы, шустро раздевшись, полезли в теплую воду. Поплескались немного для форсу, немного согрелись питейным и довольные удрали по домам. Как мы тогда не простудились, — сам не знаю.

Теперь становится понятным, почему обеспечение бассейна подогретой водой было сущим пустяком. Забрал я у брата его абонемент, ласты, маску с трубкой и по полтора-два часа плавал в свое удовольствие в этом, голубовато хрустальном огромном брикете воды. А потом пришел февраль, Галя осталась доучиваться, а я улетел на свои Крымские юга.

Началась весна — сезон разминирования и опять пошли командировки. Солдаты служили тогда 3 года, и моим водителем на это время стал Петя Воробец — чудесный мальчишка с Луганщины. В командировки со мной ездили практически все мои разведчики — по очереди, которая свято соблюдалась. Однажды разминировали на огромной бахче — на Сивашах. Когда собрали снаряды и мины времен войны, я спросил разрешения у сторожа набрать немного дынь для своих солдатиков. А пусть — говорит сторож — один пойдет и наберет — сколько унесет. Я послал крупногабаритного гагауза — Витю Карру — минут через 20 из-за бугра показалась гора дынь, а за ней прорезался идущий боком Карра, который умудрился нагрузиться в оттопыренную снизу гимнастерку целой горой — благо там сборщики от совхоза поработали капитально, а Витя всего-то ростом в 2 метра небрежно это все донес до машины. Сторож только рот раскрыл от удивления, но ничего не сказал, а простился с нами тепло и душевно.

Вообще-то принцип разминирования был прост, как колесо, — по заявке приехал, тебе показали, где и что нашли — как правило, военком района и, если место безлюдное, то тебе осталось на месте взорвать эти заряды и написать акт об уничтожении и списании использованной взрывчатки. По закону — люди должны были ехать на отдельной машине, а взрывчатку и детонаторы перевозить на второй машине. Но машин не хватало, и мы колесили на своем ГАЗ-66 — вездеходе, все вместе — и люди и взрывчатка. Ящик в 25 кг с взрывчаткой лежал у меня в ногах, а детонаторы с огнепроводным шнуром — в карманах бушлата на груди, чтобы нигде не удариться и не взорваться. Учитывая, что взрывчатки много с собой не брали, мы в течение дня собирали в кузов все, что было в заявках, а в конце дня нахо-

дили пустое поле или овраг и все сразу уничтожали.

Однажды это все сыграло со мной злую шутку. Работали в Джанкойском районе на Сивашах и за день собрали больше полсотки всякой всячины — и мины и гранаты и снаряды.

Под вечер, на ровной, как стол болотине этих гнилых мест я нашел оплывшую воронку от авиабомбы на полметра глубиной, сгрузил снаряды в горку, обложил ее взрывчаткой и приготовился к взрыву. Петю Воробца отправил в сторону деревни, чтобы перекрыл дорогу, а сам где-то за 80 метров нашел старую воронку, чтобы бежать туда и спрятаться при взрыве. Молодому бойцу дал фонарик, чтобы светил и сам зажег огнепроводный шнур, сначала контрольный, а потом боевой на взрывчатке. Выскочил из воронки, чтобы бежать, а моего бойца и след простыл. Уже стемнело и пятно от фонарика бежало уже где-то метров за десять — но в другую сторону. Я в ужасе рванул за бойцом, догнал его, и опять помчались к месту подрыва, где шипел и выкидывал по сторонам искры шнур к детонатору. Около воронки сориентировался, и мы рванули в сторону спасительного укрытия. Но контрольный шнур без детонатора — точно такой длины — как боевой — уже подгорал к концу и где-то за секунды до взрыва я завалил своего пацана и упал сам, оставив ноги в сторону взрыва. Грохнуло так, что отключило сознание и нас наполовину засыпало мокрой грязной землей. Привел нас в чувство водитель — Петя Воробец. Нас спасло то, что мы далеко не убежали и все осколки пролетели у нас над головой — мы как бы оказались в мертвой зоне и счастье, что она в действительности не оказалась для нас «мертвой». Контузило нас капитально, и почти неделю я проездил глухим. Такие вот конику случались в этих поездках. Почти год я ничего не говорил Галине об этих командировках и только много позже, когда подрывалась одна группа дивизионных саперов, а мы в это время тоже бороздили поля Херсонщины — тетку из поселка прибежали к нам домой и здорово перепугали Галину.

К маю 1961 года Галина прилетела ко мне. У нее уже было несколько месяцев беременности, и мама Оля немедленно отправила ее ко мне — езжай к мужу, и будете вместе — нечего по разным углам в разбежку жить. Моя мудрая и любимая Тёща — с большой буквы!

Так мы прожили свою нелегкую лейтенантскую жизнь на окраине Симферополя. Конечно на 118 рублей вдвоем, а в октябре родилась Маринка — уже втроем прожить было нелегко, но помогала мама из полярного Норильска, а больше всего помогали командировки по щедрому югу Украины и Крыму. С приездом в совхоз или колхоз председатель или бригадир во всех вопросах шел навстречу — лишь бы мы забрали с поля выпаханные снаряды — иначе люди не работали — боялись. Были, к сожалению и случаи когда трактористы подрывались на снарядах.

Приезжаешь в деревню — говоришь председателю — мол, нужно заправиться — он тут же лезет в стол и вытаскивает пару бутылок водки — есть

заправка!

Приходилось объяснять, что нужно машину заправить. И тут тоже никогда отказа не было. Более того — кормили везде как на убой — доотвала, да еще в дорогу давали.

Однажды осенью заехали к хлеботоргам — бригадир говорит — лейтенант — есть три рубля? — На — говорю. Поехали. На складе закинули в кузов мешок пшеницы и поехали на мельницу. Отдали мельнику трояк и тут же взамен мешка зерна вынесли мешок отборной муки — высшего сорта и прекрасного помола.

Почти целую зиму мы с Галиной и все наши соседи пекли и жарили из этого мешка — так вот коммуной и выживали.

А однажды меня с взводом бросили в Азовский район — один из подшефных виноградарских совхозов — но убирать не виноград, а копать для колхозников картошку. Поселили моих 12 бойцов по хатам в небольшой деревушке — отделении совхоза.

Вышли на картошку — а вокруг виноградники стоят необранные и по этому налитому крупному винограду — коровы ходят! Я говорю бригадир — что ж вы делаете — золото под копыта, а вы нас на картошку. А он отвечает — по винограду мы план давно перевыполнили, а вот картошкой мне сельчан всю зиму надо кормить. Вот такие перегибы социалистической экономики — я уже не говорю об огромных красных полях необранных помидор — когда председатели просили — берите, сколько вам нужно — только тару-ящик — не трогайте, и мы машинами привозили помидоры в часть и домой.

А по картошке я объявил конкурс — кто найдет самую большую картофелину — кидай в меня. Через час большая матрасовка — как говорили тогда — комсомольский мешок — был набит отборной картошкой — что тоже в зиму спасало и нас и соседей.

Правда были и свои сложности. Смотрю — мои бойцы к вечеру уже чуть тепленькие и пьяненькие. Оказалось — все просто — кругом виноград — в каждом дворе свое вино и своя чача — самогонка. А многие тетки для крепости в вино напихивают всякую дрянь — типа табака, который тоже там выращивают. Вот и подпаивали сердобольные молодых ребят этим пойлом. Собрал я своих и предупредил — разрешаю только в обед и вечер — по кружке вина — и все — перед едой, чтобы не гудело в голове. Кто нарушит — немедленно отправлю в часть. Все действовало безотказно и никаких забулдонов не было и в селе был порядок. Правда, потом замполит долго меня пилил — как это так — вы узаконили пьянку солдат. Я попытался ему объяснить, что тут никакие запреты не помогут, а только ухудшат положение. Но он этого так и не понял.

Вот так семейную не богатую лейтенантскую жизнь выручали наши командировки в южных степях Украины.

20 октября 1961 года я стоял начальником караула в наряде по части.

Вечером прибежала соседка и сообщила, что тетки ведут мою Галину под руки — воды отошли и нужно рожать. Срочно подогнали дежурную полуторку и по лесенке аккуратно подняли Галину в кузов. Ну что можно поделаться с молодым идиотом в звании лейтенанта — для нас тогда было незыблемо, что старший должен сидеть в кабине, а не беременная женщина на сносках. Потихоньку доехали до роддома — недалеко от вокзала, передали Галю с рук на руки медикам, и я умчался в часть — уже подходило время менять караул на постах. А где-то в 4 часа утра звонок из роддома — поздравляем Вас папаша с дочерью. Так появилась на свет моя Маринка — и я сразу бросил курить. Из роддома Галю с дочкой забирала опять таки соседка, а я в это время колесил по Херсонской губернии на разминировании. Нашей зоной ответственности был Крым, Херсонская область до Днепра, на север почти до Запорожья и на восток — до Бердянска на Азовском море.

К этому можно добавить строительство Северо-Крымского канала, на котором постоянно находилась одна группа разминирования от батальона. Строился канал очень тяжело, особенно когда его протягивали через Юшуньские позиции, Турецкий вал, через Перекоп. Сначала саперы проверяли грунт на глубину 25-30 сантиметров миноискателями и щупами, только потом автоскреперы и бульдозеры срезали этот проверенный слой и вытаскивали его за ложе канала.

Затем процесс повторялся и повторялся и повторялся. На Турецком валу и Юшуни практически каждый квадратный метр хранил десятки снарядов, мин, а иногда и чугунных ядер, которые, кстати, очень даже прилично взрывались. Иногда попадались окопы, засыпанные землей, где истлевшие скелеты в касках, держа в руках трехлинейки — так и продолжали свой смертельный бой с врагом.

К сожалению, там, на разминировании мы потеряли двух солдат — рядового Маркасян и рядового Правого. В перерыве между работами они присели возле земляной перемычки перекусить, а в это время с другой стороны этой стенки начал работать бульдозер — обрушенный завал оставил их глубоко внизу и ребята задохнулись мгновенно.

Прошедшая война и до сегодня продолжает собирать свой печальный урожай на оставшихся боеприпасах. На майских праздниках 1962 года я закончил проверку праздничной трибуны — мы это постоянно проводили в порядке профилактики, как вдруг меня срочно вызвали на связь. Звонил майор Чернецкий, — Олег, срочно выезжай в Джанкой, машину к тебе я отправил. Там у себя во дворе подорвался насмерть Зам. Райвоенкома.

Через час я был на месте и с представителем военной прокуратуры определил, что этот майор утром прибрал мусор во дворе, поджег его и пошел в дом за ведром воды — залить костер, когда все прогорит. Пока он ходил, к костру подбежали соседские мальчишки, бросили в него небольшой алюминиевый взрыватель от авиационного снаряда и убежали. Ни-

чего, не зная об этом, майор наклонился над костерком и помешал угли палочкой. Раздался негромкий хлопок и зам. военкома упал. Маленький осколок, размером чуть больше спичечной головки, продырявил легонькую рубашку и пробил легочную артерию. Хлынувший поток крови мгновенно залил легкие и человек погиб. Человек, который прошел всю Великую Отечественную войну и не имел ни одного ранения. И таких печальных случаев, к сожалению, за время моей пятидесятилетней работы по разминированию было довольно много.

Видел я и того соленого солдата на Сивашах, который был сражен пулей, упал и остался в соленой воде до наших дней. Была на нем длинная артиллерийская шинель с привинченным орденом «Боевого Красного Знамени» с красной когда-то, а теперь позеленевшей розеткой ленточки. Солдат был — как живой — только зеленый. Где-то в 1961 году по экранам страны прошел фильм о Курских саперах и их героическом подвиге. Ни на йоту не умаляя подвига этих ребят, которые действительно показали всю трудность и смертельную опасность этой работы — могу сказать, что наши саперы эти подвиги совершали в режиме повседневной работы.

В одной из поездок я заскочил в колхоз, недалеко от Гвардейского, а мне навстречу уже бегут люди, сюда товарищ лейтенант, давайте сюда. Подъехали к хате, а там народ вокруг стоит, все тревожно смотрят и молчат. Захожу в хату, — сидит бледный хозяин, а рядом пацан, его сын, в полубморочном состоянии. Оказывается, этот засранец нашел в овраге почти новенькую гранату, принес домой и показал отцу — смотри, какая красивая штука, и выдернул кольцо. Отец, старый фронтовик успел своей ладонью сжать кулак сына вместе с гранатой. Сели они возле стола и просидели так почти три часа, не шевелясь. А я заехал совсем случайно, просто возвращаясь на базу, мы всегда подчищали села на обратном пути.

Я приказал своим бойцам, чтобы убрали людей с улицы — если придется кидать гранату в окно, а сам начал поочередно разгибать пальцы сначала у отца, а потом у мальчугана. За это время хватка окаменела, и стоило больших усилий перехватить эту проклятую гранату. Я вздохнул с облегчением, когда с Петей Воробцом доехал до оврага за селом, и граната гулко взорвалась в тенистом затишке ручья. Выехали мы только часа через два, поскольку селяне так просто, «живыми», без выпивки и закуски, нас не хотели отпускать. Я потом, в Германии, рассказал эту историю одному своему сержанту. Он написал в Комсомолку маленькую заметку на конкурс короткого рассказа и даже получил, какое то призовое место. Заметка так и называлась — Граната.

Однажды группа разминирования от батальона со старшим лейтенантом Володей Корниловым убирала боеприпасы на станции Бельманка — там дорожное полотно и откосы железнодорожной насыпи были напичканы снарядами и минами, которые вероятно попали туда со щебнем для отсыпки. Поезда делали остановку и медленно проходили этот участок.

Пока поезд полз, выскочил какой-то журналист и быстренько срисовал у Володьки все данные для репортажа. Прошло две или три недели и вдруг срочно с утра батальон строят на плацу.

Старшему лейтенанту Корнилову выйти из строя на 5 шагов. Ну — думаем — возьмут сейчас Вовку под белые руки и в узилище. Дело в том, что, возвращаясь из этой командировки, ребята остановили машину около кафе и пошли покушать. В это время местные пацаны свистнули из кузова ящик, в котором оставалось пять шашек тротила по 200 грамм каждая. Пропажу Володя обнаружил только в части, о чем немедленно доложил командиру — подполковнику Роденко. И закрутилось колесо «особистов», прокуратуры, следователей и всяких дознавателей. И в это время строят батальон. Володя вышел такой же серый, как и его шинель. В это время замполит зачитывает Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении старшего лейтенанта Корнилова орденом Красной звезды за разминирование станции Бельманка. Как тогда Володька не грохнулся в обморок, не знаю, да и он ничего потом не говорил, но стресс у него был колоссальный. Буквально через день «особисты» вместе с местными «особняками» из той деревни, где они отобедали — отловили пацанов, и те честно признались и показали место, где они сожгли эти шашки. Но вместе с орденом Корнилов схлопотал и «строгий выговор» — но устно.

Не менее интересная история была у меня, когда меня и пару солдат отправили в винсовхоз Массандра. Они начали проходку новой галереи для хранения вин, но напоролись на снаряды времен войны. Убрали мы их быстро, но руководство не отпустило — Вы пока немного здесь побудете — вдруг еще снаряды появятся. Больше лафы я в жизни своей не видал. Бойцы отмыкали в море на хороших харчах, а я облазил почти все винные подвалы и конечно попробовался там самых вкусных и оригинальных вин.

Но были другие выезды, когда приходилось, в прямом смысле этого слова, поднимать пласты истории прошедшей войны. В 1962 году было принято решение Правительства о перезахоронении останков воинов, погибших в Великую отечественную войну, и меня с взводом послали в небольшой поселок недалеко от райцентра Гвардейское. Оказывается во время войны, когда фашисты захватили Крым, в этом поселке, на окраине, они сделали полевой концлагерь, в который собрали из ближайших мест всех военнопленных. Однажды ночью, из нескольких тысяч несчастных, они отобрали сто шестьдесят четыре человека — евреев, в том числе четырех женщин и расстреляли всех на краю силосной ямы. Команда пленных из концлагеря засыпала эту яму землей, а чтобы туда никто не совался, туда же сложили невзорвавшиеся снаряды, артиллерийские мины и другие боеприпасы, так что любая попытка извлечь останки грозила взрывом и смертью. Все это случайно видел десятилетний мальчишка из этого села, который рассказал и показал это место. Работали мы трое суток и обезвредили более пятидесяти самых разных заржавленных «сюрпризов», кото-

рые взорвали в овраге за селом. Нанятые председателем местные мужички еще два дня выгребали черную от крови землю вместе с черепами, костями и истлевшими вещами погибших. Среди останков мы нашли почти два десятка солдатских медальонов, но только в нескольких из них сохранились бумажки с полными записями фамилий и адресов. Я привез их в батальон, а старый старшина фронтовик Фурман развез их по адресам, поскольку почти все они были из Симферополя. Он мне потом рассказал, какие это были слезы и причитания родственников, до того дня считавших всех пропавшими без вести. Похороны останков на главной площади райцентра прошли в один из солнечных летних дней со всеми воинскими почестями.

Наверное, уже тогда из меня начала пролезать литературная затравка. По этому живому факту я написал небольшой рассказ как бы от имени и с впечатлениями этого мальчишки, нечаянного свидетеля такого зверства. Через месяц я получил пространный ответ, какого то литсотрудника окружной газеты «Защитник Родины» из Одессы, что в это время мальчик не мог это все запомнить и такой рассказ не имеет жизненной основы. Я не стал расстраиваться. Скорее всего, этого деятеля не особенно устроила вся история потому, что в ней фигурировал расстрел евреев, а много афишировать тогда это не полагалось.

В начале марта 1963 года я стоял в наряде дежурным по батальону. Вдруг, уже перед сменой, на связь вышел корпусной инженер подполковник Крушельницкий и приказал мне срочно передать дежурство своему помощнику, а самому с одним солдатом срочно убыть в Джанкой и далее на Сиваши — на станцию Соленое озеро. Оказывается еще за день до того, на этой станции проводили работы по укладке между путями электрокабеля для управления дальними светофорами на входе станционных путей со стороны Сивашей и наткнулись на фугас, заложенный еще с войны. Несколько колбасок «Доннарит» — немецкой взрывчатки путейцы затолкали по карманам, а когда увидели под ними снаряды, отливающие смазкой то, конечно — же, удрали оттуда. Движение поездов было остановлено, и началась, как это бывает всегда, телефонная перепалка — пока суд да дело — прошли почти сутки, когда выяснилось, что это зона ответственности Крымского корпуса. За это время сорвались все графики движения, скопилась масса поездов, как в Крыму, так и севернее Сивашского моста. На станции разорвался криками начальник Южных железных дорог, а к фугасу никто лезть не хотел.

За мной и рядовым Жотиком заехал милицейский Уазик и к 23 часам мы приехали на станцию. Железнодорожный генерал говорит мне — я знаю, что ночью вам работать не положено, но Вы уж, пожалуйста, постарайтесь аккуратненько все убрать. Я попросил три прожектора — два — с двух сторон траншеи и один — поперек путей на запасной путь, куда подкатали платформу с кучей песка — для укладки снарядов.

Я постелил на край траншеи свою новенькую лейтенантскую плащ

палатку — в мокрую грязь, и около 12 ночи приступил к работе. Дул промозглый холодный ветер попеременно с мокрым снегом, мерзли руки, но понемногу работа пошла. Снял сверху почти 10 кг взрывчатки и потом по одному начал медленно вынимать 150мм снаряды в жирной пушечной смазке. Под верхним слоем лежал один снаряд, у которого вместо взрывателя была наполовину разрушившаяся проржавевшая коробка — скорее всего это был взрыватель замедленного действия, вероятно с химическим замыкателем. С тройной осторожностью я вынул его и, поднявшись, с помощью своего бойца сам отнес его к платформе, но уложил за путями — в стороне. Когда уже пошли только снаряды — ближе к двум часам ночи я разрешил пропуск составов со скоростью 5 км/час. И начали у меня над головой скрипеть колеса в обе стороны. Но один пассажирский поезд не прошел на север и остановился. На платформе уже набралась горка снарядов, которые мой Жотик аккуратно носил, прижав к груди, через рельсы. В этот момент из темноты выкатилась группа людей в штатском и одним генералом. Потопали они прямехонько ко мне. Я, конечно, дал им команду — немедленно обходить стороной это место. Но они остановились, и мне ничего не оставалось, как подойти и доложить генералу, что группа разминирования выполняет задачу ... и так далее ... Старший группы — лейтенант Рогожкин. Тогда стоявший рядом товарищ с кавказским акцентом сказал мне — Молодэц товарищ лэйтенант! Только я прашу — очэнь аккуратно всэ дэлайтэ и бэрэгитэ сэбе! Пожал мне руку, сказал досвидания, и вся группа пошла к своему вагону, который стоял уже за фугасом, — в сторону Москвы.

Уже потом начальник дороги сказал мне, что это был Секретарь президиума Верховного Совета СССР — М.П. Георгадзе, а генерал — это генерал-лейтенант Шиянов — из Военного отдела ЦК.

К четырем часам утра с фугасом было покончено и поезда весело застучали в обе стороны, а мы с Жотиком — насквозь продрогшие, в натопленном кабинетике начальника станции, сидя на стульях, провалились в сон. Где-то через час, сквозь дрему я увидел веселые глаза старшего лейтенанта Володи Кузнецова, которого комбат уже с взрывчаткой прислал для уничтожения снарядов. Он потом мне рассказывал — захожу в кабинет, а все делают мне знаки — тише, тише — лейтенант спит. Я, конечно, рассказал Володе, где лежат снаряды и взрывчатка — и он за пару часов завершил всю работу. Когда я вернулся в часть меня отловил один шустрый корреспондент и через несколько дней в окружной газете «Защитник Родины» появилась полуподвальная статья — «Коммунист идет на подвиг!» где все события той ночи были расписаны со всем пафосом тогдашней пропаганды. Но сами события были освещены правдоподобно. Долгие годы потом, да и по сегодняшний день, когда мы перезваниваемся, генерал-полковник Кузнецов Владимир Павлович часто смеясь, вспоминает эти эпизоды из нашей лейтенантской жизни.

Моя трехлетняя «эпопея» с разминированием закончилась осенью

1963 года, когда я по замене уехал в ГСВГ. Завершением моих разминировочных лет явилось награждение летом 1963 года группы солдат и офицеров Крымского корпуса орденами и медалями СССР. В том числе мне была вручена медаль «За отвагу». Уже потом, прочитав статус этой медали, я преисполнился гордостью, поскольку эта медаль вручалась только тем, кто на передовой, под пулями и осколками совершил какой либо подвиг. Солдатская медаль — очень дорогая для меня память!

Для вручения в Симферополь приехали — командующий войсками округа генерал-полковник Бабаджанян, начальник штаба — генерал-лейтенант Никитин, начальник инженерных войск — генерал-майор Костенко. Медали вручали Никитин и Костенко.

Я встретился с генерал-полковником Никитиным уже, будучи полковником — на аллее Новодевичьего кладбища, где стоял бюст на могиле генерала. Я пошел, купил цветы и принес их к постаменту. Моя учеба в Академии Генерального штаба подходила к концу и эта встреча многое всколыхнула в памяти. Была у меня встреча с этим прекрасным генералом и в лейтенантское время, когда Костенко докладывал начальнику штаба результаты разведки маршрутов вывода войск из Крыма для переброски на другие направления. Летом 1962 года я со своими разведчиками буквально метр за метром прощупал эти маршруты, препятствия на них и возможные обходы. Все это вылилось в папки текстов, отработанные карты и бесчисленные фотоматериалы. Начальник штаба округа приказал, чтобы я прибыл к нему в кабинет — что-то хотел уточнить. В большом кабинете висели на стойках и лежали на столах все наши труды. И хотя в кабинете было прохладно, я взмок, пока докладывал детали одного из моментов разведки. Потом Никитин и Костенко что-то начали обсуждать, а я поискал глазами и в углу на тумбочке увидел около шкафчика запотевший графинчик. Медленно допятился до угла и тихо налил полстакана холодненькой влаги. Ну не видел я, что они за мной наблюдают. А когда залпом опрокинул стакан, то чуть не задохнулся — это был чистый спирт. Никитин захохотал и говорит — ай да лейтенант — даже не поперхнулся. Вот станешь генералом — приходи, вместе посидим, а сейчас извини — некогда — надо работать. Потом уже штабные легенды донесли, что у него был больной желудок и иногда, при болевых обострениях — 50-100 грамм спирта облегчали положение дел.

А встреча с моим тогдашним начальником инженерных войск генералом Костенко произошла в Одессе, в моем кабинете начальника инженерных войск, когда зашел дежурный офицер и доложил — товарищ генерал — к Вам генерал Костенко. В кабинет, опираясь на палочку, медленно вошел сгорбленный старичок в штатском, весь седой, с трясущейся головой — было ему тогда уже за 80 лет. Я усадил генерала в кресло — он говорит, что Вы, наверное, меня не помните! Ну, как же — говорю — Вы вручали мне — лейтенанту — медаль «За отвагу» — в Крыму! Ну вот — видите, теперь и

Вы, может быть, мне поможете!

Оказывается его сын — подполковник Костенко работал на военной кафедре Одесского инженерного строительного института, а кафедра была вся инженерная и относилась к инженерным войскам. Честно говоря, сын не хватал звезды с неба и был крепеньким середнячком. Когда пришло распоряжение из Москвы — направить в Иркутский институт одного инженера — преподавателя на военную кафедру — я, не задумываясь, назвал фамилию Костенко — тем более, что до этого согласовал вопрос с начальником кафедры.

Старый Костенко говорит — моя супруга умерла уже как 10 лет, и мы живем с сыном вдвоем. Если он уедет, то я помру через несколько дней без помощи и ухода. Пусть он останется, а уж когда я умру — посылайте его куда нужно.

Конечно, подполковник Костенко никуда не поехал, а генерала Костенко мы хоронили через два года на Таировском кладбище всем составом инженерного управления.

Вот такие жизненные волны вынесли меня в воспоминаниях из лейтенантских в генеральские годы. А в лейтенантстве мне везло на учителей

Первым по времени был мой шеф — начальник штаба батальона майор Чернецкий. Славочка, как мы его любя звали, был весьма многогранной личностью. Он имел хороший музыкальный слух и легко играл на многих музыкальных инструментах, был начитан, интеллектуально нагружен, владел немецким и был отчаянным радиолюбителем. В начале шестидесятых радиотехника имела громоздкие ламповые монстры, а полупроводники, триоды, диоды, микро и мини сопротивления, миниатюрные конденсаторы — всего этого было много, но на специфических рынках и из-под полы. Маленькие динамики доставали из телефонных трубок с подводных лодок — батарейки набирали из галет крупных батарей — басовок. То, что сейчас есть в продаже как грязи — тогда было несбыточной мечтой радиолюбителей. Так вот Слава Чернецкий сам собирал микросхемы карманных приемников. Он за вечер разбирал ламповый телевизор — потом собирал его и звал меня — благо мы жили рядом — через двор. Смотри, как хорошо дает картинку, но вот в углу что-то темнит — буду перебирать. Я уже не говорю о его огромной порядочности, что в те времена не так часто встречалось.

Зато его ярко-рыжая крашеная супруга Маша была полной противоположностью своему скромному мужу. Домашние войны с Машиной соседкой — женой старшего лейтенанта Джона Семенова (вообще-то его имя Юра) иногда выкатывались из их домика во двор, вместе с летящими клочками рыжих волос.

С осени 1961 года наша маленькая квартирка наполнилась щебетаньем маленькой Маринки, которая была абсолютно лысой и сильно напоминала этим Хрущева — даже была мысль сфотографировать ее и взять в крестные Хрущева — тогда вдруг пошла мода, называть своих детишек именами первых лиц и сообщать им об этом телеграммами. У нас в детской комнате был вбит большой мостовой гвоздь на 250 мм и часто, когда дитя орало — я подвешивал ее на этот гвоздь, и она висела на стене — уже молчала и с интересом осматривала всех с этого

нового угла зрения. Может именно поэтому, Маринка стала художником-дизайнером со своим взглядом на вещи. Но, как только заходила Галина — она в ужасе орала на меня, снимала дитя со стенки, и в доме воцарялся мир.

Всех военных тогда выручала касса взаимопомощи. Это изобретение советских лет — своего рода накопительный добровольный фонд, управляемый на общественных началах, куда каждый желающий может вносить небольшие денежки. Зато потом, при необходимости покупки дорогостоящей вещи (телевизор, мебель и т.д.) я пишу заявление на необходимую сумму, совет рассматривает и решает — сколько выдать. Затем — с каждой полочки, с небольшим процентом эти долги потихоньку погашаются. Таким образом, мы после годичной очереди купили черно-белый телевизор «Чайка», полутораспальную никелированную кровать и даже платяной шкаф. И все равно лейтенанту на его полочку было весьма тяжело жить. Когда в августе 1963 года меня вызвали в кадры и объявили, что я по замене уеду служить в ГСВГ — более радостной вести для меня и для семьи — не было. Начались хлопоты по сбору в дальний путь и оформлению документов. Пошли инструктажи на всяких уровнях — что там можно и что нельзя. В конце августа я сел в поезд и через Киев поехал в Брест.

Здесь нужно вспомнить одну мою, как бы наследственную привязанность. Мой отец — Борис Иванович, будучи почтарем, почти с самого своего телеграфского прошлого начал собирать почтовые марки и был у него для этого огромный альбом еще царских времен выпуска даже с портретом царя батюшки на первой странице (отец его вырезал и сжег). За все многолетнее собирательство у него скопилась великолепная коллекция, начинавшаяся первыми советскими марками, вернее надпечатками на старых царских марках. Затем пошли уже советские марки — уникальные для наших дней — первый деревянный мавзолей Ленина, дирижаблестроение, помощь голодающим Поволжья, спасение челюскинцев, перелеты через полюс и далее по хронологии тех лет — где-то до пятидесятих годов включительно. Уйдя с почтовой работы, отец отдал мне эту свою коллекцию для продолжения и я последовательно собирал все, что только попадало в поле моего внимания. Уже в Симферополе в офицерские круги просочилось, что я — «фитилист» — так старые старшины про себя называли слово филателист. Зачастили ко мне некоторые гражданские коллекционеры, а перед отъездом в Германию один из них уговорил меня продать ему весь альбом за 200 рублей. Для бедной лейтенантской семьи это были весьма нужные в этот момент деньги, и я отдал этот альбом. Как мне потом сказали ветераны-коллекционеры, ты отдал ему готовую автомашину Волга. Так вот, когда я ждал поезд на Брест в Киеве, то в одном киоске увидел большую подборку марок на тему Космос. Тогда это направление только начиналось, и я решил продолжить коллекционирование, но только одной тематики. Конечно, я эти марки купил и опять окунулся в мир нового увлечения, которое в последующем помогло мне найти очень хороших людей, сыгравших большую роль в моей последующей жизни.

Но об этом позже.

5. ГЕРМАНИЯ

В Бресте нас посадили в какой-то специфический поезд, который тянулся почти сутки до Франкфурта на Одере. Привезли всех на пересыльный пункт — старые трехэтажные немецкие казармы из темно-красного кирпича — как у нас в училище в Кенигсберге. Почти день распахивали всех кого — куда. Пока было время — гоняли в бильярд. Вот где пригодилась школа моих Крымских учителей. Наверное, шесть или семь партий я откатал подряд на выигрыш, а одну умудрился начать и кончить, не дав сопернику даже ударить по шару. По пересылке прошуршало слухом — там лейтенант из Крыма всех обштопывает за бильярдным столом. Мой ударный труд прервало распределение — в 3-ю армию — в Магдебург, а там — в Стендаль в 23 дивизию — взводным в саперный батальон. Дали подъемный аванс — 400 марок и поехал я в Стендаль. Поток по замене был плотный и, на станциях всегда дежурила одна машина для подвоза прибывающих в штаб дивизии.

Так я попал в районный центр Стендаль области Магдебург.

Здравствуй земля Германия!

Назначили меня командиром позиционного взвода в инженерно-техническую роту — это самый тяжелый взвод — поскольку народу в нем было как в небольшой дорожной роте, которой командовал мой друг из Курска — капитан Толя Колосков. Техники во взводе было немеряно. Отделение землеройных работ — три огромных гусеничных тягача с большущими землечерпальными колесами — траншеекопателями — БТМ — быстроходная траншейная машина — по 800-1000 метров траншей за час. Лесопильное отделение с тремя подвижными пилорамами, и тремя электростанциями по 50 квт. каждая. При этом на каждую единицу — свой тягач — КРАЗ.

Отделение экскаваторов — два больших на базе КРАЗ — Э-305 и один самоходный — Э-302. Кроме этого, три автомобильных крана К-32, а один из них — переоборудованный немцами из механического — в электрический — фирмы «Блейхерт». Я уже не говорю о всяческой мелочевке в виде нескольких комплектов сборных металлических и фанерных убежищ раз-

личной конструкции, — которые перевозились в кузовах нескольких Мазов, плюс вся начинка в эти убежища — деревянные полы, столы, нары, осветительные приборы и прочая мелочевка.

Это был взвод для самоубийц — взводных — так шутили мои друзья — взводные других рот.

При этом при любой проверке батальона — на всех уровнях — основная нагрузка падала на мой взвод. А уж во время учений я оборудовал полевые командные пункты на всех мыслимых и немыслимых точках, как для дивизии, так и для командарма 3-й армии. А командармом был тогда генерал-лейтенант Семен Константинович Куркоткин.

Все полигоны Германии были моими лучшими друзьями, и я знал их вдоль и поперек, что было немало важно. Очень многие блудили на этих огромных безлюдных полях и сутками искали те точки, которые им были указаны на картах. Гора Штарен, Большая и Малая пивные кружки, Гарде-леген, Штац, Кольбиц, Мальвинкель и масса других крупных и мелких мест и местечек, стали знакомыми до кустика, до камушка. Однажды на плоской как блюдец горе Штарен мы ночью оборудовали командный пункт, какая-то войсковая колонна по кругу кольцом почти всю ночь крутилась вокруг цепочкой огней. И только под утро майор с красными от недосыпу глазами заехал наверх и спрашивает — Слушай старлей — где эта чертова гора Штарен? А у него оказывается, направляющая машина уткнулась в хвост своей колонны, и крутились они так всю ночь.

В 1964 году сместили Н.С.Хрущева. Еще не все знали об этом и замполит, вечером зайдя в казарму, увидел в ленкомнате на стене два портрета — Хрущева и Малиновского — тогда Министра обороны. Ну и комиссар заорал — почему вы этого дурака не сняли? А дежурный взводный — Вовка Музыченко — возьми да и спроси, — а которого из них? Долго еще потом Володьке икалась эта политическая вольность. Летом этого же года третья армия внезапно подверглась проверке генеральной инспекцией Минобороны. Перед этим они проверили Центральную группу войск в Чехословакии, поставили им двойку и разгневанный Министр приказал проверить ГСВГ.

В группе войск командовал Иван Игнатьевич Якубовский — полтора Ивана — за огромный рост любовно звали его в войсках. Групповики показывали пальцем на Магдебург — 3-ю армию. Армия так же любезно показала на Стендаль — 23 дивизию. И загремела проверка. В батальоне не менее любезно показали на мой взвод. Все это было внезапно — с утра приехал заместитель начальника инженерных войск — маршала Прошлякова, высокий и красивый генерал-лейтенант Харченко Виктор Кондратьевич и я тут же получил приказ — через час приступить к оборудованию командно-наблюдательного пункта в лесочке недалеко за батальоном.

Уже через час мы начали экскаватором откапывать котлован под убежище, БТМ отрывал траншею, работа кипела. Приехал генерал и, не мешая

никому, стал прогуливаться по сосновому лесочку. И тут посыпались неполадки — когда стали засыпать убежище — сломался экскаватор — оттащили его и взяли у дорожников БАТ — широкозахватный путеукладчик — бульдозер. Потом в конце траншеи поломался траншеекопатель — оттащили его вглубь леса — с глаз подальше. Конечно, пока ковырялись — потеряли время — вместо полутора часов показали около четырех.

За это время генерал засек в кустах комбата — старого фронтовика — подполковника Дробница Николая Ивановича. Подполковник — иди сюда! Ты воевал? — так точно товарищ генерал! И я воевал — говорит Виктор Кондратьевич. А вот старлей не воевал — и ему потом на этих негораздах людскую кровь проливать! Вот пусть он сейчас лучше учится! Иди отсюда! Когда мы все закончили и затащили масксетями — я построил взвод и доложил — Взвод в количестве 56 человек построен! Где ты такой сумасшедший взвод нашел товарищ взводный? Это же рота! Не знаю — говорю — это у Вас наверху штаты утверждают, а я команду тем, что доверили.

Ну ладно — проведите разбор выполнения задачи! Я понимал, что провалились вдребезги и темнить, скрывать здесь было нечего — генерал все видел сам. Ну и я закатил разбор — раскатал всех и вся по кочкам и беспощадно за каждый эпизод ставил два, два, два и два! Когда повернулся к проверяющему — он с удивлением слушал меня и говорит — Мне собственно к этому добавить нечего. Но, учитывая, что вы так детально разобрались в своих недоликах — я оценку вам не ставлю — получите ее на учениях, когда будете оборудовать КП комдива.

Потом он отвел меня в сторону и спросил, откуда у меня на кителе колодка медали «За отвагу» — что, говорит, были сыном полка? Пришлось доложить за свои разминировочные «эпопеи». Он по отечески похлопал меня по плечу — Не отчаивайся старлей — за битого — двух небитых дают! Вот такая была встреча с этим великим человеком, которая повторилась через много лет — в Закавказье, когда я уже, будучи майором, сопровождал маршала инженерных войск Харченко В.К. в его поездках и полетах по округу. И самое для меня почетное, что он меня узнал и долго смеялся, вспоминая этот эпизод с проверкой в лесочке возле Борстеля.

Когда мы летели в самолете в Ереван, я попросил Виктора Кондратьевича подписать мне на память только что вышедшую его книгу — «Специального назначения...» и он подписал мне ее с очень теплыми словами. Погиб Виктор Кондратьевич трагически — буквально через несколько месяцев после наших с ним полетов в Закавказье, вместе с Начинжем БВО генералом Абашиным. Они возвращались с полигона на вертолете МИ-4, и над каким-то болотом у вертушки отлетела лопасть винта. Нашли вертолет только на третьи сутки — маршал, генерал и экипаж погибли. Похоронили нашего маршала в Москве на Новодевичьем, а на его место заступил генерал — полковник, впоследствии маршал инженерных войск Сергей

Христофорович Аганов.

Те учения в Германии мы завершили на твердую хорошую оценку и эту оценку за мой взвод поставили и всему батальону.

Служба в эти годы кипела и бурлила — шла полнокровная боевая подготовка — все части были укомплектованы по штату военного времени. Мы понимали, что вся эта военная громада на границах с ФРГ по первой же команде будет готова идти вперед. И не от западной границы, как на учениях в сторону Эльбы и форсировать ее в районах Зондау, Вышка, а идти на Запад — при этом на вторые, третьи сутки этого бронированного броска уже быть на берегах Атлантики и Ла-Манша.

Практически редкий месяц проходил без учений, и мы привыкли к полевой жизни на полигонах, в лесах и перелесках, обустроили эту жизнь в благоустроенных палатках, с полевыми печками и электричеством. Нужно сказать, что саперы, как правило, выходили почти за месяц до учений, готовили маршруты для войск, командные пункты и еще массу всего на полигонах, что требовалось для учений.

И это время было непревзойденным для охоты. Конечно, можно ее назвать и браконьерством, поскольку в ГДР всякая охота была запрещена — у населения, кроме лесников, оружия ни у кого не было, а дикие звери уже стали почти ручными. По лесочкам ходили козочки и козлы с рожками, часто выходили на опушку и орали крупные олени с большими ветвистыми рогами, по окраинам полей перепахивали землю стада кабанов, а на зеленых и береговых откосах Эльбы зайцы устраивали форменные весенние битвы по 40-50 штук на поле за один раз. Фазаны разгуливали вдоль дорог стайками, совершенно не боясь автомашин — ну как у нас вороны. А по вечерам они, как истинные курицы к шести вечера рассаживались по нижним веткам деревьев, где их, как в тире сбивали ребята из мелкашек.

Конечно, это не была бессмысленная бойня — завалили козлика — вот и добавка к войсковому котлу. Как память о тех годах у меня в коридоре дома и на даче сейчас висят на щитках охотничьи трофеи тех лет.

Вообще-то служба в Германии это, конечно же, в первую очередь вполне материально обеспеченная жизнь. Для нас, приехавших от колоссального дефицита, от бесчисленных очередей и от серо-кургузых «пинжаков» с буцеобразными туфлями — изобилие и шик витринного зазеркалья бил не только по глазам, но и по нервам. Многие спрашивали сами себя — как же так — мы, победившие в этой войне, сейчас живем как нищие, а побежденные гужутся в своем раю. И это в ГДР, а если бы мы воочию увидели, как живет весь остальной мир? И вот тут весь парт полит аппарат был нацелен на то, чтобы у масс эти вопросы не возникали. Категорически были запрещены какие-либо контакты с местными или нужно было докладывать об этом особистам.

Уже не говоря о том, что в Берлине было запрещено появляться военным — тут же хватали и в 24 часа отправляли в Союз, равно, как и за связь

с немками. Кстати — устные легенды передавали по группе историю, когда один лейтенант познакомился с молоденькой немкой, подпольно гулял с ней и, когда она забеременела — доложил замполиту, что женится на гражданке ГДР. К вечеру у него на руках был приказ о выезде в Союз и билеты на поезд — выезд на другой день. Парень помчался к девушке — потом они вместе сообщили папе девушки о своих намереньях и решении командования. А папа девушки был первым секретарем райкома партии СЕПГ — хорошим другом Вальтера Ульбрихта. Тот позвонил товарищу Брежневу — и катушка начала немедленно раскручиваться, но в обратную сторону. На другой день вместо выезда в Союз состоялась свадьба, на которой замполит был посаженным отцом, от командования они получили в подарок сервиз с мадоннами — тогдашняя мечта многих женщин, а от товарища Ульбрихта — мебельный гарнитур.

Я уже писал, что на пересылке мне дали 400 марок подъемных. С приездом в Стендаль, я занял квартиру своего сменщика в третьем городке и в свободное время занялся изучением города. На то время Стендаль отметил 800 лет — где-то в 1160 годы это был город-крепость с башнями, замками, огромной кирхой и узкими, мощенными камнем запутанными улочками, — цитадель курфюрстов. За 800 лет он почти не изменился, только расширился аккуратными домиками и более поздними домами германского классицизма, которые округлили эту древность, увеличив городок вдоль дорог в разные стороны. Можно добавить, что в этом небольшом городке было около 800 самых разных ресторанов, ресторанчиков, гаштетов, бирштубе, просто пивных и аккуратных забегаловок под экзотическими вывесками — «У Матильды», «Три коня», «Роланд» и прочее и прочее.

Пока я оформил вызов Гале, и пока она приехала я, конечно же, холостяковал вместе с такими как я взводными, молодыми и бесшабашными. В гаштетах мы дружно пили с камрадами пиво и по несколько рюмок доппелей. Однажды один молодой немец неплохо поддатый взялся на спор за один заход выпить маленькую Вайнбранда и сделать это быстрее, чем кто бы то ни было. Я тоже был уже хорош, но за честь Отечества встал немедленно. Пospорили на бутылку литру Корна. Собрался весь гаштет смотреть за конкурсом. По жребию первым пил немец. Маленькую — в 350 грамм он пил глотками и даже один раз остановился, чтобы не захлебнуться. Ушло у него на это полторы минуты. Я вспомнил, как мы это делали будучи курсантами — за казармой, где каждая секунда была на счету — могли засечь а потом высечь! И свою маленькую я ахнул по курсантски — раскрутил ее так, что коньяк стремительно закрутился внутри бутылки по кругу, а когда перевернул ее над открытым ртом — она за секунды ввинтилась в горло и мгновенно исчезла. Прошло всего тридцать или сорок секунд. Немцы оторопели от такого фортея, а потом все дружно захлопали и стали стучать по моему столику — Макс Гут герр офицер. И эту бутылку Корняги мы

всей компанией дружно устаканили. Вот такие мы были!

Теперь о тех 400 марок, что я получил — я на эти деньги оделся в штатское — с ног до головы. И это при том, что за три года в Крыму я не мог себе позволить ничего гражданского, денег хватало только на самое необходимое.

Купил рубашки, галстуки, костюм из модного дедерона, туфли, носки, шикарное пальто и тирольскую шляпу с перышком — пижон, да и только. Кстати — ля-пижон — это по-французски — голубь!

Из этих же денег купил шубку для Маринки и другие шмотки для Гали — тогда разрешали в месяц одну посылку в Союз. Ну и, конечно же, остались деньги на пиво вечером. В гасштедтах появляться в форме не рекомендовалось, а в штатском нужно было что-то говорить, но немцы зачастую лучше нас говорили по-русски — тем более, что многие из них были в плену в России. Тем не менее, я купил маленький на 7 тысяч слов нормальный словарь Русско-немецкий и Немецко-русский (Кляйне вертербух) и в разговорах начал использовать слова из словаря. День за днем словарный запас пополнялся — было легко учиться, поскольку это было обучение в погружении — суггестии. Уже через год я свободно общался с немцами, а потом стал официальным переводчиком в части и без моего перевода начфин не принимал ни одного счета от офицеров при официальных закупках в магазинах.

А в 1968 году — в Магдебурге — в армейском саперном батальоне 3-й армии — где я тогда служил командиром взвода разведки — перед личным составом выступал мэр города с докладом о новой Социалистической конституции ГДР, которая тогда была принята, и мне пришлось переводить этот доклад со слов — даже без текста под руками.

Ди нойе социалистише фофасунг — так звучит по-немецки — Новая социалистическая конституция. Служба в Стендале изобиловала всяческими событиями. В те времена хронически не хватало взводных, и было принято решение — толковым сержантам за год до дембеля (служили тогда 3 года) предлагали пройти полугодовую подготовку по ускоренной программе и после экзаменов присваивали им младших лейтенантов, оставляли еще на два года служить в частях взводными. Уезжали они из Германии в Союз уже лейтенантами. Такую группу доверили мне, и я полгода гонял и учил уму-разуму этих ребят.

Однажды дежурным по батальону заступил младший лейтенант Радаев — взводный понтонной роты. Почти каждый вечер из этой роты после проверки через забор бегали в соседнюю деревню Борстель двое гонцов, которые сами выпивали и друзьям приносили бутылку «Корна» (немецкой водки). Никто их не мог поймать и за это дело взялся Радаев. После проверки он сел в засаде у забора, спокойно пропустил бойцов в самоволку, а через час, когда они грузно перевалили через деревянный забор — схватил голубчиков и полупьяных приволок на КПП — в дежурку. На

главный вопрос — где бутылка? — они наотрез отказались ответить. Тогда, Радаев им скомандовал — Выходите на расстрел! Те подумали, что это пустая угроза и встали к деревянному забору, еще и посмеиваясь. Радаев сказал — последний раз спрашиваю — Где бутылка? Один боец рванул на груди спортивный костюм и заорал — Русские не сдаются! И тут грохнул выстрел. Опешили все, включая Радаева. Оба солдата рухнули на колени, мгновенно протрезвели и закатились истеричными слезами. Конечно, они показали — куда спрятали бутылку. Утром, когда офицеры с комбатом на дежурной машине приехали на работу, комбат — подполковник Тихонько (точно соответствовал фамилии) довольный вылез из кабины и благодушно спросил — Ну что у нас за ночь, товарищ Радаев? — Не менее радостный от успеха Радаев доложил о своих и солдатских подвигах! У комбата подкосились ноги, и он только шепотом спросил — Солдатик жив или ты его застрелил? Никак нет — жив! — лихо оттрапортовал дежурный. А замполит схватился за голову, медленно пошел по дорожке к штабу повторяя — Что теперь со мной будет? На докладной, которую комбат повез в штаб — комдив — умнейший человек — написал: «Полагаю, что младший лейтенант Радаев поступил в меру своей командирской обученности, займитесь этим!»

Замполит от радости чуть не плясал — Видите, видите — комдив согласен с действиями Радаева. Ну что поделать, если даже замполит в силу своей туповатости не понял скрытого упрека — как же вы — командиры — учили этого младшего лейтенанта? Вот и получайте ЧП!

Кстати, когда на это место поставили двух бойцов примерно такого же роста — дырка от пули была в заборе на уровне головы — точно посередине между стоящими.

Маленькая Маринка уже вовсю бегала во дворе с соседским Мишкой. Мы жили дружно и весело с соседом — старшим лейтенантом Гайдуком Владимиром Семеновичем — помощником начальника штаба батальона, его разбитной женой Зоей и маленьким Мишкой.

Зоя работала в батальонном магазине и на время отпусков Галя ее подменяла. В 1964 году по замене приехал заместитель комбата по тылу и начал знакомиться. Володька Гайдук оказался первым. Майор подал руки и представился — Гайдук. Володька тоже пожал руку и представился — Гайдук. Владимир — говорит майор. Владимир — отвечает Володя. Максимович — сказал зам. по тылу. Семенович — говорит Володька. Фу! Вытер пот со лба майор — хоть в отчествах разошлись! Майор Гайдук был уникальным человеком. Как истинный хохол он носил большие густые усы, и немцы сразу называли его — Буденный. Свой рабочий день он обязательно должен был начать со стопоря — причем не менее 100 грамм со шматочком сала. После этого он весело работал, и мог еще взять на грудь — немерянно. Но если он с утра не остограмлился — к нему лучше было не подходить — отматерит за милую душу. Был момент, когда мне нужно было

застеклить форточку в казарме, где спал мой взвод. Я снял размеры и с утра пораньше пошел на склад к Максимычу. Он заорал — нет у меня стекла! Как же нет — говорю — вот подходящий кусок стоит. Где? — Вот! — Он берет этот кусок — как трахнет его об пол, — нет у меня стекла! Я плюнул, тоже выругался и ушел. А где-то после 12 дня меня разыскал веселый и довольный майор Гайдук — Держи, говорит, Олежек свою форточку! — подает мне стекло — точь в точь по моим размерам, а я ему размеры не давал. Вот такой вот майор!

Батальон наш стоял в отдельном городке за городом — ближе к деревне Борстель, где заглавными были летчики — там был военный аэродром. А сами летуны большей частью жили в нашем 3-м городке — в городе. По вечерам все пропадали в Доме офицеров в биллиардной или в кафе за кружкой пива, а то и на танцах. Часто напарником в бильярд у меня был летун из Борстеля Юра Глазков. Гарнизон небольшой и все знали друг друга. В конце девяностых — когда я и Володя Стеблина прилетели в Звездный городок на похороны нашего Одессита — Жоры Шонина — в Доме космонавтов навстречу мне, раскинув руки, потопал здоровенный генерал Глазков. Старик — где ты столько долго пропадал? Ну, ты и будку наел! Я говорю ему — Юра! — Посмотри в зеркало, но осторожно, а то оно лопнет от твоей физии! Место и время были печальными, но такая встреча была и многое всколыхнула в памяти. Юра уже тогда был заместителем начальника ЦПК генерал-лейтенанта Петра Климука, — очень душевного человека. Мы прибыли, как представители от Одесского горисполкома и Петр очень любезно нас принял — посидели у него в комнате отдыха — помянули Жору парой бутылочек, подарил нам Петро памятные медали 30-ти летия Звездного и памятный значок ЦПК. Сами похороны прошли за озером, рядом со Звездным, в реденьком лесочке. Сюда, на скромное кладбище уже перебралась какая толика жителей городка. Немного дождало, и были лужи. Я поддержал Валю Терешкову под локоток, так мы и дошли от автобуса до могилы.

Вечером мы самолетом вернулись в Одессу. В полете, я сидел в кресле рядом с Игорем Смирновым — президентом непризнанной Приднестровской республики. Мы были знакомы с ним задолго до этого — когда только созревала идея о независимости Приднестровья. В Парканах — на проходной армейского саперного батальона 14-й Тираспольской армии я встретил худого гражданского — в очках, это был главный инженер одного из заводов Тирасполя Игорь Смирнов. Он обратился ко мне — товарищ генерал — я прошу Вас разрешить мне встретиться с личным составом и поговорить о будущем нашего Приднестровья. Особо не придавая значения, я такую встречу разрешил, и мы направились к клубу.

Прогуливаясь, мы разговорились, и я сказал ему свое мнение, что эта независимость приведет к кровавой междоусобице. Да, говорит, — вероятно, и это будет, но наша территория никогда не будет под Румынско —

Молдавским сапогом. Уже тогда, на закате Советской власти разгорались угольки национального становления и самоутверждения многих территорий, и почти все они вспыхнули пламенем гражданских мини войн, — в Прибалтике, Приднестровье, Карабахе, Грузии, на Северном Кавказе и в Закавказье.

Как мудро, а порой и жестко подходило прежнее руководство страны к национальному вопросу. Можно вспомнить, какие усилия прилагала огромная пропагандистская машина Фашисткой Германии, чтобы расчленить единство Советского народа по национальному признаку и получить преимущество во второй мировой войне. Однако вся страна сплотилась в этой войне, а малейшие попытки националистического толка — карательно пресекались и нужно признать, что тогда это была жестокая, но вынужденная мера, определяемая законами военного времени.

Сейчас уже нигде не найти книгу И.В.Сталина «Марксизм и национальный вопрос», а ведь там были даны основные посылки для удержания под контролем страны в национальном вопросе. Стоило только взять власть комсомольско-пропойной молодежи с пространными рассуждениями о деле, но не самом деле — как все нити влияния ослабли и огромная махина государства — развалилась! И одной из основных ниточек — был национальный вопрос.

Сейчас уже нельзя проверить, но люди сведущие говорят, что в Беловежской Пуще с вечера, когда все собрались — была капитальная пьянка — да и как ей не быть, когда все встретились вечером, да на природе, да в хороших местах! — ну как не посидеть!

А утром, когда и у руководителей и сопровождающих помощников трещала башка — нужно же было о чем-то говорить — и один из шустрых помощников подкинул мысль, — давайте поставим вопрос о национальном самоопределении каждой республики, как независимого государства, а чтобы приглушить голос народа — назовем все это не СССР, а Союз Независимых Государств — СНГ.

Народ ответил на это референдумом, на котором во всех республиках, кроме прибалтов, народ сказал свое слово за единый Советский Союз. Но спусковой крючок был уже спущен и мгновенно националистические круги, наплевав на волю народа, в этой неразберихе, когда все нахватались свободы — кто, сколько хочет, тот столько и брал — было не национальное, а националистическое опьянение, что и привело к незалежным, только непонятно, от кого и чего — карликовым по уровню государственности странам. Я как-то незаметно перетек к современности и ушел из тех лет службы в ГДР. А там есть что вспомнить.

К середине 60-х годов разделение Германии и отдельно Берлина на оккупационные зоны уже кануло в прошлое, родилась Федеративная республика Германия — и — как ответ — Германская демократическая республика. Началось массовое бегство жителей ГДР в Западную Зону. Равно как

и массовые приезды западных Берлинцев в Восточную Зону Берлина за более дешевыми продуктами. Начали ставить стену на межзональной границе. Руководство ФРГ объявило Западный Берлин своей территорией и провело там заседание Бундестага. ГДР и ГСВГ в ответ на это закрыло границу и коридор автостреды Мариенборн — Берлин, как и ж/д. сообщение. Остался только воздушный коридор. В воздухе запахло войной. Частички встали на боевую готовность, а на Магдебургском полигоне начались крупнейшие учения, когда дивизии практически впервые пошли не на восток, а на запад от Эльбы поперек Магдебургского полигона. В Союзе были подняты в воздух два воздушно-десантных полка и в ходе учений десантировались вместе с техникой — с воздуха уже на территорию Германии.

Боевые истребители во время заседания Бундестага в Берлине сделали над городом карусель самолетов, которые на сверхзвуке проходили над городом. Я смотрел по телеку это заседание и слушал выступление Аденауэра — тогдашнего канцлера ФРГ. Его речь забивалась грохотом самолетов, и он вынужден был кричать: Их видерхоле! (Я повторяю) и так много раз.

Я получил приказ срочно взять автокран и прибыть на Магдебургский полигон к вышке руководства на Большой Кружке в распоряжение генерал-полковника Маргелова. Рано утром, за час до указанного времени я с предписанием прорвался на подступы к вышке и пошел докладываться. Ждали Министра Обороны Маршала Р.Я.Малиновского, и вся его свита уже прибывала в район учения. Среди генералитета мне показали на грузного генерала — я представился и доложил. Это был легендарный главком ВДВ, которое расшифровывается — Войска Дяди Васи! Так любили десантники своего лихого главкома. Меня он спросил — сынок, где твой кран? Там говорю — на дальних подступах — ближе не пускают. Он тут же приставил ко мне полковника и через 10 минут я стоял с краном под высоким курганом, на котором была смотровая площадка руководства, «Стой сынок внизу и немедленно ко мне, как я позову!» — сказал главком и ушел встречать Министра.

Учения начались с высадки десанта. Сначала огромные ИЛ-76 выпали горохом десантников, и небо побелело от тысяч парашютов. Лихой комполка приземлился, чуть ли не на трибуну и рванул вверх по лесенке докладывать Министру, что он с полком захватил плацдарм.

Потом началась выброска боевой техники. Первый конфуз все пропустили без внимания, когда вытянулся только вытяжной парашютик, и платформа с радиным Газиком шмякнулась вдребезги метров 500 от вышки. Но потом одна за другой еще две платформы рухнули на вытяжных, то есть спикировали. Министр повернулся к Василию Филипповичу — что то они у тебя бьются, как тухлые яйца! — Разберусь — сказал «дядя Вася». Прошла лавина танков, пехота спешила и с криком Ура! — ушла вперед, отмолили свое артиллерия и авиация. Министерский кортеж в считан-

ные минуты умчался на новую точку, а генерал Маргелов спустился вниз с вышки — буркнул — езжай за мной и его два Уазика и мой кран прямо по полигону поковыляли к местам падения. Первая же радишка от удара об землю стала толщиной 40-50 см, а пузыри мешковины под платформой висели рванными лохмотьями. Тогда еще не было реактивной системы мягкой посадки и все было проще. Офицеры из сопровождения главкома накиннулись на автомат расцепки грузовых парашютов — а он не сработал, так как был заводской дефект. На других платформах результат был такой же. Заметно повеселевший Василий Филиппович приказал мне — оставайся сынок здесь. Сейчас придет колонна грузовиков из Мальвинкеля — погрузим на них платформы — и, свободен! Заранее тебе спасибо! и пожал руку. Вот такая короткая, но яркая встреча. Не было ни топанья ногами, никакого истеричного крика, ни в мать, ни в полумать — тихо, спокойно и по — деловому. Это непревзойденная школа для молодых офицеров, — каким надо быть любому военачальнику!

Всяческих командировок было тоже много. Однажды я сдавал свой экскаватор на окружную рембазу в Фюрстенвальде, и у меня, его не приняли, обнаружив массу недостатков. Сажу в раздумьях на КПП и слышу, как кто-то по телефону упомянул фамилию Лохматов. Я перехватил трубку и спрашиваю — это у телефона тот Лохматов, который не умеет играть в бильярд? Коля взревел — ты, где сейчас? Сиди на КПП, я через три минуты буду. Уазик круто развернулся и мы обнялись. Оказывается, Николай Александрович уже два года, как командовал инженерным батальоном в Фюрстенвальде.

Мой экскаватор он сразу загнал в парк и поставил ремонтников приводить его в порядок, созвонился с моим комбатом в Стендале и договорился, что я недельку буду здесь приводить машину в порядок, а потом с его помощью сдам таки эту клятую машину в ремонт. На том и порешили. Конечно, был обед, и вкусный чай у Коли дома, где меня приняли как родного. Ну а потом мы по полной отрывались в настольный теннис, который у Лохматова стал основным увлечением и он играл до упаду, ибо если он за что либо брался, то не успокаивался, пока не доходил до вершин. Конечно, я его катал, как хотел, а он проигрывал и страшно злился.

У меня это была неделя отдыха после всех полигонных мотаний. А тут подоспел чемпионат мира по хоккею. Тогда, в те годы, это было безумие и все поголовно были фанатами. А уж как мы болели за наших — наверное, сейчас, в эпоху сплошного пофигизма, уже давно и долго никто так не болеет. Была игра наших со шведами. Шведы вели с разрывом в шайбу и в это время, какой то гад включил электробритву — по экрану поползли полосы. Все из коридора, где стоял общий телевизор, бросились по комнатам искать злодея и его счастье, что он быстро выключил бритву, — точно бы выкинули в окно и бритву и его. Прошла счастливая неделя, я сдал машину в ремонт, сел на двухэтажный немецкий поезд и

уехал в Стендаль

Через двадцать два года я, уже генералом, снова встретился с Николаем Александровичем Лохматовым, стареющим, но все еще молодым отставником. Он не мог сидеть без дела и нашел себе работу — был начальником противорадовой службы Крыма, в форменном пиджаке цвета морской волны. Так и остался он заводилой, но очень уважаемым и любимым.

Я уже говорил, что учения проходили с завидной регулярностью в течение всего года. В один из холодных февральских дней меня кинули на прорыв — в понтонной роте заболел взводный Сеня Чеховский. А они получили задачу на Зондау в течение одного дня взводным паромом переправить танковый полк с восточного на западный берег (взводный паром — это по одному танку за рейс). Батальон в это время стоял на берегу Эльбы в районе Вышки — на главном створе. Рано утром понтонеры собрали паром в Зондау и к 9 утра первый танк, с берега заполз на паром. Я — начальник парома, закутался в плащ-палатку и встал на палубе — руководить рейсами. Вдоль по реке, особенно посередине течения дул пронизывающий ледяной ветер с мокрым снегом. Уже через 15 минут я превратился в обледенелый столб. Через несколько часов я уже перестал чувствовать закованные ноги, а к концу дня уже стал обледеневшим и охрипшим автоматом, с трудом, управлявшим на течении этой неуклюжей машиной.

К вечеру мы завершили переправу, по реке потихоньку доплыли до лагеря, и я мокрым кулем вывалился на берег. Доложил комбату, что задача выполнена и получил добро на отдых. Выполз из воды на берег плавающий транспортер и с докладом к комбату потопал Володька Музыченко — наш разведчик. Комбат говорит ему — возьми Олега — он весь продрог. Я завалился в транспортер на решетки над двигателем, откуда с напором шел горячий воздух и мы пошли по реке на базу к разведчикам. За полчаса я согрелся, немного обсох и даже задремал. На берегу Вовка завел меня к себе в палатку — достал алюминиевый танковый термос и плеснул мне по моей просьбе полную солдатскую кружку водолазного чистейшего спирта — может чуть меньше пол-литра. Я только спросил — запить есть чем? Солдатик показал на чайник у входа в палатку, на котором еще дрожали капли воды. Спирт я умел пить — научился в Заполярье, и после того, как я его проглотил — подставил кружку — боец налил воды, и я залпом запил и чуть не умер — в чайнике был кипяток.

Голос выбило сразу и я шепотом — через боль — сказал, — что ж ты зараза, сделал? Вовка переполошился и стал укладывать меня у себя, но я твердо настоял — пойду через лесок в свою палатку. Ночь, редкий посаженный лес и полуметровый снег под ногами. Наверное, правильно говорят в народе, что бог все видит, а пьяным помогает. Я взял точное направление и побрел к своему стойбищу. Вышел точно к месту. Мой дневальный солдатик только успел подхватить меня, ввалившегося в

палаточный проем — и я выключился полностью.

Проснулся утром — весь мокрый от пота — под ворохом одеял — в своей постели. Голова была чистенькая, как стеклышко — и никакой головной боли, как будто бы и спирт не пил. Осталась только хрипота — голос сжег напрочь, и почти неделю говорил шепотом, но не заболел. И таких включений было вдоволь, как и тех учений.

Прошло четыре года моей взводной службы в Стендале, а если прибавить три года в Крыму, то я уже был командиром взвода семь лет. Когда я сейчас говорю об этом — молодые лейтенанты, которые через год, полтора становятся старлеями, а через три-четыре года уходят на роты, а иногда начальниками штабов — эта молодежь смотрит на меня и думает — ну, наверное, наш генерал был «оторви и выбрось» если восемь лет был взводным. А ведь я был нормальным, толковым офицером. Уезжал из Крыма — фото было на стенде лучших в Доме Офицеров. Да и в Германии всегда был в первых рядах.

Вольно или невольно, но вопрос о дальнейшем продвижении по службе не только у меня, но и у многих и даже наверное у всех военных (и не военных тоже) часто стоял на повестке дня. Задумываясь об этом, я начал просматривать литературу на эту тему. Это сейчас такой макулатуры — пруд пруди, а в те времена об этом как — то было не принято писать и даже считалось неприличным говорить о карьере, — сразу приклеивали ярлык карьериста. И тут у Юры Калмыкова мне в руки попала небольшая книжечка, выпущенная в Прибалтике и перепечатанная как Самиздат — Дэйл Карнеги — Как приобретать друзей и оказывать влияние на людей. В то время эта книга была под запретом, — как апологет буржуазных взглядов на жизненные проблемы. За один день я проглотил ее со всеми потрохами и переписал себе в записную книжку основные принципы поддержания хороших взаимоотношений с людьми. Тогда не было компьютеров и ксероксов, посему я ограничился только этим, но сразу же взял на вооружение главные постулаты Карнеги по своим взаимоотношениям с окружающими. Приведу достаточно простой пример.

У Карнеги сказано — в разговоре с собеседником всегда старайся больше слушать и меньше говорить. Более того, постарайся определить и выявить наиболее интересную тему, которая заинтересует твоего собеседника и, поддерживая разговор именно в этом русле — ты приобретешь лучшего, благодарного тебе друга. Это теория. Но я попробовал это на практике.

Однажды в наш Стендальский батальон с какой то проверкой приехала армейская комиссия и, конечно же, мой позиционный взвод загредел на всякие контрольные занятия. На меня навалился, какой то сухонький майор из инженерного отдела армии и взвод начал маршировать на строевой подготовке. Майор скучал за столиком вывода оценки, а потом отловил, кого помоложе из состава комиссии и усадил за стол вместо себя. И что то мы с ним разговорились за службу, за жизнь и прочее. Заговорили об

увлечениях, и я сказал, что собираю почтовые марки на тему Космоса. Прямо на глазах майор переменялся и с увлечением начал рассказывать, что он тоже филателист. Разговор не просто оживился, он бурно помчался с подробностями и взаимным обменом своими впечатлениями. А когда я сказал, что на городском почтамте вчера приобрел новую серию немецких марок о космосе, он немедленно вызвал Уазик, и мы помчались на почту покупать эти марки для него. Всю эту проверку мой взвод сдал на вполне хорошую оценку, — он был действительно хорошо подготовлен, но прекрасные, дружеские отношения, установившиеся у меня с этим майором немало способствовали этому. Я не называю фамилию этого уважаемого человека, он в последующем стал генералом и долгое время работал в центральном аппарате. Наши дружеские отношения продолжались длительное время, но как то сошли на нет по длительности расстояний и разобщенности, ставшей данностью при развале Союза. Вот Вам и постулат Карнеги о том, как завоевывать друзей! Но жизнь шла, а продвижения по службе не было.

Приехал в Стендаль Начинж 3 армии полковник Упоров Владимир Ефимович — с какой-то проверкой. Я решил обратиться к нему по личному вопросу — нужен ли я Вооруженным Силам и если нужен — то почему нет роста по службе? А если не нужен — пишу рапорт и пока молодой найду себе применение на гражданке.

Ефимыч рассмеялся и говорит — ну и пряткий ты мужик! А ты знаешь, что у нас есть взводные, которые по 10-12 лет пашут на взводах, а потом по замене убывают в Союз и тоже на взвода? Замена-то прямая — приехал взводным и назад тоже взводным после пяти лет службы в ГСВГ. Ладно! Вот у меня в армейском батальоне в Магдебурге освобождается место командира взвода разведки. А ты фотографировать умеешь?

Я отвечаю, что фотографию отложил, а занялся уже киносъемками. Хорошо, я тебе советую перебираться в Магдебург. Думаю, что с того взвода ты быстрее уйдешь на повышение.

Так, в начале 1967 года я очутился на Херен-круге — северной окраине Магдебурга — почти на берегу Эльбы — в большом госпитальном военном городке, где притулился и наш армейский саперный батальон. Для жилья мне отвели полуподвальных две комнатки в доме, который у немцев был борделем. Интересно, что из верхних комнат, минуя главную лестницу, вели узенькие индивидуальные лестнички, винтом уходящие вниз и через узкие замаскированные двери, выводящие на задний двор дома. Жизнь полна неожиданностей и эти потайные ходы под утро часто использовались и в наше время, поскольку в нескольких комнатах наверху жили холостяки. Вот только уходили на рассвете не мужчины, а дамы.

Ну, это все быт и лирика! Войсковая жизнь продолжала бить ключом и даже изредка по голове!

Комбатом был Веня Чуркин — фронтовик в юные годы и зрелый под-

полковник в наши дни. Говорю, Веня не потому, что я с ним был запанибрата. За глаза его так звал не только весь батальон, но, наверное, и вся армия. Искрометный юмор, веселый нрав и благожелательность сделали его любимцем всего личного состава.

Однажды он поднял в 5 утра часть по тревоге, колонна сделала круг почета в парке на Херен-Круге, и батальон выстроился на плацу. Комбат объявил — рядовой Пупыркин — выйти из строя на 10 шагов. Вышел Пупыркин. Этот рядовой напился в самоволке вчера вечером. Что пил? — Коньяк! Чем закусывал? — Килькой в томате! Ну и дурак! — Коньяк нужно закусывать лимончиком! Ли-мон-чи-ком! — 10 суток ареста на гауптвахте, чтобы на всю жизнь запомнил — чем нужно закусывать!

Ну, как не любить такого комбата. И, еще до завтрака весь батальон топал в клуб смотреть новейший фильм, который Веня умудрялся первым вырвать в Доме Офицеров, но только на раннее утро. Так мы частенько и поднимались по тревоге, а потом смотрели фильм. Ну, как не любить такого батяню-комбата!

Взвод разведки имел подвижную инженерную фотолаборатория (сокращенно — ПИФ) — кстати — у артиллеристов тоже была своя лаборатория и называлась она — догадываетесь? — конечно, ПАФ. Отсюда бесчисленные поддевки — ПИФ-ПАФ-ой-ой-ей!

Но я собрал под свое крыло толковых ребят — они даже имели награды за разные фотоконкурсы. Создали у себя хорошо оборудованную фотолабораторию. Проблем с фотоматериалами не было, и быть не могло — это же Германия! Фирмы «АГФА», «КОДАК» и еще воз и маленькая тележка — просто рай для фотографов. В ходе занятий я добился, чтобы мы делали цветные фотопанорамы. Тогда этого в наших войсках никто не делал. Съемку вели специальной аппаратурой — ПДФ — перископическим длиннофокусным фотоаппаратом. Он ведет съемку с увеличением в 6 и в 30 раз и может снимать из укрытия — выставив наружу только верхнюю часть вертикального объектива. На те времена это была хорошая, добротная техника.

Наши успехи тут же имели продолжение. Готовились крупные учения по плану Министра Обороны. Начинались они на севере Германии на Витштокском полигоне, там уже шли все подготовительные работы. Я получил задачу — с рассветом выехать на полигон с лабораторией, изготовить фотопанораму и утром следующего дня сдать ее Начинжу ГСВГ — генерал-лейтенанту Аганову С.Х. Отличные дороги и через 4 часа мы были на полигоне. На командном пункте кипела работа — огромное бетонное убежище с бетонными коридорами входов и выходов засыпали землей с тем, чтобы создать высокий холм, а наверху поставить закрытый наблюдательный пункт.

Еще не было этого холма, а мне нужно было сделать съемку с той точки, на которой будет стоять руководство. Что делать? Я поставил будку лабо-

ратории около вышки и на крышу взгромоздил на треноге фотокамеру. Еще засветло отсняли пару пленок — черно-белую и цветную — отъехали в лесок и начали работать. Пленку сушили спиртом, а потом всю ночь печатали снимки. К утру, в красивых, большого формата папках я представил Сергею Христофоровичу цветную и черно-белую фотопанорамы. Была предстартовая горячка, и он только кивнул головой, мельком просмотрел и сказал — Спасибо — свободны! Зато потом, после учений меня отловил Упоров, пожал руку и передал большую благодарность от генерала Аганова за цветную панораму. Много позже, уже полковником я был в Москве, у маршала Аганова и видел свою цветную панораму на стене его кабинета. Вместе вспомнили историю ее создания.

Была интересная командировка в Мариенборн — на границу с ФРГ, где проходила автострада Хельмштедт — Берлин. Армия ставила там, в глубоком лесу подземный командный пункт и мои разведчики работали как строители. Я выехал туда в общей колонне, но на своей боевой машине разведки — МАВ — малый автомобиль — водоплавающий. Это вездеход — амфибия на базе ГАЗ-69 была сделана копией американского Доджа-амфибии. Корпус — как лодка с торчащими внизу колесами, винтом и рулем сзади и открытым верхом с брезентовой крышей. Прекрасная я вам скажу машина. Такая у меня была во взводе разведки в Крыму. Водителем на ней был немец с Поволжья — Виктор Карлович Дизендорф (гнилая деревня) причем водитель первоклассный. Однажды мы с ним заехали в Алушту и медленно ехали в сторону Рабочего Уголка, где я хотел прозондировать почву о возможности тренировок моих водолазов на существовавшей там Всесоюзной базе подводного спорта. Было лето, было жарко и рядом — от поворота до поворота проплывал бесконечный пляж с дымящимися под солнцем отдыхающими.

Идиллию нарушил свисток гайшника, который, оказывается, гнался за нами на мотоцикле от самого города. Мы прибавили газу, и он опять отстал за поворотом. На Рабочем Уголке дорога заканчивалась, а лезть по скалам машина не могла. Виктор свернул на пляж, потеснил немного удивленных пляжников, в считанные минуты завинтил изнутри две латунные пробки в днище — по-научному — кингстоны. И под изумленные взгляды народа мы въехали в воду, заурчали винтом и потихоньку поплыли в обход береговой скалы, круто падающей в море. Я, правда, еще успел помахать рукой гайшнику, который, разинув рот, стоял на дороге. Сколько времени прошло, а я с удовольствием вспоминаю эту историю, и даже слышится шипение убегающих пузырьков от винта за бортом. За скалой мы выползли на дорогу, и ушли на Ялту.

Вторым немцем — фоторазведчиком был во взводе Виктор Августович Беккер (пекарь). Помню их еще по одной истории. В 1962 году весной было принято решение о снятии в городах памятников И.В.Сталину. Намечено это было на ночь в один из будних дней. Меня вызвали к комбату, где уже

сидел особист. Кто из вашего взвода разведки кавказской национальности? Никого, говорю, нет! А может на эту задачу не брать ваших немцев? С чего это их не брать — я ручаюсь, что это вполне достойные солдаты! Вы мне скажите, какую задачу выполнять? Рассказали вкратце о задаче — быть на подхвате при снятии памятника на площади перед ж\д. вокзалом. К 23.00 на грузовике, с ломami, кирками, топорами и веревками мы уже стояли в переулке около вокзала. Особист ушел на площадь, и ближе к 00.00 часам площадь как-то незаметно опустела.

Глазеющих горожан, приезжающих и отъезжающих милиция отодвинула к вокзалу и прилегающим домам. Заполз на цветник бульдозер, и группа мужичков по лестницам подняла наверх петлю троса, который затащили на шее скульптуры. Трактор поднапрягся, дернулся и заскрежетал гусеницами по брусчатке. Летели искры — яркие в ночи, но меркнувшие, когда попадали под свет прожекторов, а статуя стояла как статуя! Часа полтора ушло на эту возню. Потом была дана команда — Стоп! и все убрались с площади. Пришел очередной скорый поезд и еще час ушел, пока площадь опустела. По сигналу выдвинулись два или три большегрузных Маза с песком в кузовах, выстроились в колонну — сцепку и опять дернули памятник. На этот раз бронза вокруг сапог вождя не выдержала, и статуя рухнула на цветы. Автокраном ее загрузили в кузов одного из Мазов, и он тут же укатил в ночь. Застучали отбойные молотки, и бронзовая площадка основания была сбита вчистую. На постамент, с которого срубили все буквы, а следы на мраморе зачистили наждаком — поставили большую бетонную вазу с высаженными горкой цветами. Все следы на цветниках тут же закрыли свежей зеленью, и к рассвету площадь затихла и успокоилась.

Мы уже дремали, когда вернулся особист и развернул нас на водохранилище, где при въезде на плотину стояла небольшая ростовая гипсовая скульптура Сталина. Через 10 минут мы уже уезжали с этого места. Снятие заняло считанные минуты — грузовик подошел задним ходом с откинутым бортом к постаменту — скульптура оказалась вровень с кузовом. Легкий стук борта о постамент и вождь аккуратно лег на руки бойцов, после чего его бережно уложили в кузове. После возвращения в часть мы все пошли спать — уже было 6 часов утра, а «особняк» увез статую в неизвестном направлении.

Кстати — о моем верном «коне» — МАВе Крымских времен. Когда я в 1987 году вступил в должность Начинжа ОдВО, то с первым приездом в Крым помчался в родной батальон. За это время утекло много воды. Пенковский продал америкосам все наши тайны, в том числе о дислокации ракетчиков — стратегов и закрытый военный городок Мазанка — в Крымских горах, в лесу, 30 километров за городом в сторону Феодосии остался пустым, поскольку ракетчиков срочно перевели в другое место. А мой 9-й батальон вывели из Симферополя и заселили в Мазанку. Как говорят — в

деревню, к черту, в глушь, в Саратов!

Комбатом там стал Боря Черняк — мой лейтенантский друг, который корнями врос в эту землю, отделал все в идеале — как стеклышко и стал признанным хозяином на Крымской земле. Все приезжающие отдыхающие военных ведомств столицы и не только, попадали в заботливые руки Боси и его многочисленных друзей — отсюда популярность Бореньки, как и слава о его батальоне — гремели по всем инженерным войскам. Конечно — его природный талант организатора сплотил коллектив, сделал его действительно отличным. Я приехал, когда Боря передал дела молодому комбату, человеку со стороны, и он еще жил тем наследством, которое осталось, но дела уже зримо ухудшались и требовали определенной корректировки.

Первое, что я увидел, подъехав к воротам батальона — это небольшая свалка металлолома на откосе бугра в 100 метрах от дороги. На боку лежал остов моего любимого МАВа — ржавый и осиротело пустой.

Я вышел из Уазика и пошел пешком навстречу своей лейтенантской молодости. Всю свиту сопровождения и встречающее командование я жестом оставил на месте и пошел один. Постоял возле своего умершего друга, и пролетело в памяти все, что было с ним связано. Грустно стало на душе.

Вот так только одно слово — амфибия кинуло меня из Германии в Крымские воспоминания.

Боря Черняк, с которым я, конечно, встретился — через некоторое время уехал в Израиль, но пробыл там несколько лет и вернулся. Вернулся, чтобы пробыть некоторое время и умереть. Что поделать — жизнь это иногда и смерть.

Наше месячное стояние в Мариенборне было просто отдохновением. Работа была спокойной и размеренной. В свободное время я, уезжал на своей амфибии и постоянно обеспечивал стол птицей — фазанами и перепелками. Недалеко стояла старая водяная мельница с маленьким баром, где всегда было свежее пиво, а нашу дичь молодая хозяйка лихо поджаривала до хрустящей корочки.

Кстати сам мельник был старым и хромым, поэтому вся наша офицерская молодежь как мухи на мед тянулись на мельницу.

Осень 1967 года прошла в учениях и занятиях. А весной 1968 года весь батальон был брошен на аэродромно-строительные работы в город Нейрупин. Этому предшествовали известные миру боевые действия Израиля против Египта, когда израильская авиация нанесла удар по аэродромам Египта и почти все самолеты, которые как на параде стояли ровными строями вдоль аэродромной полосы — были уничтожены буквально в считанные минуты.

Завертелись шестеренки инженерных умов и умных голов, как известно сильных задним умом, и на свет родились разработки арочных укрытий, которые срочно начали возводить войска на аэродромах. Полевые железобетонные заводы заработали на полную мощь, даже из Союза по

жд. начался завоз полуарок. На аэродромах на скорую руку наделали рулежные дорожки и по всему периметру в беспорядке разбросали места самолетных укрытий. В работу включились автокраны, и пошла сборка полуарок в арки, затем наращивалась следующая арка, потом следующая и так далее, пока не собралось укрытие с бетонным полом где-то 25х25 метров. Тыльная стена собиралась из блоков с газоотводными каналами, а лицевая представляла двухстворчатые железобетонные ворота, которые при сбросе простеньких запоров — под своим весом по направляющим рельсам разъезжались до упоров вправо и влево, открывая дорожку для выруливания самолета. Если учесть, что на арки укладывалась гидроизоляция, и они укрывались полутораметровой обсыпкой грунта — это действительно было хорошее укрытие, защищающее от авиационных ракет и разрывов бомб. Все срочно занялись маскировкой всех систем, сортов и калибров. В инженерной академии должность начальника кафедры маскировки сделали генеральской.

Вот на этом фоне весной 1968 года все инженерные войска были брошены на аэродромы. Встали мы полевым лагерем в палатках на окраине аэродрома, но довольно близко от Нейрупина.

Первое, что мы сделали — это за день построили полевую парную. Идея проста и гениальна, как колесо. Бульдозером отрыли котлован на 2 метра в глубину, шириной по ножу бульдозера и с плавными спусками с обеих сторон. Поставили бревна стойки и обшили их досками — получился предбанник и сама парная, сделали полки на 4-5 человек, закрыли дощатой крышей, а торцевую стенку солдаты срочно заложили кирпичной кладкой, но в нее вмонтировали бочку на 250 литров. Умельцы — ремонтники — изнутри вырезали дверку, для вплескивания кипятка. Труба из бочки проходила наверх и на пару метров поднималась над земляной обсыпкой. Вниз и ко входу и к печке шли деревянные трапы.

Маленькую бочку на 100 литров поставили наверху над баней на козлах и под ней разводили костер — вот вам и горячая вода. Бочка на 200 литров наверху с холодной водой. Два водопровода уходят вниз, и там стоит смеситель с душем. Своя пилорама в батальоне выдала тес, и парная изнутри обшита еловой вагонкой. Как завершающий штрих — это пять-шесть топчанчиков наверху — для остывания в ночи.

Весь этот комплекс при запуске дает такую порцию здоровья, ощущения свежести и радости, а отдых в прохладе ночи после яростной парилки — абсолютным голышом, да еще под мириадами звезд и этой космической энергетикой — ну прямо рай, да и только. Так подробно все рассказал только потому — что не могу унести с собой эту хорошую идею — может она кому-либо и пригодится. И еще одна хитрость, про которую чуть не забыл. В трубе над камнями делается задвижка. Когда камни раскалились и покрылись сажей, а задвижка открыта — открываешь верхнюю дверку и закидываешь туда кружку кипятка. Только дверку надо срочно закрыть —

тогда вся сажа с камней вместе с паром вылетает черным облаком, задвигая на трубе закрывается и можно заплескивать кипятком — пар будет одуряющим, особенно если в кипяток долить немного пива — тогда будет хороший дух поджаренного хлеба! — Вот такая вот парная идиллия, но это по вечерам и то не каждый день.

А повседневность была занята работой, работой и работой. По аэродрому работало несколько воинских инженерных частей. Одни оборудовали и обеспечивали работу бетонного завода, другие заливали ВПП (взлетно-посадочную полосу), мы заливали рулежные дорожки, — а это самая трудоемкая работа, поскольку ВПП одна, а рулёжек много. Ну и вдобавок ко всему, учитывая, что я заканчивал 3-х годичное инженерное училище, а тогда нас хорошо учили и военному строительству — меня сделали главным инженером этой стройки. Конечно, были приезжающие инженеры от военпроекта и военстроя, но каждый день на контроле укладки бетона, проработки вибраторами, все закладки по скрытым работам, активирование, сдача еженедельно кубиков бетона на проверку давлением и еще много всего, что делало загруженным каждый день. Все лето 1968 года прошло в настоящей мужской работе.

В пятницу еженедельно приезжал из Магдебурга генерал-майор Упоров В.Е. (к этому времени он получил генерала) — сам лично обходил все объекты работ, влезал в каждую мелочевку и мы все ломали голову — откуда у него такие познания. Все развеял Веня Чуркин — чудаки! — Ефимыч до армии работал бетонщиком! В ночь на пятницу мы с нашим хорошим другом — местным егерем Вилли выезжали в район Линдов, где были охотничьи угодья для руководства ГДР и усаживались в высокую будку — засидку на окраине леса. В поле была засеяна кукуруза, и кабаны стаями выходили ночью на эту кормежку «на шару». У Вилли было прекрасное ружьё — два ствола под 12 калибр и внизу был ствол под пулю немецкого карабина. Конечно же, сверху стояла старая Цейсовская оптика, через которую ночью было видно как днем.

В награду за наше бегание всегда был упитанный годовалый кабанчик, который вечером в пятницу превращался в чудесный шашлык. После парной, да на свежем ночном воздухе, да с чудесной смородиновой настойкой, что приносил Вилли, да с польской «Зубровкой» — была чудесная мужская компания. Владимир Ефимыч и наш комбат Веня были неистощимыми источниками юмора и фронтовых баек. Молодежь в моем лице только успевала эти байки проглатывать, перемежая их шашлычком и бокалами вина. Потом все перебирались на поляну, где весь личный состав уже смотрел кино.

Как-то пришлось отвезить на проверку бетонные кубики за 120 км от Нейрупина — в Равенсбрюк. Кубики я сдал быстро и, конечно же, поехал смотреть женский концлагерь, вернее музей того, что немцы оставили от лагеря — в назидание потомкам. Сначала это аккуратное, по-немецки пе-

дантичное, музейное собрание воспринималось как-то обыденно и просто. Но, внимательно вчитываясь в бесстрастные строчки подписей, вглядываясь в снимки, а потом, перекладывая это на себя, свою маму, родню — ужас сковывал всего и уж действительно волосы начинали шевелиться на голове. Кошмар для человечества, которое в большинстве своем даже и не осознало до конца в полной своей численности, мимо какого ада прошел весь мир, — ведь большинство стран мира чисто географически были удалены от этой войны.

Каким богам, каким светлым душам миллионов погибших должен молиться весь мир, все человечество — за тех простых мужиков, которые смерть презрев, пригвоздили эту гидру фашизма с их звериной идеологией сверхлюдей и недочеловеков, миллионами переработанных на муку и пепел для удобрения земель фатерланда. Я был потрясен и просто разбит от осознания всего увиденного. И уже потом, много позже, когда я вспоминал аккуратные, высаженные сосновые леса Германии и эти шеренги деревьев с белыми полосками и черными цифрами номеров мне зримо казались узниками лагерей, души которых переселились сюда и остались на этой земле скорбно шуметь, переговариваясь своими головами — верхушками и дотрагиваясь, друг друга рукастыми ветвями.

Германия, Германия! Сколько гениев ты дала миру и сколько горя нагромодила на плечи человечества. Еще с детских, послевоенных лет я был как-то настроен «ежилом» против всего немецкого. Уже учась в школе, я от корки до корки проштудировал семь томов Нюрнбергского процесса — в нашей Норильской Политехнической библиотеке и этот объем зла еще больше укрепил меня в отрицании немецкого.

Но когда я приехал в Германию, то убедился, что простой народ — немцы — такие же люди, как и везде. У них может больше точности, аккуратности и педантизма, но это все хорошие качества. Вечером, в гасштетах, за кружкой пива, в простых и незамысловатых беседах нормальный простой, бюргер с удовольствием говорил — криг — шайзе! (война — дерьмо!) песо шнапс, бир, мёдхен (лучше водка, пиво, девочки!). И это говорили все немцы, независимо от житейской принадлежности. При этом многие из них хорошо говорили по-русски. И вот тут я срочно включился в изучение немецкого языка. Я уже писал, что у нас в школах иностранный учили по программам, с поправками и методологией Спецорганов. Ну, представьте себе, что все выпускники школ и студенты — прекрасно говорят и могут на слух переводить все то, что говорит на английском радио «Свобода» или «голос Америки». На русском языке эти передачи глушились повсеместно. Конечно, верхушка государства в этом была не заинтересована. Посему наши познания в английском, после школы у абсолютного большинства были нулевые. Английский после школы и училища я знал со словарем — то есть не знал!

А вот для немецкого я купил кляйне вёртербух — маленький по габа-

ритам — на 7 тысяч слов словарь русско-немецкого и немецко-русского языка. Любое новое слово я впитывал в себя из этого карманного друга и запоминал его, уже вставляя в разговор с камрадами. Процесс пошел и уже через год я сносно объяснялся, а еще через год стал внештатным переводчиком в своем батальоне. Общению помогало мое увлечение филателией — коллекционирование почтовых марок — все о космосе! Тогда космос только начинался — вернее его освоение, и тема была актуальна. Отсюда и большое число знакомых немцев — коллекционеров. Немцы говорили мне — ты конечно не русский — у тебя или отец или мать были немцы, поскольку у тебя сильный старо-берлинский акцент. Вот вам и последствия суггестии — метода погружения в языковую среду. Уже после, поступая заочно в академию, я указал, что буду учить немецкий, а не английский. Первое же занятие по немецкому — я побеседовал с преподавателем — милой пожилой дамой, которая всех нас убила наповал, когда очень скромно сказала, что закончила «Сорбонну»! И она сказала, что на ее занятия я могу не ходить — только присылайте мне для зачетов свои выполненные задания. На госэкзамене по немецкому я получил свою пятерку, но чуть не был изгнан «из рая» (класса) за то, что активно подсказывал друзьям. — Такая вот языковая история.

Были у этой истории и некоторые нюансы. Как сказала мне одна знакомая французская журналистка — Мари — в Магдебурге — Холек! У тебя потрясное парижское ЭР-ЛЕ! Учи французский! И я немного занялся французским. Но по молодости лет это не было тем «погружением», как с немецким, а посему и ограничилось только некоторыми фразами. Это-то меня и подвело.

На ж/д вокзале в Бресте ко мне подошли двое старичков — туристов, которые спросили меня — Месье — Парле ву Франсе? (Вы говорите по французки?). На что я почти автоматически сказал — Нон же не парль па Франсе! (Нет я не говорю по— французски!) и — это с парижским ЭРЛЕ и блестящим прононсом. Старички посмотрели на меня с удивлением, а мысленно, наверное, сказали — вот сволочь — парижанин, а говорить отказывается!

Я ушел в языковой экскурс не случайно. Древние говорили — сколько языков ты знаешь — столько раз ты человек. В жизни потом четыре года я прожил в Венгрии — вот где тяжело и трудно осваивался мадьярский — язык — самый трудный из Европейских.

Заканчивалось лето 1968 года — заканчивались наши работы в Нейруппине. И тут прошел приказ Министра Обороны о создании в танковых полках инженерно-саперных рот, вместо взвода, которого для полка было явно недостаточно. Это соответственно потребовало назначения новых командиров рот. Наши армейские кадровики запросили данные на кандидатов в инженерном отделе армии — так я оказался в приказе и был назначен ротным в 62 танковый полк 10-й танковой дивизии — в Потсдам. Штаб

и дивизия стояли в Крампнице — окраине города, а наш полк стоял на Кириш аллее — буквально в 100 метрах от всемирно известного парка Сан-Суси — недалеко от окружного госпиталя, практически в центре города. Кстати, при въезде в Крампниц стоит высокая прямоугольная башня, из стен которой на порядочной высоте торчат заостренные крюки. После неудачного покушения на Гитлера на эти крюки подвешивали за подбородки участников заговора.

Осенью 1968 года я переехал в красивый город Потсдам — впереди была работа, работа и работа!

Первое, что я увидел после представления командиру полка, — полковнику Сивенок — это возмущенно — недовольная физиономия командира взвода — старшего лейтенанта Игоря Сотникова — он считал себя местным корифеем, прослужил пять лет взводным (я на это время был взводным восемь лет!) и, конечно же, рассчитывал занять капитанскую должность ротного.

Я извинился перед Игорем и сказал, что моей вины здесь нет — вроде как я ему дорожку перебежал. Приказ есть приказ — и я даже не знал — кто меня встретит в Потсдаме. В первый же день поговорили начистоту, и я заверил Игоря, что чем смогу — помогу ему убыть по замене на капитанскую должность. Но мои надежды на его порядочность — не оправдались. До замены ему оставалось пару месяцев и, конечно службой он себя не обременял, тем более что обида залила ему глаза. Но мне было не до сантиментов.

Для роты дали первый этаж в стандартной немецкой казарме — стоявший года три пустым, а посему разбитый — до предела. Начала поступать техника, с миру по нитке надавали солдат собранных из разных частей. А кто отдает хорошего солдата, — пришли такие ухари, что пришлось их осаживать с учетом моего «Гулаговского» опыта с Норильскими блатягами. Но за месяц работы, когда у ребят прорезался интерес в глазах — мы из этой развалюхи сделали казарму — лялечку!

В кафельных туалетах я сделал кабинки и поставил высокие унитазы с сидушками — нигде и не у кого этого в казармах не было. Купили туалетную бумагу, дезодоранты, ершики и прочую муру. И тут мне попало от замполита. Он вызвал к себе и говорит — что это ты — старлей придумал — с голой задницей проводить занятие с личным составом в туалете? Я со всем своим дипломатизмом постарался убедить этого ярого марксиста, что людей нужно приучать к культуре! А на другой день — на совещании — умница и чудесный Сивенок поднял меня и объявил благодарность за такое необычайное занятие. Более того, приказал последовательно переоборудовать во всех казармах туалеты и сделать — «как у саперов». Конечно, очков я нагрел, но и мужики — ротные ворчали — приехал «новодел» на нашу голову!

А дело-то было пустяковое — я собрал роту и вечером провел показное

занятие, — как правильно пользоваться туалетом. Сам все показал, а потом с каждого взвода по одному — два человека все это повторили для полного усвоения! И все!!!

Зато потом — в течение года — до моей замены в 1969 году — рота блистала чистотой и была в полку образцово-показательной.

Я недаром написал о полковнике Сивенко — умница! Только мы завершили осеннюю проверку, и он уехал на должность начальника штаба в мою родную Стендальскую дивизию. Судьба нас свела в 1980 году в Будапеште — в Южной Группе войск и до 1982 года мы служили — он — Командующим ЮГВ, а я начальником штаба — зам. начинжа ЮГВ — Ломатова Анатолия Михайловича. На смену Сивенку в полк прислали молоденького майора, на которого в машине, когда везли в полк, навесили погоны подполковника. Фамилия его была Настобурко Александр Федорович. Представил его лично комдив — генерал Крот. Потом, во время перестроений и докладов Александр Федорович постоянно срывался и докладывал — майор Настобурко. За короткое время он довольно быстро вздрючил всех и набрал себе массу врагов, особенно в среде молодого офицерства. За что? Да за то, что запретил наливать водку в офицерском кафе на территории части. И пошли ребята гудеть по вечерам — кто дома, кто по гаштетам-ресторанам. Отсюда посыпались всякие маленькие и средненькие чепушки. Дошло дело до того, что его вызвали на Военный Совет армии в Магдебург и капитально пропесочили. Вечером он вернулся с Совета, зашел в кафе и попросил налить 50 грамм. Все аж привстали. Официантка в полной тишине спросила — что так мало — Александр Федорович? И вот в полной тишине наш «полкан» говорит — это для запаха! А дури у меня и так хватает! Сорвал он бурю аплодисментов — лед тронулся и обстановка нормализовалась. Опять заработало офицерское кафе, а главное — климат в полку стал добропорядочным.

У меня отношения с Настобурко сложились вполне хорошие. Я решительно поддержал его во всех начинаниях по наведению порядка, да и как ветеран среди взводных и уверенный ротный во многом помогал молодому выпускнику академии. Тут еще нужно добавить, что его резкому продвижению способствовал небольшой факт из его жизни — за год до выпуска молодой капитан Академии БТ женился на дочери начальника финансового снабжения Вооруженных Сил страны. На свадьбу папа подарил молодым автомашину «Волга», а по выпуску молодой майор убыл в ГСВГ на начальника штаба одного из танковых полков в 3-й армии. Не прошло и года, как он пришел уже подполковником на 62-й Потсдамский танковый полк.

Почти полтора года службы у танкистов я практически оставался за начальника инженерной службы и на всех совещаниях у командира полка сидел в его кабинете за длинным столом первым по левую руку — так видать сложилось. Но и вводных я каждый раз получал тоже — по первую

левую руку.

В памяти осталась стопка уставов, на которых Александр Федорович — на торцах листов написал карандашом — НАФ — свои инициалы. Через пару совещаний я везде карандашом аккуратно добавил — ИГ и получилось НАФИГ.

Под занавес своей службы в ГСВГ — в конце лета 1969 года полк прекрасно выступил на больших армейских учениях на Магдебургском полигоне и был назван лучшим среди полков 10-й танковой дивизии, да и дивизия была в передовиках.

В решающий день боя Настобурко ушел на передовую с танками, а мне (а не начальнику тыла полка) приказал любыми путями провести колонну тылов полка от Гарделегена — это почти у границы с ФРГ и к 17 часам быть у переправы через Эльбу в районе вышки. И это тогда, когда все дороги перекрыты комендантскими службами и действует жесткий график выхода войск к понтонному мосту. Вот тут мне и помогло мое блестящее знание полигонов и всех дорог в ГСВГ. Колонна, как ниточка за иголкой — моим Уазиком — прошла поперек Магдебургский полигон, ушла по лесам вправо — на Мальвинкель и дальше, двигаясь вдоль Эльбы, почти по берегу подкралась в район переправы. И когда танковая колонна загрохотала по понтонам, мы тут же пристроились в хвост и компактно вытянулись в район сбора на восточном берегу. Когда встал вопрос о замене — Александр Федорович просил меня остаться и обещал, что передвинет меня на полкового инженера — на майорскую должность. Но у меня уже было шесть с половиной лет службы в ГСВГ и тянуло к родным березкам. И так на полтора года переслуживал, — положено 5 лет, а у меня было шесть с половиной.

Встретился я уже с генерал-лейтенантом Настобурко — в 1984 году в Тбилиси — при чрезвычайных обстоятельствах. В одно из воскресений ноября в 7 утра — наискосок от моих окон на девятом этаже, взорвался подъезд девятиэтажки — дома напротив, где жили военные строители. От грохота взрыва я слетел с дивана — секунды, пока летел до пола, в голове пролетели три версии — взорвались боеприпасы в рядом стоящей сотой учебной дивизии, взорвали дом — теракт, и третий вариант — по Тбилиси нанесли удар. Стекла с обеих сторон квартиры еще сыпались на пол по занавескам, а я уже подскочил к окну. Жуткое зрелище — когда на твоих глазах складывается полтора подъезда дома и в клубах пыли просвечивает проем в доме, как бы вырезанный безжалостным ножом. Девять этажей сложились в груды обломков до высоты второго этажа. И это все сопровождалось жутким душераздирающим воплем и диким воем умирающих людей, спрессованных в этих обломках. Галина плача заскочила в комнату, а дочь Ольга спала, хотя стекла окон обсыпали ее. Я всех успокоил — все немедленно оделись и бегом по лестнице помчались вниз — уже почти весь дом был во дворе. Я оставил своих, а сам помчался к

завалу между нашими домами.

Еще висела в воздухе пыль, крики погибающих уже прекратились. Возле обрушенных плит стоял весь в крови, в разорванной форменной рубашке старший лейтенант. Спрашиваю его — ты откуда? Он показывает вверх, в пустоту и говорит — оттуда — с 5 этажа! Оказывается, он брился у окна и когда дом начал оседать — его выдавило воздухом вместе с рамой, и он чудом остался цел. Многие люди, когда утром газовики бегали по квартирам и всех выгоняли на улицу — остались стоять около подъезда, и их засыпало обломками дома.

Причина взрыва — газ. Один из жильцов первого этажа начал углублять подвал под своей квартирой. Работая киркой, он пробил в газовой трубе дырку — а это уже была подземная междомовая сеть с большим уровнем давления. Содеяв это, он испугался и убежал из дома, а подъезд начал наполняться газом. За субботу и ночь перед воскресеньем газ заполнил лифтовую шахту и квартиру на втором этаже, которая пустовала. В 7 часов утра с пульта диспетчерской включили лифты, и кто-то из жителей нажал кнопку. Искра, взрыв в квартире, который подрубил основание подъезда. И взрыв в длинно-вертикальной шахте лифта, который выдавил в стороны все девять этажей, под которыми уже не было основания.

Через груды камней ко мне шел генерал-лейтенант — когда я взгляделся — Ба! Да это Александр Федорович Настобурко — он был в это время Зам. Командующего Закавказским округом по гражданской обороне. Хоть и было не до воспоминаний, но парой слов перекинулись — он меня узнал. Как же, говорит, я посмотрел в списках Бакинской ставки твою фамилию и порадовался за своего подчиненного. А я в это время уже трудился пару месяцев в Бакинской ставке Главного Южного оперативного командования на генеральской должности — начальника штаба — зам. начинжа Ставки генерала Иванова Алексея Александровича. Ну, — об этом еще расскаж впереди.

Вообще Потсдамский период жизни был наполнен самыми разными событиями. Осенью 1968 года я вместе с ротой сдал контрольную проверку — рота на твердую хорошую оценку, а я лично — все на отлично. Вот так в рифму получилось. Тут же пошло представление на капитана и 5 декабря мы уже дружно обмывали мои капитанские звездочки у нас дома — на Кириш-аллее в компании с моими новыми друзьями — полковым врачом артполка — старшим лейтенантом Володей Камышинцевым и главным эпидемиологом группового СЭО (сан эпид. отряд) доктором Володей Кузнецовым. Оба были заядлые преферансисты и любители хорошо посидеть под умеренное питье и закуску. Моя Галина с Маришкой уже долгое время жила у мамы Оли в Витебске и я холостяковал. Собирались обычно в общежитии госпиталя, где у обоих Володек в одной комнатке жили две сестрички — Нина и Наташа — обе москвички и по работе хорошо знали еще по Москве Вовку Кузнецова. На вечер брали штук 6-8 маленьких

Вайнбрандов (немецкий коньяк по 350 гр. — из недорогих) и ходовой закусок. Расписывали пулю и заседали часов до 4-х утра. Потом делали последний круг, и мы с Камышкиным через Трипергорку (так накоротке называли холм в лесочке с античной колоннадой — небольшой осколок от парка Сан-Суси — метров за 50 — за дорогой) топали поспать пару часов — поскольку в 7 утра нужно уже было быть на подъеме личного состава. Раз в месяц — как правило, под получку мы делали вылазку в Интеротель — в ночной ресторан на макушке 17-ти этажной стеклянной коробки — почти на границе с Западным Берлином — на берегу канала. Однажды мы с Володькой и его Наташкой забрались в эту ночнушку. Мэтр разместил нас за столиком, выставил бутылочку Мозельского и коньяк. Через некоторое время он попросил разрешения подсадить к нам четвертым какого-то иностранца. Давай — садись! Мы тихо переговаривались по-немецки. Потом поговорили о погоде (Або гойте гутес веттер! Я! Я!). Немного помолчали, потом я говорю Володьке — на русском языке — Ну, чего загрустили — наливай и пей! Кстати — насчет наливай — там этого нет. Если у тебя рюмка опустела — тут же сзади протягивается рука в белой перчатке и рюмка мгновенно наполняется. Если ты вставил в рот сигарету — сзади уже протягивается рука с горячей зажигалкой! Как только я это сказал, у нашего нового гостя отвисла челюсть! Так вы русские? Ребята! Я тоже русский! Я говорю ему — небось, эмигрант, какойнибудь? Да нет — я Игорь Слабневич — главный оператор фильма «Освобождение», который здесь — на Дефа-фильм в Бабельсберге снимает Юрий Озеров! По этому поводу заказали еще коньяк — потом спустились к Игорю в номер и приняли на грудь еще одну бутылочку армянского — короче — вечер прошел на Ура! Обменялись адресами и телефонами, но жизнь закрутила, и воспользоваться, потом этой информацией не пришлось. У меня к этому времени была своя кинокамера «Адмира 8х2 А». Заряжалась кассетой с 16мм пленкой и снимала фильм на 8мм. Сначала одну половинку, а потом другую на этой пленке. В Союзе я покупал по дешевке кучу пленок — цветных, а уже в ГДР сдавал их в проявку в фотомагазине — бесплатно. У немцев так было принято — если купил пленку, то они проявляют ее бесплатно. Только небольшие пфенниги идут за пересылку на киностудию. Пленку они обрабатывали классически и у меня до сих пор лежат катушки с цветными пленками из Германии и съемки в Сочи. Надо бы их перегнать на диски в цифровом виде для плеера, да все некогда. Так вот — со съемками. Нам категорически запрещалось появляться в Берлине, и за это можно было за 24 часа вылететь в Союз. Но если нельзя, но хочется — то можно!

И мы с Володькой Камышкиным — (у него тоже была кинокамера) одетые в штатское прыгали утром в электричку и на воскресенье уезжали бродить по Берлину.

На Остбанхофе пили белое Берлинское пиво — по вкусу и цвету напоминает нашу брагу, но намного вкуснее! Потом шли мимо ратуши через

канал, гуляли по Унтер-Дер-Линден (под липами) мимо Советского посольства, Университета Гумбольдта и далее до Бранденбургских ворот — зональной границы. Однажды возле университета была съемка фильма, и мы с Вовкой попали в кадр массовки со своими кинокамерами. Потом я увидел себя и Вовку в фильме о юной паре студентов — потом раза два ходил его смотреть!

Проходила Лейпцигская ярмарка и в одно из воскресений мы с Володицей опять в электричке двинули в Лейпциг (немцы говорят — Ляйпциг). Прекрасный город — чудесный, из глыб гранита сложенный гигантский памятник битвы народов — когда в коалиции с Россией была в решающей битве разгромлена Франция. Красивые и запоминающиеся павильоны выставки-ярмарки. Узкие, тенистые улицы старого центра — все легло на пленку и осталось незабываемым остановленным мгновением!

Весной 1969 года — предвидя свою осеннюю замену в Союз — я поехал в отпуск и в Москве встретился в Штабе МВО с Начинжем округа генерал-майором Упоровым Владимиром Ефимовичем. Он уже успел перебраться из Магдебурга в Москву. Встреча была теплой и добросердечной, с коньяком в комнате отдыха. Владимир Ефимович вызвал своего кадровика и поставил ему задачу — пробить все для моей замены в инженерную бригаду — в Чехов. На этом мы расстались, и я был твердо уверен, что вопрос о моем назначении в Московский округ — решен.

Но судьбе было угодно распорядится иначе. Из соседнего 63 полка заменялся в Союз мой коллега — тоже ротный, и он довольно долго крутился в штабе группы, решая свои вопросы с каким-то своим земляком. Думаю, что именно там произошла подмена шила на мыло. Осенью 1969 года пришел мне приказ — убыть по замене в Закавказский военный округ, командиром инженерной роты кадра саперного батальона 15-й Чонгарской Краснознаменной и т.д. дивизии кадра в городе Кировакане — в Армении. А мой коллега уже убыл по замене в Московский округ, на подготовленное для меня место. Лохонулся я по полной программе.

6. ЗАКАВКАЗЬЕ

Сборы были недолги, и я поехал по замене в Закавказье. Правда у меня был небольшой запас времени и свой заезд я начал с Сочи — где жили в Дагомысе родители, и уже ждала меня моя Галина с Маринкой для подписания мировой, поскольку в последний год перед заменой мы крупно повздорили. Все бывает...!

Короткая остановка на теплом юге и теплом море. Маринке уже было 8 лет, и она бегала через речку по подвесному мостику в Дагомысскую школу. Галюндра — так звала Галю моя мама — осталась в Дагомысе ждать моего сигнала на выезд в Кировакан. А я недолгим Ереванским поездом, ранним утром, в один из октябрьских дней высадился на гостеприимную армянскую землю. В дивизии меня представили комдиву — лихому полковнику Гусеву — подпольная кличка — Чапаев. Высокий ростом он ходил в распахнутой шинели и решения принимал — как шашкой рубил. Мне сказал — работайте — капитан — а Родина вас не забудет. Кировакан — это одно из красивейших мест Армении. Неширокая долина вместила в себя вытянутый вдоль городок с одной центральной и рядом поперечных улиц, а на окраине раскинулся большой химический комбинат, с высоченными трубами по выработке азота из воздуха, а из азота уже разные азотистые соединения, включая и удобрения.

Но была у комбината своя изюминка. Отдельно стоял длинный цех по производству, вернее — выращиванию искусственных рубинов. Я был в этом цехе и с удивлением наблюдал в глазок это чудо, когда на тонкую рубиновую палочку — затравку сверху из дозатора высыпалась толика алюмокалиевых квасцов, в зоне сверхвысоких частот оплавлялась и оседала на затравке ярко-розовым или густо-малиновым рубином. К концу смены длинно-круглая как морковка булька уже плавно остывала и уходила на склад готовой продукции. Шла эта красотища на Ереванский ювелирный завод, а также на различные технические нужды — опорные точки для осей, балансов и прочее, прочее, прочее. Нам на этой экскурсии надавали полные жмени этих булек. Самое интересное — это рядом стоящее скромное

здание, в котором был установлен агрегат из Швеции по производству таких же булек. Он был подарен Армении одним из её эмигрантов, а ныне миллионером, но производил продукции в два раза больше. Кстати, когда я позже увлекся распиловкой и обработкой камней — бульки сослужили мне добрую службу, когда я делал всяческие ювелирные безделушки для своих девочек. Они и до сего дня лежат у меня на даче, в какой то из коробок

Всю пригородную часть долины заполнили спустившиеся с гор леса — красивые, тенистые с высокими кавказскими деревьями и мраком, переплетающимся колючками. То тут и там светлели зеленью поляны, и можно было не спеша, прогуливаясь забраться высоко вверх, откуда город уже казался маленьким и игрушечным. Я снял за небольшую цену комнату в обычном армянском доме — на втором этаже, где эта комната была украшением дома.

Сами хозяева жили на нижнем этаже, в комнатах с земляными полами, рядом в помещениях — я не пишу в хлевах, жила всякая живность — куры, утки, гуси, индейки, кролики, козы, а иногда и коровы. Конечно, это все выглядело грязновато, но второй этаж, с отдельным входом по лестнице — был образцовым. Это были простые, добрые люди, очень радушные и гостеприимные. Эта доброта волей— неволей заставляет вслушиваться, запомнить и начинать говорить на этом красивом языке. Я быстро освоил Барев дзес! Вон цес? Лавем! Шат лав! и еще много— много других слов, которые потом в жизни помогли мне находить общий язык с любым армянином, в каком бы уголке земли с ним не встретился. А через два или три месяца комдив вызвал меня и вручил двухкомнатную квартиру на поселке сельхозтехники рядом с Демацем. Нужно сказать, что в городе не было ни одного деревянного домика. Везде стояли красные и желтые каменные строения из шикарного армянского туфа, который в изобилии резали в окружающих горах. Позже, когда произошло катастрофическое землетрясение в Армении, я уже в Одессе по телевизору видел свой дом, у которого из четырех этажей верхних два как бритвой срезало, а я жил на третьем. Страшная эта страница в истории многострадального армянского народа.

Но тогда, в конце шестьдесят девятого, начале 1970 года мы были молодцы и энергично рвались в бой. А какой к черту бой, когда вся моя рота помещалась в портфеле мобилизационной комнаты, и все что у меня было — это печать для опечатывания этого портфеля. Зато других задач, учитывая, что я был без личного состава — мне накидывали полные вороха.

И первая задача свалилась буквально через неделю. Забросили меня в Лениканан и включили в команду по отправке «дембелей» в Волгоград. Дали один вагон и список его пассажиров. Построил я всю эту бандоту и жестко потребовал, чтобы они не выкидывали фокусы, иначе беспощадно буду снимать с поезда на ближайшей станции. А сейчас, пока до отправления осталось два часа — всех поддатых в вагон и уложить спать (с мутными

глазами стояло половина строя и многие могли залететь, если бы попались на глаза высокому начальству). Ребята сразу же оценили мои действия и заверили, что Вас товарищ капитан мы не подведем. Случился и тут интересный казус — проверяю всех по фамилиям и выкрикиваю — Рогожкин Александр! Шаг вперед делает стройный сержант, говорю ему — это я Рогожкин, а ты откуда вдруг тоже Рогожкин? После построения разговорились — оказалось, что он Волгоградский, но к моей Волгоградской родне — тоже с этой фамилией никакого отношения не имеет. Хотя, я думаю, что он из той когорты Рогожкиных, что расселились из Казани по Волге и Дону, а основная масса обосновала станицу Рогожкино при впадении Дона в Азовское море. Когда много лет позже я посмотрел фильмы режиссера Александра Рогожкина — Особенности национальной рыбалки и остальные его фильмы — сразу вспомнил тот давний эпизод. Может это мой сержант выучился и стал режиссером? По возрасту вроде вполне подходит. Кстати, если уже речь зашла за однофамильцев. В 1987 году я учился в Академии Генерального Штаба и, проходя по этажу, увидел табличку на двери кабинета преподавателей кафедры разведки — полковник Рогожкин, полковник Джугашвили. Интересно, кто это сидит здесь под моей фамилией, захожу и представляюсь — полковник Рогожкин. Поднимается полковник моего возраста, среднего роста и тоже представляется — полковник Рогожкин. Я продолжаю — Олег Борисович, а он — Александр Васильевич. Слава богу — разошлись на имени отчестве. Ну а полковник Джугашвили поздоровался и я сказал, что для меня это честь — поздороваться с внуком Иосифа Виссарионовича. Вот такая была встреча. Я потом нередко встречал своих однофамильцев — Главнокомандующий Внутренними войсками МВД России — генерал-полковник Рогожкин. Главный редактор журнала Юный натуралист — тоже наш. Как написал Валентин Гафт — Россия слышишь этот зуд?— три Михалкова по тебе ползут! А тут такое количество Рогожкиных! Волгоград запомнился, конечно же, Мамаевым Курганом, который без слез на глазах осмотреть нельзя. Нашел я там, в длинной печальной череде выбитых золотом фамилий и Гулю Королеву из книги Четвертая высота и множество других фамилий. Посмотрел дом сержанта Павлова и другие памятники. Вообще — это город — памятник и имя ему нужно возратить Сталинград, а лучше всего — Царицин. Навестил свою родню — двоюродная сестра Вера была в роддоме и мы с ее мужем Володей принимали ее на крыльце с сыном — Женькой. На другой день все поехали на речном трамвайчике через Волгу в поселок к моей тетке Лиде — она была старше моего отца, но еще была бодрой и властной — всех держала в руках. Домик стоял недалеко от реки и был старым, осевшим в землю срубом, почерневшим от времени. Так я побывал на родине своих предков.

Пошло лето 1970 года и можно было с трудом, но заехать на высокогорные обледенелые перевалы. Подкинули и мне такой — на 2200 метров — там стояла метеоточка авиаторов, и нужно было на «Урале» завезти туда

полный кузов запасов на год вперед. Кстати — для справки — один «Урал» за неделю до того — уже при спуске, не вписался в поворот на высоте в 1500 метров. Вниз он, вернее его остатки долетели гораздо быстрее, чем, если бы спускались по дороге. Хорошо хоть люди успели соскочить.

Забрались мы на этот перевал — тут я и вспомнил Володю Высоцкого — Весь мир на ладони — ты счастлив и нем ... — такая красота под тобой — просто дух захватывает.

Были и другие задачи — собрать подземный командный пункт — в горах — в запасном районе. И это все на энтузиазме, без людей и все своими руками. Максимум что дали — две сотни рублей на две бетонных плиты на ЖБК. Я, правда, договорился и вывез от них около двадцати плит не кондиции, но все по одному наряду на пару плит. Хочешь жить — умей вертеться! Да и сидеть на месте после Германии — я просто не мог. Поставил я это КП в горах — нанял «Беларусь» — отрыл котлован в ущелье, где был наносной грунт, сделал водоотвод — краном собрал каркас из плит, изолировал — положил некондиционные лестничные пролеты для входа под землю, и все это засыпал все тем же «Беларусем». И таких разъездов и задач — ну просто не впрокорот. Старички — ротные капитаны, сидевшие на уютных бездельных должностях по десятку лет, посмеивались над моим «энтузиазмом». Домой я возвращался порой в двенадцать или в час ночи, и однажды Галина взорвалась — ты, что всю жизнь так намерен пахать? — Люди как люди домой возвращаются в четыре— пять часов дня, а ты черт — те, где болтаешься! И вот где-то в два ночи я провел с ней одну, но единственную на всю оставшуюся жизнь беседу, которая расставила все точки над «и». Я сказал — мать! Если ты намерена всю жизнь просидеть в этой Тмутаракани — я готов уже в два — три часа быть дома, и гори она огнем эта обозначенная служба. А если нам нужно вырваться из этой бодяжной жизни — мне нужно пахать, пахать и пахать. На том и порешили. Буквально к осени уволился дивизионный инженер, и на его место назначили майора — НИСа танкового полка — умного парня Койфмана. Буквально через день он отзывает меня в сторону и говорит: — Олег! Я предлагаю тебе перейти на мою должность — НИСом танкового полка. Я, конечно, поблагодарил его за доверие и дал согласие. Приказ состоялся почти тут же, и я перебрался в соседнюю часть в этом же городке. Но фуор это произвело необыкновенный — встали на дыбы, ранее спавшие на должностях старички! Как это так — мы здесь годами пересидиваем, а этот варяг не успел приехать — как уже продвинулся? А я говорю им, что у меня в Германии рота была — 56 человек, не то, что здесь обрубок от батальона — в 52 человека. Страшно обижался на эти слова комбат — маленький, толстенный подполковник Саша Морозов. Я тебя капитан точно уволю, несмотря на твою энергию за такие слова о батальоне. На что я ему весело отвечал — не волнуйтесь товарищ подполковник — вот как только уйду в аппарат к начинжу армии — точно я буду Вас увольнять на пенсию. Я не-

много просчитался — в январе 71 года меня забрали в Управление Начинжа округа на должность офицера по разведке и по совместительству поручили кадры. И таки в 72 году я готовил документы на увольнение Александра Ивановича, о чем я ему весело рассказал по телефону.

70 год катился под горку. Моя Галина работала в штабе саперного батальона машинисткой, начальником штаба был пожилой майор Иосиф Иосифович Барабан. Дочь Марина жила у моих родителей в Дагомысе и со своим двоюродным братом Борькой — на два года младше ее — бегали в школу.

Моя работа в танковом полку протекала, как и в саперном батальоне, но тут на меня подвесили еще одну «ношу». Ушел в отпуск начальник артвооружения — майор, и мне приказали принять временно его должность. Я потребовал, чтобы была создана комиссия для пересчета всего того, на что меня подписывали. Мне сказали — ты что — дурак? Давай не выкаблучивайся и потребуй от всех прапорщиков — ответственных за свои комнаты на складе, чтобы они написали тебе рапорта, что у них все в порядке и соответствует перечню хранения. Я эти рапорта собрал и спрятал у себя дома.

Момент истины настал, когда меня срочно вызвали к комдиву. Здоровенный генерал Гусев, подпольная кличка — Чапаев повез меня к складу на территории городка. Там уже стояли все прапорщики, ответственные за хранение и особисты. Ты капитан принял должность артвооруженца? Так точно — я. У кого ключи? Тут же подошел прапорщик и начал открывать двери. Ты отвечаешь за хранение пистолетов? Я отвечаю — ответил прапорщик. У тебя все в порядке? — спросил комдив. Так точно. Хорошо, открывай комнату хранения. Открыли комнату. Доставай ящик, где у тебя хранятся ракетницы. Когда с самого низа штабеля достали ящик с ракетницами — прапорщик рухнул на колени и, рыдая признался, что он три ракетницы и укупорку сигнальных ракет к ним, продал местным жителям для салютов на свадьбах и других праздниках, а на вырученные деньги купил новенький мотоцикл с коляской. А чтобы по количеству все совпало — он поехал в Тбилиси и на армянский коньяк обменял в реммастерской у артвооруженцев три поломанные ракетницы. Настала моя очередь. Рассказывай, как ты принимал должность. Я рассказал все, как было, и порученец тут же привез из моего дома папку с рапортами. Вынули на свет божий рапорт несчастного прапорщика — все по рапорту было в наличии. Разбирательство пошло далее своим чередом, но уже без меня, тем более что майора артвооруженца уже отозвали из отпуска. Вот такая мина чуть не взорвалась под моими ногами в Кировакане.

А осенью вдруг прошла команда — срочно прибыть в Ленинанкан в распоряжение полковника Кораблева Николая Михайловича — он был председателем комиссии по осенней проверке инженерных подразделений — округ проверял Ленинанканскую приграничную дивизию.

Николай Михайлович был начальником оперативно-разведыватель-

ного отдела Инженерного Управления округа. В штабе дивизии — в кабинете дивизионного инженера я вдруг встретил Джона Семенова — уже майора, с которым служил в Крыму — в 9-м корпусном саперном батальоне. Обнялись, потрепались, и он сообщил мне, что скоро уезжает по замене в Германию. Конечно, живо интересовался, что с собой брать, как там жить и так далее и тому подобное. Я все это рассказал, пока не пришел высокий и очень худой полковник Кораблев. Джон тут же куда-то слинял, а Николай Михайлович отдал мне пухлую пачку оценочных актов по проверке самых разных подразделений и попросил все внимательно проверить, особенно соответствие выставленных оценок, вернее их итогов — требованиям нового, только что вышедшего руководства о Порядке оценки одиночной подготовки, подразделений и частей в ходе контрольных проверок. А я уже до того — в Кировакане это руководство проштудировал от корки до корки.

Первые же ведомости, да и вся пачка в целом ни в какие ворота не лезла. Все итоги были подбиты по старой методе и в большинстве случаев упирались в двойки. А новая методика была несколько проще, но вместе с тем справедливо давала возможность ставить удовлетворительную оценку там — где раньше были по процентам выполнения — только неуды.

Пачку ведомостей я подправил карандашом и с результатами подошел к Кораблеву. Было мне несколько неудобно, поскольку его утверждающая роспись уже стояла на листах, но я спокойно и убедительно изложил ему эту новую методику и существенно поправленные оценки. И если по прежним итогам выползала круглая двойка, то по исправленным подсчетам — как это положено по новому руководству — уже была твердая тройка. Сначала Николай Михайлович вспыхнул — как это неправильно оценено? Потом, разобравшись, сказал свое тра-та-та! в адрес Джона — это он подбивал бабки, а потом заметно повеселел и куда-то ушел, унося с собой уже новые данные. Поработал я у Кораблева еще три дня, пока не закончилась проверка. Расставаясь, Николай Михалыч крепко пожал мне руку, поблагодарил и тут сказал, как бы про себя — надеюсь, расстаемся не на долго.

А в последних числах декабря 1970 года меня опять телеграммой вызвали в Тбилиси — в инженерное управление. Этот момент можно расписывать в стихах и красках, поскольку он того стоит. Нужно начать с того, что уже более десяти лет Начинжем округа был генерал-майор Мазин Григорий Александрович — гениальный до неприличия еврей, еще при жизни ставший легендой инженерных войск. В 1970 году ему было уже 56 лет. Знания по своей профессии — военного инженера — он имел энциклопедические, обладал уникальной памятью и если видел человека в лицо и говорил с ним — дед запоминал его навсегда. Нужно добавить, что генерал был невероятным ревнителем русского языка и никогда и никому не прощал малейших неточностей или неверно сказанного слова, что в недалеком будущем сослужило ему плохую службу. Но — обо всем по

порядку.

Для беседы вызвали трех майоров — они были НИСами полков со стажем — и меня — молодого капитана.

Инженерное управление располагалось тогда на улице Плеханова, недалеко от метро Марджанишвили. Николай Михайлович Кораблев дал каждому из нас лист карты, пачку фломастеров и за четыре часа до обеда предложил разработать на карте план проведения ротного тактико-специального учения с ротой полевого водоснабжения, которая стояла в Сагареджо. После обеда, в хорошем настроении, генерал начал заслушивать, а заодно и беседовать с каждым — по одному.

Первый же майор через пять минут пулей вылетел из кабинета, проклиная тот день и час, когда он согласился сюда приехать. Оказывается дед начал спрашивать его, какие ядерные мины есть у американцев. Майор со всей пролетарской прямоотой начал перечислять — ха-эм 15, ха-эм 19 и так далее пока дед не выдержал и взорвался — Да не ха-эм 15, а ИКС-М-15, икс, икс, икс, а не эти Ваши ху-эм! Кораблев! Отправить майора «в зад» (а не назад) — пусть учит язык!

Второй майор зашел на беседу на ватных ногах, продержался не более 10 минут и так же с треском вылетел из кабинета.

Третий претендент сослался, что у него начались какие-то колики, и на беседу не пошел.

Настала моя очередь. В кабинете я доложил генералу, что прибыл на беседу. За большим старинным столом с зеленым сукном сидел небольшой кругленький генерал с энергичной кругленькой седой головкой, коротко подстриженный, с выразительными прищуренными глазами. Он рассмотрел меня внимательно и углубился в изучение личного дела. Что-то похмыкал и говорит — Да вы молодой человек оказывается хулиганишка — вот среди наказаний у вас записана «Гауптвахта» за то, что послали в училище старшину подальше! Как это понимать? Я отвечаю — правильно я его послал, потому что он дурак, и тут же объяснил — почему он дурак. А дед говорит — наверное, у Вас что-то с наследственностью, что-то с ДНК?

А я обиженно так ему отвечаю, что дезоксирибонуклеиновая кислота здесь абсолютно ни при чем — мой отец сейчас на персональной пенсии полярника — живет в Сочи. Дед аж привстал! Да Вы оказывается, даже знаете, что такое дезоксирибонуклеиновая кислота? Какой Вы «ерундированный» оказывается. Ладно, давайте докладывайте по разработке ротных учений.

— Товарищ генерал! Ротные учения я начинаю с подъема роты по тревоге в 4 утра! Тут дед опять подскочил! Почему в 4? Какой дурак это придумал? А я отвечаю — да мы и придумали — мы — дураки военные! Почему мы дураки — выходит и я дурак? — спрашивает дед. Потому, говорю, что как в Отечественную немец напал в 4 утра, так у нас, военных, эта цифра и заклинила — потому мы и дураки. Дед прямо таки обрадовался. Правильно

говорит — мы и есть дураки! А когда лучше объявить тревогу? Ну, говорю, часика в 23, поскольку бойцы, кто хотел, уже убежали в самоволку за вином, а офицеры к этому времени уже порядком выпьют дома.

Больше Григорий Александрович меня пытаться не стал. Ладно, говорит, Вы мне подходите своей прямоотой и кое-каким интеллектом! А я Вам подхожу? Я говорю — надо посмотреть еще, да и дома с женой посоветоваться.

— А вот это правильно! Посоветуйтесь, но не затягивайте — завтра к вечеру перезвоните Николаю Михайловичу, чтобы мы уже включили Вас в приказ с 1 января 1971 года.

Дома я все подробно рассказал Галине, а второго января я уже представился Кораблеву — в должности офицера оперативно-разведывательного отдела штаба Управления Начальника инженерных войск Краснознаменного Закавказского военного округа. Если коротко — оператор в штабе инженерных войск округа. Включился я в работу немедленно — Джон Семенов оставил мне в наследство запыленную кадровую книгу по офицерам наших войск не обновлявшуюся уже года два или три. Написал в две армии и корпус, а также во все подчиненные нам части распоряжение — в недельный срок представить по офицерам всю информацию, завел отдельную книгу — разлиновал всю от руки и начал заполнять. Плюс, на меня легла обязанность отвечать за инженерную разведку и всю информацию по разведанным. Хорошо, что рядом были надежные старшие товарищи — подполковник Юра Дефорж, подполковник Леня Силенко, подполковник Толя Ломатов, они всегда подсказывали, что и как нужно делать. Жил я в кэчевской гостинице и вечерами подолгу оставался на работе, а иногда и ночевал, особенно летом — на стульях.

Галина моя с Маринкой оставалась в Кировакане, а я ждал по очереди квартиру. Повесили на меня и несение дежурства по Управлению — вернее ведение графика нарядов, а учитывая, что с нами вместе была гражданская оборона и топографы — то неурядиц с этим дежурством хватало. Ну а если был какой-то пролет, то я заступал сам. Однажды на дежурстве, вечером, когда все ушли, я уселся в кресло генерала, выложил ноги на его стол, растянулся рубашку — на улице была летняя жара, и негромко напевал песенку — Как хорошо быть генералом, как хорошо быть генералом, лучше работы я Вам синьоры не назову! Все же я стану генерал... Поднимаю глаза, а в дверях стоит генерал Мазин и улыбаясь смотрит на меня. Я конечно пулей вылетел из кресла и стал что-то докладывать. Дед засмеялся — Я Вам скажу батенька — это очень и очень нелегко быть генералом — вот когда сами станете генералом, то почувствуете на себе эту нелегкую ношу. Много позже, вспоминая этот эпизод, да и потом, когда я в генеральской форме зашел к нему домой — в Москве, чтобы представиться — я говорил деду — какой же Вы прозорливый человек, что смогли разглядеть тогда в простом капитане — безо всякого академического образования, будущего генерала.

Григорию Александровичу было тогда уже 73 года, уже умерла его супруга — Зоя Николаевна, но он был бодр и даже успел слетать в гости к дочери — в Америку.

В Лос-Анджелесе он оказался на праздничной годовщине дня Победы, и русская диаспора сообщила руководству города, что у них в гостях Советский генерал — участник войны. Тут же за счет города старый еврей-портной сшил на него генеральский мундир — сделали полный комплект формы — правда несколько на американский манер, но советскую форму и во время праздничного городского парада Григорий Александрович шел в первой шеренге победителей. И сын и дочь его со своими семьями задолго до того переехали и работали в США — оба были физиками — ядерщиками. Дед долго противился переезжать к ним, но потом, после смерти Зои Николаевны он сдался и уехал в Штаты. Об этом мне уже в Одессе рассказала жена его брата Михаила Александровича, преподававшего в Одесском университете. Время неумолимо убегает за наши спины, старые связи потеряны — и в силу давности, и в силу наших одуревших временщиков — политиков, бросающих свои страны и народы под жернова дурости и преступного верхоглядства. Не буду продолжать — оставлю свои суждения на то время, когда подойду к ним по хронологии событий.

А в Тбилиси царил 1971 год. Прибыл новый командующий войсками ЗакВО — генерал-полковник Мельников Павел Васильевич — до того он был начальником оперативного управления Генерального Штаба Минобороны. Жесткий, педантичный, требовательный и беспощадный командующий. Началась эра отшлифовывания оперативно-штабной работы. Все карты, их масштабы, размеры и оформление были в короткие сроки максимально стандартизованы. Срочно разработали формализованные документы, отработали различные переговорные таблицы. Топографы, которые почивали на прежнем багаже карт, получили таких пенделей за полигонные, да и другие карты — где уже давным-давно изменилась дорожная сеть и даже появились новые поселки и в свою очередь ушли в небытие старые кишлаки. Топоотряды начали колесить по округу и из печатных станков пошли карты с впечатанными изменениями. Не дай бог и не приведи господь, если на доклад попадала карта старого образца. Командующий протыкал ее указкой и выкидывал в сторону — вместе с картой вылетал и докладывающий начальник — иногда вылетал и с должности.

Метода, конечно, была зубодробительная, но в целом штабная культура значительно возросла. Это была колоссальная школа, которую не давала никакая академия. В каждом управлении мгновенно появились офицеры — специалисты с идеальной графикой оформления карт. Отдельные расчеты сопровождались живописными фрагментами возможных разрушений в ущельях, на переправах, при взрывах плотин и т.д. В нашем управлении на этой ювелирной работе сидел подполковник Дефорж, а потом подключился прибывший из академии Гена Терещенко. Я знал Гену еще по

училищу — вместе выпускались в Калининграде — но в разных ротах.

Летом 1972 года Министр Обороны маршал Гречко А.А. провел масштабные учения со всеми военными округами Европейского Юга СССР — Прикарпатским, Одесским, Северо-Кавказским, Закавказским военными округами, Черноморским флотом и Каспийской флотилией (ККФ — мы говорили — Кажется, Какая-то Флотилия). На итоговое заслушивание все прилетели в Севастополь — в красивое здание Высшего Военно-Морского училища. В качестве сопровождающего генерал Мазин взял меня и я добросовестно таскал огромный тубус — этакую жестяную трубу в два метра длиной и диаметром в 35-40 см — в нее укладывались свернутые в трубку карты, схемы и прочий вывешиваемый на заслушиваниях материал. Мы — все подсобные «шмендрики» мирно вывешивали свои карты, когда вдруг сообщили, что Гречко будет заслушивать на втором — парадном этаже в большом актовом зале. Все ринулись через верхние этажи перетаскивать все в этот зал, поскольку всем категорически запрещалось ходить по коврам красным дорожкам второго этажа.

Я не был бы я, если бы побежал как все в обход. Скатав карту и схему, взяв рулон на перевес, я помчался по парадной ковровой дорожке. Бегу по коридору и чувствую, что что-то не так. Поднял от дорожки глаза и резко ударил по тормозам, да так, что дорожка собралась гармошкой. Буквально в 3-х метрах навстречу шел высоченный маршал Гречко с огромной свитой, и я со своим рулоном летел прямо в живот маршалу. В доли секунды я сделал шаг в сторону, взял рулон к ноге — как винтовку, а правой рукой успел отдать честь Маршалу. Гречко, который видел все эти секундные манипуляции и замершего во фрунт молодого стройного капитана, благосклонно улыбнулся, взял под козырек и, не сбавляя шага, продолжал отмерять своими большими шагами по коридору. Вся свита сочла за благо так же добросердечно улыбаться и так же отдавать честь этому парню, который замер у стены коридора. Оказывается, все руководство шло на обед.

Мы успели развесить все карты, схемы и я потопал в нашу комнату — аудиторию, которая была определена для Закавказцев. Там меня уже ждал Мазин — что это вы вытворили такого, что Министр лично вам честь отдал? Я рассказал все, как было. Но все сошло на шутку, потому что Министр улыбнулся. Система была такой, что если бы это была не улыбка, а жесткий вопрос — что это здесь болтается офицер — где ему быть не положено? И судьба могла бы резко развернуться ко мне не лицом, а наоборот. И это не предположение — это факты, которые довольно часто в это время имели место быть!

В течение этих лет — до 1975 года я вертелся как белка в колесе. Практически не проходило ни одного месяца без учений с войсками на полигоне или командно-штабного учения как самого Штаба ЗакВО, так и учений со штабами 4-й или 7-й армий, или с 31 армейским корпусом. Любое из этих учений проводилось обязательно на местности, я уже не говорю о войско-

вых полигонных. Иногда КШУ проходили в сложной обстановке, на объекте «Звезда» — подземным, вернее подскальным городом в окрестностях небольшого городка Мцхета, построенным метростроевцами на берегу реки Кура. Иногда по три, четыре дня мы сидели под землей на третьем режиме — это вообще без всякой связи со свежим воздухом и все ходили в мокрых от пота майках. А, недалеко от этого места на слиянии Арагвы и Куры стоял великолепный храм «Свети Цховели» — центр грузинской культуры и религии — это усыпальница князей Багратиони. На другом берегу стоял наш окружной понтонный батальон, а высоко на скале — над батальоном высился древний, наполовину разрушенный храм Джвари (крест) поставленный на том месте, где святая Нина установила крест, сплетенный из виноградных лоз в ознаменовании того, что Грузия стала христианской. Вся земля, реки, горы, скалы, даже — казалось и небо — все здесь дышало историей. Сама Мцхета была ранее столицей Грузии, которую из разрозненных княжеств объединил Георгий Саакадзе. На месте Тбилиси были охотничьи угодья, и однажды во время царской охоты подстреленный фазан упал в воду источника и почти сварился. Удивленные придворные сказали — Тби — лиси, что означает теплая вода. Так на этом месте, у подножия горы Мтацминда отстроился город Тбилиси, ставший столицей Грузии. Штаб ЗакВО располагался ранее в центре города — на площади Ленина рядом с городской мэрией и зданием духовной семинарии, где учился семинарист Иосиф Джугашвили. А наше инженерное управление, Штаб ГО и топографы были на проспекте Плеханова, рядом со станцией метро «Марджанишвили», поскольку рядом с метро был театр имени великого грузинского актера — Марджанишвили. А в 1975-76 годах началось великое строительство нового здания Штаба округа — рядом с ипподромом и фешенебельным районом — Сабуртало. Это была «стройка века» и вместе со строителями каждое управление имело свою задачу. Курировал, вернее и день и ночь занимался стройкой заместитель командующего по боевой подготовке генерал-лейтенант Шкруднев Дмитрий Григорьевич. Это был не просто генерал — это был уникальный генерал — цыган, десантник, умница, сердцеед и прочее, и прочее и прочее. Димочка, как мы его любовно называли, в это время был зам. начальника штаба округа. История его жизни, взлетов и падений, а потом опять взлетов полна недомолвок и полутайн. Был блестящим комдивом дивизии ВДВ (Псков). У него командирами полков служили такие корифеи, как Сухоруков, Кулишев Олег Федорович и др.

Был выдвинут на должность зам. Главкома ВДВ генерала армии Маргелова В.Ф., но поработал на этой должности недолго. Уж больно он не любил партполит работников. Вернее не то, что не любил — просто держал их от себя подальше и никогда не попадал к ним в зависимость. Ну, а эти деятели пера и пропаганды платили ему той же монетой. Накапали в ЦК, что, будучи комдивом, держал медведя в клетке — во дворе штаба, что

страсть как любил рыжих девчат, что мог, не моргнув опрокинуть солдатскую кружку коньяка на пол-литра, а потом проводить штабную тренировку. Он мог все — этот веселый боевой и нестандартный генерал. Система хотела сожрать его и отправила в Баку на зам. начальника штаба 4-й армии. Но друзья не дали здорово упасть и Диму быстренько переправили с полковничьей должности на генеральскую — зам. начальника Штаба округа. Там я с ним и познакомился и подружился. Да! Это действительно так. Молодой майор и генерал-майор — мы были очень дружны. И он, и я — мы любили юмор, анекдоты, бурную и беспокойную жизнь и жизнь вообще — во всех ее проявлениях. Однажды — уже в новом здании штаба — Дима уже в это время был зам. командующего округа по боевой подготовке и получил генерал-лейтенанта — я зашел к нему в кабинет и говорю — а знаете, почему у генералов красные лампасы? Дима, чувствуя подвох, все же спросил — Ну и почему? И я рассказал ему историю из сборника исторических анекдотов. Вот она.

У Бонапарта штабные писали в войска такие завитушные реляции, что их никто не понимал, что конечно влияло на выполнение задач.

Наконец Наполеону надоело слушать жалобы, и он приказал найти абсолютного дурака, посадить его в Генеральном Штабе и ни одного документа не отправлять в войска, пока он не будет прочитан и понят этим дураком. А чтобы этому дураку не было обидно — присвоить ему чин генерала генштаба и дабы отличать его от других — нашить ему на штаны красные лампасы. Наполеон полюбил этого человека, поскольку перед каждым своим выступлением на заседаниях — он обкатывал все тексты с этим генералом, да и так — любил с ним побеседовать.

Другим генералам стало завидно, что у них нет лампас и, посмеявшись, Бонапарт дал разрешение носить их всем генералам, ибо они соответствовали их раннему предназначению. Вот такая простая история.

Дима выслушал — набычился — Ах ты гад! Так ты считаешь, что я дурак, раз в лампасах! Да я тебе рожу набыю! И бросился за мной. Куда — там! Я быстро прошмыгнул в коридор, а потом в лифт! Такие хохмы я ему подкидывал не раз и знал его первую реакцию. В обед он зашел ко мне — пошли со мной — есть новый анекдот! И мир был восстановлен, да еще после рюмки коньяка.

В 1980 году я уехал в Венгрию — в ЮГВ, а Дима убыл советником в Афган, когда там начались жаркие годы. Действовал он там отменно, не стандартно и даже отчаянно — как настоящий десантник. Вроде бы даже представляли к Герою Союза, но и тут помогли старые «друзья» — правильно — в кавычках! Уволился он вскоре по возвращении из Афгана и уехал в Белоруссию. Начались новые времена строительства капитализма, и он захотел стать фермером. Как это у него вышло — даже не знаю. Но память о тех временах и о нем у меня осталась светлая и добрая!

В 1971 году в декабре произошло в моей жизни еще одно знаменатель-

ное событие. Моя благоверная Галина Алексеевна ждала ребенка, и я отправил ее на юга — в Дагомыс к своим старикам. А 13 декабря прямо на работе, я получаю телеграмму, что у меня родилась дочь Ольга — назвали так в честь моей любимой тещи — Ольги Спиридоновны. Я тут же вынул из кармана сигареты и отдал их опешившему Лёне Силенко! Все! Бросаю курить раз и навсегда! Дал слово сам себе и вот уже моей Ольге 37 лет и ровно столько я не курю и даже не тянет. Сначала даже во сне снилось, как курю. Сигареты начал коллекционировать — полные пачки — самых разных стран мира — собралось более ста. А курить так и не стал, кстати, и коллекцию вскоре растаскали.

А через несколько дней — как гром среди ясного неба — телеграмма из Дагомыса от отца — срочно приезжай! Галя в тяжелом состоянии, нужна операция.

И тут же меня вызывает Мазин — срочно берите отпуск за 1972 год и бегом на поезд — утром будете в Сочи. Утром я уже на такси с вокзала примчался к старикам. Оказывается, в роддоме два дня малышку не приносили на кормление, и у Галины просквозило грудь при несцеженном молоке. К вечеру температура выскочила за 40 и ее, как гриппозную отвезли в инфекционную больницу, где ей сделали на груди операцию, вычистили нагноения и прямо со стола выгнали на улицу! Почти теряя сознание, она прямо в больничном халате — села в такси и поехала в Дагомыс. На этом же такси дед Боря умчался в роддом, забрал с колоссальным скандалом дитё, а на другой день поехал в горком партии. Был он правильным коммунистом и посему разнес в пух и прах этого хирурга, который ей сказал — иды дэвушка — иды — нэчэго тэбэ здэсь дэлать! Хирурга сняли с работы и вытурили из больницы, но легче от этого не стало.

Галину положили в Дагомысскую больницу — старые конюшни, оставшиеся от царских дач на правых холмах от поселка, а я превратился в кормящего отца. Одна грудь у Галины давала полноценное молоко, и я три раза на день, утопая в снегу, с левых холмов, через долину и потом метров 150 вверх на правые холмы носил на руках свою Лельку на кормежку.

Ночью спасала моя сестра — Люба. Она в это время кормила грудью свою дочурку — Лиду, которая родилась на неделю раньше, ну и конечно ночью она подкармливала мою Лельку. Почти месяц своего отпуска я как лось в чаще, бегал от дома к больнице и назад.

Конечно, я был тогда молодой и сильный, хотя и сейчас не страдаю слабостью.

Могут сказать — он что — спятил? В Сочи и снег! Таки да! Как говорят в Одессе! В эту зиму в Сочи выпал невиданный снег. Кругом были заносы, транспорт еле пробирался по дорогам, ломались многолетние пальмы, вымерзали магнолии и вся другая прочая зелень. Мои племяшки катались на санках с горок и визжали от восторга. А на берегу моря волны по гальке накатывались на берег и забегали под козырек из снега — плотно лежавшие

го до уреза воды. В январе я вернулся на службу. Галя уже была у стариков дома — почти до конца лета, а потом вернулась в Кировакан, где еще почти год — мы прождали Тбилисскую квартиру.

Служба шла хорошо, и время пролетало быстро. Продолжались бесчисленные учения, как на полигонах с войсками, так и различные командно-штабные. Но я уже выступал в них в новом качестве — не исполнителем, а организатором выполнения задач. И самая первая задача, упавшая на мои плечи — это проведение имитации. Самое интересное, что такой науки ни в одном училище не изучают, и учебников по ней нет. Но в общем объеме учений, особенно, если это учения без боевой стрельбы — имитация является главным шумовым и видимым фактором, делающим учение наглядным и показательным.

В небольших объемах мне приходилось и раньше заниматься этим делом, но здесь были не просто Бухи-Бахи, а целая система огня всех видов оружия, исключая разве что автоматы и пулеметы, при этом она длилась по несколько суток днем и ночью. До моего прихода в штаб округа всю эту бодягу Управление Боевой Подготовки — (УБП), правда, мы их обзывали управление бестолковых полковников — спихнуло на офицера инженерного управления, и он корячился по полной. Нужно было готовить план имитации на карте, делать до секунды выверенный график всех систем огня. Огня — артиллерии — ствольная, минометная, реактивная. Авиации — вертолеты и самолеты, инженерного — проходы в минных полях, подрывы мин, фугасов, подрывы Дотов, дорог, мостов и прочего, химики — подрыв напалмовых фугасов и целых полей, когда авиация имитирует массированное бомбометание по площадям и еще многое, многое другое.

Придя в округ, я удосужился внимательно прочитать «Наставление по проведению войсковых учений», где черным по белому было сказано, что руководителем имитации назначается общевойсковой офицер, который оформляет всю необходимую документацию и отвечает за подготовку и проведение имитации в полном объеме. А в помощь ему от других штабов (инженерного, связи, химического) назначаются помощники по своим направлениям. Дело в том, что по приказу на учение только для этого привлекались целые воинские части — саперные и химические батальоны, батальоны связи, а иногда и вертолеты. Ответственность была огромнейшая.

Подступали очередные учения на Караязах, и меня уже нацелили на имитацию. Со всеми своими «открытиями» я пошел к деду-Мазину. Он со всеми доводами и главное — с красной строкой «Наставления» согласился и уехал в Штаб на пл. Ленина. С кем и что он там решал — не знаю, но заместителем руководителя учений был назначен пожилой полковник из УБП — Григорий Григорьевич, а меня приставили к нему, как помощника по инженерному обеспечению имитации. Конечно, в начале мороки было много, но уже на первых учениях мы вытянули инженерный батальон — за

две недели до учения — боевая подготовка выделила немереное количество материалов и денег (что значит, начальником стал офицер УБП). Весь личный состав был разбит на расчеты по имитации и на огромном чистом поле все приступили к подготовке мат. базы. Здесь будет уместно сказать, что сама матбаза была немудреной, но должна была быть безотказной, поскольку от этого зависела жизнь самого имитатора. Простой и надежной была «метёлочка» — как правило, на 40-60 подрывов. Реально это был одножильный медный провод длиной 100-120 метров. Через 1-1,5 метра к нему прикручивалось медное кольцо с хвостиками вдоль жилы. Оно капитально заделывалось изолентой и на проводе оставалось только медное кольцо. От одного кольца вправо, от следующего — влево на расстоянии 2,5-3 метра отходил двухжильный медный провод, одна жила которого наглухо соединялась с несущим проводом, а второй конец — к кольцу. На завершающем этапе через все кольца протягивался другой провод, при этом на самом дальнем его конце к жиле прикручивалась метёлочка из сталистой проволоки от кабеля связи. На имитационной площадке вся эта катушка разматывается, закрепляется на земле, раскладываются влево-вправо концевики, на концевиках устанавливаются в грунт имитационные патроны, утром, в день имитации, каждый провод от детонатора патрона подсоединяется к концевiku, отходящему от метёлки.

Солдат садится в окоп, по команде подсоединяет к двум проводам «метёлки» батарею (или аккумулятор) и ждет команду от радиста (который сидит рядом). По сигналу — «Ракита» — два заряда — огонь! — Солдат тянет на себя метёлку и когда хвостик провода проходит через кольцо — цепь замыкается и ток идет к заряду. Грохает взрыв (справа от метёлки) потом следующее кольцо — и снова взрыв — уже слева и так далее. Во всем этом срабатывал фактор азарта, когда во время имитации иногда провод запутывается и солдат, не отсоединив батарею, бежит бегом по метёлочке и проталкивает запутавшийся провод через контактное кольцо — гремит взрыв и появляется «груз 200» или в лучшем случае — «300».

Конечно, такие случаи были крайне редкими, но к сожалению были. Я так подробно остановился на этой материальной базе, поскольку количество и качество ее в Закавказском округе было наилучшим среди других округов. Я участвовал в разработке объемной инструкции, даже целого наставления по средствам имитации и в какой то степени внес некоторые новшества в это дело.

С помощью такой же метёлки мы проводили имитацию в зоне разрыва боевых снарядов, хотя в официальных наставлениях это было запрещено.

На обычные плановые учения с боевой стрельбой обычно выдавали мало боеприпасов. Например — по плану стрельбы наносился «Первый огневой налет». Стрельнуло одно орудие — снаряд прошелестел и взорвался на переднем крае противника — тянулась трех-четырёх минутная пауза и опять хлопало орудие — шелестел снаряд — взрыв и начальник РВ и А

радостно докладывал — конец Первого огневого налета.

Радости и впечатления боя от всего этого хоть ты лопни — не было! Меня вызвал первый заместитель командующего округом генерал-лейтенант Юрпольский Иван Иванович и попросил что-либо придумать, чтобы оживить картинку боя.

Вот мы и придумали — сами поля имитации ставили на переднем крае противника, а провод тянучку — тянули из траншеи своего переднего края с помощью обычного телефонного двухжильного кабеля, в катушке его было 400 метров — и использовался он только как прочный тяговый трос. Все меры безопасности были соблюдены и на первых же учениях командующий — генерал-полковник Мельников Павел Васильевич был приятно удивлен, одобрил это и на всех последующих учениях применялся прием неукоснительно.

Поля имитации готовились на всю глубину огневого дня. Саперы, двигаясь вместе с наступающими, выходили на свои подготовленные окопы и проводили красивейшую имитацию. Конечно, вес и значение саперов значительно приподнялись! Уже теперь артиллерия приходила к нам, и договаривались, чтобы мы поддали огня.

А какие феерические стены огня поднимались при бомбардировке форта «Долангёз». Там падала одна или две авиабомбы, а мы взрывали напалмовые поля, и как только капелька авиабомбы подлетала к земле — мы рвали свои заряды, и за стеной напалмового огня на 100-150 метров вверх не было и близко видно взрыва авиабомб. Летчики обижались — мол, из-за вас и нас не видно.

Напалм в бочках нам привозили химики и с рассветом мы заливали его в лунки-полушария — на 8-10 кг напалма каждая. На желеобразную жижу укладывалась фанерка и на нее только шашка тротила — 200 гр. Такие лунки делались по всей земляной насыпи первого редута и на гласисах перед ним. Обычная сеть для подрыва зарядов, основная и дублирующая выводились на пункт подрыва и взрывались по сигналу.

Проводили учения с одной из дивизий 4-й армии, и мы были наблюдателями. Подрывом напалма руководил начинж армии — уже пожилой полковник. Он определил, что сигналом для взрыва будет взмах фуражкой — тем более, что подрывная станция была где-то в 20 метрах от вышки руководства. Начался этап учения по штурму форта — отработала артиллерия, ударили НУРСами вертолеты и, должна была ударить авиация — самолеты были уже на подлете. В этот момент какой-то офицер докладывает начинжу, что отправленная за каким-то грузом на склады автомашина не загружена и какой-то там завтрашний эпизод под угрозой срыва.

Начинж был мужик эмоциональный — сорвал фуражку и грохнул ею об пол вышки — конечно с матом — Так, тататак растак! И вот тут грохнул взрыв напалма на стоящем впереди форту. В двух километрах от вышки встала стена огня и два бомбардировщика вышли из пике бомбометания

практически над шапками огня и дыма. С белым лицом и дрожащими губами подскочил командующий авиацией. Удивленно оглянулся командующий 4-й армией генерал-лейтенант Язов Д.Г.

Подозвал меня Юрпольский И.И. — в чем дело? Все нормально говорю — взорвали вовремя — просто авиация на несколько секунд припоздала. Иван Иванович выразительно показал мне кулак между стульями, а сам успокоил Командующего — мол, все в порядке. Вот так иногда срабатывала хреново продуманная сигнализация управления подрывом. Страшно подумать, что могло бы произойти в этом эпизоде. Просто чудом избежали гибели летчиков и самолетов. Так утверждался незыблемый закон имитации — мелочей в этой архиопасной работе не бывает. Особого внимания заслуживает колоритная фигура первого заместителя командующего войсками ЗакВО генерал-лейтенанта Ивана Ивановича Юрпольского. Прибыл он в Закавказье с должности командарма в ГСВГ. Имя его упоминает в своих мемуарах генерал армии Варенников В.И. — они в одно время командовали армиями в Германии.

Как первый зам. командующего войсками ЗакВО Иван Иванович отвечал за боевую подготовку, а посему с полигонов практически не вылезал. Но и команду себе от всех управлений и отделов он подобрал идеальную. После первого же учения, когда я как белка вертелся по всем инженерным вопросам, включая имитацию, Иван Иванович с долей снисходительности, но весьма положительно оценил мои труды и на следующие учения в Караязах он позвонил Мазину и сказал — Григорий Александрович! На хрен мне нужен тот полковник, которого ты мне сейчас даешь? Ты мне дай своего молодого капитана — он порядком толковый, резво бегают и войсковых полковников отдирает — аж щепки летят! И нужно сказать, что вся команда была молодой и зубастой. Могу добавить, что уже майорами мы были в этой команде друзьями с Вардико Надыбаидзе — от автослужбы округа — после свержения Гамсахурдиа и возвращением Шеварднадзе — Вардико Надыбаидзе стал Министром обороны Грузии.

Но это не самое главное. Главное — это И.И.Юрпольский. Его умение говорить современным командным языком, то есть попеременно с матовой лексикой — были просто потрясающими. И с этой особенностью генерала все смиралось не потому, что он был крутой генерал и все его боялись. Просто все им сказанное четко вписывалось в динамику событий, подхлестывало и ускоряло исполнение, не требовало размазюкивания и дополнительных разъяснений.

Конечно, можно было назвать это начальственным хамством, но Ивана Ивановича любили и ценили все — от рядового до маршалов. Был такой эпизод на горе Алгет во время одной из тренировок перед учением. По плану на левом фланге при атаке вдруг оживал пулемет в Доте противника — это срабатывала наша имитация, и веером выстреливали сигнальные мины. Решительным броском наши саперы захватывали ДОТ, подрывали

его и на насыпи сверху устанавливали флаг. Но это было по плану, а реально группа захвата саперов запаздывала и выпадала из графика. Иван Иванович сказал свое очередное тра...та...та, и приказал мне разобраться с этим бардаком, а сам пошел пить чай в стоящий рядом штабной салон. Тут вдруг ко мне подходит комдив-генерал и приказывает мне немедленно разобраться со своими саперами! Я тут же ошетинился ежиком и вежливо так говорю — Вы ошиблись товарищ генерал, я не Ваш подчиненный, а помощник руководителя учений по инженерным войскам. Направьте туда своего дивизионного инженера, и пусть он наведет там порядок. — Как? Вы еще разговариваете — капитан! Марш немедленно исполнять приказание! — Товарищ генерал! Я Вас прошу держаться в рамках приличия! Если нужно вкатить двойку дивизии по инженерной подготовке — я буду ходатайствовать, чтобы ее утвердил руководитель учения. Генерал уже совсем растопырился, чтобы поставить на место зарвавшегося капитана. Но в это время на площадку возле салона вышел Юрпольский. Он, конечно, слышал всю эту перепалку, и поэтому спокойно спросил — Рогожкин, — ты это с кого сейчас стружку снимаешь так ...растак...перетак? Комдив плюнул в сердцах и умчался к своей командной машине — наводить порядок в своих войсках.

Кстати, через несколько лет его назначили зам. командующего по ГО, а еще через год он пригласил меня — уже майора к себе и предложил пойти командиром полка ГО в пригороде Еревана. К тому времени я уже учился заочно в Военно-инженерной академии им. Куйбышева и, разумеется, отказался. Отношения у меня с этим генералом сложились самые хорошие. Более того, еще через год он опять предложил мне — возглавить отдел в его управлении. Но я остался верен инженерным войскам.

А Иван Иванович продолжал свои коники. В армии существовала приписка, когда-то, какой-то высокий чин отдал приказ — установите здесь шлагбаум или поставьте толкового майора!

Иван Иванович пошел дальше. На одной из тренировок, когда определяли, куда и как выйдут батальоны на линию построения, он приказал какому-то майору добежать до указанной им точки, и когда тот остановился, он по мегафону на весь полигон оголосил: Вон от того кола до того майора — это линия для первого батальона! И у него даже искра не промелькнула, что майор — это офицер, это тоже личность и его нельзя ставить на одну черту с колом. Тогда это сошло за очередной выбрык, а ведь в русской армии за это стрелялись на дуэли. Но тогда и офицер был офицером, и не позволял, чтобы его считали колом. Да и генералы тех стародавних лет такого хамства себе не позволяли, поскольку знали, что могут схлопотать по мордам-с!

На протяжении нескольких лет Юрпольский, когда проводил учения — громогласно объявлял — Ну смотри капитан — нормально пройдет имитация — сразу дам квартиру! На это время я уже два года жил в гостинице

КЭЧ, а Галина с Маринкой и только что родившейся Ольгой жила в Кировокане и я каждую субботу прыгал в вечерний поезд, чтобы рано утром быть дома, и поздно ночью садился в поезд на Тбилиси, дабы утром быть на работе.

Года через три это уже стало поводом для шуток и подшучивания со стороны окружного генералитета. Все меня уже прекрасно знали и эти подначки вроде-бы предназначались для меня, но однажды Иван Иванович прозрел и, как председатель окружной квартирной комиссии взревел аки раненный зверь — Соедините мне полковника такого-то (его зама по комиссии!).

В трубку он громко — специально для всех сказал — Запиши и проведи через комиссию — в новом доме на Исани дать майору Рогожкину трехкомнатную квартиру на шестом этаже! И чтобы на следующей неделе мне доложил, что он вселился!

Все бросились меня поздравлять, а я от радости даже обалдел, хотя вся братия вокруг требовала уже выставляться по такому поводу.

Конечно, я признателен и благодарен генералу Юрпольскому за такой подарок, но с другой стороны моя очередь на квартиру уже была в зоне досягаемости. Через неделю я оформил все документы, получил ордер и вскорости мы отпраздновали новоселье, правда, на 9 этаже под крышей дома, а на 6-й этаж прорвался какой-то полковник из ГО — гражданской обороны. Но мы были молоды и счастливы в своей квартире и на 9 этаже.

В 1971 году прошли крупные учения в Белоруссии и Прибалтике, в ходе которых, были выявлены серьезные просчеты в подготовке и работе всех видов разведки в Вооруженных Силах. Как следствие этого весной 1972 года в стенах Военно-Инженерной академии на три месяца собрали 16 «Штирлицев» — от каждого военного округа по одному инженерному разведчику от управлений округов. Возглавил всю эту подготовку в академии корифей инженерной разведки полковник Королев. Должен сказать, что курс подготовки был очень серьезным. Лекции нам читали самые опытные специалисты, включая незаметных по внешнему виду, но потрясающе интеллектуальных товарищей из ГРУ, интересных специалистов, которые работали во Вьетнаме во время войны и привезли с собой пленки с американских беспилотников, очень много и интересно рассказали о всех видах съемки начиная от обычной наземной и до космосъемки — причем все живьем, в натуре. Даже немного зацепили и агентурщиков — но только ознакомительно и в общих чертах.

ВАК (высшие академические курсы) был очень интересным. Со многими его участниками я часто встречался потом. Был среди «Штирлицев» молодой старший лейтенант Петя Голошев, а я был уже капитаном со стажем. В 1984 году Петр закончил академию ГШ и прилетел ко мне в ЮГВ на должность Начинжа — вместо генерала Бориса Жирнова, который пробыл в этой должности меньше полутора лет и был срочно откомандирован на

должность начальника заочного факультета инженерной академии в Москве.

Среди разведчиков был и Федя Варламов — тогда подполковник из ТуркВО. С 1975 по 1979 год я учился вместе с ним, уже полковником, на заочном факультете нашей академии. А к концу учебы он был уже начальником инженерной кафедры одного из Ташкентских институтов.

Эта учеба ввела меня в академию, в которой было уже достаточно много моих товарищей, с которыми когда-то учился и служил, а сейчас они уже преподавали на разных кафедрах.

Сама учеба была интересной, да и я порядком соскучился по ней. Моя попытка поступить в академию в 1966 году провалилась вдребезги. Это было во Франкфурте на Одере — там сдавали экзамены все офицеры ГСВГ. Но в это время проходил чемпионат мира по футболу и мы, вернее я и многие другие пропадали в немецких гасштетах, где стояли телевизоры и транслировали все матчи. Завалился я на математике, хотя решил вроде все правильно. А многие ребята прошли и уже в 1972 году были преподавателями.

Но, скажу откровенно, очная учеба в «академии» мне не очень нравилась. Была в этих очниках какая-то забитость и страх в глазах. Зависели они и от своих старших офицеров, и от всех других малых и больших начальников, а более всего зависели от распределения — кого куда пошлют! А дырочных мест в войсках было ой, какое великое множество.

Тем не менее, вопросы разведки заинтересовали меня всерьез. При планировании мероприятий на 1973 год я предложил провести сборы по инженерной разведке в масштабе округа — на Караязском полигоне, на берегу р. Кура. Привлек для этого несколько десятков часов вертолетов-летов МИ-4 и МИ-8, а также разведчиков-водолазов. В последующем мы каждый год проводили такие сборы, и как результат, разработали хорошие рекомендации по ведению не только разведки, но и выполнению многих инженерных задач с применением вертолетов.

Война в Афганистане, не только подтвердила, но и неоспоримо доказала правильность наших расчетов и предложений. Большой вклад в эту работу внесли генерал Медлев Леонид Сергеевич — наш начинж, подполковник Анатолий Ломатов, подполковники Гена Винчегов, Гена Терещенко, Саша Крегель, Леня Силенко и многие другие.

1973 год ознаменовался еще одним крупным событием — зимним учением на перевале Цхра-Цкаро. А до этого учения было одно небольшое событие, но оно здорово повлияло на жизнь многих людей. В ходе рекогносцировки перед какими-то учениями командующий ЗакВО генерал-полковник Мельников Павел Васильевич ставил задачу стоящему перед ним строю генералов и полковников, в ходе, которой он произнес следующую фразу: — Артиллерия свои снаряды будет ложить по ущелью Змеиному. И тут в общей тишине генерал Мазин Григорий Александрович негромко сказал: « В смысле — класть!» Это негромко прозвучало громко.

Мельников остановился и, не поворачивая головы, опять повторил свою фразу слово в слово. И опять Мазин сказал: «В смысле — класть!» Тогда Мельников повернулся и сказал, что если кому-то что-то непонятно — я объясню позже!

Над Мазиным сгустились тучи, тем более, что ему уже исполнилось 59 лет. Для полковника Лебедева — его зама тут же нашли должность в Ленинграде — куда он рвался всеми фибрами души, а на его место прибыл из Кубинской командировки здоровый медведеподобный сибиряк — Чалдон, как мы его прозвали — полковник Кушников Михаил Григорьевич. Мазину предложили увольнение, но он включил все свои связи в результате чего состоялся разговор маршала Харченко Виктора Кондратьевича — НИВ МО СССР с Мельниковым, а они были закадычными друзьями — горнолыжниками — в результате которого дед остался дослуживать до 60 лет, а Кушников уже стоял у него на запятках — заместителем.

И надо было так случиться, что в одно из воскресений Мельников, как обычно, на вертолете полетел в Бакуриани — покататься на горных склонах. Возвращаясь в Тбилиси, он обратил внимание на заснеженный перевал Цхра-Цкаро, дорога через который то просматривалась, то пропадала в снежных заносах. Лучше бы он не смотрел в иллюминатор. На другой день — в понедельник все начальники управлений были срочно вызваны на совещание к Командующему. От инженеров на совещание был приглашен Кушников. Здесь надо оговорится, что Мельников и Кушников служили вместе во Львове — в ПрикВО и Павел Васильевич всегда знал, что хоть Миша Кушников и не так силен в чем либо, однако получив задачу — вдребезги разобьется, но любой ценой ее выполнит! Вот откуда растут ноги у такой доброжелательности.

Буквально через час Михаил Григорьевич возвратился в управление и сказал мне собираться лететь с ним и еще группой офицеров и генералов на вертолете на разведку Цхра — Цкаройского перевала. До вылета я успел смотаться домой, зарядил кинокамеру цветной пленкой, взял фотоаппарат и помчался на аэродром Вазиани. Старшим группы летел генерал-майор Калистый — начальник оперативного управления. Погода была идеальная — видимость миллион на миллион, яркое солнце отражалось от снежного покрова гор, и они купались и искрились в солнечных лучах.

Захудалая дорога со стороны Ахалкалаки, подойдя к горам, сразу исчезала под снегом, и только почти на самом перевале, где стоит здание метеостанции и всегда свистит приличный ветер — весь снег выдуло, и полевая дорога стала немного видна. Вертолет отвалил в сторону, и вместо домика, до которого вроде как можно было хоть рукой дотянуться — вдруг все как провалилось, и уже далеко внизу — в ущелье замелькали жиденькие елочки, а еще через несколько минут внизу широко раскудрявился лесной массив — Бакуриани. Стройные желто-медные стволы сосен красиво проплывали под нами. А вот и наша дорога к перевалу, но уже со стороны

Бакуриани. И тоже, не успев проскочить до первого пригорка, она надежно спряталась под снегом. Это и немудрено, поскольку она была врезана в покатый склон горы, а склон этот от вершины до подножия был наглухо закрыт снегом. При этом у горных дорог на склонах есть одна особенность. С осени они набираются талой воды, затем падающий снег намокает и смерзается в такие наледи, которые практически заполняют всю выемку дороги, сравниваются со склоном и остаются ледовыми пробками вплоть до июля-августа, а иногда и до следующей зимы.

Я добросовестно отснял все это на цветную ленту своей «Адмирой» 2х8. Обратный путь до Тбилиси прошел без обсуждений. На аэродроме «Папа-Карла» — так любовно все штабные звали за глаза генерала Калистого — спросил: «Ну, давай Михаил Григорьевич! Тебе докладывать командующему — излагай, что будем говорить?»

Здоровенный Миша Кушников — тогда еще полковник крикнул, ткнул толстым пальцем в карту и изрек: «Ерунда все это, пару дорожных рот с двух сторон вскроют этот перевал за 10-12 часов! И — Вася!» (Это он всегда повторял в конце своей тирады за что его тоже звали за глаза — И — Вася!). Калистый тоже крикнул от неожиданности, и спрашивает меня: «Давай, Олег, твое мнение». Я за эти несколько лет многого нахватался, и на полигонах, и на перевалах, и в штабе, поэтому такой вопрос был для меня вполне заслуженным.

Задача была очень серьезная, и так лихо, как Кушников, который кроме жаркой Кубы без снега, конечно, перевалов в горах не видел, тем более зимой, я не стал лихачить и сказал, что на это потребуется полторы-две недели и очень большое количество личного состава с большими снежными лопатами.

Миша возмущенно засопел, отодвинул меня в сторону и начал доказывать свое. Потом все поехали в штаб, готовиться к докладу Мельникову. Я до вечера успел проявить пленку и склеил ее для показа на своем маленьком проекторе «Русь». Как и что они докладывали вечером командующему — не знаю, но утром уже родился приказ, по которому учение с арtpолком Ахалкалакской дивизии перенесли с Мокрых гор возле Ахалкалаки на Цхра-Цкаройский перевал. При этом полк отобилизовался с призывом всего личного состава из запаса, большая часть его начинала вскрывать перевал от Бакуриани, а небольшая часть шла к перевалу от Ахалкалаки.

Заскрипели шестерни войскового механизма — на подготовку дали пять дней. Дед Мазин, знавший Закавказье еще с Великой Отечественной, (он какое-то время был Начинжем 4ой армии, которая стояла в Иране и обеспечивала южные поставки по ленд-лизу в СССР), схватился за голову от этого авантюрного решения. Но еще раз поправлять Командующего не стал — как тогда на полигоне он доказывал, что в русском языке нет слова «ложить», а есть слово «класть»! Кстати, это хорошо показал артист Тихо-

нов в кинофильме «Доживем до понедельника».

Я думаю, Дед правильно оценил, что плетью да еще такого «обуха» не перешибить. Наша инженерная база на Авлабаре, окраине Тбилиси, забросила все ремонты и начала спешно делать большие лопаты для снега. Фанера и лес летели в производство лопат с пулеметной скоростью. Мобисты занимались призывом, наши и автомобильные технари шерстили технику в частях 31 армейского корпуса, особенно нажимая на «БАТы», «ПЗМки», бульдозеры и все все землеройное и снегоройное. Даже подготовили навесное бульдозерное оборудование на танки.

Через 5 суток по закону подлости завьюжило, а потом запуржило — особенно на высотах за 1200 -1500 метров. Тем не менее, отобилизованные бойцы и командиры, ранее жившие и работавшие в уютных, теплых солнечных долинах, в своих садах и виноградниках — теперь волею полководца были двинуты в морозные, снежные, горные районы. Сразу же сказалось это на обуви — кирзовые сапоги промерзли и не спасали никакие теплые портянки. Тыловики колоннами погнали в район учений валенки и полушубки. В ход пошли все запасы всех видов «НЗ». Инженерная техника только на равнинной местности лихо утюжила дороги — именно утюжила, поскольку стальные отвалы стояли углом вперед, как утюги. Но как только легонький БАТ — всего-то 26 тонн, на косогоре упирался в плотно слежавшийся снег — так называемый «фирн» — гусеницы его пробуксовывали и машину стягивало в сторону косогора — откуда ее потом вытягивала тросами куча тягачей.

Потребовалось срочно вдоль маршрута и на местах выполнения задач оборудовать пункты обогрева.

Учитывая малый фронт работ — только ширина дороги — все это медленное копошение переросло в многосуточное выматывание, с отвоевыванием за сутки по 150-200 метров дороги. В бой была брошена пехота с большими снежными лопатами, и дело несколько ускорилось, но тут непогода испортила всю обедню. Снежная круговерть отрезала участников учения от баз снабжения. И здесь здорово помог своими связями с Главкомом ВДВ Маргеловым наш вездесущий генерал — Дима Шкруднев. Несколько грузовых АН-12 наполнили свои раздувшиеся животы всем необходимым и взлетели из Кировабада, где стояла дивизия ВДВ, с курсом на Цхра Цкаро. Этой уникальной операцией из Тбилиси дирижировал Шкруднев. При этом он держал связь по радио с экипажами и тоже по радио с командирами на земле. Те не видели самолеты в снежной пурге, но слышали, когда они проходили над горами и, когда им казалось, что самолет гудит у них над головой — давали команду на сброс грузовых парашютов, а Димочка кричал экипажам — Давай сброс!

На земле — в домике на перевале сидел и тоже руководил первый заместитель командующего генерал-лейтенант Иван Иванович Юрпольский. Он по телефону кричал Шкрудневу — Дима! Скинь мне ящик коньяка, а то

здесь все заканчивается!

Обо всем этом мне рассказывали мои товарищи — офицеры, которые с первого до последнего дня были там — на переднем крае.

Всей группой прорыва от инженерных войск со стороны Бакуриани руководил полковник Кушников, а от Ахалкалаки — генерал-майор Мазин. Командующий войсками генерал Мельников все это время находился в своем домике в Бакуриани, а чтобы никто не дремал, он изредка обзванивал ночью по телефону штурмующие группировки.

Первый его звонок пришелся на Деда Мазина, — как дела, и что делаете, товарищ генерал?

— Метет метель, и все отдыхают — честно признался Мазин.

Такой же звонок последовал к Кушникову.

— Работаем, товарищ командующий! — бодро рыкнул «И Вася!», хотя, конечно, все вповалку спали в палатках обогрева.

Кстати, о парашютно-десантной операции, вернее, о ее результатах!

Из сброшенных 12 парашютов в руки солдат попал только один — остальные улетели на скалы, в ущелья, в леса, и стали потом, летом, объектом розысков местным населением. В каждой платформе лежало теплое обмундирование, продукты, дрова и уголь — всего до 800-900 кг.

Людей не хватало, и пришлось привлекать личный состав из других частей.

Все это действо продлилось почти две недели, но перевал все-таки был открыт — войска дошли до Ахалкалаки, где был проведен смотр-парад.

Еще неделю после этого в штабах всех уровней кипела работа по оформлению отчетной документации, схем и карт. Всем этим на правах руководителя заправлял генерал Юрпольский.

В конце месяца была проведена военно-научная конференция, где подробно обсуждалась успешно проведенная операция «Снежный перевал».

Однако сенсация не получилась. В Генштабе от всего этого в восторге не были, материалы загрифовали и поставили в сейфы.

Как ни странно, но у этой операции была большая положительная сторона и её, возможно специально, вскрыл Павел Васильевич Мельников. На мой взгляд, он намеренно решил посмотреть — а что реально может сделать армия в этих трудных условиях. На картах и военных играх мы это всё проделывали по принципу — И Вася! — за 10-12 часов. А реальность тянула нас носом в неподготовленность специальной техники, а часто её отсутствие, неготовность людей, отсутствие действенных приёмов и способов, неумелой работы командных кадров — вот что было главным, что и заставило всё это спрятать за грифы секретности.

Кстати, аналогичная ситуация была в истории российского воинства, когда в войне против турок в зимнее время россиянами была взята в осаду крепость Карс, но в войсках закончились боеприпасы, заканчивалось пи-

тание и солдаты страдали от холода. Выход нашел талантливый начальник тыла, который организовал перегон в район боевых действий тысячных отар овец, каждую из которых навьючили торбами с боеприпасами. Конгениально! Войска получили баранину, теплые полушубки из овчины и так нужные им боеприпасы. Карс был взят.

И где нам теперь взять таких талантливых полководцев?

И напоследок — эта история имела своё неожиданное продолжение. К концу 70-х годов ушел из жизни маршал Гречко, с которым Мельников был в дружеских отношениях. Мельников на своей должности уже не устраивал многих новых лиц в политической и военной жизни страны. Ему предложили возглавить Военную академию имени Фрунзе-кузнецу пехотных кадров старшего командного звена, и он согласился. А Иван Иванович Юрпольский неожиданно для всех поехал в Москву — первым заместителем начальника военно-политической академии им В.И.Ленина. Вот парадокс — к политработникам поставили человека, который их на дух не принимал, за что и они его недолюбливали. Но главное — он через каждые два слова вставлял третье — непечатное, и четвертое и пятое тоже. Так вот небольшая группа умных ребят от основных управлений засела в отдельном зале, взяла все отчёты по «Снежному перевалу» и обобщив их выдала прекрасный материал для защиты кандидатской.

Сама защита в академии — по словам живых её свидетелей, была «эпохальным событием».

Конечно, Иван Иванович умел блестяще докладывать любой, тем более такой выигрышный материал, при этом его нельзя было упрекнуть — он лично во всём этом участвовал! Эпохальной защита стала потому, что он через определенное количество слов выдавал тра-та-та-та! Ученые мужи из-за кулис шептали — Иван Иванович! — нельзя матом, там оппоненты записывают. Юрпольский расвирепел и сказал, что в горах воевать — это вам не по долинам, как вши ползать! Мать.....растак.....перемать! А ваших этих оппонентов — вы мне списочек подайте — я им найду место за Уралом.

Кандидатскую он защитил с блеском!

Прошло уже четыре года нашей жизни в Тбилиси — этом прекрасном древнем городе, где каждый дом, каждый камень — это история. В воскресные дни мы постоянно гуляли, каждый раз открывая для себя все новые и новые страницы этой многотомной древней книги с удивительным названием Тбилисо. Не все знают что если от площади Ленина подняться в упор до горы Мтацминда, которая нависла вдоль над всем городом, то вдруг открывается вход в большой просторный тоннель под горой и когда выходишь из него вдруг пропадает шум города и уже журчит, перепрыгивая по скалам горная речка. Тропа круто уходит вверх, оставляя речку внизу, в глубине ущелья и она появляется уже далеко внизу под мостиком, дугой перепрыгивающим через узкую прорезь речного каньона. Вниз боязно смотреть и все спешат вприпрыжку на другую сторону в спасительную

тень бамбуковой рощи. Бамбук растет так густо — ствол к стволу, что даже не протиснуться. И все усаживаются фотографироваться на фоне этой экзотики. Воздух заполнен пением самых разных птиц и на все голоса, как будто бы их всех сюда специально собрали делать заказные концерты. А тропа уходит дальше вверх и там, множественно раздваиваясь и разветвляясь, разбегается по высокорослым зарослям. А над головой огромный купол синевы и разбегающихся облаков. Мечта, да и только!

В 1974 году — в апреле Деду Мазину стукнуло 60 лет — предельный возраст, и в день его рождения в округе был подписан приказ об увольнении. Конечно, к гадалке можно было не ходить, — на его место тут — же был назначен Кушников. А в майские праздники 75 года Михаил Григорьевич получил генерала. Дед наш поменял квартиру в Тбилиси на московскую и через пару лет переселился в столицу.

Я уже говорил, что на мне висели еще «кадры» инженерных войск округа, а в армии тогда говорили — «выше кадров — только солнце, а выше солнца — военторг!».

Наверное, в кадрах так оно и было, а на мне была черновая работа, но я её освоил и наши окружные кадры прекрасно знал. Каждые годы Военно-инженерная академия из Москвы присылала разнарядку на очередной набор в «унзере академи». И попробуй этот набор от округа не подай — «съедать» без горчицы и не подавятся. Весной от академии на каждый округ рассылали гонцов — полковников — с задачей — подшустрить эту работу и на местах посмотреть будущих кандидатов.

В 75 году с этой целью к нам прибыл полковник Соколов — старший преподаватель с ведущей — второй кафедры.

В кабинете у Кушникова я доложил ему все списки отобранных, он на два три дня съездил в Армению и полный впечатлений, довольный завершал свою командировку разговором с Михаил Григорьевичем. Уже почти уходя, он спросил меня — Олег, а ты в каком году заканчивал академию и почему я тебя не помню? Я ответил с юмором — так, как когда-то Сталин сказал одному кляузнику, что, мол, такой-то военачальник не имеет академического образования — а он в академиях не нуждается — сказал Сталин, а если и нуждается — то только начальником академии. Кушников аж подпрыгнул — как! У тебя нет академии? А ну марш — пиши заявление, и чтоб завтра все документы отправил в Москву! Но только заочно!

Шутки с Мишей были плохи, и на другой день я таки отправил документы — тем более что пришла телеграмма, где конкретно была моя фамилия кандидатом для поступления. Низкий поклон генералу Кушникову — он в тот год из управления отправил трёх офицеров — невиданное доселе явление — это я, капитан Дима Ободовский и подполковник Копецкий. Двое последних поехали на Фрис — факультет руководящего инженерного состава. В июле уже все абитуриенты собрались под Москвой в Николо-Урюпино и грызли гранит науки, а я пахал в Караязах, подготавливая нашу

инженерную площадку к показным сборам по маскировке. Михаил Григорьевич успокоил — всё будет нормально — я уже перезвонил, чтобы у тебя проблем с поступлением не было. Конечно, я ему признателен, за эту заботу, но условия поступления на заочный факультет уже были значительно облегчены, да и льгота у меня уже была в кармане — вернее на груди — боевая медаль «За отвагу». В Москве я по поручению Кушникова побывал в нашем главном управлении, встретился с генерал-майором Тарасовым — он возглавлял тогда боевую подготовку инженерных войск, и мы с ним часто встречались в Закавказье. После всех визитов я приехал в Николо-Урюпино, и сразу стал в строй самых разнообразных абитуриентов. Одни из них приезжали, чтобы пару месяцев хорошенько погудеть и отдохнуть. У других это была единственная возможность вырваться из какой-либо Тмутаракани или Мухосранска. Эти ребята рвали и метали, чтобы поступить. Помните как у Куприна — «Куст сирени» — все на алтарь победы! Была и особая категория, большей частью уже старших офицеров, которым для дальнейшего роста просто позарез был нужен академический ромбик. Что поделать? Такова была система, и тогда никто не сомневался в ее незыблемости. Равно как и членство в партии. Если ты член — дорога перед тобой открыта — только иди ровно и не спотыкайся. А уж если не член — извините! Может быть, к категории таких старших офицеров относился и я — всё-таки был офицером фронтового звена, а в академии вершиной была только армейская операция, которая для меня уже такой вершиной не была. За несколько лет работы в крупном фронтовом масштабе эти вопросы для меня были уже решенными. Но это все учтется потом, а пока надо было поступать.

Николо Урюпинские места были божественными по природе и исторической начинке. Рядом был уникальный ансамбль «Архангельское», где лечились и отдыхали все союзные бонзы. А мы жили в бывшей усадьбе Юсупова, в чудесной сосновой роще, рядом с двумя рукотворными прудами с плакучими ивами, что обмакивали свои руки-ветви в таинственную тишь воды. А в отдалении стоял белый «охотничий домик» Юсупова, в стиле старорусской одноэтажной архитектуры, с парадным крыльцом и колоннами. Внутри его никого не пускали, и мы думали, что это предосторожности по сохранности этой реликвии. Но все оказалось гораздо прозаичнее и страшнее своим варварством. Оказывается, в белостенных залах, как на складе хранили железные солдатские кровати и «протчую мебель». У меня сердце кровью облилось, когда я увидел, как несущие впереди меня кроватную сетку парни толкнули ее наверх ранее уложенных. И литой угол врезался в штукатурку стены, на которой была изображена красочная псовая охота на волков. Помните фильм, поставленный моим однофамильцем, а может и отдаленным родственником Александром Рогожкиным — «Особенности русской национальной охоты» -псовая охота на волков — вот там он показал то, что у Юсупова было на стенах в праздничных залах.

У меня среди трехтысячной личной библиотеки есть небольшая книжечка из серии «Искусство»: «Архитектурные памятники Москвы и Подмосковья», так там этот домик отнесен к памятникам архитектуры.

Недавно я залез в дальние дебри своих книг и с радостным урчанием извлек на свет давний, еще в Тбилиси купленный на книжной свалке раритет 1913 года, изданный в Санкт Петербурге фолиант барона Николая Николаевича Врангеля "Венок мертвым". (Это младший брат генерала Врангеля). На форзацном листе сделана роспись хозяина книги и я никогда не обращал на нее внимания, а когда вчитался в каракули - чуть не упал со стула - Князь Голицин 1913. Но самое интересное было в содержании. В исследовании "Помещичья Россия" барон Врангель написал - Но как хорошо, как увлекательно прекрасно Никольское-Урюпино, где так дивно сохранились два старых дома. Главная прелесть Никольского, это екатерининский маленький белый домик, изысканно-скромный снаружи и, как драгоценная табакерка, сверкающий внутри. В комнатах этой маленькой сказки всё обдуманно и зачерчено умелой рукой. Прелестен большой светлый зал с белой кафельной печкой дивного рисунка, с фресковыми узорами на стенах и на потолке. Так же изысканны, как большой зал - маленькие комнаты: палевая, ярко-зеленая и голубая. Очаровательна живопись потолков, стенные фрески по композициям, гравированными Буше. Вход в дом сторожат два белых сфинкса с головами - как бы портретными лицами женщин ХУ111 столетия. Большой дом простой и уютный; в нем библиотека, семейные портреты. И можно еще к этому добавить, что все это ранее принадлежало Голицыным. А справа и слева от домика по берегам пруда стояли две длиннющие сборные солдатские казармы-бараки. Вот там мы и жили, и учились, а потом и сдавали экзамены. На фоне этого домика с колоннадой в это время снимали фильм-Леди Макбет Мценского уезда, и многие наши ребята попутно снимались в массовках. Экзамены я сдал все на «пять», и только по уставам вклеили «четыре». Но на комиссию по отбору пригласили сразу после медалистов и отличников — за боевую награду! Решение — я принят. Кому было далеко ехать — остались на неделю уже в академической общаге в городе — красить, мыть, белить и убирать, а я махнул к старикам на юг — благо Галя с детьми была там.

А первого сентября я уже сидел на лекции, как слушатель академии. Это была голубая мечта моих родителей — они спали и видели своих детей образованными, состоявшимися людьми. Состояться я, конечно, состоялся, но вот науки немного не хватало, и я с головой залез в учебу.

Установочные лекции, и уже зачеты пролетели за два месяца. Главное правило, которое я взял для себя — все на лекциях конспектировать в тетради, и это во многом мне помогло. До обеда я с головой был в учебе, зато после обеда я уходил с самоподготовки, и до вечера это время было мое! Любимый маршрут от академии прогуляться по бульвару мимо Покровских ворот, мимо Чистых прудов и театра «Современник», до Мясницкой,

зайти на Главпочтамт, потом в кофейный магазин напротив и далее по улице в сторону Лубянки — в магазин «Инструменты». Какой только всячиной здесь не торговали. Я каждый раз покупал что-то для своей души — или сверлышки, или надфили — тогда в глубинке это все было огромным «дюфцитом», как говорил живущий тогда Аркадий Райкин. Потом красивый салон посуды рядом с Лубянкой. А дальше был магазин «Москниги», где я торчал не менее часа, и всегда находил что-нибудь интересное для своей домашней библиотеки. Кстати, рядом был дом, где жили Брики, и где застрелился Маяковский. За зданием КГБ была узкая улица, выведившая к большому гастроному — там всегда выбрасывали что-либо вкусненькое — в смысле продавали, но тогда говорили — выбрасывали! Был даже анекдот, когда индусы ехали с Хрущевым по Москве и увидели очередь у магазина.

— Что это? — спросили они.

Никита простодушно ответил:

— Да это яблоки выбросили!

Тогда индусы успокоились и говорят:

— Мы у себя тоже яблоки выбрасываем!

Далее вниз по Кузнецкому мосту, и почти внизу был маленький магазинчик «Глобус», где продавали карты, глобусы, атласы всех мыслимых и немыслимых видов, размеров самых разных стран всего мира. Как воспоминание у меня сохранилась стопка маленьких карманных атласов: я тогда увлекся миниатюрными книжками.

Ну а потом — в Петровский пассаж. Это старое здание по архитектуре как-то выделялось среди других. Тогда это был вечно набитый народом огромный торговый центр, от улицы до улицы. Он был, и он жил своей бурной жизнью. Не так давно — уже в наши дни я заглянул в него и с грустью его покинул. Теперь это лощеный, холеный, в зеркалах и мраморе апарт-амент с вышколенными молодыми менеджерами, которые немедленно приглашают тебя посетить именно их бутик. При этом все здесь сверкает и сияет в свете бегающих огней рекламы, как бы само для себя, поскольку народа (в том смысле, как это было раньше — именно, просто народа!) в этом блеске и сиянии не было! Пустые залы! Понятно, что мы стремились к культуре, к мировым стандартам и прочим прелестям западного мира. Но чтобы вот так — от воспоминаний хорошего прошлого — да в очередях! Да с дефицитом! Но это было жизнью всего народа, всей страны. А тут тебя сразу всей этой лощеностью по мордам, по мордам! А народ скукожился над мусорными баками при этих помпезных палестинах! Болестно на душе от этих перемен.

Могут мне сказать — ну дает генерал — все его тянет в совковый рай. Нет — это упрощенное понимание. Здесь главное другое. Народ как был, так и остался народом, ну только уж очень обнищал, вернее, его обворовали буквально во всем. И по новому, по капиталистическому стандарту ему не

выплачивают деньги как на западе. По заработку народ как был, так и остался в Советских временах, как и многое другое в России и в других постсоветских «незалежных» государствах — это вся судебная система, вся система прокуратуры, МВД, армии и многих других ведомств. Вот видите, как прошел через Лубянку, так сразу и начал себе позволять вольности в оценках жизни и времени.

Из «Пассажа» дорога вела к Столешникову переулку, или как его называли Спекулешникову. Там тоже было много разных магазинов, но центром притяжения был магазин «Вино» — почти на выходе от Столешников. Вот там был рай для всех и вся, но главное — там иногда стояли разные экзотические вина. Можно было спокойно купить бутылочку «Чинзано», португальские, итальянские, испанские вермуты и многое, многое другое, чем я изредка себя баловал. После Столешникова можно было зайти в магазин «Чертежник», где глаза разбегались от входивших тогда в моду фло-мастеров и прочих линеек разных конфигураций. Тоже неплохо было подзапастись с учетом будущих работ на картах в Тбилиси. И уже дальше по переулку Художественного театра, мимо знаменитой «Чайки» — к Главному телеграфу. Здесь можно было зайти на междугородку, набрать Тбилиси и поговорить со своими. Ну а когда уже финансы, как у всякого заочника «пели романсы» звонил брату Славику в Норильск, на что он мгновенно через телефон у себя перегонял мне денежку телеграфом, что, конечно, было для меня бальзамом на денежные раны. К вечеру, если оставалось время, я обязательно шел на какой-нибудь спектакль в знаменитых московских театрах. За четыре года учебы я побывал практически во всех театрах, включая Большой театр и Кремлевский дворец съездов. Увидел вживую великих артистов того времени — Аркадия Райкина, всю «обойму» артистов театра «Сатиры», театра на Таганке и Володю Высоцкого. Посмотрел спектакли театра «Современник» на Чистых прудах, «МХАТ» на большой и малой сценах, «Ленком», театра «Моссовета», театр Оперетты, театр Образцова, Вахтангова, и прочее, прочее, прочее.

Вечером, полный впечатлений, я возвращался в гостиницу рядом с Велозаводским рынком и ложился спать, довольный и жизнью, и собой.

И все-таки заочная учеба — это нелегкий хлеб. Есть такая, немного фри-вольная присказка, что заочник — это:

- обуза для ВУЗа
- несчастье для части
- потеря для детей
- находка для б...

Главное в этом то, что и без того скудный семейный бюджет трещит по швам — даже тогда, при очень низких ценах прожить два месяца в году в Москве — это вам не пончик скушать! Если бы не поддержка брата и сестры из Норильска — конечно же, было бы туго.

Группа наша подобралась разношерстная: от командира роты до на-

чальника оперативно-разведывательного отдела инженерного управления округа, от капитана до полковника. Полковников было двое — Федя Варламов, с которым я учился на ВАКе разведчиков и его друг по Ташкенту Гена Зверев — он то и был в то время начальником отдела в инженерном управлении ТуркВО. Ну и я был офицером такого же отдела — только в ЗакВО. Учился со мной командир понтонного полка из Рении (ОдВО) подполковник Хусен Мацухов и еще многие многие другие офицеры — всего 26 человек. Что говорить — это был спаянный и споенный коллектив.

Иногда по понедельникам в аудиторию, где первые два часа занималось наше отделение, зайти было невозможно — такой испитой дух стоял после вчерашнего. Срочно собирался гонец с портфелем, и ко второму часу все полировались пивком на перерыве. Уже к концу нашей учебы был прецедент, когда Федя Варламов на лекции начальника второй кафедры — генерала, не преодолев тяги ко сну — заснул и со стола съехал на пол. А учитывая что Федя был около двух метров ростом, грохот от падения его тела был впечатляющим. Генерал сказал — Федор Михалыч, да вы же спите! Да разве это сон Алексей Васильевич — это же мучение! — гениально просто сказал полковник Варламов — наш рыжий Федя! Тогда идите спать Федор Михалыч, все равно от этой лекции для Вас толку не будет — сказал генерал. (А был Федя сослуживцем и хорошим другом с этим прекрасным генералом еще тогда, когда оба были майорами в одной инженерной части).

Учитывая, что Федя, Гена Зверев и я к концу учебы занимали довольно большие должности во фронтовом звене (я уже стал начальником того отдела в котором начинал капитаном и получил звание подполковника), то некоторые лекции, особенно по работе инженера в армейском звене, на различных КШУ и полевых учениях — молодые преподаватели — бывшие дивизионные инженеры — просили нас рассказать как и что делается именно инженерами в сложной обстановке учений, что и как вкладывается в общую копилку победы. Я очень много и подробно рассказывал коллегам об инженерной разведке и, особенно, с применением вертолетов. Сам корифей разведки — полковник Королев — иногда приходил на эти лекции. А в округе, уже после первых двух месяцев моей учебы произошли изменения. Когда я вернулся в Тбилиси, генерал Кушников уже убыл в ГСВГ на Начинжа группы войск, и мы ждали нового начальника с Дальнего востока.

Прибыл высокий, стройный и красивый полковник — все ахнули, а наша старенькая секретчица Александра Ивановна, хранительница высокой нравственности тут же сдалась и сказала: «Вот под такого я бы легла без разговоров». Буквально на майские праздники 1976 года Леонид Сергеевич Медлев — стал генералом! А до того он был Начинжем 5 армии в Дальневосточном округе. Уже в 1977 году наш начштаба Толя Ломатов уехал в Южную группу войск на должность начинжа группы, а замом у Медлева стал Гена Винчегов — очень старательный и скрупулезный подполковник, ставший у нас старшим с должности дивизионного

инженера 100-ой Тбилисской учебной дивизии. Звезд он с неба не хватал, но к звездам всегда стремился. Где-то в конце семидесятых годов вышло распоряжение, что должность замначинжа в округе стала генеральской. Гена воспрял духом, и когда узнал, что представление на него ушло в Москву — немедленно пошил себе генеральскую форму, как оказалось — поспешил.

А потом выяснилось, что это распоряжение было принято в Министерстве обороны без согласования с военным отделом ЦК КПСС, что было расценено весьма негативно, и эта должность зависла в воздухе. Так на этой должности никто генерала и не получил. Вместо себя на отдел Гена хотел поставить Саню Крегеля, но тот душой рвался к себе в Белоруссию, и уже пробил там себе место. Медлев на эту должность утвердил меня, хотя я еще учился в академии, а со мной работали опытные ребята — Гена Терещенко, Коля Твердохлебов и другие, имевшие за плечами не только академии, но и год-два работы в штабе.

Могу сказать только одно — Леонид Сергеевич был прекрасным человеком, умным военачальником, тактичным и душевным. За время нашей работы мы как-то сблизились, и во многих вопросах я стал его правой или может левой, но рукой — это точно. На все выезды, рекогносцировки, поездки по войскам он обязательно брал меня с собой. Одну такую поездку я запомнил на всю жизнь. Предстоял Военный совет с обсуждением вопроса инженерного оборудования запасных районов сосредоточения приграничных соединений. За неделю до Совета мы выехали с Леонидом Сергеевичем в Ахалцихе и Ахалкалаки. Погода была в начале марта еще холодная и, иногда, падал снег. По дороге мы заехали в лесничество в Боржомском ущелье навестить одного знакомого Леонида Сергеевича — главного инженера лесхоза. Не прошло и пяти минут, как этот шустрый грузин уже прыгнул в свой «жигуленок», и мы поехали к нему в деревню — недалеко от «Боржоми». Мама родная — проезжая по деревне, он всех оповестил, что к нему из Тбилиси приехал друг-генерал. В просторном доме уже заканчивали накрывать стол, а мы спустились в подвал — большой и светлый.

— Что будем пить? Здесь у меня пять квеври по 500 литров каждый, хорошего вина — для себя делал!

Вдоль стены над горловинами огромных емкостей лежало пять деревянных крышек размером с хорошее колесо телеги. Здесь нужно пояснить, что квеври — это может быть и маленькая чашка, и большой кувшин — как эти на пятьсот литров. Но главное, что у них не было дна, вернее оно было, но вместо дна квеври заканчивался конусом с острым концом. Если это чаша, то когда она наполнена — ее не поставить на стол — упадет и прольется, поэтому — хочешь, не хочешь, а надо пить. А у больших квеври это дно на конус было для осадка винного камня, когда вино выстаивалось.

Была такая грузинская короткометражка, где показали, как один чудак залез в квеври размером с грузовичок — через дырку, а потом мощным клеем эту дырку заклеил этим выбитым куском. Пока он перекусил, сидя в

этой глиняной бутылки бутербродом и вином, клей схватился, и путь на свободу для него был отрезан. Как только не пытались его вытащить — горлышко было узковато — и ничего не получалось. Потом он захотел писать, и было показано, как сбоку из квеври выкидывается струя. Кончилось все очень просто — квеври покати́лся под откос, ударился о землю и раскололся! Вот что такое квеври!

Мы дипломатично сказали Валико, что начнем с того вина, которое он сам больше всего любит. Время было обеденное, и мы по традиции кавказского застолья выпили по пятьдесят грамм чачи, и приступили к хорошему вину со жгучей кавказской закуской.

Здесь были и цицаки, и джонджоли, чохохбили, овечий сыр с лавашем и мацони, тава-кебаб и люля-кебаб с гранатовой подливкой, чудесное пхали с зернами граната и еще много всякой вкуснятины. Я уже не говорю о традиционных шашлыках, и все это с прекрасным белым вином Атенури — любимым вином Сталина, которое делается только в Атени — небольшой деревни возле Гори. Когда перешли к красным винам, за окнами уже была ночь.

Проснувшись на другой день часов в 10 утра, и после вчерашнего спасло только хорошее горячее наваристое хаши с лавашем. Кто не пил хаши, тот конечно и не знает, что это такое. Так вот — хаши — это то, что у нас варится для холодца, но только побольше костей — и все это варится не менее десяти часов. Рано утром этот густой бульон пьют, да так что губы склеиваются, а в голове светлеет. Только к обеду мы добрались до Ахалцихе, и я остался там проверять свои вопросы, а Медлев поехал в Ахалкалаки.

Осматривая запасные районы, я заехал на небольшую гору, стоявшую как бы за грядой других и поэтому не бросавшуюся в глаза. На узкой дороге стоял небольшой экскаватор и упорно вгрызался в забой. Я сначала подумал, что это куда то протягивают дорогу, но потом взгляделся и увидел невероятное. Когда из ковша вывалился большой ком камня, облепленный глиной, то рабочий взял кувалду и со всей силы трахнул по нему. Камень раскололся, и я увидел пустоту, выстеленную внутри изумительными фиолетовыми крупными кристаллами аметиста. Дальнейшее выбросило меня из Уазика и заставило вприпрыжку помчаться по склону вслед за этими половинками, небрежно сброшенными работягами на свалку. Оказывается, эта бригада добывала прозрачно слоистый агат и, если слой его был меньше восьми, десяти сантиметров, все выкидывалось на свалку. Когда я, радостно урчащий от удовольствия, выбрался наверх с драгоценной ношей, то рабочие надавали мне столько камней, что Уазик резко присел на рессоры.

Несколькими годами позже, когда я приехал из Венгрии в отпуск, ко мне в Тбилиси приехал мой старший брат Славик, мы сели в поезд и поехали в Ахалцихе. Утром на станции нас встретил начальник инженерной службы и заместитель комдива. Мы уселись в Уазик и помчались в этот райский уголок, где добывают слоистый агат. Мне доставило истинное

удовольствие видеть, как Славик в детском восторге бегал по забою и подбирал камни один лучше другого. Мы провели там часа два, а потом поехали в Абастумани — это недалеко от Ахалцихе в сторону границы.

В небольшом поселке, растянувшемся вдоль ущелья, стояли небольшие домики, отдельно здание старинной царской бани и далее дорога по серпантину уходила через густой сосновый бор на гору — к Абастуманской обсерватории. В нижнем поселке стоял и небольшой гарнизон дивизионного саперного батальона, а также небольшой санаторий на минеральных водах. Конечно, нас прекрасно встретили и сразу же проводили в Обсерваторию. Почему обсерватория построена именно там? Да потому что в этих горах самый чистый воздух и наибольшее количество солнечных дней в году. Именно поэтому здесь с позапрошлого века была создана резиденция для летнего отдыха царской фамилии и сделаны уникальные царские бани, которые работают, и по сей день. Среди космического вида зданий и в самих помещениях нам очень много и интересно, особенно возле огромных телескопов рассказал один из руководителей этого центра, астрофизик и членкор академии наук, Рассказ был впечатляющим. От самой макушки горы мы по канатной дороге спустились в удобном вагончике вниз, где нас ждала машина, и поехали в баню.

Сама постройка была неказиста, в старом деревянном одеянии светло салатного цвета. Номера тоже особого восторга не вызывали и были без изысков. В небольшой комнате традиционной ванны не было, а вместо неё в полу был прямоугольный бассейн из мраморных плит два на три метра и глубиной в полтора метра. Сбоку стенки из пасти старинного бронзового льва, упруго изливалась струя пенящейся воды и тут же на дне сливалась, куда то вниз. Пока мы раздевались, слив на дне закрыли пробкой и к нашему приходу, бассейн был уже почти полон. В помещении было прохладно, но и вода нас не особенно обрадовала своей прохладой. Минут через десять банщик предложил сменить воду, а нам пока попить Боржом. Следующее погружение в бассейн было более приятным, поскольку вода была уже значительно теплее. Она пузырилась и приятно щекотала все тело. Через десять минут процесс повторился и мы забрались уже в горячую воду. А когда настал четвертый заход, я чуть не выскочил из бассейна, настолько раскаленной была вода. И самое интересное во всем этом то, что вода, какой была в начале — ничуть не менялась, как текла, так и текла. Но вода эта была насыщена радоно-углеводородными составляющими, которые за время купания так сильно воздействовали на организм человека. После такой, действительно царской бани мы, распаренные и умиротворенные, попали в руки гостеприимного комбата и его местных кунаков.

К двенадцати ночи отключился мой старший брат и его уложили спать в соседней комнате. А мы хорошо посидели за хорошим Ахашени и прекрасной кавказской закуской часиков до четырех. Ну а в шесть утра нужно

было уже ехать на машине до Тбилиси. По дороге заехали в Гори и зашли в музей Иосифа Виссарионовича Сталина, осмотрели его прекрасные экспонаты, включая посмертную гипсовую маску и огромное количество подарков, которые передавала вся страна любимому вождю. Должен сказать, что это была запоминающая поездка, которая оставила много ярких впечатлений и воспоминаний.

А та поездка с генералом Медлевым в Ахалцихе завершилась не менее грандиозными деяниями. Вечером мы собрались в штабе Ахалцихской дивизии, обсудили все вопросы для доклада на Совете, а потом перекусили с руководством дивизии в штабной столовой. Для продолжения ужина, где-то в 12 часов ночи, комдив дал команду всем сесть в «Уазики», и мы помчались в сторону Боржоми. Не доезжая километров десять, свернули в лес и еще с километр тряслись по корням елей, по лесной дороге, пока не выскочили на широкую поляну. Тряска и гонка протрезвила основательно. На поляне было темно и тихо. Большие хлопья снега плавно укладывались на ветви деревьев, покрывали землю, и эта умиротворенность тянула в сон. С края поляны большими клубами поднимался пар, а в горном ручье почему-то квакали лягушки. И тут последовала команда — всем раздеться и в бассейн. Я оторопел — кругом снег, какой бассейн? Оказывается, в этой глуши из пробуренных скважин, из двух труб по полметра каждая — в бетонный бассейн сплошным потоком лилась горячая, и какая вода! Настоящий пузырящийся горячий Боржоми. Бассейн был метров десять на десять, глубиной полтора метра и вода самотеком сливалась в ручей. Бетонная дорожка по краю бассейна была застелена простынями и заставлена закуской и питейным.

Никогда в жизни я не был в такой уникальной и по месту и по времени и по обстановке дружеской попойке, когда водка наливалась в рюмки, все чокались посреди бассейна, выпивали и тут же запивали горячим Боржоми просто опустив голову в это пузырящееся чудо. А сверху ватным пухом опускался снег. Это было какое-то волшебство. Часа два длилось это чудо, потом опять тряска, гонка по ночному шоссе и сон. Как говорится, без задних ног! На другой день голова была ясная и чистая, как стеклышко!

Не оправдываюсь и не кривлю душой — то, о чем пишу можно воспринимать по-разному. Одни скажут — эти военные! Во все времена пьянки и кутежи — я пойму этих людей — они не служили в армии под прессом колоссальных перегрузок и нервных стрессов. Недаром говорят, что военный пенсионер за второй пенсионной книжкой, как правило, не приходит. Другие — большей частью люди служивые, прочитав эти подробности, и за меня порадуются, что такое пережил, и свои события вспомнят, согреются воспоминаниями. Как бы там ни было, на первом плане у нашего поколения была работа, служба и все для Родины, и только потом — немного о себе. Но раньше — думай о Родине! Это сейчас при капитализации все в точности до наоборот!

За время службы в ЗакВО, а это одиннадцать лет с 1969 по 1980 год было множество разных историй. Одна из них связана с пятидесятилетием Советской Грузии. Празднества сосредоточились в здании государственной филармонии, которое было построено в конце проспекта Руставели. И перед этим красивым круглым зданием стояла высокая скульптура Медеи, выкованная из меди. Филармонию только что покинули строители и, перед торжественным заседанием его обнюхивали и простукивали сотрудники КГБ, мало того начинж приказал мне взять группу саперов и подключиться к этой проверке. От КГБ группу возглавлял начальник ООО (особого оперативного отдела) полковник Орлов — думаю, что его реальная фамилия была чисто грузинская, но у них были свои порядки.

Когда все проверки были закончены, Орлов потерял ладонку и уже собрался это отметить, но я показал ему на подвесной потолок зала и сказал: — пока я это не проверю, я отсюда не уйду. Нашли ключи от дверей выхода на верхние трапы и балки, к которым был закреплен потолок. Когда мы с Орловым по решетчатой дорожке дошли до сцены и стола президиума, я аккуратно пододвинул дюймовую гайку к краю трапа, и она мгновенно улетела вниз, плюхнувшись на стул, на котором на другой день сидел Мжаванадзе. Орлов побелел от этого открытия, тем более, что на всех верхних трапах и балках в бесчисленном количестве лежали всяческие большие и малые железячки, оставшиеся там после строительно-монтажных и сварочных работ. Часа за полтора вызванные по тревоге рабочие вынесли из-под крыши здания ну не менее полтонны всякого хлама и железа.

Орлов тут же сказал мне: — Вот тебе, товарищ майор, пропуск-вездеход — теперь ты привязан к нам, пока самолет с Леонидом Ильичем не взлетит на Москву. А на завтра вот тебе билет во втором ряду, место №1 с краю — это почти напротив трибуны — сидеть до самого конца торжественного заседания. Принцип один — если взлетим, то вместе!

В этот день, перед прилетом Брежнева мы проверили все в аэропорту и на берегу Куры — ресторан «Арагви», Уже был вечер, и для всей группы шустрые рестораники накрыли красивый стол, при этом были выставлены те напитки и закуски, которые планировались на завтра для первых лиц — своего рода дегустация. Визит и празднества прошли успешно. Время Мжаванадзе уже заканчивалось, и в руки Брежнева попало много писем и материалов о беспредельной жизни правящей верхушки Грузии. Уже началась постепенная замена руководящего состава. С должности министра внутренних дел первым секретарем Тбилисского горкома партии стал Эдуард Шеварднадзе. Еще в бытность его министром МВД я стоял с ним рядом на правительственной трибуне во время одного из революционных праздников. По традиции наша парадная офицерская штабная коробка после прохождения мимо трибуны тут же приглашалась на трибуну и создавала внушительный фон всему празднеству. Тогда это был молодой, красивый, но совершенно седой генерал, о котором шла слава жестокого

давителя всяких махинаторов на всех уровнях. Слухи доносили, что во время доверительного разговора Брежнева и Мжаванадзе, последний соглашался, что ему надо уйти на отдых, но вместо себя он в упор не видел Шеварднадзе и просил его не назначать.

Не прошло и двух недель, как состоялось решение ЦК КПСС, и первым секретарем ЦК Компартии Грузии, конечно же, стал Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе. Одним из его первых властных решений был запрет на вывоз цитрусовых за пределы Грузии частными лицами. Взрыв негодования был колоссальным. Цены на мандарины резко упали, и за рубль можно было купить килограмм отборных фруктов. Прошел год, и эта напряженка схлынула, народ начал сдавать все государству, и Союз был завален грузинскими мандаринами.

Омоложение первых лиц улучшило общий климат в южном регионе. Павел Васильевич Мельников имел достаточно высокий авторитет в Закавказье, и в Штабе округа нередко проходили заседания Военного совета, на котором присутствовали первые секретари всех трех республик — в стране не было другого такого военного округа, где было бы так, как у нас в ЗакВО.

1976 год ознаменовался очень снежной зимой. Было принято решение о проведении масштабного учения «Зима — 76» в Закавказье, при этом первый этап разворачивался на Горийском плато — между Гори и Цхинвали. На переднем крае за противника занял позиции Горийский учебный танковый полк, а наступала Батумская дивизия. Один полк она отправила своим ходом через Рикотский перевал, а остальные эшелонами ушли на Караязы, где готовился основной этап.

Старшим по инженерным войскам на Горийском участке назначили меня, и дали в придачу саперов из нашего цхинвальского полка. Закипела работа по подготовке полей имитации, поскольку все проводилось без боевой стрельбы — только холостыми. На возвышенной скале собрали вышку для руководства, площадку для прессы и военных наблюдателей.

За месяц до учений командиром 31 Армейского Кутаисского корпуса назначили молодого генерал-майора Кочетова Константина Алексеевича. На первой же тренировке наступающие танки залезли в пушистый снег и сели на брюхо. Начали сначала кричать, а потом думать. Я предложил для каждого танка в снегу проутюжить коридор до грунта. Кочетов на меня прикрикнул: — А где ты раньше был? — Тоже мне умники кругом! Ну, я ему и ответил, что и раньше и сейчас — я помощник командующего по инженерным войскам и отвечаю за этот эпизод также как и Вы — головой. Генерал ничего не возразил, с предложением согласился, но встречу эту запомнил надолго. Тренировку перенесли на другой день, а наши БАТы ринулись вместе с танкистами расчищать коридорные проходы для каждого танка. Получилось все очень удачно. Более того, танки появлялись четкой линией на правом фланге и вдруг исчезали в своих снежных

коридорах: только бабахали танковые пушки, и уже перед передним краем неожиданно появлялись все танки, становились в линию и эффектно захватывали выгодный рубеж. Конечно, авиация и артиллерия четко выполняли свою работу.

Настал день учений. Яркое солнце заливало огромную долину, снег искрился и слепил глаза. Прибыл Министр обороны со свитой, и все заняли свои места. От Начинжа прибыл начальник боевой подготовки — генерал-лейтенант Тарасов Алексей Николаевич. Больше всего он переживал, чтобы вся имитация прошла без «ЧП». Я, конечно, переживал тоже, но, слава Богу, весь этап прошел гладко. Все руководство погрузилось в вертолеты, и центр учений переместился в Караязы. Когда все уже разъехались, и подразделения начали сворачиваться, на левом фланге прогремел взрыв.

Мгновенно все попрыгали в «Уазики» и помчались на точку. Спасибо providению и зиме — подорвавшийся солдатик был жив — спасли его зимние ватные штаны и ватник, одетые под шинель. Небольшой патрон ИМ-50 сработал почти под его задним местом, хлопца подкинуло немного и плюхнуло носом в снег. Тут же загрузили его в вертолет и отправили в госпиталь в Тбилиси. Через неделю он вернулся в часть. А причина была проста — в спешке, получив команду на свертывание, он не отключил басовку от сети, и когда протягивал тянучку, метелка замкнула кольцо, и сработал ранее не взорванный заряд.

В целом учение прошло нормально и получило хорошую оценку Министра. Особенно был отмечен командир Горийского танкового полка — он занял оборону на Рикотском перевале. Когда колонна войск противника со стороны Зестафони подошла к перевалу, он от подножия до перевального участка залил дорогу водой несколькими водовозками, а внизу выставил пост и большой щит — «Осторожно! Скользящая дорога». Колонна почти на сутки задержалась — скользила на подъеме. Но и гражданский транспорт тоже задержался. Грозил разразиться скандал, но руководство решило эту проблему, и командир получил от Министра именные часы.

Летом 1976 года в Караязах, на окружном полигоне прошло еще одно из многих учений тех лет. Но оно выделилось из общего числа тем, что провели его в необычных условиях. Если большинство учений до того заканчивались до каньона Шорсу, то это учение протянулось далеко вглубь полигона и перешло на территорию Азербайджана.

На подступах к каньону лежала долина, которую называли долиной смерти. Еще со времен Александра Македонского в этой глухой и закрытой долине гибли любые наступающие войска. Было принято решение на высоченных скалах по левой стороне долины по ходу наступления, установить командный пункт для Министра Обороны и его свиты. Проект этого КП разработал наш гениальный подполковник Цораев — из группы Укрепрайонов. Длинные швеллеры были вбетонированы в скалу так, что их малая часть вывесилась над пропастью и вот на этой, висящей над пропа-

тью площадке собрали из дерева красивый командный пункт с не менее красивым названием — «Орлиное Гнездо». Конечно, наши дорожники протянули туда дорогу и учения прошли блестяще. Но изюминкой учения стал ввод в прорыв танкового полка от учебной дивизии с пехотным десантом на бортах. До этого такой форс-мажорный прием никто не применял поскольку была реальная опасность, что кто либо из солдат не удержится и может слететь с танка с неминуемой гибелью. Тогдашний командир учебной дивизии полковник Кирилюк пошел на риск и приказал каждого солдата накрепко привязать к поручням башни. Когда в этот жуткий прорыв на высоких скоростях устремились танки, а пехота начала поливать холостым огнем все и вся — Министр — Маршал Гречко А.А. от удивления задал вопрос — кто тот безумный командир, который именно так бросил пехоту в бой? Командующий генерал полковник Мельников П.В. доложил — полковник Кирилюк. Наверное, я у Вас его заберу — пора ему уже быть генералом. Тогда Павел Васильевич рассмеялся и попросил Министра оставить Кирилюка в округе — у нас есть для него должность Начальника Штаба 4 Армии. Что и было на этом учении затвержено. А через год генерал Кирилюк стал Командующим 4 Армии. Более того, еще через пару лет он стал Начальником штаба Закавказского округа и впоследствии убыл на должность Начальника штаба Гражданской обороны — заместителем Предсовмина Украины.

Летом 1978 года была срочно собрана команда от всех управлений и служб под руководством Заместителя Командующего войсками округа по боевой подготовке генерал-лейтенанта Шкруднева Д.Г., и мы выехали в Нахичевань. Общая легенда для всех была — подготовка Нахичеванской дивизии к учениям с отмотилизованием одного полка для последующего выхода своим ходом на учебный центр и полигон Караязы. И только «узкий круг ограниченных лиц» знал, что в Кивраге формируется боевой полк со средствами усиления, готовый к совершению стремительного марша, захвату и удержанию на сопредельной стороне важного стратегического района, а так же воспрепятствованию высадки морского или любого другого десанта со стороны возможного противника.

Возможно, это была определенная «деза» со стороны руководства, но в энергичных руках боевого Шкруднева машина подготовки раскрутилась с невероятной скоростью. Мозговой центр за короткий срок выработал критерии — что подходит для похода, а что нужно выбросить, как хлам. И тут выяснилось, что только различных видов горючего нужно было тащить с собой около десятка. Срочно начали подбирать одинаковую транспортную базу, взяв за основу БТР и БМП. Пересмотрели все нормативы по боевой загрузке и способы крепления запасов, как на броне, так и внутри транспортеров. За это время провели отмотилизование и боевое слаживание подразделений военнообязанными из запаса, а это все местное население. Окончательно улыбки и шуточки слетели с лиц, когда подразделе-

ния начали получать боекомплекты и снаряжать ими пулеметные ленты, автоматные рожки и загружать БК в боевые машины. И это все в приграничной полосе, поздней осенью, когда в горах уже выпал снег. Прошла еще неделя на учебные стрельбы и гранатометание.

Когда полк и вся ударная группа были подняты по тревоге, все решили, что наступило время «Ч». К счастью колонна набрала скорость и ушла в горы в сторону Нагорного Карабаха. Через несколько часов мы прошли село Шахбуз, но на подходе к Биченекскому перевалу попали в сильную снежную метель. Для очистки дороги от снега хотели протянуть вперед ПКТ (колесный путепрокладчик), но он не смог обойти колонну, сполз по склону и, медленно переворачиваясь, улетел вниз ущелья. Хорошо, что механик успел выскочить и его тут же подобрали. Несколько часов ждали, пока со стороны Карабаха приползли огромные Катерпиллеры и расчистили нам дорогу на перевал. Сделали привал, накормили личный состав горячим и к концу дня вернулись в теплую Нахичеванскую долину. Сразу на ум пришла известная в этих местах присказка — Деньги есть — Нахчвань гуляем, деньги нет — Киврах сидим. Наутро всех нас обрадовала новость, что после обеда вся наша группа офицеров Штаба из Нахичеваня улетает на Тбилиси. Не знаю, правда это или нет, но ребята вроде слышали, как Голос Америки передал, что Советский Союз готовит крупную провокацию на границе с Ираном, где сосредоточена ударная группировка войск. Так завершилось наше месячное турне на границу с Ираном.

В 1978 году прибыл новый командующий вместо П.В.Мельникова — десантник, генерал-полковник Олег Федорович Кулишев. Немногословный, четкий и пунктуальный — человек-часы. Совещания проводил за 15-20 минут. При этом укладывал перед собой часы и на доклад давал три минуты. Не уложился — садись и работай над собой. А ранее сидели по полтора-два часа.

В семье было все прекрасно. Марина уже пошла в 10 класс, а маленькая Ольга — в первый. Учились они в одной школе и в одной смене, а в первые дни были такие моменты, когда Лелька на перемене прибежала к Марине и плача громогласно объявляла: «Марина, я обкакалась!». Все девчонки-десятиклассницы хохотали и дружно тащили первоклашку в туалет — мыть и стирать!

Мои увлечения рисованием, наверное, перекечевали в Маринку, и она увлеченно рисовала все и вся, перелопатила массу литературы по художникам и художественному мастерству. Я привозил ей из Москвы то, что в Тбилиси было огромным дефицитом — фломастеры, акварельные и масляные краски, цветные мелки, пастель, художественный уголь, кисти всех систем, сортов и калибров. Когда она закончила десять классов, то пошла и поступила в Тбилисское художественное училище им. Тоидзе. Помните картину — плакат Тоидзе — «А Ты вступил в Красную Армию?» — и указа-

тельный палец бойца в буденовке как бы уткнутой тебе в грудь! Училась Маришка легко и с удовольствием. Тоидзевское в Тбилиси было подобием Строгановского. Может немного пониже, но все равно — достойное училище. Сейчас Маришка хороший художник — дизайнер, работает в солидной фармацевтической фирме в Москве, с приличной оплатой художественного авторского труда.

Закончилась в 1979 году моя учеба в Академии. И попал я вместе с группой лучших выпускников на выпускной бал в Кремле. Основные академии стояли вокруг длинных фуршетных столов в длинном Георгиевском зале, белые стены которого были сплошь покрыты фамилиями и воинскими частями — георгиевскими кавалерами, выписанные золотом. После всех выступлений, поздравлений и чоканий с выпускниками группа руководства страны во главе с Маршалом Д.Ф.Устиновым через Владимирский зал зашла к нам, в «Святые сени». Справа от входа стоял длинный стол с нашей академией, а я стоял третьим от ближнего края стола. Маршал поздравил всех выпускников — «Главное — это Ваша забота о солдате. Он и только он приносит нам победу». И предложил тост за Советского солдата. Подняли рюмки, а у маршала она вдруг оказалась пустая. «Ну вот, видите, даже рюмку не налили», — сказал Маршал. Тут же все кинулись ему наливать, а из-за спины маршала «официант» в штатском тут же налил ему «Боржом». Вся «кавалькада» переместилась в Грановитую палату, а мы продолжали гудеть по-полной. Столы были красиво сервированы, официанты в малиновых пиджаках разносили большие серебряные подносы, где горкой лежали сосиски по-кремлевски — нарезанные напополам, но на торцах сделаны крестообразные разрезы, и когда их поджаривают, то они ращепериваются во все стороны. Но главное, они необыкновенно вкусные и с этой горки каждому накладывают на его тарелочку.

Где то через два часа все это гулянье кончилось. В этот день вся патрульная служба в Москве имела приказ — никого из подвыпивших офицеров не задерживать, а при необходимости подвозить до дома.

От Кремля я отправился в Штаб МВО и по дороге совершенно случайно нос к носу столкнулся с генералом Упоровым — он был в штатском. «А ты чего в парадном одет?», — спросил Владимир Ефимович. Я доложил ему, что только что из Кремля, был на выпускном балу. Ефимыч страшно обиделся: «Что же ты ко мне не заходил, когда я был начальником академии?». Да так обиделся, что чуть по шее не накомылял. Дело в том, что с 75 по 78 год Упоров был Начальником инженерной академии, а потом ушел на пенсию. Я, конечно, извинился и сказал, что неудобно было его беспокоить, что учился я неплохо и сейчас уже Начальник отдела у Медлева в ЗакВО. Он за меня порадовался, и мы очень тепло расстались. А через год Владимира Ефимовича не стало...

Даже учась в академии, я не забывал свою работу по подбору и подготовке кадров в инженерных войсках.

За месяц до выпуска меня разыскал по телефону полковник Ломатов из Будапешта: — Олег! Найди, подбери мне хорошего выпускника с оперативными наклонностями и хорошей графикой.

Все выпускники — очники нас хорошо знали, и по моему сигналу в нашей аудитории собралось человек пять молодых капитанов на пробу пера, или как говорят сейчас — «кастинг» — отбор офицера с хорошей графикой. Мы все в это время готовили карты и графические листы к защите диплома. Над моей картой поработали все, но мне больше всех понравился худенький капитан Воробьев Володя. Я с ним переговорил, и он, конечно, согласился поехать после выпуска в Венгрию.

Короткий разговор с полковником Гусевым — нашим кадровиком в Сухопутных войсках, и Воробей уже был записан в ЮГВ. Перед выпуском объявили распределение, и ко мне чуть ли не в слезах прибежал Володя «меня отправляют комбатом в какую-то дыру в Уральском военном округе». Я тут же позвонил Гусеву: «Как же так?» Ведь была железная договоренность с Ломатовым в отношении Воробьева?»

Гусев схватился за голову: «Это я просто позабыл и не вписал его в разнарядку». «Олег, я тебя прошу, уговори его ехать в ЮГВ на НИСа полка на майорскую должность, а я поговорю с Ломатовым, и он там этого парня пристроит как надо. Вызвал я Воробьева, говорю: «Двигай на ЮГВ, но пока на майорскую должность, в войсках, когда приедешь — сразу иди к Ломатову и он тебя уже перенацелит. Ты будешь всю жизнь меня благодарить или проклинать».

Могу с радостью сказать, что мой нюх на толковых людей меня не подвел. Володю в ЮГВ приняли хорошо и сразу же назначили комбатом понтонного батальона в 20 понтонном полку в Дунайвароше, и он, вскорости, на отличном батальоне получил майора.

Я еще подробно напишу о Володе Воробьеве, как только дойду до того времени, когда мы с ним вновь встретились — уже в Будапеште.

Свой поход в Штаб МВО я завершил у начальника топографической службы полковника Орлова. Мы хорошо дружили, когда он был топографом в ЗакВО. Великий топограф-Орлов Григорий Никитич был во все времена востребован, как непревзойденный мастер по демаркации границ. Наверное, легче перечислить те места, где он не бывал, а все остальное он облазил сверху донизу и вдоль и поперек. А как с ним интересно было говорить за жизнь, о людях и местах где он побывал. Но когда острограмливались-он пил только чистенький спирт — беспокоила его армейская язва, ну и я скромно подключался, ибо полярного опыта по спирту мне тоже хватало. Ну, везло мне в жизни на хороших людей!

На память об окончании академии он подарил мне с дарственной надписью новенький Атлас офицера — огромный том, бесценный по своему содержанию. Эта память до сих пор у меня востребована — уникальный Атлас. И было все это 27 июня 1979 года.

А за год до этого большая группа генералов, офицеров и личного состава от ЗакВО была переброшена на Государственный полигон «Капустный Яр» — широкие волжские степи между Волгоградом и Астраханью. Места исторические, поскольку там и сейчас стоит первая советская ракета космического конструктора Королева на том месте — на четвертой площадке, где ее впервые запустили в полет. Правда, по внешнему виду она здорово напоминает ФАУ, но я думаю, что это вообще-то неудивительно, поскольку все имели один источник — Германию, а уже потом все дорабатывали и делали свое — новое и совершенное.

Нам на этот раз предстояло провести уникальный эксперимент — одновременный запуск нескольких видов войсковых и не только, ракет различного радиуса действия. А у инженеров была задача — подготовить боевые позиции для этих запусков. Все, что необходимо мы выполнили вполне грамотно, тем более, что в лессовых грунтах работа шла прекрасно — это не в скальных горах действовать. И хоть бы за все это время один камушек попался — ни одного, одна лессовая пыль. Правда, мы еще в этой безводной местности все же порадовали своих ракетчиков. Нашей буровой установкой мы дошли до водоносного слоя, пропустили воду через фильтровальную машину, и дали чистейшую воду. Наполнили несколько больших емкостей — на 5 кубометров воды каждую, оборудовали все решеточками для чистоты и масксетями сверху. Получилось классически.

В этот момент на точку прибыл генерал-лейтенант Юрпольский. И ему, конечно, наши офицеры предложили: «Попробуйте искупнуться, товарищ генерал». — Да некогда мне, нужно ехать проводить совещание. Но потом вдруг согласился и уже через несколько минут бултыхался в этом резервуаре и ревел от восторга. Кстати, стояла тридцатиградусная жара. Иван Иванович тут же приказал всем участникам совещания прибыть на точку. Впервые в истории совещание прошло в емкостях РДВ — 5000, причем Юрпольский сидел в одной, а остальные — по 5-6 человек еще в четырех таких же бурдюках. Потом это превратилось в легенду.

Само учение прошло прекрасно. Но во время пусков было до жути страшно. Под грохот и вой ракет, под клубами дыма и пыли земля ходила ходуном, как-будто долбануло землетрясение. Я уже далеко потом испытал это чувство в Измите, в Турции, когда был там неделю во время землетрясения — там тоже земля уходила из-под ног, правда без грохота, но с явным подземным гулом.

Осенью 79 года умерла на Таймыре мама, и, буквально, через четыре месяца ушел из жизни отец — в сорокапятиградусные морозы в Норильске — так я и осиротел. Я уже рассказал об этих печальных событиях. Но жизнь продолжалась.

В один из летних дней Леонид Сергеевич Медлев вызвал меня к себе и приказал срочно идти на ипподром — прямо напротив здания Штаба округа. Из окна было видно, как на ипподромное поле приземляется МИ-8т.

Когда я подошел, возле вертушки собрались представители всех управлений, немного погодя подъехал генерал-лейтенант Сухоруков, и мы взлетели. Борт набрал высоту и нацелился на Азербайджан. Недалеко от Мингечаурского водохранилища мы сделали промежуточную посадку и зам. командующего ввел нас в курс дела. Оказывается, ГОМУ Генштаба (Главное орг. моб. управление) решило внезапно поднять по тревоге и отмотилизовать танковый полк 295-ой Бакинской дивизии в Северо-Восточном Банке. Проверяющие час назад приземлились в Баку, выехали в танковый полк, и уже вручили все предписания на отмотилизование. Все Вы для меня представляете свои управления, и на это время вся полнота власти принадлежит Вам, но и спрашивать с каждого буду, как с начальника войск. С таким напутствием еще через час мы приземлились на плацу танкового полка.

Стояла тридцатиградусная жара, и воздух был насыщен вонью гниющей рыбы. Рядом с полком и военным городком на берегу Куры стоял рыбозавод, бригады которого промышляли на Каспии и в устье реки. В полку в наличии не было ни одного инженерного начальника — кто в отпуске, кто в командировке, кто болен. Дивизионный инженер был на сборах, а начинж 4-ой армии на учебе. Главным остался только один прапорщик, отвечавший за всю технику «НЗ». Он то мне и был нужен. Генерал Сухоруков мне лично поставил задачу обеспечить к темноте все средства освещения в поле — в районе отмотилизования. Пошли мы с прапорщиком на склады «НЗ» и начали по очереди запускать все осветительные электростанции. Помогали несколько солдат из куценького саперного взвода. Часам к семнадцати мы перевезли все станции в район развертывания, распределили их по основным точкам, приготовили светильники, а главное — завезли топливо для бесперебойной работы в течение ночи.

Уже начали поступать первые партии приписников на разнокалиберных автобусах и грузовиках. Количество призывников непрерывно росло, — пункты приема и переобмундирования только успевали обрабатывать такие массы народа. В работу по поддержанию престижа республики включилось руководство Азербайджана и вся правоохранительная система. Какая там приписка! На дорогах останавливали автобусы и всех мужчин призывного возраста сажали в машины и подвозили в Северо-Восточный Банк. Народ метался в незнании и боязни за то, что близкие и родные даже не знали, куда исчез их родственник. Однако система железной рукой их передела в форму, выдала автомат и боеприпасы, каждый расписался за оружие и уже теперь любые попытки сделать шаг вправо, шаг — влево могли быть сурово покараны.

Пока генерал Волков — старший от ГОМУ был в Баку на приеме у товарища Гейдара Алиева, в районе развертывания — в чистом поле на Куринской низменности глубокой ночью буквально в течение нескольких

часов внезапно сосредоточилось около трех тысяч человек. Причем это была накаленная психологически и эмоционально обстановка. Можно так сказать, что энергетическое поле этой территории вдруг из обычного преобразилось в экстремальное. Где-то ближе к сумеркам подъехал генерал Сухоруков. На Каспий по — южному быстро опрокинулась ночь.

— Ну что? У тебя готово освещение? — спросил генерал.

— Так точно, говорю, готово! Хорошо — давай включай! — сказал Сухоруков.

И тут внезапно немного в стороне, на высоте 800-1000 метров в полной тишине произошла сильнейшая вспышка, и вся местность осветилась ярким белым светом. Генерал схватил меня за руку:

— Олег! Что за хреновину ты придумал с освещением?

— Да это не я, это что-то вообще неземное а, наверное, даже космическое.

На месте вспышки образовался небольшой шар, вся поверхность которого переливалась всеми цветами радуги, как будто это был расплавленный алюминий с неоновым свечением. После вспышки от этой точки шарообразно начала расходиться тонкая оболочка как будто из тонкого слоя пыли. Она увеличилась до огромного полупрозрачного дымчатого шара, дошла до земли и стала расширяться в нашу сторону. В момент, когда она прошла через нас, все мы как бы очутились внутри огромной сферы. На какую-то долю секунды я поднял глаза вверх, и увидел эту тонкую стеночку, уходящую вверх и в стороны. Я даже втянул носом воздух, надеясь, что будет, какой то запах. Запаха не было. Переливающийся шар немного повисел в воздухе, слегка покачиваясь, а потом медленно поплыл от нас, хотя ветер дул в нашу сторону. Буквально за несколько секунд он с бешеной скоростью превратился в точку и исчез. Все сразу окунулись в ночь.

Я врубил освещение на своих электростанциях и, прерванная работа продолжилась. Еще день ушел на боевое слаживание. На третьи сутки полк выдвинулся и развернулся в боевую линию — на автомашинах. Такой фортель тогда разрешали, чтобы не снимать с хранения танки. На вышке руководства стояли первые лица республики, и, конечно же, весь этот парад-алле получил твердую положительную оценку.

В конце учений ко мне подключился Гена Терещенко. Он приехал на Уазике и вечером этого дня мы получили разрешение на выезд в Тбилиси. Ехали всю ночь, и Гена подменял водителя для сна. Во время одной из таких остановок Геша вдруг заорал — Смотрите — над лесом какой-то свешившийся шар повис. Я спросонок продрал глаза — действительно вдали над лесом висел такой же шар, как и у нас над полигоном, но снизу из него высвечивал лучик света, как будто кто то светил, покачивая сильным фонариком красным пучком. Мурашки поползли по телу но, слава богу, все это было далеко от нас и это успокаивало. Шар еще немного повисел и умчался за кромку леса. Все, говорю я Генке — тебя инопланетяне вычис-

лили — теперь украдут. Так с хохмами к утру добрались до Тифлиса.

С Северо-Восточным Банком была связана еще одна история. В ходе развертывания я столкнулся с зампотехом танкового полка. Этот майор ходил с приличной черной окладистой бородой, но я все же узнал его. Димка был боевым старлеем в Стендале — в ГСВГ и командовал взводом в тяжелом танковом батальоне прикрытия госграницы. Мы часто сидели с ним за кружкой пива в соседнем гаштете. Я, конечно, удивился его такой бороде, но было не до расспросов — шло развертывание, и он бегал, как ошпаренный.

Я узнал его историю уже от других людей, но она достоверна и отвечала реалиям того времени. Димка поступил и окончил в Москве военную академию БТ (бронетанковую) и по разнарядке попал уже майором, зампотехом танкового полка в Банк. Была у него жена с ребенком — красавица — москвичка. Была — потому, что год она еще выдержала в этой жуткой вони и на полусоленой воде из скважины. Но на большее, ее не хватило, и она уехала домой в Москву. Димка начал оббивать пороги различных инстанций в связи с тем, что маленькому ребенку климат был противопоказан. Но все было бесполезно. Тогда из очередного отпуска Дима вернулся с солидной черной бородой и отросшими волосами на голове. Замполиту он положил на стол заявление о выходе из КПСС, в связи с тем, что он поступил на заочное отделение Московской духовной семинарии. Замполит и командир доложили об этом, но наверху все пропустили мимо ушей, как очередной маневр — убежать из Банка.

И тут случилось непредвиденное. Полк посетил Командующий войсками округа генерал-полковник Мельников. Его сопровождал командарм генерал-лейтенант Кирилук. Идут они по парку и мирно беседуют, солнышко светит, птички поют, ветер дует от полка в сторону Куры, и не так воняет гнилой рыбой — идиллия, да и только. И, вдруг, навстречу двум генералам прошел майор, и, как положено, отдал честь. Те автоматически откозыряли, сделали еще пару шагов и, вдруг, Павел Васильевич остановился как вкопанный, резко развернулся и скомандовал — майор, ко мне! Димка подбежал, перешел на строевой шаг и четко представился — товарищ генерал-полковник, заместитель командира полка по вооружению майор такой-то! Командующий медленно повернулся к командарму и с яростью в голосе спросил: — Кирилук, это что за чучело с бородой как Солженицын у тебя здесь ходит, мать...разтак...мать?

— Майор! У тебя, что мозги расплавились от жары, мать...перемать?

И тут Дима произнес коронную фразу, которая решила его судьбу. Произнес он ее хорошо тренированным пастырским басом, что еще более усилило эффект.

— Товарищ генерал-полковник, (а к командующему все и всегда обращались — товарищ командующий) Вы, конечно, способны богохульно облаивать меня, но я Вам тем же ответить не могу, поелику сан мой духовный

этого не позволяет!

Это был гром среди ясного неба. У Мельникова аж дыхание сперло, и тут к этому грому полетели молнии.

— Кирилюк! Сейчас же, немедленно все документы на увольнение! — Порученец! — марш на телефон и передайте мою команду, чтобы на завтра этого субчика и духу не было в Армии!

Все произошло с армейской точностью. Утром следующего дня Диму вызвали в штаб и вручили документы, что, он уволен из рядов Вооруженных Сил. Вечером, Димка уже в штатском, тщательно побритый, сделал на скорую руку отвальную с друзьями и уехал в Москву. Такая вот армейская история. Наверное, она не одинока, поскольку армейская молва разносила такие байки с Дальнего Востока, Кушки и других «дырявых» мест.

Жизнь продолжалась, командование обрадовало нас новой проверкой — на этот раз Главной инспекцией Минобороны Союза. Вся весна прошла в подготовке, а летом мы уже все стояли навывтяжку. Большой, шумный и усатый к нам прибыл Главный инспектор инженерных войск генерал-лейтенант Шаповаленко Николай Иванович — эдакий казак с картины Репина о запорожцах. И закрутилась проверка по всему Закавказью. Генерал Медлев приставил меня к Николаю Ивановичу, и от первого до последнего дня проверки я от него не отходил. Самолетом летали то в Баку, то в Ереван, то на машинах мчали в Цхинвали проверять окружной инженерный полк. При проверке 4-ой Бакинской армии проверяющие отметили слабую подготовку мотострелкового полка 295 дивизии, стоявшего в Красных или Сальянских казармах. Главным инспектором Министерства Обороны был Маршал Москаленко Кирилл Семенович, который был стар, и по возрасту своему очень плохо слышал, поэтому ему всегда докладывали громко — чуть ли не орали. Во время доклада старший группы прокричал: «Товарищ Маршал! А вот такой то полк подготовлен не очень хорошо». Маршал расслышал последнее слово и удовлетворенно закивал головой — Да! Да! Я прекрасно знаю этот полк и рад, что он подготовлен хорошо! Проверявший полковник попытался исправить положение, но тут вмешался энергичный командарм 4-ой армии, тогда уже генерал— лейтенант Кирилюк: «Что вы лезете, товарищ полковник! Товарищ Маршал лучше Вас знает этот полк!». Так полк получил твердую удовлетворительную оценку, хотя двойка ему светила запросто.

Не менее анекдотичный эпизод произошел на полигоне в Караязах. Какой то из полков проверялся на полковых учениях с боевой стрельбой. Дня за три до учения Маршал Москаленко высказал просьбу, чтобы он ехал на своем ЗИМе по центру, немного сзади наступающей первой полосы пехоты, которая в этот момент ведет огонь по мишеням из всех видов стрелкового оружия, включая гранатометы. И уже идущие следом, проверяющие после прохождения линии мишеней подсчитывают пробойны и определяют оценки подразделениям и частям.

И как не отговаривали Маршала, что это опасно, что и без него все проверят инспектора — он остался непреклонен — поеду и все!

Но главное было в другом — у нас на полигоне дорога руководства шла по левому флангу поля боя, а по центру ее фактически не было. Положение спас окружной саперный полк — три дня и три ночи вкалывали саперы и вся дорожная служба округа, но сразу после съезда с горы Алгет — первой командной точки, ровно посередине поля боя вдаль уходила прекрасная, укатанная и посыпанная битой крошкой кирпича дорога руководства.

Замысел Маршала оказался до необыкновения прост. Началось учение, — все, что чему положено, отстреляло, пехота спешилась и цепью пошла на противника. То одно, то другое отделение вело стрельбу, а гранатометчики принаравливались и поражали свои цели после кратковременной остановки. Один их таких гранатометчиков — рядовой Мамедов, маленький солдатик, которого из-за трубы гранатомета и видно то было с трудом, был проинструктирован, что он должен сделать выстрел, подойти к Маршалу, который выйдет из машины и доложить ему, что рядовой Мамедов выполнил такое-то упражнение и цель поражена.

Все было правильно, если не считать того, что и рядовой Мамедов оказался тоже правильным. Как только он остановился и приготавливался к стрельбе наверняка — вся кавалькада, которая шла чуть поотстав — останавливалась, и начинался процесс вынимания Маршала из автомашины. Но в этот момент мишень падала, а Мамедов выстрелить не успевал, и устремлялся со своей трубой вперед на следующий огневой рубеж. А на дороге руководства процесс спешно шел полностью наоборот — и процессия медленно двигалась дальше. Таких безрезультатных остановок было три, и все озверели от таких экзерсисов. Срочно к Мамедову кинулись подкачки. Когда он изготовился к стрельбе, все сразу закричали — Стреляй!..

— Как стреляй, цель нет, нет — стреляй! — отвечал добросовестный солдат.

— Стреляй! Так твою растак тра-та-та-та-та!

Наконец случилось! — раздался выстрел, и все прошло по сценарию, Маршал выбрался на дорогу, и к нему подвели истребителя танков — Мамедова. Адьютант подал наградные часы из портфеля, защелкали и застрекотали камеры, а вечером эпизод показали по многим каналам грузинского телевидения. И попал Мамедов в мишень или не попал — это уже никого не волновало, поскольку Маршал уехал, благополучно завершив свою миссию.

А наш генерал-инспектор был на редкость глубоко порядочным человеком, и в нем не было этого мелочного копания в суетной жизни воинской части. Придя в парк хранения техники, он ее внимательно осматривал, на несколько разнотипных машин указывал и приказывал завести и выкатить на пять метров вперед. Если все четко выполнялось — ему было доста-

точно чтобы сделать свое заключение о состоянии техники и ее боеготовности. Конечно, поверялись в комплексе и другие вопросы, сдавались зачеты, проводились контрольные занятия, но мелочных придинок у Николая Ивановича никогда не было. Работа была работой и проводилась она и днем, и ночью.

Все-таки могучий организм был у генерала Шаповаленко. После холодных кавказских ночей со стрельбами мы возвращались в часть и делали ночной перекус, в ходе которого коньяк заливался в большую солдатскую кружку и со вкусом выпивался, что Николай Иванович умел делать лихо, по-казацки! За эту инспекцию я, конечно, порядком подсадил свою печень, но был молод и на это не обращал никакого внимания.

Мы завершали инспекцию и работали в Тбилиси, уже в новом здании Штаба округа. Когда обсуждались отдельные оценки, в кабинет, где сидели генерал Шаповаленко, Медлев и я, зашла секретчица Александра Ивановна и принесла срочную телеграмму за подписью Главкома Сухопутных Войск. В ней был следующий текст: «Командующий ЮГВ просит рассмотреть кандидатуру подполковника Рогожкина О.Б. на должность начальника штаба — заместителя начальника инженерных войск ЮГВ. При положительном решении вопроса прошу личное дело и представление направить в адрес Управления кадров Сухопутных войск. Павловский». На телеграмме за подписью Главкома стояла резолюция Командующего округом генерал-полковника Кулишева Олега Федоровича — «Генералу Медлеву — на Ваше решение».

Леонид Сергеевич заорал так, что я испугался — никогда, никуда не отпускаю — нет, нет и нет! — А я с кем останусь? Я сначала ничего не понял, поскольку даже сначала не знал о чем речь. Но все прояснилось, когда телеграмму прочитал Шаповаленко. Медлева он отругал — ты это что, Леня, парню жизнь портишь — ему может в службе никогда больше так не повезет. Да и тебе здесь тоже долго не сидеть. Так и быть — уже шла речь о твоём назначении в Москву, на зама по науке в нашей академии. Так что не бузи — давай немедленно ответ, что с назначением Олега согласен.

Я был готов расцеловать этого огромного генерала. Он так решительно защитил меня, хотя я очень хорошо понимал Медлева — за эти годы мы с ним прекрасно сработались и, что греха таить, он почти всегда на все учения, поездки и другие задачи брал меня и иногда ставил задачи мне, минуя своего зама — Гену Винчегова, на что тот иногда обижался.

И я многому научился у этого эрудированного, смелого, опытного генерала. Он нещадно гонял меня на различных КШУ, я готовил и писал ему доклады по самым различным обстановкам. Я их помнил на память. А какие фрагменты мы готовили в качестве пояснительных записок. В штабе ЗакВО только три управления могли блестяще готовить документы — Оперативное управление, Управление РВ и А и наше инженерное. Сказывалась великая школа гиганта оперативного искусства — генерал-полковника

Мельникова Павла Васильевича.

В августе я, не отгуляв отпуска, выехал в Москву — Ломатов позвонил из Будапешта и сказал, что уже подал меня в списки на сборы начальников штабов инженерных войск округов — до середины августа — в Нахабино, под Москвой. Проводил их начальник штаба — Зам. Маршала Аганова — Генерал-лейтенант Демидов Анатолий Михайлович. Сборы эти собрали весь будущий цвет инженерных войск Советского Союза.

Здесь были: полковник Кузнецов В.П. — через семь лет генерал-полковник НИВ МО СССР, полковник Топилин Н.Г. — будущий генерал-лейтенант — зам. НИВ МО СССР по вооружению, полковник Бражко П.Р. — затем генерал-майор НИВ ЗакВО, Это были полковник Даниленко Ю.П., подполковник Батурин В., подполковник Лепешинский В., подполковник Кобенко А., подполковник Семенец М.П., подполковник Шувалов Е.В., подполковник Буговский И.Д., подполковник Поварчук Т.П. — все они стали крупными инженерными начальниками в армейском и окружном звеньях и, конечно же, в центральном аппарате.

Когда я прибыл на сборы, они уже шли полным ходом, и во время перерыва я зашел в зал, конечно, многих узнал, многие узнали меня, пошли расспросы, рассказы, все это перебивая друг друга — двадцать лет не виделись. После очередной лекции — на перерыве все притихли и начали усиленно готовить доклад начинжа фронта — оказывается, все получили домашнее задание, а почти никто не готовился. Докладывать генералу Демидову должен был Ваня Буговский из СКВО.

Я засмеялся и говорю — мужики, пишите доклад, я вам его продиктую — и начал диктовать доклад начинжа на инженерное обеспечение наступательной операции. Все заорали — не части, давай медленнее, но за 15 минут перерыва успели.

Пришел Демидов, Ваня потопал к карте-заданию, и начал не спеша излагать доклад. Анатолий Михайлович почти все одобрил и сказал — Вот видите, можете, если захотите. Ну, тут, конечно, Буговский не выдержал и признался, что весь доклад он переписал с моих слов. Анатолий Михайлович говорит — Олег, а ты когда успел здесь появиться? Я коротко доложил о полученном назначении, и тут же получил привет для начинжа ЮГВ Толи Ломатова.

Сборы прошли хорошо, и уже через пару суток я вышел из вагона нашего поезда в Будапеште.

7. ВЕНГРИЯ

Начиналась новая страница моей военной жизни и жизни вообще.

Венгрия, Венгрия! Уникальная страна и уникальный народ, который на Западе называют народом, внезапно спустившимся в Центр Европы на парашюте. И это действительно так. Венгерский язык относится к финно-угорским языкам, и аналоги его есть только в Финляндии и в Приуралье России. В конце 900-х годов народы Приуралья — чуваша, мордва, удмурты, коми разделились на три большие группы, одна из которых осталась на родной земле и сейчас это народности России, вторая группа ушла северными путями на Запад и осела на берегах Балтии — ныне это Финляндия, Карелия. А большая группа этих народов откочевала на юг и начала свое движение от Каспийского моря, вдоль Черного, через нынешнюю Румынию на земли между Тиссой и Дунаем.

Вождем племен был Арпад Модъяр и имел он двенадцать своих соратников-полководцев. Земли Придунайской равнины использовались словаками, как летние выпасы для скота и не были плотно заселены, как не очень пригодные для жизни человека. И это действительно так, поскольку территория Венгрии представляет собой котловину, окруженную на западе Альпами, на севере и востоке — Карпатами, а на юге — горами Югославии. В течение одного дня атмосферное давление в том же Будапеште может меняться два, а то и три раза. Люди с ослабленной сердечно-сосудистой системой такие резкие перепады не выдерживают и умирают. Особенно это активизировалось в осенне-зимнее время. Поэтому, древние словаки и выбирались сюда только на летние выпасы.

Когда племена венгров пришли на эту территорию в 9 веке, они попросили словаков разрешения пожить здесь немного, а в награду отдали хозяевам земель белого коня своего вождя Арпада Модъяра.

Когда на следующий год словаки со своими стадами спустились на юг, то с удивлением обнаружили, что все земли уже плотно заселены этими

племенами. — Как же так?— спросили они — Но мы же вам заплатили самым ценным, что у нас было — белым конем нашего вождя.

Больше мадьяры никуда не расселялись. Они заняли часть территории Румынии — в Трансильвании и всю долину, рассекаемую широководным Дунаем, вплоть до Альп на западе. Кстати, мадьярами они называли себя в память о своем предводителе Арпаде Модьяре. В Будапеште есть мост Арпад, а на главной площади в центре города стоит памятник — конная скульптура Арпада и его двенадцати друзей, а по широкой дуге выставлены фигуры всех королей Венгрии за всю ее историю. А флаг и гимн страны никогда не менялись — вот это приверженность нации, всего то 10 млн. населения, к сохранению своих национальных традиций. Кстати, предмет гордости мадьяр то, что именно они остановили монголо-татарские орды и не пропустили их в Европу — дальше Балатона они не прошли.

И это гордая нация. У Монтеня в его книге «Опыты» описан исторический факт, когда император Конрад III, осадил герцога Вельфа, у осажденных начался голод и Конрад разрешил женщинам взять все самое ценное и покинуть рано утром крепость. Каково же было его удивление, когда утром он увидел длинную череду женщин, выносящих на своих плечах своих раненных, больных и обессиленных мужей — рыцарей. Восхищенный этим Конрад приказал снять осаду и отвел свои войска. В государственном художественном музее Будапешта этому посвящено огромное полотно картины.

И еще о влиянии климата на население. Резким перепадам давления нужно было что-то противопоставить. Может, здесь сказались и традиции чувашей, удмуртов и других народностей, но, начиная с детства, все венгры страшно много курят и пьют крепчайший кофе, равно как и изрядно пьют горячительные напитки. Средняя продолжительность жизни мужчин 50-55 лет и женщин — 45-50 лет. Тридцатилетняя женщина из сельской местности — это уже очень пожилая дама, с морщинистым лицом коричневого оттенка с прокуренными зубами. Я предположил, что сильные нагрузки на сердце с детства — это своего рода тренинг для готовности к любым перегрузкам по перепадам давления. Сами по себе венгры — народ, как народ, но уж больно они не любят коммунистов и, вообще, эту идеологию. Даже свою просоветскую партию называли Социалистической рабочей партией, хотя на 85 процентов это сельскохозяйственная страна. За счет умной политики на селе к работе привлечено все сельское население. Например, кооператив практически за символическую плату дает селянину десять поросят, Затем в течение года за такую же небольшую плату продает ему корма. Свиночки выращиваются до ста килограмм, более нецелесообразно, поскольку уже идет наращивание сала. И тут крестьянин продает свинство кооперативу — уже за хорошую плату, а мясной цех, вернее комбинат на несколько кооперативов, перерабатывает безотходно в прекрасную продукцию — колбасы, консервы, копчености, всяческие

саями — глаза разбегаются от всей этой вкусности. И никаких тебе свиноводческих и других ферм, где никто ни за что не отвечает. И так во всем — там, где выращивают табуны красивейших лошадей, там, где рыбо-прудовое хозяйство, где выращивают виноград и делают вкуснейшее вино, во всем и везде!

В производстве — это всеильность алюминиевой промышленности — там много бокситов.

Выпускают знаменитые «Икарусы», — патент на их производство венгры не продают никому. А изюминка «Икаруса» — это плоский автомобильный двигатель-дизель, который стоит под полом автобуса, вернее, лежит под полом. Это производство строительных и портовых кранов Ганс Моваг и многое, многое другое.

Туристов здесь — как мух на меде. И это тоже большое подспорье в экономике страны. Ну и конечно это страна транзитер, ибо транзитом идут и продуктопроводы, и энергоснабжение в Европу. Прекрасные автострады европейского уровня и очень хорошие междугородные маршруты. А главное — это небольшая страна, которую можно за день, два исколесить вдоль и поперек.

Армия Венгрии — это зеркальное отображение Советской Армии с ее техникой, вооружением и военной доктриной. И это немудрено, поскольку основные командные кадры готовились в советских военных училищах и академиях, а руководство прошло наши академии и Академию Генерального Штаба. Правда, по части вооружения венгры немного привносили свое — они модернизировали автомат Калашникова — приделали впереди пистолетную рукоятку из дюраля — для удобства стрельбы. Были и другие новинки, но они про них не особо распространялись.

А в целом, это нормальная западная страна в Восточной Европе. Как и в Германии, оплата труда советских военных, да и гражданских тоже, была вполне приемлемой. Эквивалент советских денег выдавался в форинтах, а советские деньги засчитывались на вкладную книжку и выдавались на руки уже в Союзе. И надо сказать, что это были достаточно большие деньги. Если мужья служили, то женская половина быстро освоила приемлемые ценности венгерского рынка — ими оказались различные ковры и ковровые изделия, которые в Союзе были ну очень большим дефицитом. Мужская часть занималась приобретением японских магнитофонов — чаще двухкассетников. Вроде как, что об этом писать? Не очень то это украшает — это шмотничество. Но это было и от этого никуда не уйдешь. Пусть лучше горькая, но, правда, той жизни. Ну не было тогда в закрытом для всего мира Союзе всего того, чем нормальные люди всюду нормально пользовались. Сейчас, когда постсоветские страны завалены ширпотребом, как хламом на свалке — только деньги давай — сейчас нынешнее поколение те времена себе даже не представляют и то, о чем я говорю, — для них дико слышать. Но это было, было, было! Эк меня лихо закинуло — в те дебри

бытия. Но быт бытом, а служба службой, как говорят немцы — динст ист динст, шнапс ист шнапс — служба службой, а водка — водкой.

Встретили меня хорошо. Ломатовы очень тепло приняли. У Анатолия Михайловича — чудесная супруга — Вера. Посидели вечером, вспоминали наш Тбилиси и нашего деда Мазина.

Командовал Южной группой генерал-полковник Сивенок — когда-то я был под его началом в 62 тп в Потсдаме. Учитывая, что Южная группа была по своему масштабу не такая большая, как та же ГСВГ или любой внутренний округ, штаб инженерных войск, начальником которого я стал, собрал под свою крышу и операторов, и технарей, и группу энергонадзора. Начальник штаба — это шея у головы, а голова — это начинж. Как говорили — куда шея захочет, туда голова и повернется. И начал я с главного — сколачивания крепкого работоспособного коллектива. Образовалась одна вакансия на должность старшего офицера — оператора, и я сразу же вызвал к себе майора Воробьева — он командовал в 20 помп в Дунайвароше батальоном. Анатолий Михайлович не возражал и я сразу же перетаскил Володю к себе, и он не подвел. Мы начали набирать класс в отработке карт, схем, четких докладов и различных штабных документов. Анатолий Михайлович уже четвертый год был в должности, а генеральское звание все не получал. Я, вроде как между делом, поинтересовался — в чем дело? Михалыч, как всегда в своем духе круто высказался в адрес политработников, которых он недолюбливал и довольно часто едко и зло над ними подшучивал, а они не шутили, а просто придерживали его документы, подло, из-под тишка!

И началась последовательная работа по налаживанию нормальных взаимоотношений в ближнем окружении. Учитывая, что Венгрия небольшая по размерам — можно было за 1-2 дня поработать в большинстве инженерных частей. Командиры укомплектовались толковыми, деловыми офицерами. Те, кто не вписывался в нормальные требования, беспощадно изгонялись. Подтянулась дисциплина — этот основной конек, на котором всегда умело скакал парт, полит аппарат. Проходили очередные командно-штабные учения в рамках ШОВС (Штаба объединенных Вооруженных Сил стран Варшавского договора) с привлечением Венгерских и Чехословацких штабов. Группу генералов и офицеров возглавлял Генерал Армии А.И.Грибков. В большой штабной палатке проходило заслушивание начальников родов войск с докладами и предложениями по обстановке. Мы в своем штабе отработали шикарные документы с красивыми фрагментами тех или иных эпизодов инженерного обеспечения форсирования рек и переходов через Альпы при перегруппировке войск. Доклад был отшлифован до запятой, а уж озвучить его Анатолий Михайлович мог прекрасно! Закончился доклад Ломатова, и тут, вдруг, Генерал Армии Грибков спрашивает — Толя! А что это ты до сих пор полковником ходишь? И, не дожидаясь ответа Ломатова, тут же сказал Сивенку — если Вы его не выд-

вигаєте на генерала — отдайте Ломатова мне, как раз нам сейчас нужен толковый Начальник инженерных войск ШОВС. Все как-то на некоторое время растерялись и первым к финишной ленточке бросился ЧВС (член военного совета) — Товарищ Генерал Армии — представление на генерала на Ломатова уже подписано и ушло в ГУК. Сивенок тоже улыбнулся и сказал, что хорошие генералы нам самим в ЮГВ нужны. Было это в конце лета 1981 года, а на ноябрьские праздники Анатолий Михайлович надел генеральские погоны.

Служить под началом такого генерала и такого коллектива было одно удовольствие. Все решалось четко, без проволочек и выполнялось неукоснительно. Ломатов на всех мероприятиях, на всех учениях, на всех проверках был сам лично и никогда и никому это не перепоручал.

14 ноября позвонили из Тбилиси, и весь мир стал черным. 13-го, в пятницу, в 13 часов при возвращении из командировки — в районе Нахичевани, разбился об гору самолет АН-24. Вместе с экипажем погибло 13 человек Группу офицеров — операторов от всех управлений (по одному человеку) возглавлял Начопер округа генерал-майор Калистый — наш любимый Папа Карла. В этой группе погиб мой сменщик — веселый и энергичный полковник, который до этого был корпусным инженером в Кутаиси. Вот и не верь после этого в дьявольскую магию чисел. Я потом был в Тбилиси и на старом Сабурталинском кладбище недалеко от Штаба округа, положил букет цветов к памятнику моим погибшим друзьям и долго стоял с глазами, полными слез.

1 декабря 81 года начинался зимний период обучения, и мы разъехались в инженерные части. Вечером 30 ноября я и еще два офицера выехали на Уазике из Будапешта и по шикарной пятой европейской автостраде поехали на Дьер — это на полдороги до Вены. Начал падать небольшой снег, но через 15-20 минут он превратился в сильнейший снегопад. Подул неприятный северный ветер, и автострада в момент превратилась сначала в ледяной каток, а потом в заваленную снегом белую ленту. То справа, то слева у обочины или в кювете сидели длинномерные фуры и пакетами стояли легковые автомашины — особенно со стороны Австрии. Нас они, правда, не беспокоили, поскольку трасса разделена невысоким заборчиком. А вот на Дьер нам приходилось все чаще и чаще прорываться, иногда даже два моста не помогали. Возникавшие пробки расталкивались большой интернациональной компанией. Выталкивать машины собирались все: и венгры, и австрийцы, и немцы и англичане, и даже пару негров — при этом все дружно орали по-русски — раз, два, взяли! Давай, давай! А отдельные, самые крупные знатоки русского, сыпали отборным матом и были счастливы чувствовать себя едиными в преодолении трудностей. После очередного затора мы выехали на боковую грунтовую полосу, включили передний мост, и, рассекая двадцатисантиметровый снег, поехали на Дьер. Австрийцы дружно сказали-Русише ваген-гут!

Метель завихрилась над шоссе, по сторонам на обочинах стояли полузасыпанные брошенные автомашины. Вдруг впереди в снежной круговерти показалась женская фигура и двое детей. Мы остановили УАЗик, два офицера пересели на задние боковые скамейки, а залепленных снегом путешественников мы посадили в машину. Это были австрийцы — молодая женщина и двое сыновей пяти-шести лет. Немного поговорили за жизнь — благо спасало мое знание немецкого. Через полчаса мы высадили их возле небольшого отеля. Если не мы, им бы долго пришлось добираться по пустынному автобану и еще неизвестно как бы они добрались.

Ну а в батальоне нас уже ждали, волновались и хотели высылать на встречу вездеход. Рано утром я с одним офицером выехал в Мошонмадьярвар, где поработал несколько дней в начале учебного года. Кстати, о названии этого городка — Р.Я.Малиновский, когда брали этот городок сказал, что легче его два раза захватить, чем один раз выговорить — Мошонмадьярвар — а переводится — Мошон — мадьярская крепость — и всё.

В конце 81 года я подготовил отчет по итогам, и после подписи Анатолия Михайловича отправил его в Москву — тоже Анатолию Михайловичу, только генерал-лейтенанту Демидову — он тогда был начальником штаба инженерных войск Минобороны.

И, вдруг, через несколько дней, по ЗАСу меня вызывает Демидов. Ну, говорит, получил твой хороший отчет, спасибо, порадовал старика! Я, конечно, сказал спасибо за хорошую оценку нашего скромного труда. А он и говорит — отчет вообще-то так себе — серенький, но хороший он потому, что отпечатан на великолепной бумаге! Слушай, Олег, я тебя прошу, пришли мне пару пачек такой бумаги! Конечно, говорю — немедленно пришлю, встречайте через два-три дня — я прозвоню номер вагона, и кто передаст.

И тут раскрутилась операция «Бумага». Комбат в Мошоне был хорошо знаком с одним венгром, который буквально через день ездил на своей машине в Вену, благо Мошон — это у самой границы — чуть ли не пригород столицы Австрии. Конечно, через пару дней великолепная идеально белая в небольшую крупинку плотная бумага — три солидных пакета с одним из отпускников убыли в Москву.

А в 82 году весной нас обрадовала на пару недель Главная инспекция Министерства обороны. Я встретился с Николаем Ивановичем Шаповаленко и своим другом — Вадимом Быстровым — сыном генерала Быстрова. Он, как и я был подполковником, преподавал в Калининградском инженерном училище, а на проверку его часто привлекал Шаповаленко. Конечно, ЮГВ это не огромный ЗакВО, и проверка не была такой выматывающей. Расстались мы очень тепло. Я уже очень хорошо был знаком с Николаем Ивановичем, его супругой и дочкой Элей, которая работала в нашей академии. Через некоторое время Главная инспекция убыла проверять Центральную группу войск в Чехословакию и оттуда пришла печальная весть — генерал-лейтенант Шаповаленко Николай Иванович скоро-

постижно скончался от сердечного приступа. Запаяли его в стеклянный гроб из чешского хрусталя и отправили в Москву, где и состоялись похороны. Ушел из жизни еще один мой учитель. Было ему 60 лет, когда под ним « взорвалась мина».

Пришла весна, а с ней и всеармейская подготовка к уборке урожая. От ЮГВ отправлялась одна оперативная группа в составе трех автомобильных батальонов. В целом — это до полутора тысяч автомобилей и около пяти тысяч человек. При этом на их подготовку, экипировку, обеспечение запчастями и всеми другими видами довольствия армия ухлопывала столько сил, а главное средств, что, наверное, на эти деньги можно было закупить вдвое больше тех хлебопродуктов, чем получалось в этой битве за урожай. Слово битве пишу без кавычек, поскольку это действительно битва — с погибшими и кровью. И поехал я в этой группе начальником штаба. Этому, правда, предшествовало одно хорошее событие.

В декабре 81 на меня ушло представление на «полковника», а в двадцатых числах января кадровик позвонил по телефону и сказал, что мне присвоено звание. И на этом все затихло. Я спросил Ломатова — почему не объявляют? Он говорит — Я не знаю, наверное, командующий вызовет, и будет вручать погоны, жди. Прошел месяц, за это время меня поздравили со всех концов Союза, и даже инженеры из стран ШОВС, а вот свои не удосужились даже объявить и поздравить. 23 февраля в Штабе группы был прием для руководства группы, военных атташе и венгерского государственного и военного руководства. На приеме мои коллеги из ВНА спросили меня — что это Вы эзредешь (товарищ) не надеваете новые погоны. Я как мог, отшучивался, а обидно было здорово. Через несколько дней после этого, во время обеденного перерыва, встречает меня наш кадровик и говорит: — А ты что это еще подполковником ходишь? Надевай погоны и никого не жди. Хотел я его послать куда подальше, но положение дел это все равно бы не поправило, и я его помиловал.

Так что готовил я свою опергруппу уже полковником. Жуткие хлопоты, мотание по войскам, проверка готовности всего и вся, контроль за отправкой эшелонов, убытие рекогносцировочных групп в Краснодарский край — все это лавиной свалилось на мои плечи. Наконец, все хлопоты закончились, и мы загрузились в купейный вагон, пристегнутый к одному из наших эшелонов. Все руководство группы было набрано из состава ВВС — летчики, равно как и один из батальонов был полностью летным. Два других батальона — общевойсковые. Начальником опергруппы назначили начальника тыла ВВС, тихого и мирного полковника Дронаева Юрия Николаевича, который имел одно большое человеческое и военное достоинство — он никогда и ни в чем мне не мешал. Еще в Будапеште он откровенно сказал мне — ты, Олег, командуй, а я всегда тебя поддержу. Честный и порядочный человек. Ну не было у него командных качеств, что тут поделывать. Замполитом в опергруппу попал прекрасный человек и толковый

политработник подполковник Борисов Юрий Михайлович. Заком по технике назначили профессионального технаря подполковника Асанова Г.С. — его знание всех технарей в Союзе, на всех ремзаводах, базах снабжения и складах было просто уникальным. А заком по тылу поставили тоже летуна — подполковника Приймака А.В. Должен сказать, что такого толкового коллектива, на такой трудной задаче, я никогда больше не встречал. Конечно, кроме руководства было еще около двадцати офицеров по различным направлениям работы в этой команде единомышленников.

Разгрузилась опергруппа по всей северо-западной части Краснодарского края. Штаб и ремонтная группа разместились в станице Ленинградской. Автобаты поротно, а большей частью повзводно в полевых лагерях разместились в станицах нескольких районов края. Станицы Старо и Новоминская, Каневская, Куцевская, Павловская, Крыловская, Старощербиновская, город Ейск — колхозы и совхозы, полевые станы — все это стало огромным домом для моих солдат и офицеров. Пишу моих — потому, что как — то очень быстро сроднился со всеми, но четкость и строгость, точность и порядок насаждал железной рукой. Почти месяц угробил на то, чтобы от каждого взвода, роты, батальона до 12 часов дня у меня собиралась вся информация за вчерашний день. И здесь вступал в работу четко отлаженный механизм штаба опергруппы — все данные заносились в журналы, отражались за каждый день на больших простынях — миллиметровках и ватманских плакатах. В целом за неделю, за месяц даже в диаграммах и графически вырисовывалась полная картина — сколько машин реально работали, сколько и каких сельхозпродуктов перевезли, сколько получили и израсходовали горючего, сколько машин было поломано и сколько отремонтировано и прочее, и прочее и прочее. Своей требовательностью и дотошностью яростного штабиста задолбал всех, но потом почти все поняли, что лучше все вовремя докладывать, чем получать втыки. А кто ударился в водку и неделями пропадал по хуторам с женщинами в ущерб работе — безжалостно изгонял, вплоть до подполковника — комбата летного батальона — именно за это. Такой максимализм в какой-то степени помог мне выстоять в трудной ситуации — но обо всем по порядку.

Первым секретарем Ленинградского райкома партии был герой Соц. труда Чайкин — фронтовик, танкист, горел в танке и левая рука у него была покалечена. Но в районе говорили, что у нас в году два отпуска — один, когда плановый, а второй — тогда, когда Чайкин в отпуске. Крутой мужик был — невероятно.

Руководство опергруппы расположилось в районной гостинице, а для штаба нам отдали одноэтажную школу в центре станицы. Правую сторону — под служебные кабинеты, а слева поселили офицеров и личный состав. Сдали свои аттестаты, и определились на питание в кафе — недалеко и от гостиницы, и от штаба. После того, как представились первому секретарю, он, вдруг, внезапно пришел в кафе на обед, и давай пытаться своего зама по

питанию — чем кормите наших гостей, а почему, когда у нас уже вовсю убирают помидоры и огурцы — на столе нет ни одного салата? А где сметана? Если сейчас же и на все время работы здесь наших военных Вы не наведете порядок — завтра приходите с заявлением об увольнении. Выскочил он как ошпаренный, и через десять минут наши столы ломились от свежей зелени.

Потом, в течение шести месяцев Чайкин постоянно держал руку на пульсе нашей работы. Началась страда с уборки ячменя и, в июле, плавно перетекла в уборку хлеба. Плодородная кубанская земля дала в 82 году более 60 центнеров с гектара. Правда, были и природные трудности — ударили дожди, а перед этим многие колхозы скосили хлеб в валки. Пока были дожди уборку на два, три дня тормознули, и кое-где валки проросли. Но и с этой проблемой быстро справились. Должен сказать, что с таким коллективом легко и приятно было и работать и отдыхать.

Приехала, какая то очередная комиссия из ЮГВ и в воскресенье, перед завершением командировки, все поехали на ближайшие проточные озера на рыбалку. Несколько удачных забросов спиннинга и прекрасные килограммовые щуки легли на стол для сборной ухи. Уже все собрались вокруг импровизированной скатерти-самобранки на земле, а где то запропастился зампотылу. Уже разлили по первой и приготавились поднять стаканы, как издали донеслось — Помогите е е е...! Помогите е е! Все сорвались с места и бегом, с двух сторон озера побежали на крик. Через несколько минут явилась живописная картина — в камышах, около открытой глади воды, мертвой хваткой уцепившись за остатки резиновой лодки, торчала из воды фуражка и голова орущего начальника тыла. Председатель комиссии на радостях, что все кончилось благополучно, пропустил в себя почти пол-литра, а когда мы с ним встречались уже в Одесском округе, одно только мое напоминание — Помогите е е! заставляло нас хохотать до упаду! Согрели мы нашего тыловики и сами с ним тоже хорошо согрелись. Умели мы тогда и хорошо работать и хорошо отдыхать!

И тут спустились тучи с неожиданной стороны. Оказывается, еще зимой, какой то глава африканской «лямблии-блямблии» попросил у дорогого Леонида Ильича помощи в горячем. Присутствовавший на встрече, Первый секретарь Краснодарского края Медунов тут же заверил, что он до весны через Туапсе отгрузит им бензин. А уборочную мы проведем с заправкой с колес — будем получать по железной дороге и сразу же раздавать по местам. И вот это щелканье каблуком, а правильное — преступление перед государством, в полной мере аукнулось при уборке урожая. Бензин стал дефицитом номер один. На автомашину ЗИЛ выдавали одну канистру в 20 литров. Машина приходила на поле, загружалась зерном и делала одну ходку на хлебоприемный пункт (ХПП) или на элеватор. Вторую ходку она уже не делала. Это больно ударило по хозяйствам — возник кризис. Я уже не говорю про кризис в целом в стране и в крае. Был арестован первый

секретарь Медунов и несколько его опричников. Край начало лихорадить с уборкой. Прибыл новый первый секретарь — бывший Советский посол на Кубе — Виталий Иванович Воротников. И тут зам. Медунова, отвечавший за транспорт решил сделать «ход конем» и собрал в Краснодаре совещание транспортников, причем почти только военных, так как на Кубани работало больше десятка опергрупп из разных регионов страны.

Ход был беспроектный — транспорт работал плохо, работали по вызову в основном военные, следовательно, можно было всю вину переложить на них — и вроде сами чистенькие. Какой это был разнос — просто невероятный. Собрали до кучи все — и сплошные поломки техники, и пьянки среди военных, и малые объемы перевозок, и слабое руководство батальонами, и большое количество аварий и катастроф с гибелью, как военных, так и гражданского населения — смешали все — и мухи, и котлеты. Но не сказали главного — отсутствие запасов горючего и отвратительную поставку его на места краевой системой снабжения. Все сидели, опутив головы, и боялись даже пикнуть, понимая, что в такой ситуации не только партбилета можно лишиться. Пока этот партийный босс брызгал слюной, у меня столько злости накопилось, что не выдержал, и когда уже хотели закрывать эту молотилку, я попросил слова.

На меня уже начали шикать, но сидевший за столом Виталий Иванович пригласил на трибуну. Я попросил ребят развернуть таблицы и диаграммы на первом ряду, а сам с пачками расписок поднялся на сцену. Как я там понес по кочкам этого «бонзу» — помню, что он заорал — С Вас не только погоны нужно снять, нужно из партии исключить, и еще что-то такое. А я в ответ — это таких как Вы нужно в шею гнать за такое хозяйствование. И стал по полочкам раскладывать, что горючего не дают и не завозят, за горючим нужно ехать за тридевять земель, хотя должны получать его в хозяйствах. Колхозы заказывают ежедневно по 12-14 автомашин от взвода, а реально забирают 6, от силы 7 машин — и это подтверждено личными расписками руководителей этих хозяйств — и я пачки этих расписок положил на стол. Посмотрите, говорю, на этих графиках и диаграммах, на этих таблицах показаны ежесуточные результаты за это время. А загрузка транспорта в течение недели? Если в понедельник она минимальная, во вторник и среду немного увеличивается, то в четверг и пятницу идет на убыль, а в субботу и в воскресенье равны нулю — по всем селам идет разгульная пьянка и никакой уборки нет, и это тогда, когда каждый день дорог. Редко в каких колхозах дело обстоит нормально или рядом с этим. Если не принять конкретные меры по горючему и по другим недоликам — краю в целом успехов не видать, и меры нужно принимать немедленно, а не партбилеты отбирать. Зал жидко зааплодировал, и совещание закрылось. Внизу, в раздевалке ко мне подошел молодой человек в штатском — товарищ полковник, прошу Вас пройти со мной. Ребята говорят, — Ну что, допрыгался? Но вся наша группа осталась ожидать меня в фойе.

Оказывается, пригласил меня Виталий Иванович — разговор был короткий, но значимый — Олег Борисович, спасибо за откровенное выступление, только так не горячитесь. Пожалуйста, оставьте нам свои таблицы и диаграммы — мы будем собирать краевых транспортников и это нам понадобится. Уже прощаясь, он улыбнулся и, прищурившись сквозь очки, предложил — я сейчас подбираю команду для работы в крае — давайте ко мне, а с армейскими я все улажу! Спасибо, говорю, но сюда если приходиться, то нужно пулемет брать, чтобы отдельных отстрелять. Он усмехнулся — а с кем тогда работать будем, если начать стрелять?

Буквально через два года после очередных и внеочередных похорон наших генсеков Воротников ушел в центральный аппарат, и стал Членом Политбюро ЦК КПСС.

А наши дела на фронте уборки несколько улучшились, а потом и совсем пошли нормально.

Наша опергруппа практически ежемесячно получала от края одно, два «Красных знамени» — конечно, никакого знамени не было, а так назывались премиальные деньги, которыми край награждал лучшие батальоны и штабы опергрупп. Свое денежное довольствие мы получали в рублях, а там, в Венгрии наши семьи жили только на форинты от замены где-то 600-800 в месяц. Поэтому на уборку урожая не очень то и хотели ехать. Ну и, конечно, краевые премиальные по 150-200 рублей были хорошей добавкой.

Уже два года как Марина оставалась в Тбилиси, в нашей большой квартире и училась в Художественном Тоидзевском училище. Умная и хорошая девочка — она, конечно, скучала без нас, но очень увлеклась своей профессией, и все силы тратила на учебу. Каждое лето мы приезжали в отпуск и хорошо отдыхали. А в этом году Галя с Ольгой прикатили из Будапешта в Анапу к одной нашей хорошей знакомой Люсе Ледневой. Я, конечно, взял свой УАЗик и покатил за ними в Анапу. Немного они побыли у меня, и уехали домой, в Тбилиси.

Уборочная страда продолжалась. Особенно доставали автопроисшествия. Край был богатый, и почти в каждой семье был или автомобиль или мотоцикл, а иногда и то, и другое. И гоняли эти полупьяные казаки по пыльным дорогам и по асфальтовым как хотели! Бились они об наши машины и наши машины били местных в угрожающих размерах. С быстрым выездом на место аварий помогал только выделенный для опергруппы вертолет. Вот уже я налетелся за это лето.

Подошла осень, мы принялись за свеклу и кукурузу. Потихоньку готовили отчетные документы для доклада в Москве — в главном Штабе по уборке урожая.

В конце октября погрузили свои батальоны в эшелоны и отправили в ЮГВ, а сами в ноябре сели в московский поезд и вчетвером, начальник опергруппы, я, зампотех и замполит попилякали в столицу. За день до на-

шего выезда в Москву скончался Леонид Ильич Брежнев, поэтому часов в 6 утра на другой день нас разбудил топот по вагону и какие-то голоса выводимых людей. Оказывается, в Туле поезд основательно почистили, и почти всех высадили, кроме тех, кто имел московскую прописку. В наше купе даже не стучали — я слышал, как проводник сказал милиционерам — там после вчерашнего спят четыре полковника, лучше их не трогать. Умный был проводник! Уже поздним утром мы высадились на почти безлюдном перроне. Нас встретили от Главного штаба и поселили в гостиницу не Цветном бульваре, недалеко от цирка. Отчитываться нам назначили на другой день, на 13 ноября, а двенадцатого хоронили Леонида Ильича. Все разошлись по своим делам. Я перешел Садовое кольцо и пошел в сторону Лубянки. В центр — за Садовое никого не пускали. На всех перекрестках стояли совмещенные патрули из милиции, военных и двух, трех сотрудников КГБ, в штатском или в форме. Патрули отдали мне честь, и я пошел по пустынной улице по своим старым привычным местам. От Лубянки мимо Детского мира спустился к Большому театру. К зданию Дома Союзов стоял длинный хвост желающих проститься с Леонидом Ильичем. Я уже подошел к Дому Союзов и стоявший невдалеке подполковник милиции предложил мне встать в очередь уже около входа, но я почему-то отказался. Не очень то мне хотелось глазеть на это печальное действо. Похороны прошли по плану, и это все увидели по телевидению. Был там, правда, один сбой, когда опускали гроб в могилу, но на экране это убрали. На другой день, уже к двенадцати мы успешно сдали все свои отчеты и вечером загрузились в поезд Москва — Будапешт.

Из «целинной» поездки (уборку урожая все называли «целиной») я привез красивое штучное ружье — помогли премиальные. А вот второй сюрприз я отправил в ЮГВ самолетом, и это был действительно сюрприз. В Краснодарском клубе собаководства у председательши этого клуба я за 120 рублей купил крохотного щеночка черненького карликового пуделя. Он скулил, и пока я его вез, упорно сосал мизинец. Спал он только со мной — под одеялом — в ногах, и стоило большого труда переселить его в свою коробку под моей кроватью. Баловала эту девочку вся наша опергруппа, а звали ее Ника. Паспорт и родословная у Никочки были королевскими. В сентябре к нам прилетела очередная комиссия из ЮГВ для проверки положения дел на местах. Самолеты на Мюзикевешт летали регулярно — привозили пополнение из Союза и увозили «дембелей». Улетала вся группа из Ворошиловграда (теперь Луганска), я отвез их на двух Уазиках, а поздно вечером Никочка полетела в Венгрию. Я усадил ее в матерчатую сумку и туда же поставил бутылку молока с соской. По высоте она была одинаковой с бутылкой, но любопытная мордочка с двумя лапками торчала над сумкой.

Девочки-стюардессы отобрали собачку у моих друзей, выгнали штурмана с его застекленного места — это был ТУ-134, и Ника, сидя в мягком кресле с любопытством глядела вниз, на россыпи огоньков, проплывав-

ших внизу. Так что дома меня в Будапеште встретило все семейство, и подросшая Ника, вцепившаяся сразу же в мой ботинок.

На другой день всю группу нашего руководства срочно затребовали для доклада новому Командующему ЮГВ генерал-лейтенанту Кочетову Константину Алексеевичу. Пока мы бились за хлеб, генерал-полковник Сивенок убыл на повышение, и вместо него с должности Зам. командующего ЗаБВО из Читы прибыл Константин Алексеевич.

Мы уселись чинно за столиком перед его столом, и он приказал начальнику опергруппы докладывать. Текст доклада со всеми выкладками в виде книжечки лежал перед ним на столе. Мой бедный начальник группы начал что-то говорить, но невпопад, и Кочетов начал закипать — я это уже заметил, так как хорошо знал его характер. И тут я попросил Командующего разрешить докладывать мне, поскольку я готовил этот доклад. Хорошо, согласился Кочетов, и доклад через пять минут был изложен.

Впервые в истории опергрупп ЮГВ мы привезли прибыль — около полутора миллионов рублей. А до этого все приезжали с убытками. Мало того, когда мы еще были в Союзе, в разговоре с Командующим мы получили команду на свободные средства закупить стиральные машины для ротных хозяйств, и мы выполнили эту команду. В целом, работу опергруппы руководство оценило положительно. По представлению Краснодарского крайкома и при согласии Командующего ЮГВ командование опергруппы и многие лучшие офицеры, прапорщики, сержанты и солдаты были поощрены. Могу похвастать — меня наградили орденом «Знак Почета».

Но новости меня ожидали в инженерном управлении. Оказывается, вместо генерала Ломатова, убитого в Куйбышев, вдруг прислали генерала Жирнова Бориса Александровича — он был Начинжем ТуркВО — в воюющем округе, и на его плечи легла большая работа по инженерному обеспечению боевых действий 40-й армии в Афганистане. За героизм и мужество при восстановлении движения в обход взорванного моста в районе Аминовки, где он лично руководил установкой моста танковым мостоукладчиком МТУ и попал под обстрел «духов» — Борис Александрович был награжден орденом «Красная Звезда». Но здоровье было подорвано, и руководство сочло за благо назначить его в ЮГВ.

Знали мы друг друга еще тогда, когда он был полковником, и относились друг к другу по-товарищески. Тем большей неожиданностью для меня стала наша первая встреча. Я зашел в кабинет и доложил, что полковник Рогожкин из командировки прибыл, замечаний и происшествий не имел! Обычный стандартный доклад. И вдруг, даже не поздоровавшись, Борис разразился обвинениями, что вы с Ломатовым развалили инженерные войска в ЮГВ, что нужно немедленно решать вопрос о досрочной замене Вас в Союз — я, говорит, уже переговорил об этом с маршалом Агановым и добро на это получено — идите пока. Это был проверенный прием — облей всех грязью и на этом фоне ты всегда будешь чистеньким. Мне многие

друзья говорили о такой способности Бориса, но я не верил, а тут в упор столкнулся! Я, конечно, рассвирепел и ответил ему — То, что ты, чудак на определенную букву — знают все инженерные войска, но чтобы настолько — я не ожидал. Слушай сюда — генерал! То, что я уеду или нет — не тебе решать! Но запомни мои слова — максимум ты здесь продержишься полтора-два года, и тебя отсюда попросят. Но ты не переживай! Я всячески буду тебя поддерживать, точно выполнять все твои команды и распоряжения. Чтобы не было недомолвок, я буду обращаться к Вам как положено, но меня прошу называть — Олег Борисович! Так ко мне обращаются все в штабе ЮГВ. Всё! Нам больше говорить не о чем! Повернулся и ушел. Вслед донеслось — вернитесь! Я Вас не отпускал! Какой там! Меня всего трясло от возмущения.

На другой день с утра все потекло обычной размеренной жизнью, как будто бы и не было вчерашнего разговора. Начинж объехал войска, ознакомился на местах с положением дел и немного успокоился, поскольку в инженерных войсках поддерживался хороший порядок.

Прежний Командующий ЮГВ генерал Сивенок убыл на повышение. На его место назначили генерала Кочетова, который задумал и провел интереснейшее двухстороннее КШУ. На нем все начальники родов войск действовали за Советские Вооруженные Силы, и ими командовал Начальник штаба Группы генерал-лейтенант Колесов Владлен Серафимович, а все начальники штабов и замы — за НАТО. Главнокомандующим за НАТО стал Советский военный атташе в ВНР — очень подготовленный генерал-лейтенант фамилию которого, к сожалению, не помню — встреча и совместная работа были скоротечными, но интересными. Я перелопатил всю информацию по инженерным войскам НАТО и с удивлением для себя обнаружил, что их потенциал и техническая оснащенность были значительно сильнее по возможностям, а в ряде случаев на голову опережали наши войска. Все это нужно было грамотно и тактично изложить не только в докладах, но и в графических документах, доказательных и наглядных, что мы и отработали — во многом благодаря моей правой руке в Штабе — майору Воробьеву, с его великолепной графикой. Мой доклад «главному НАТО» прошел хорошо. Настал час и к нам, в «НАТО» прибыл руководитель учения генерал Кочетов, заслушал основные доклады и остался доволен. И здесь наш «главком» предложил заслушать прекрасный доклад и информацию «Начинжа НАТО» полковника Рогожкина.

Или Командующий спешил, или он так захотел, но он вдруг сказал — не надо мне говорить за Рогожкина (совсем по-одеcски сказал) — он в Закавказье меня доставал, я ни секунды не сомневаюсь, что у него все отлично отработано, — и командующий ушел. Вот где он вспомнил наши Закавказские встречи.

Ну а мужики наши навалились на меня — давай колись, где это ты так с ним пересекался!?

А все дело было в том, что с прибытием в группу войск Константин Алексеевич, не глядя ни на кого и ни на что начал гонять всех бездельников, спавших на своих должностях. Под горячую руку попали и полные офицеры — давал полмесяца на похудание и приобретение спортивной физической формы. Сам в течение часа с шести утра бегал вместе с порученцем вокруг городка Штаба ЮГВ. За короткое время он отправил в Союз где-то более десяти человек. Слухи разнесли это по войскам и штабам в десятикратном размере и боялись его панически. И у него была такая привычка — если он кого-то придавливал — и тот сдавался и сгибался — он больше этого человека не признавал и гонял нещадно. А если не сдался и постоял за себя и свою работу — становился уважаемым человеком, хотя трудно было бы сказать, кого мог он сам бояться. Секрета в этом никакого не было. Ещё обучаясь в Москве, он женился на дочери партийного функционера Школьников, которая была на десять лет старше. Когда тесть стал Председателем комиссии Парт. Гос. Контроля — вершины многоэтажной партийно— государственной пирамиды — Константин Алексеевич особенно-то не разбрасывался на знаки внимания к сильным мира сего. Характер его, конечно, был не медовый, но деловая хватка, умение выделить главное и сосредоточить на этом главном все силы и средства — у него были потрясающими и вызывали уважение. Но были и другие мнения, особенно у тех, кто волей-неволей попадал под его жесткий пресс. И это мнение тоже имело право на жизнь. Помню, когда он, будучи командующим 7-й армии в Ереване не ринулся на вертолётную площадку встречать прилетевшего Министра обороны, а отправил для этого своего заместителя. Не встречал я ни до, ни после этого такого военачальника, который мог разрешить себе такое.

В последующем Константин Алексеевич стал Командующим Закавказским военным округом, и мы встретились опять в Тбилиси, когда я в составе группы генералов и офицеров Бакинской ставки прилетел в Штаб ЗакВО для проведения очередного КШУ. Константин Алексеевич увидел меня в зале для заслушивания, улыбнулся и сказал — ну вот видишь — теперь ты приехал меня учить!

И мне было очень приятно, когда в мае 87-года первую телеграмму поздравления с присвоением звания генерал-майора я получил именно от Константина Алексеевича Кочетова. Ответный ход я сделал через год, когда вечером, отдыхая на даче ЦК КПСС, в Мухолатке, в Крыму — услышал сообщение о присвоении Кочетову воинского звания генерала армии. Утром следующего дня я вышел по «ВЧ» правительственной связи на Тбилиси и сердечно поздравил Константина Алексеевича с высоким званием. Он поблагодарил и пошутил — ты там, в Одессе случаем не заменил Командующего — Ивана Сергеевича Морозова? Нет, говорю — Иван Сергеевич сейчас в Одессе, а я в Мухолатке, работаю на Форосе. А Иван Сергеевич вероятно с минуты на минуту Вас поздравит.

Следующий разговор у меня состоялся с Заместителем Министра обороны генералом армии Кочетовым по телефону в Дубоссарах, когда я руководил обороной этого города в ноябре 1989 года. Тогда националистические банды генерала Косташа пытались прорваться по мосту через Днестр со стороны Молдавии, а я своим решением поставил на мосту военную технику и по мегафону предупредил, что если автобусы с боевиками не уберутся с берега — я всех сожгу к чёртовой матери. Через 15 минут берег на той стороне был пуст, а ещё через 15 минут меня срочно вызвали на закрытую связь. Звонил Константин Алексеевич — «Ты, что там вытворяешь? Из ЦК Компартии Молдавии сообщили, что ты отдал военную технику приднестровцам и готов открыть огонь! Что происходит?» Я доложил обстановку и сообщил, что возникла прямая угроза захвата моста, Дубосарской ГЭС и самого города вооружёнными бандами националистов. В этой обстановке я посчитал лучшим предупредить и остановить это столкновение, тем более, что если возникнет перестрелка, мне придётся силами инженерного полка отстреливаться и держать оборону. В этом случае конфликт приобретёт действительно катастрофический характер.

А так — ну сожгут они один ИМР — это если только очухаются, но я думаю — они не полезут, а военных, вооружение и склады я контролирую. Доклад окончил. Константин Алексеевич немного помолчал, а потом сказал — главное — береги людей и постарайся избежать вооружённой конфронтации. Завтра к тебе прилетят наши представители. И положил трубку. Ну да ладно — об этом позже, а сейчас вернусь в Венгрию.

Скоротечно завершился 82 год — в учениях, различных КШУ и полевых поездках. Кстати о полевых поездках. Одна из них прошла на территории Словакии, куда мы приехали в штатском, а на наших машинах повесили чешские номера. За неделю мы исходили пешком и объездили Малые Карпаты ну и конечно вдоволь испили великолепного чешского пива. Военторг ЦГВ тоже пошел нам навстречу и прислал передвижную лавку, битком набитую прекрасным чешским цветным стеклом и прочей красотой включая знаменитые чешские хрустальные люстры. А вдоль реки Моравы мы работали в чешской пограничной форме — у меня даже сохранилось фото в рубашке с пограничной эмблемой — мордой собаки Колли. На слиянии Моравы и Дуная у стен развалившейся крепости мы с благоговением рассматривали небольшую статую двух славянских святых — Кирилла и Мефодия — создателей славянской письменности. Словом, полевая поездка удалась. Мы возвратились тем же маршрутом через Комарно — Комаром. Все эти мероприятия ознаменовались только тем, что Жирнов ни на одном из них не был. Здоровье было подорвано настолько, что при малейших обострениях он тут же ложился в госпиталь или вызывал врача на дом. Вскоре, на Военном Совете в Штабе Группы весной 83 года, когда встал вопрос о сломанных ножевых тралах на танках в Хаймашкере — Командующий поднял меня и потребовал объяснения — почему Вы это не

контролируете? Это притом, что генерал Жирнов сидел в первом ряду и отвечать должен был он, но Кочетов уже в упор его не видел.

Я владел ситуацией и резко сказал, что если командир полка прячет свои поломки тралов — то он так с ними и останется. В других дивизиях у нас таких проблем нет и на складе в Сольноке тралов достаточно. Кроме того, мы решили вопросы с Москвой и получили добро на немедленную отгрузку поломанных тралов и получение взамен новых. Кочетов тут же врезал комдиву — помнится, что это был молодой полковник Юра Ермаков — только что прибывший из АГШ. Но и мне вломил за недостаточный контроль. На другой день Кочетов утром вызвал меня к себе и напрямую сказал — Все вопросы по инженерам я буду решать, и спрашивать с Вас. Я, соответственно, возразил — как же это при имеющемся Начинже? — Это меня не касается! Получили задачу — выполняйте! Тогда хоть машину дайте для работы. Берите Волгу вашего управления. Товарищ командующий! — это будет уж очень нехорошо, если генерал останется без машины. Ну, хорошо. Соединился с начальником автослужбы — Чей приличный Узик есть для повседневных поездок? Хорошо, отдайте его навсегда полковнику Рогожкину, выполняйте! Так я пересел в машину Члена Военного Совета — шикарно отделанную, но и получил себе скрытого врага! Может, я не понимал, как раскручиваются скрытые пружины, но к лету 84 года наш ЧВС, который громил всех и вся за шмотизм и прочие человеческие слабости — вдруг начал экстренно напрягать все военторги и набивать и без того полные закрома для выезда на Большую землю — в Союз. Завершилось это быстро, когда на одном из заседаний Военного Совета ЧВС сидел капитально пьяненький, долго боролся со сном, но в этой борьбе проиграл и откровенно захрапел, уронив голову на стол. Кочетов объявил перерыв и на другой день уже бывший ЧВС загрузился в несколько купе, но не пропал — политрабочие своих не сдают! — ему придумали должность советника в полит училище во Львове где готовили начальников клубов для Вооруженных Сил. Я думаю, что еще найду время и место сказать об этом подробнее.

После Военного совета мои коллеги по службе начали меня пытаться — куда уходит Жирнов, если Командующий уже с тобой обговаривает все вопросы? Нужно признать, что в этой обстановке Борис Александрович проявил предельную тактичность и нигде и никогда даже словом не упрекнул меня и не сорвал на мне злость. Мы работали в нормальном, спокойном режиме. Я мотался по учениям и войскам, а Жирнов наездами работал в понтонном полку в Дунайвороше, где ему готовили протертые кашки и щадящие куринные бульоны. Как говорят немцы — «Эдэм дас зайне» (каждому свое).

Летом этого же года Константин Алексеевич заехал на Балатонфюред — там располагался наш военный санаторий, и с удивлением обнаружил, что два санатория справа и слева от нашего — примерно на сто

метров отсыпали свой берег и значительно увеличили за счет этого свою пляжную зону. На другой день он вызвал меня и приказал немедленно выехать на Балатон, а вечером доложить свои предложения и расчеты на проведение этой операции.

Целый день я ходил по берегу, обследовал всю площадку, возможности заезда к берегу, подвоза и разгрузки бульдозера, посмотрел карьер, где можно загружаться мелкодробленным камнем, прикинул, где и как держать рабочую команду — короче — как, что и в какие сроки сделать. Вечером в Штабе я доложил свои предложения и попросил при обеспечении стройки десятью самосвалами выполнить все в течение двух месяцев. Кочетов выслушал и приказал сделать за один месяц. Я возразил — если Вы спрашиваете меня, то я, инженер, и если я все просчитал, то мне нужно верить — иначе, зачем все поручать? Ладно, говорит, не кипятись — будет не десять, а тридцать самосвалов, поставим автоинспекцию ВАИ — она будет регулировать движение — все-таки международный курорт. А за карьер не беспокойся, — я уже поручил командиру полка в Шарбогарде — он все обеспечит. Готовь распоряжение, утром я его подпишу и через двое суток — время пошло!

Я поселился в санатории, и работа закипела. Пришлось упрятать в бетонные трубы протекавший по правой границе ручей и ликвидировать болото. Получилась хорошая добавка к территории почти в полгектара. Отсыпка и укладка площадки проходила быстро и технически грамотно. Уже через месяц берег продвинулся на уровень с соседними пляжами, и еще неделя ушла на засыпку всей площади хорошим сеяным песком. А на кромке берега мы выложили из плоских плит красного камня двухсотметровую набережную с расшитыми швами на стыках плит и аккуратными лесенками для спуска в воду. На площадке пляжа поставили сваренные из металла конструкции детских городков, горок, стенок с лесенками, грибков от солнца, и все это раскрасили яркими красками.

Острые на язык сослуживцы эту набережную тут же называли Большой Рогожской. Но как бы то ни было — эта задача была выполнена и получила хорошую оценку не только Командующего, но и у всех наших военных, отдыхавших в Балатон-фюреде.

Напряженная войсковая жизнь и масса впечатлений, так или иначе, требовали своего выхода и у меня это выплеснулось в несколько заметок в нашей групповой газете. А главный редактор газеты подполковник Мамонтов настырно надел на меня и категорически потребовал — пишите товарищ полковник и у Вас все получится. Наверное, именно тогда прорезался мой интерес к первым литературным опусам. Специально не пишу — опытам, поскольку это действительно были опусы. И первым таким оказался рассказ «Карлуша». Это была, в общем, придуманная история о том, как я отдыхал в средней части России в небольшом заштатном городке и рано с утра сидел у себя в старинном доме перед открытым окном, работая

над своей повестью. Была летняя жара и эти утренние часы были тихой отрадой перед полуденной спекотой, когда даже думать было в нагрузку и все расплавлялось в желании подремать, отключившись от всего земного. На подоконник открытого окна я всегда насыпал хлебные крошки и соседские голуби мгновенно уловив такую «шару» устраивали на окне гулькающее пиршество. Сюда же слетались нахальные воробьи, стремительно хватывающие лакомые кусочки из под носа разжиревших и медлительных голубей. А в одно утро на подоконник плавно слетела с соседнего дерева крупная ворона и осторожно прохаживаясь, она одним глазом зорко присматривала за мной, но и своего не упускала, периодически ухватывая то один, то другой кусочек вкусенького мякиша. День ото дня эти визиты становились все более регулярными и смелость в освоении жизненного пространства, распространилась уже на весь подоконник. Карлуша, как я назвал ворону, по хозяйски разгуливала по окну, а иногда приглашала к себе сожителя, мелкомасштабного ворона, который неизвестно где болтался, все дни и только изредка навещал родной дом.

Работа над книгой шла в установившемся ритме, и только одно маленькое событие тормознуло этот темп. У меня со стола пропала увеличителька — линза от старого «Фтокора», которая помогала мне разглядывать мелкий шрифт в старых фолиантах. Я долго не горевал и завел себе новую, а пропажу списал на любопытных мальчишек, которые иногда прибегали ко мне рассматривать картинки в старых томах Брокгауза и Эфрона. Более того, я сам показал им, как можно было выжигать увеличителькой на старой скамейке разные загогулины. Жара припекала, и в один из дней из послеобеденной дремоты меня вывел, какой то шум за окном. Я сначала не мог разобраться, в чем дело? Казалось, что все птицы с округи слетелись и летали вокруг моего дома громко, что-то обсуждая. И только приглядевшись, я увидел, что горел старый сухой тополь у дороги, перед моим палисадником. Дерево было настолько старым, что у него уже не было коры, и оно стояло, вытянув вверх руки-ветки, как белые кости вымершего динозавра. Так и в жизни бывает, когда, оставшись в одиночестве, человек, как это дерево, стоит наперекор ветрам и непогоде, выбеливаясь сединой пережитого.

Устроенное наверху воронье гнездо догорало, а белые старые ветки сгорали невидимым на солнечном свете пламенем, и только черная полоска обугливания быстро опускалась вниз, да угольки головешек отваливались и плавно опускались на землю. Карлуша со своим напарником уже не мельтешили, а сидели на телеграфном столбе, являя собою действительно погорельцев, в одночасье потерявших и кров и дом. Я некоторое время грустно наблюдал за ними, пока печальная пара не поднялась в небо, сделала пару прощальных кругов и улетела, в дальние дали. Больше я их не видел. На следующий день прошел все освежающий и живительный дождь. Потоки воды быстро смыли черноту пожарища, и только обгорелый пенёк

напоминал о недавней трагедии. После дождя я вышел на свежий воздух, остановился возле пенька и вдруг заметил, что в траве что-то блеснуло. Наклонился и поднял спекшийся комок алюминия и стекла, — это были бранные останки моей линзы от фотоаппарата. И вот тут круг догадок замкнулся. Конечно, как всякая женская половина этого мира, Карлуша тяготела ко всяким безделушкам, а уж такую яркую и блестящую штученцию она просто не могла не прикарманить, да и перед подругами было чем похвалиться. Но эта невинная шалость обернулась трагедией, когда лучи полуденного солнца, добрались до линзы и сфокусировались в одной раскаленной точке — сухой хворост мгновенно вспыхнул и вороний дом сгорел вместе с деревом. Соседские старушки весь пожар списали на тех же мальчишек. А через неделю об этом уже все как-то и позабыли. Осенью я закончил свои труды и в один из дней потопал на электричку. Невольно остановился возле торчащего головешкой пенка и все вспомнилось. Где то сейчас моя Карлуша? Уже уходил, но что-то остановило и заставило оглянуться. И только тогда я увидел зеленый росток с липкими листочками, который спрятался за пенек, но уже решительно расправлял свои листья навстречу солнцу. Жизнь продолжалась.

Вырезка из газеты, где то потерялась, но я восстановил по памяти весь рассказ — он для меня остался каким то родным и близким, как первое дитё. Может, кто и улыбнется над этим — чудит генерал на старости лет со своими воспоминаниями.

В конце 83 года со Штабом группы было проведено еще одно КШУ ШОВС с выходом на запасный командный пункт. Руководителем учения от Минобороны был Зам. Начальника Генштаба генерал армии М.А.Гареев, а посредником при командующем — Начальник БТ академии Маршал бронетанковых войск Лосик Олег Александрович.

В ходе наступательной операции решением Командующего фронтом после выполнения ближайшей задачи была спланирована перегруппировка части сил через Альпы для усиления левофланговых соединений при выходе на «Итальянский сапог». Альпы в это время года имели ограниченное количество проходов «Север — Юг» и Маршал Лосик отнесся к этому решению критически. Тем не менее, решение состоялось, и Штаб фронта приступил к его оформлению. На меня, как на начальника инженерных войск фронта легла нелегкая задача подтвердить возможность преодоления Альп с севера на юг. Я подготовил развернутый материал о переходе Суворова через Сен-Готардский перевал. Все получилось очень просто. Я прямо с ЗКП (запасного командного пункта) позвонил в Тбилиси, и Маринка продиктовала мне из Большой Советской Энциклопедии всю информацию о переходе Суворова через Альпы. Попросил своих венгерских коллег поделиться своими данными о состоянии дорог, тоннелей, мостов и акведуков на этом направлении.

За неделю до начала учений инженерное управление ВНА отправило

двух своих сотрудников в туристическую поездку по Австрии, и они привезли великолепные фото всех сооружений. Из тех снимков я составил отдельный альбом, и кроме этого оформил карту масштаба 1:100000 — сотка, на которой поднял все маршруты, а справа и слева наклеил конкретные снимки дорожных сооружений и показал возможности их преодоления. Доклад всех материалов и его обсуждение были бурными, но несмотря ни на какие доводы генерал-полковник Кочетов остался верен принятому им решению. Грозил разразиться скандал и тут свое слово сказал «Великий Махмуд» — как звали в войсках генерала Гареева. Он дипломатично рекомендовал внести некоторые поправки в решение, которое назвал целесообразным, что и решило исход этой полемики.

У меня сохранилось фото моего объяснения Командующему и Маршалу Лосику материалов о переходе Суворова через Альпы. Ребята смеялись и подшучивали — А кто здесь на снимке Маршал? — потому, что у меня был такой важный вид!

Большая задача, которой мне пришлось заниматься — это уже весной 84 года. Требовалось оборудовать переходы через Хаймашкерский каньон, который лежал поперек полигона, и как кость в горле мешал быстрому продвижению боевых порядков, заставляя свертываться в колонны и на малых скоростях по узким спускам и подъемам преодолевать тридцатиметровую по глубине и ширине узкую прорезь в скалах.

После рекогносцировки определили двенадцать походов, оттрассировали их на местности и почти месяц прогрызали пологие спуски с двух сторон каньона — на каждом створе. И только когда отсыпaeмый в каньон грунт сошелся по центру каньона, пока каждая дорожка не была накатана и обозначена — работы кипели изо дня в день. По дну каньона решили трубы для водопропуска не укладывать, а русловую часть завалили крупными глыбами, оставляя возможность для свободного пропуска воды. Реальная протяженность Хаймашкерского полигона для учений с боевой стрельбой была подготовлена блестяще. Это был большой совместный труд пехоты, танкистов, инженеров, тыловиков и многих, многих тружеников боевой учебы.

Пришла весна с проверками войск, а там июнь — опять учения ШОВС — для штабов — командно-штабные с выходом в запасные районы, а для войск — учения на полигоне. Учитывая, что были задействованы штабы и частично войска ЮГВ, ВНА и Чехословацкой республики, мне пришлось выступать в роли Начальника инженерных войск Объединенных вооруженных сил, быть принимающей стороной для своих инженеров стран содружества.

Борис Александрович попросил у Командующего разрешить ему остаться с 20 понтонным полком, поскольку планировалась переправа через Дунай танкового полка Дебреценской дивизии, на что он разрешение получил и в ход КШУ не вмешивался.

В отличие от учений, которые проводились только войсками и Штабами нашей группы — учений без сна и отдыха, с сумасшедшим темпом работы, учения совместные всегда проходили не спеша, с протяженными паузами на взаимное согласование. На определенные визиты одних к другим и наоборот. Как говорил Константин Алексеевич — это политика и здесь всем нам нужно во всем соответствовать. Так, ко мне нагрянул начинж Чехословакии — веселый полковник, который закончил нашу академию Куйбышева в Москве. Помоги, говорит, нигде не найду пресскартон, чтобы на командном пункте в траншеях на бруствере застелить землю, и можно было работать на картах. Конечно, мы загрузили ему в грузовичок несколько листов пресскартона, и офицер умчался в свой лагерь. А мы с полковником и его замом хорошо отужинали у меня в штабном автобусе. Уже к двум часам ночи он грузно уселся в свой джип и после объятий и клятвенных обещаний уехал к себе.

На другой день на 17 часов намечалась работа на макете местности, но тут приезжает гонец от Чешского инженера с просьбой о согласовании ряда вопросов предстоящих боевых действий. Я так думаю, что Кочетову был звонок об этом от чешской стороны, поскольку, как только я ему доложил, что нужно ехать к чехам и как быть с работой на макете? Он махнул рукой — езжай, там это важнее, но много не набирайся.

Конечно, вечер прошел нормально — все, что нужно согласовали. А потом хорошо посидели. Особенно хороша была можжевельная водка — что-то она мне больше понравилась, чем эта Бехеровская. Часам к трем ночи я таки вырвался от них, чтобы хоть немного отдохнуть.

КШУ прошло нормально. Уже на завершающем этапе в лагерь приехал из Дунайвароша Жирнов, и, не заходя к своим родным инженерам, сразу пошел в большую штабную машину «Бабочку», где день и ночь работали офицеры родов войск и служб, собирались все данные для нанесения обстановки, и даже просто заглядывали, чтобы уточнить те или иные вопросы. Я не был там в это время — хватало работы у себя в своем штабе, но ребята операторы рассказали мне в стихах и красках, как это было. Борис Александрович сидел и с кем-то разговаривал, когда вошел высокий полковник с инженерными эмблемами и спросил генерала Жирнова. Тот повернулся и говорит — ну вот, наверное, моему Рогожкину замена прибыла, как я просил? Полковник вытянулся и представился — полковник Голошев Петр Петрович — назначен на должность Начальника инженерных войск ЮГВ! В воздухе повисла тишина. Жирнов резко поднялся и молча вышел из автобуса, хлопнув дверью, сел в «Волгу» и уехал в Будапешт. Больше я его не видел, и даже в Союз уехал он как-то незаметно. С момента нашего резкого разговора, когда я предсказал ему, что больше чем полтора-два года не пройдет, и он уедет — прошел один год и пять месяцев — я ошибся в своих предсказаниях. В Москве он получил назначение — начальником факультета заочного обучения в Военно-инженерной академии.

Уже, будучи начальником факультета — был в составе ликвидаторов последствий Чернобыльской катастрофы.

После завершения КШУ мы вернулись в Будапешт и раскатали губу на спокойные выходные. Буквально через несколько часов после приезда грянула тревога. Мы с Петром Петровичем прыгнули в Уазик и помчались в Дунайварош. Там был поднят понтонный полк, с задачей к шести часам утра навести понтонный мост через Дунай и попустить на Хаймашкерский полигон Дебреценский танковый полк. Была уже ночь, я оставил Голошева в запасном районе разобраться с комплектностью парка для наводки, а сам рванул на берег Дуная проверить, не поднялась ли вода. К счастью, от берега до уреза воды осталась широкая полоса, которая позволяла поротно, одновременно в нескольких местах загонять колонны с интервалом, а потом машины с поворотом сдавали на воду и скидывали чемаданы понтонов.

Днем это было опасное дело, но ночью — это был сплошной ужас. Ревели КраЗы, с грохотом слетали на воду понтоны, и не менее звонко раскрывались на воде, кричали бойцы, подтаскивая за веревки понтоны к берегу. Уже соединились ротные участки и половину моста катера увели на противоположный берег. Катера встали на удержание и две половины моста по 260 метров каждая начали поворот, чтобы сомкнуться на середине реки и произвести жесткую стыковку. Два понтона оказались лишними — их тут же отстыковали, и они ушли по течению, имея несколько человек на палубе — за ним ушел катер и перехватил их уже в районе Байи на границе с Югославией. А мост на течении немного прогнулся дугой, потом выровнялся — на берега завели троса для удержания ленты в створе. С момента команды — Вперед! — до замыкания пятисотметрового моста прошло двадцать шесть минут. Это была жуткая, смертельного риска игра большого сыгранного оркестра единомышленников — понтонеров — этой гвардии инженерных войск. На одном дыхании они сыграли блестящую симфонию под руководством опытного дирижера — командира полка — полковника Анатолия Шуклина.

Когда мост во всей своей красе начал проступать из сереющей темноты уходящей ночи — самым счастливым человеком на берегу был полковник — представитель от Генерального Штаба — из Москвы. За эти полчаса он, наверное, немного посидел — так было страшно за жизнь отчаянных солдат, бросавшихся в ледяную воду, чтобы удержать за ускользающий трос, сброшенный понтон, за ревущие, вырывающиеся из воды и уходящие по берегу КраЗы — в этой вроде бы невообразимой суматохе людей и техники. И только опытный взгляд различал собранность и сыгранность этого понтонного оркестра. Еще час — до шести утра мы прождали танковый полк, а когда головной танк, вминая понтоны в воду, пролезгал гусеницами на западном берегу — у всех отлегло от сердца. Задача была выполнена.

На моей памяти такой трудной, но блестящей наводки 500 метрового

моста через Дунай, да еще «ножницами», да еще в ночное время — не было! И не знаю — смог ли кто-либо еще это повторить в более поздние времена.

Завершался июнь 84, и тут выстрелила пушка, которая была заряжена год назад. Тихой сапой Начинж запланировал досрочную замену подполковнику Воробьеву — под предлогом того, что на следующий год будет замена для нескольких человек.

А у Володи с Ниной только, только как родился ребенок. Конечно, Воробей был страшно расстроен, тем более что он рвался в Белоруссию — на родину Нины, а ему предложили ехать на Дальний Восток. Я поговорил с кадровиком у сухопутчиков, но он только пообещал не потерять этого парня из виду. Расставание было грустным, но я его напутствовал пожеланием работать так, как он прекрасно работал и это оценится.

Мы изредка перезванивались, и мне было приятно узнать, что Володя вырос до начальника отдела в инженерном управлении округа, а потом был назначен Начинжем армии. В начале 1989 года в телефонном разговоре с Начальником инженерных войск МО генерал-полковником Кузнецовым среди других вопросов мы коснулись смены поколений — вроде как не было ярких личностей — кандидатов для Академии Генштаба.

В это время я уже два года, как получил генерала и был Начинжем Одесского округа. Ну и конечно заорал в трубку — а Володька Воробьев — Начинж армии на Дальнем Востоке? Хорошо — сказал Владимир Павлович, на следующей неделе лечу туда и заодно присмотрюсь.

Потом мы вернулись к этому разговору, и Кузнецов согласился, что этого парня нужно выдвигать — есть в нем талант. Так, в 89 году Володя Воробьев стал слушателем Академии Генштаба. А в 1991 году получил назначение во Львов, где стал Начинжем Прикарпатского округа, а вскорости получил генерал-майора.

В 1995 году, когда я собрался после тридцати восьми лет службы увольняться на пенсион, мне позвонил Володя и попросил помочь перебраться в Одессу на равнозначную должность. Его можно было понять — во Львове с фамилией Степанов или Воробьев, да еще разговляя на российской мове — служить было непросто в это время.

У меня состоялся разговор с Командующим — генерал-полковником Шкидченко В.П., и я постарался его убедить в том, что в таком большом округе и с таким большим количеством инженерных войск — Начинж должен быть генералом. Во многих вопросах — это и лицо округа, а уж, тем более, что я знаю Воробьева как очень грамотного и работоспособного генерала. Так, осенью 95 года мой воспитанник сменил меня на этом посту. Уже в 1997 году Владимир Сергеевич стал Начинжем Минобороны Украины и затем — генерал-лейтенантом. На посту Начинжа он сменил генерал-лейтенанта Безродного В.Д. — личность неоднозначную, но писать о нем мне не хочется — хотя его жизненная кривая, наверное, может занять отдельную книгу, ладно — бог ему судья.

А Владимир Сергеевич в своей книге «Инженерные войска Вооруженных Сил Украины», касаясь своего назначения на должность Начинжа в Одессу, написал так: «Я сменил на должности НИВ генерал-майора Рогожкина О.Б., человека, который сыграл в моей военной карьере большую роль. Он в 80-тые годы в Южной группе войск учил меня и наставлял всем особенностям управления инженерными войсками». Спасибо тебе Володя за такие добрые слова.

В 2002 году, когда восторжествовал курс на полный развал Вооруженных Сил Украины, а Министром обороны стал воспитанник Вест-Пойнтской академии США — Владимир Сергеевич ушел в запас. Сейчас он работает в солидной организации в Киеве, и мы часто перезваниваемся. Выполнял я свой долг перед Володией Воробьевым — может, я что-то написал слишком откровенно, пусть он меня простит.

А теперь вернусь в 84 год. С Петром Голошевым мы встретились как старые друзья. Помните, я писал о сборах в академии Куйбышева в Москве, когда собрали шестнадцать Штирлицев — так вот старший лейтенант Голошев был тогда в нашей группе.

Петр, когда я ввел его в обстановку искренно и сердечно извинился, поскольку он прекрасно понял, что Командующий ЮГВ генерал Кочетов И.А. именно меня хотел поставить Начинжем группы. Более того, назначение Петр получил совсем в другое место и, буквально, на последних минутах ему вручили документы на Будапешт, без отпуска посадили в поезд, и через день он прибыл в Южную группу — все быстро и скоротечно.

Информированные лица рассказали мне, что был телефонный разговор между Кочетовым и Маршалом Агановым, в котором Константин Алексеевич убедительно просил убрать из группы Жирнова, а взамен никого не присылать, поскольку Военный Совет предложит свою кандидатуру. Но здесь сработал принцип — раз ты так, то мы тебе — так! Я, конечно, успокоил Петра Петровича и сказал, что долг и честь знаю и подводить его не собираюсь ни на йоту. Более того, за короткое время мы объездили все части группового подчинения, съездили в Штаб инженерных войск Венгерской Армии и познакомились там с руководством.

Обстановка сложилась так, что под угрозой оказались две моих путевки в санаторий Минобороны в Алушту, в Крыму. Петр Петрович мгновенно решил этот вопрос и подписал отпускной. Галя тоже взяла отпуск — она работала начальником секретки в Штабе Тыла группы.

Быстрый поезд, в Тбилиси, а оттуда самолетами — в Симферополь уже вчетвером — я, Галя, старшая Марина и младшая Оленька. Устроились отлично — мы в санатории, а девочки сняли комнату рядом с нами. Был юг, было солнце и было море — счастливейшие дни нашей жизни. Мы съездили на «Ласточкино Гнездо» и все время проводили на пляже. Но все хорошее скоро кончается, настал и для нас такой момент. Маринку мы отправили в Тбилиси — она заканчивала Тоидзевское художественное, и как

стойкий оловянный солдатик жила одна в нашей большой трехкомнатной квартире. Ну а мы через Киев покатали на Чоп и Будапешт.

Заканчивался август, и войска готовились к завершению учебного года. Все наши офицеры — подполковник Толя Сычев, подполковник Саша Смоленский, подполковник Миша Зотов, подполковник Глумов, майор Кузовлев — все разъехались по войскам. Да и мы с Петром Петровичем не сидели на месте. Я с группой офицеров Штаба работал в Эстергоме. Это красивейший город на берегу Дуная. Особенно поражал огромный собор, возведенный на скалистом берегу реки. Я с друзьями вошел в храм, и мы сняли фуражки. Подошел церковный служитель и на ломанном русском сказал нам спасибо — за уважение к церкви, а то — говорит — наши офицеры так в фуражках и ходят. Огромный высокий купол создавал ощущение простора. Уходящие вверх простенки были красочно расписаны, а в некоторых местах картины были выложены смальтой. Несмотря на огромные размеры, не было никакой помпезности и гнетущего давления. Душа и тело находились в каком-то странном успокоительном единении и впитывали в себя эту благодатную святость. Потом мы спустились в подземелье под главным залом, где прямо в нагромождениях скал были установлены усыпальницы для всех венгерских кардиналов, крышки которых были высечены в виде лежащих фигур почтенных прелатов в дорогах священных одеждах. Зрелище было впечатляющим.

По возвращении в Штаб меня ждала новость. Меня вызвал Начальник Штаба группы генерал-лейтенант Колесов Владлен Серафимович и доверительно сказал, что я рассматриваюсь кандидатом на должность начальника штаба инженерных войск Главного командования — на генеральскую должность, — готовься к поездке в ГУК Минобороны — на беседу. Послезавтра все должны быть в Москве. Но Командующий был в отъезде, и я попал к нему для напутствия только на другой день.

Я сказал тебе, что ты будешь генералом и свое слово выполняю — давай в ГУК на беседу, а там и в Главкомат — С богом!

В ГУКе мне сделали втык, поскольку начальники штабов на собеседовании были вчера, а сегодня на беседу пригласили начальников войск. В коридоре и приемной генерала армии И.Н.Шкадова — начальника ГУКа было довольно много генералов, но я дождался своего часа, и когда назвали мою фамилию — с сопровождающим офицером вошел в большой кабинет.

Из-за стола поднялся крупный, но уже стареющий генерал с маршальскими погонами и большой колодкой орденов и медалей почти до пояса. Сделал несколько шагов навстречу, и я быстро пересек кабинет, чтобы не утруждать его длинным переходом — и конечно представился.

Здравствуйте Олег Борисович! Здравствуйте дорогой!

Он поздоровался так, как будто бы знал меня много лет и искренне был рад встрече. Усадил в кресло, сам забрался за большой стол и уже отту-

да сказал, — Поздравляю Вас голубчик, Вы назначаетесь в Ставку Главного командования в Баку — начальником штаба инженерных войск. Я сначала автоматически ответил, что, мол, спасибо за доверие, я его оправдаю и что-то еще подобающее. А потом только до меня дошло, что я опять загремел в Закавказье.

Товарищ генерал армии! Я уже прослужил в этих местах одиннадцать лет... — а он не дал мне договорить — Отлично, все отлично! Вы прекрасно знаете Закавказский округ — я интересовался, — а северный Кавказ, Турк-ВО и Афганистан освоите на месте! Я в Вас абсолютно не сомневаюсь, желаю всяческих успехов! И меня быстренько выпроводили, — нужно было принимать других. Уже уходя, я спросил Ивана Николаевича, вернее набрался наглости и спросил — а как со званием? Не беспокойтесь голубчик — все своевременно!

8. ЗАКАВКАЗЬЕ-2, БАКУ, ВОЮЮЩАЯ СТАВКА

Вот так я вернулся в свою квартиру в родной Тбилиси, оставил там своих и поехал в Баку — в воюющую Ставку. Приказ о создании Ставок Главных командований на направлениях состоялся 16 сентября 1984 года. По нему, к Ставке Дальнего востока в Улан-Уде, которая уже существовала, добавились Главные командования — Южное в Баку, Юго-Западное в Кишиневе, Западное в Легнице (Польша).

Уже в конце сентября — начале октября мы, офицеры и генералы, скомандованные в основанном из Северо-Кавказского, Закавказского, Туркестанского округа и 40 Армии (Афганистан) начали работать в зданиях бывшего в Лету, Штаба Бакинского военного округа ПВО.

Это красивое, солнечное место на горе, нависшей над Бакинской бухтой, рядом с новой телевышкой, зданием Верховного Совета Азербайджана и памятником Сергею Мироновичу Кирову. Первый секретарь ЦК КП Азербайджана Гейдар Алиев приказал немедленно передать Ставке только что отстроенный кооперативный дом на улице Джабиева и уже в январе 85 года я с семьей въехал в просторную четырехкомнатную квартиру. Тылы были надежно прикрыты, и началась повседневная работа, которую чисто штабной назвать было никак нельзя. Шла война в Афганистане и Ставка была воюющей.

Начальником инженерных войск Ставки был назначен бывший Начинж ЗакВО генерал-майор Иванов Алексей Александрович. До этого он в 78-79 годах уже был Начинжем ЦГВ, в 79-81 годах учился в академии генштаба и с 81 по 84 год работал Начинжем ЗакВО, сменив на этом посту генерала Медлева, который ушел на Зам. Начальника ВИА им. В.В.Куйбышева — по науке. Я не ошибся, когда написал, работал Начинжем ЗакВО — он не служил — Алексей Александрович именно работал, работал и работал. Я к этому времени со многими служил, со многими был знаком и многих знал, но такого трудоголика я не встречал. Он все умел делать сам, и часто профессионально. Показывал это нам, начиная от обустрой-

ства наших кабинетов и кончая красивой отработкой штабных документов, начиная от личного знания офицеров инженерных войск во всех округах и кончая личной работой в самых горячих точках в Афганистане, куда он умудрялся пролезать, несмотря на всяческие Главкоматовские ограничения. Его хорошо знали и любили в войсках, как в мирной, так во фронтовой обстановке. После его очередного возвращения в Баку — его солдатскую, пропитанную солью и пылью форму отстирывали в Кабуле, и она ждала, как и солдатские ботинки-берцы — прибытия своего хозяина уже через следующие одну-две недели. Он был в хорошем смысле этого слова ревнивым к тому, что его работу — работу Начинжа могут, кому-то передоверить. А уж из Афганистана, он практически не вылезал — только изредка и то на время отпуска.

Может, это было следствием его происхождения — из простой крестьянской семьи. И начиная с корней, он всю свою жизнь пробивался сам, своим упорством и трудом.

Во время службы в Карелии НИСом Армейского корпуса он пережил тяжелую трагедию, когда в автокатастрофе погибла его дочь, а он сам и жена чудом выжили. Каждый год Алексей Александрович ездил на могилу дочери.

Коллектив Штаба инженерных войск начал сколачиваться быстро, поскольку костяк его составили офицеры инженерного управления Закавказья — мои бывшие починенные, которых я оставил в 1980 году, когда уехал в Венгрию, а основной опорой и правой рукой генерала еще там — в Тбилиси — был подполковник Коля Твердохлебов, мой хороший товарищ. Надо сказать, что Алексей Александрович встретил меня настороженно и все время допытывался, — как это так, что к нему прислали на Ставку — полковника без полного академического образования (заочное), без академии Генштаба — наверняка по какому то благу и где-то есть сильная рука в Москве, которая подталкивает своего протеже. Я не стал его, правда, разубеждать, а взялся за обычную черновую работу Начальника Штаба, которая влезает в простую формулу — Ты отвечаешь в этом Штабе за все!

И мы начали обустраивать свои кабинеты. У строителей и снабженцев набрали лесоматериал, облицованные шпоном ДСП, краску, кисти, электроарматуру, вызвали из войск несколько толковых умельцев-прапорщиков, и работа закипела.

Вот тут Алексей Александрович показал, как нужно брать чурбачок дерева, наматывать на него наждачную бумагу и шлифовать рейки, торцы плит, стыки багета и все, все, прочее. Мелочей он не признавал — для него все было главное. В работу включились подполковник Саша Пулин, майор Василенко, подполковник Авров и все, все, все.

Но была и другая — штабная работа, к которой были допущены только генерал Иванов и я. И началась эта работа, как ни странно с марш-броска на самолете Ту-104 из Баку — в Дальневосточную Ставку.

В Баку было плюс 20, и был ноябрь. Я надел шинель, сапоги и фуражку. Не думал я что ТУ -104 еще летают — это был уже изрядно потрепанный самолет. Запаса горючего у него хватало на короткие подскоки. Первыми были Карши — в ТуркВО, куда мы прилетели ночью и до утра спали в креслах самолета. Утром перепрыгнули в Ташкент, затем Семипалатинск, Красноярск и Улан-Удэ. Аэродром был в снегу, и на улице мороз за минус 30. Спас только теплый автобус — прямо к трапу.

Ставка встретила гостеприимно — каждое управление разобрало своих подопечных, и я попал в руки подполковника Юры Арбузова — он был старшим офицером — оператором у тогдашнего Начинжа Ставки генерал-лейтенанта Кузнецова Владимира Павловича. На эту неделю в Ставке основного состава руководства не было — все работали в Монголии. Я переговорил с Владимиром Павловичем по телефону, и Юра нагрузил меня стопками справочных тетрадей Начинжа. Разработки были великолепные, и хотя это был адский труд, но к концу недели у меня были от корки до корки исписаны и разрисованы схемами две сто листовые тетради с ценнейшими материалами. Низкий поклон за это моему учителю — генералу Кузнецову. К сожалению, встретиться нам в Улан-Уде не удалось. Мы улетели через неделю — утром в субботу, а они только после обеда тоже в субботу вернулись из Улан-Батора. А Юра Арбузов стал Начинжем 36 Армии, затем начальником штаба УНИВ ЗабВО, вернулся в Ставку уже в должности Начинжа Главного Командования войск ДВ, затем был Начинжем СГВ и ЗабВО. Очень хороший и глубоко порядочный офицер.

Сама Ставка недалеко от Улан-Уде — в лесу, была отстроена за очень короткое время, в виде огромного замкнутого квадрата, с большим внутренним двором — своего рода «квадрогон» в отличие от Штатовского «Пентагона» — о пяти углах. Внизу — под многоэтажной конструкцией проходил коридор, которым при всех непогодах пользовались все сотрудники — особенно в сильные морозы и снежные пурги. Должен сказать, что сухие, жгучие морозы за эту неделю опустились до сорока — сорока пяти градусов и эта подземная трасса помогла мне там выжить.

Вернулись мы тем же маршрутом и, слава богу, без приключений, а наши записи и тетради пришли следом спец. почтой.

Я уже писал, и это неоднократно подчеркивало руководство, что наша ставка была воюющей. Уже практически четыре года длилась война в Афгане и чаша сия не минула и нас. Как профессиональный военный могу высказать свое мнение — то выражение, что страны, как правило, всегда готовятся к прошлой войне — точнехонько соответствовало сложившейся тогда ситуации.

Советский Союз, имея огромную армию и большой военный потенциал, к этой войне — войне партизанской, войне практически с народом, где каждый аул, каждый дувал, даже каждый ребенок, способный держать оружие или ставить мины и растяжки — были готовы выстрелить, взорвать,

убить неверных — к этой войне СССР не был готов. И эта ненависть населения подогревалась мусульманскими ваххабитами.

Когда маршал Д.Ф.Устинов, руководство Минобороны, КГБ и в целом Политбюро решали этот вопрос в верхах — основным мерилom, как говорили тогда, было решение опередить Запад в захвате южного региона, поскольку Амин — тогдашний руководитель Афганистана уже вел с Западом закулисные переговоры. Основным в этом решении было — не допустить выхода наших вероятных противников на южные границы страны.

27 декабря 1979 года в 18 часов 45 минут начался штурм дворца Амина, — Тадж-Бек группой Спецназа «Зенит» в составе 60 человек под командой полковника Григория Ивановича Бояринова. Штурмовавшим противостояло около тысячи гвардейцев, имевших самое разнообразное вооружение. Внутренняя личная охрана составляла около двухсот сорока человек, вторая линия, — семь постов с пулеметами, гранатометами и автоматами и во внешнем кольце охраны три мотопехотных и один танковый батальон. Лавина огня обрушилась на четыре БТРа и шесть БМП, при этом второй БТР в колонне был подбит и закрыл проход на узкой дороге. Поддерживающий атакующих советский «мусульманский» батальон даже огнем Шилок не мог оказать весомой поддержки. Бояринов принял решение десантироваться, и пробиваться во дворец. Под градом пуль и осколков появились первые убитые и раненные. Боец группы, — Герой Советского Союза Виктор Карпухин вспоминает: «Мы попали под жесточайший обстрел и на огонь ответили огнем. Началось кровавое столкновение профессионалов, но должен признать, у нас не было должной психологической устойчивости. Наверное, воевать может научить только война, как бы жестоко это ни звучало. Все пришлось увидеть наяву, а не в кино. Вот падает твой товарищ, взрывом ему отрывает руку, ногу, вот ранен сам, а надо действовать, не расслабляясь ни на секунду, — убьют. Помог нам только мощный напор и, как ни странно, — безысходность, поскольку надеяться нам больше было не на кого» Жестокий бой за каждый из трех этажей дворца завершился, но командир группы был смертельно ранен пулей, которая ударила в верхнюю кромку бронежилета, срикошетила внутрь и пробуравила тело, задев сердце. Полковник Бояринов стал первым Героем Советского Союза (посмертно) той десятилетней Афганской войны.

Следующий день уже прошел под полным контролем прибывших десантников и вошедших на территорию войск. Руководителем Афганистана стал Бабрак Кармаль, бывший до этого послом в Чехословакии.

Практически небольшие потери с нашей стороны в 79-80 годах были исключительно следствием того, что встречали наши войска почти везде по-восточному сдержанно, но почти везде — без стрельбы.

То, что необстрелянные мальчишки пришли на эту войну — это печальная данность тех лет.

В армии того времени боевой подготовкой в основном занимались в ГСВГ (потом Западная Группа войск), а в Союзе это была сплошная стройка знаменитым хоз.способом. Может, оно так и нужно было — ибо многие гарнизоны были в «завале» — без боксов для техники, нормальных хранилищ, а главное — в стесненных жилищных условиях или вообще без жилья. Хотя, нужно отдать должное — закон о выделении 10 % фонда построенного жилья — отдавать военным — выполнялся неукоснительно. И за это отвечала и партийная, и советская власть.

Были и перегибы — в Белоруссии, а потом и на дальнем Востоке — командующий — Иван Моисеевич Третьяк осматривал стройку, и если километровый кирпичный забор или стена построенного дома, хоть на йоту отходили от установленного — приказывал все разобрать и поставить заново. Немереные деньги шли на армию, и проблем за что купить стройматериалы не было. Проблема была — где это взять, ибо все заводы работали по плану и отдавали госстроительству все по заказам, без учета «хапспособа».

Была и другая сторона военной подготовки. Выросло уже несколько поколений, которые не умели, да и психологически не могли стрелять в людей. Те шесть-десять патронов, которые новобранец отстреливал в скорспелой учебке — не давали ничего, и солдат учился воевать уже на месте, иногда ценой своей жизни. Тяжелая наука боя, как правило, боя без правил, боя, — когда мы не имели в войсках никаких психологов, которых навалом на Западе — и они там знают свою работу и умеют так психологически настроить солдата, что он не дергается, когда нужно убивать.

По своей человеческой природе, по канонам Библии, и от всевышнего нам дано — не убий!

Убил человека — и физиологически тебя выворачивает наизнанку. Убил человека — и психологически ты надломлен, задавлен, тоже убит в своем мышлении.

Тогдашние замполиты, среди которых было много и хороших ребят, были нацелены на идеологию, а не на психологию бойца, или — скажем мягче — она была вторична. Вот оборотная сторона войны — грязная и неприглядная.

Поэтому, придя в воюющую Ставку, мы сделали основой всей своей работы войну в Афганистане, во всех ее аспектах и проявлениях.

Мы не были в составе ограниченного контингента войск в Афганистане, но практически раз в одну, две недели с аэродрома Кала на Кабул улетали наши оперативные группы вместе с Главкомом.

Сначала летали через Ташкент, а потом приспособились ходить через Карши — небольшой аэродром в Туркмении — так было проще и быстрее.

Посадка в Кабуле, как впрочем, и взлет были необычными. С большой высоты самолет круто спиралью уходит вниз и тут же гремит колесами

шасси на стыках аэродромных плит. Это была мера предосторожности после того, как с дальних высоток «духи» начали сбивать «Стингерами» самолеты на взлете и посадке.

С 1985 года интенсивность проведения войсковых операций значительно увеличилась, равно, как и усилилось противодействие антиправительственных сил. Началась активная минная война. Душманы широко применяли итальянские пластиковые мины — шестерки и двойки — противотанковые и маленькие пятидесятки — нажимные противопехотные, были и осколочные, но чаще всего они применяли растяжки с осколочными гранатами. Сказать, что мы ничего не знали об этих минах — таки этого не скажешь. Но в армии все отмеряется по прошлому — если Германия напала в 4 часа утра — все учения и тревоги начинались, как правило, в четыре утра. Так и с минами — кто вероятный противник? — Ясно! — Отсюда и знание его мин на любой вкус и цвет. А то, что мир уже давно перешел на коммерцию и в этих вопросах — как-то упустили. Более того, страны соцлагеря всю штамповали свои мины, боеприпасы, оружие, и должен сказать, что своими достижениями они не очень-то делились. По крайней мере, в Афгане мы столкнулись с чешскими минами, которые были очень «капризные». Ну а «итальянки» — итальянки были пластиковые и трудно определялись обычными миноискателями. Промышленность тут же ответила радиоволновыми миноискателями, которые находили пластмассу и бескорпусные мины.

При прохождении колонн для подрыва мин применяли БМР — боевые машины разминирования с навесными катковыми и ножевыми траллами. В ответ мы получили двойные и тройные фугасы, когда БМР проходит над ящиками взрывчатки, зарытыми в дороге, а при подрыве под тралом обычной мины — срабатывает фугас, который в этот момент располагается под днищем БМР.

И только после того, как броню днища удвоили, а иногда и утроили — гибель экипажей от взрывов не была такой частой.

По негласному закону этой войны впереди всегда шли саперы. Большая нагрузка легла на 45 -й Чарикарский инженерно-саперный полк, на саперные батальоны дивизий и саперные роты мотострелковых полков. В Чарикаре создали группу собак-минеров с проводниками — саперами. При обнаружении на маршруте или при зачистке взрывчатки пес усаживался на этом месте, а сапер проверял все щупом — этим самым надежным миноискателем всех времен и войн. Тогда «духи» пошли на новое коварство. Учитывая, что штырь щупа металлический, они над фугасом или миной укладывали в пыль или присыпали землей простой замыкатель из двух металлических сеточек с проложенной между ними полиэтиленовой прокладкой от простого пакета. Вся эта система соединялась с батареей и детонатором в фугасе. Когда штырь щупа протыкал этот «сэндвич» — цепь замыкалась, и от взрыва погибали сапер и собака.

В Москве тут же изготовили и передали в 40 армию штыри для щупов из крепкого стеклопластика. Потери уменьшились.

Еще в училище ветераны Великой Отечественной учили нас — молодых ребят элементарным вопросам экономики войны, главными из которых были: уметь убивать быстро и дешево. Быстро — это чтобы тебя не убили до того, как ты уничтожишь врага.

Дешево — это расчет на максимальное поражение при минимальных затратах.

Новая волна выдвинула новый тезис — не убивать, а максимально калечить людей. Так итальянская пятидесятка — нажимная противопехотная — максимально, что делала — это отрывала ступню. Дробила пятку, руку — если ползешь, и раненный солдат уже не кричит «Ура!», а стонет от боли, из боя выходит уже два, три человека, которые уносят раненного. С другой стороны — раненный после выздоровления теряет те или иные функции для трудовой деятельности и становится «вторичной» нагрузкой для государства по его жизнеобеспечению.

Это реальная арифметика войны и тот, кто ее развязывает, и тот, кто этой войне противодействует — должны просчитывать и это.

Мировое сообщество уже сделало выводы и заключило конвенцию о запрещении применения противопехотных мин — особенно кассетных типа «Дрэгон Тус». Почти во всех войнах конца двадцатого века — основными жертвами уже после окончания боевых действий становятся дети.

А в Афгане душманы особенно часто применяли радиоуправляемые системы подрыва — пульт управления — это небольшая телефонная трубка. Чуть больше мобильного телефона со штырьком антенны, переключателем на 6-7 цветных точек и кнопкой подрыва с дальностью действия до двух-трех километров.

Исполнительный прибор — такая же коробочка. Но попроще, корпус иногда штамповали из жести. Внутри — место для батарейки питания, а на панельке — 6-7 цветных точек с отверстиями для втыкания штырька с цветным флажком — и это не просто штырек, — это сложный кварцевый прибор для отслеживания только этого сигнала, отправленного на частоте именно красного (черного, белого, синего и т.д.) цвета. Цветные отметки на передатчике и приемнике сигнала были простым объяснением для безграмотных душманов — какой цвет поставил на переключателе — такой флажок и ставь на фугасе. Особенно охота шла за командирскими машинами БТРами «Чайка» со станциями управления, и именно им «предназначались» радиофугасы чаще всего.

И здесь, и в этом наша промышленность сработала в ответ, и на вооружение поступили системы радиопомех Зонт-3, а потом и Зонт-5 в виде компактных блоков, устанавливаемых на головной машине, в середине колонны и на замыкающей. В этом случае своего рода радиопокрывало

накрывало колонну на марше и препятствовало прохождению сигналов подрыва.

В далеком 1979 году я заканчивал заочно Военно-инженерную академию, и темой моего дипломного проекта было — применение армейской авиации (вертолетов) для выполнения задач инженерного обеспечения. Одним из разделов этого диплома было применение вертолетов для захвата и уничтожения ядерных мин в тылу врага. Уже тогда мы имели точные координаты подготовленных колодцев для их установки. Но в боевых условиях для отыскания мины нужно определенное время — и на это время нам нужно было «радиоодеяло», закрывавшее этот район, чтобы не сработал сигнал подрыва.

Имевшийся тогда на вооружении ГМП — генератор местных помех был практически для этих целей непригоден. Все помехи давала автомобильная свеча, работавшая от прерывателя и огромного танкового аккумулятора.

Поднятая на четырехметровой штанге над землей она давала помеху на всех частотах — «белую» засветку на 5-6 метров в радиусе.

Конечно, такая бандура в мобильных операциях никуда не годилась. Я предложил свою модель генератора локальных помех, который собрал со своими друзьями — связистами, из готовых блоков списанной ЭВМ — Минск— 22. Конечно, это был демонстрационный образец, но размером с небольшой чемоданчик, и его приняли на «Ура» в нашей академии, на кафедре управляющих систем. Во время защиты, а я защитился на отлично, — мы на короткое время включили генератор и наглухо подавили в радиусе до 500 метров работу широкоэвещательного канала «Маяк» и всех других станций в этом и других диапазонах.

Нужно добавить, что это включение было вроде как радиопиратским, и мы чуть не наравались на неприятности. Рядом с академией стоял приметный зеленый особняк с высоким забором, причем даже с верхних этажей академии ни двор, ни домик никак не просматривались. Но крыши здания имели массу всяческих антенн разной конфигурации. По слухам это был какой-то центр ГРУ. К несчастью мы своим включением что-то сорвали в их работе и еще долго по академии шастали особысты и выискивали, — кто мог сделать такую подлянку. На кафедру их, конечно, не пустили — туда не всех пускают по известным условиям.

После защиты и окончания академии в 1979 году мне уже было не до аппаратуры. Знаю только, что эту разработку отдали в Воронежский институт по аналогичным системам и буквально в 1985-1986 годах пошли в серию «Зонты». Есть ли там хоть толика от моих замыслов — не знаю, но в Афгане эти системы работали — и где-то в душе была капля гордости.

Кстати, когда «духи» блокировали 25 дивизию афганцев южнее Кабула и на деблокирование двинулись наши войска — в воздух подняли вертолет с установленным на нем «Зонтом-3». Но сработал он как мощный

передатчик, а подключили к нему захваченное передающее устройство для подрыва радиофугасов. Оператор менял положение переключателя по цветам и держал нажатой кнопку подрыва. За несколько проходов над маршрутами было взорвано более десяти фугасов, подготовленных «духами» на дорогах. Это был неожиданный удар — впервые применены вертолетные радиотральщики.

Буквально через месяц в Гонконге и в других странах — производителях наштамповали новые передатчики с новыми радиочастотами, ну и соответственно — мы запустили системы Зонт-5 для закрытия этих частот.

Может создаться впечатление, что наша инженерная мысль работала только в ответ на технические новинки противника. Это далеко не так. Уже тогда в серию пошли «умные мины» — это выражение маршала инженерных войск Сергея Христофоровича Аганова, которого боготворили не только в инженерных войсках, но и в целом в Вооруженных силах. Он часто был в Афгане, не только в штабах, но и на «передовой», хотя там все было «передовой» в любое время суток.

Умные мины — это противотанковые противобортовые и противопехотные мины, имевшие электронно-акустические и сейсмические системы автономного управления, которые взводились при подходе техники сначала по колебаниям грунта, затем по оптикоэлектронным датчикам при входе в зону подрыва — тогда срабатывало взрывное устройство. Вогнутая поверхность мины, покрытая легкоплавким металлом, в момент взрыва превращается в огненный шар, который, будучи сфокусированным гиперболоидной поверхностью с огромной ударной силой пробивает броню, покрытия всех видов и, буквально, прожигает технику противника. Конечно, от такого термодинамического удара экипаж мгновенно погибает, а имеющийся внутри боекомплект, взрывается.

Другим, особенно неприятным сюрпризом для душманов было применение противопехотной минной системы «Охота». По сути это был небольшой блок-цилиндр, начиненный электроникой, и от него отходило до 10-12 тонких шлейфов-проводов, позволяющих в радиусе 20-25 метров на концах этих шлейфов устанавливать различные мины, в том числе и ОЗМ-4. Эта мина — тоже оригинальная штучка и в войсках ее называли мина-спортсмен. При срабатывании — она вышибным зарядом выстреливается из грунта на полтора метра и взрывается, создавая на этой высоте зону сплошного поражения в радиусе двенадцать метров. Конечно, сама по себе мина не взрывается. Но достаточно в трех-четыре метрах от мины пройти человеку, как срабатывает сейсмодатчик и мина взрывается. Мы решили все проверить сами и делали все ухищрения, чтобы обдурить систему — ничего не получилось — мина все равно взрывалась, как бы тихо мы не подкрадывались.

Я уже говорил, что защищал в 1979 году диплом — по выполнению инженерных задач с применением вертолетов. Конечно, материал у меня

был собран богатейший — в ЗакВО наиболее широко проходили исследования в этой области, и я был направленцем на инженерную разведку в своем управлении. На защите присутствовал Заместитель маршала Аганова С.Х. — генерал-лейтенант Затылкин Борис Васильевич — корифей инженерных войск и признанный специалист еще со времен Великой Отечественной. Я очень часто сопровождал его в поездках по войскам, и в ходе различных учений. Он меня хорошо знал, и как-то по-отцовски любил за оперативность в работе. Защиту он и комиссия оценили на «отлично», но, расставаясь, сказал мне — Олег! Ты же знаешь, что это только хорошие желания, а для наших задач нам никто такого количества вертолетов не даст! Спорить я с ним не стал — мы были в разных весовых категориях, тем более что оценка за защиту как бы утверждала мои предложения.

Ну а начавшийся Афган еще раз подтвердил всю правоту моих предложений и разработок офицеров инженерного управления ЗакВО.

Здесь как раз уместно будет сказать о применении подвижных отрядов заграждения (ПОЗ) на вертолетах. Классический вариант — это загрузка нескольких МИ-8 противотанковыми минами и они на малой высоте с помощью специальных раскладчиков выкидывают их на грунт, при этом во время выбрасывания круглой, плоской мины, как тарелке придается вращение и она, как летающая тарелка приземляется и встает на боевой взвод. Несколько рядов таких мин, особенно в пыли или на травяной поверхности создавали непреодолимое препятствие для прохождения техники.

В отличие от классического — мы предложили сделать ПОЗ в составе одного-двух вертолетов, но в посадочном варианте. В Афгане, особенно южнее Кандагара мы очень эффективно применили такие ПОЗы. Дело в том, что равнинная местность в этих местах изобилует высохшими руслами различных водных потоков — так называемых — «Ваду». Душманы использовали эти коридоры для продвижения караванов ишаков, верблюдов, автомашин и других средств, с грузами боеприпасов и продовольствия с территории Ирана, Пакистана в предгорья и горы Кандагарского узла. Переброски эти осуществлялись ночами.

Тогда саперы провели несколько операций «Узел», когда пара вертушек, днем, на нескольких «ваду» установила узлы заграждений из «умных» мин.

На следующий день несколько таких узлов представляли жуткое зрелище из подорванных, сгоревших машин, разодранных трупов животных и людей. После допроса раненых выяснилось, что главари посылали одного за другим «духов» — для спасения грузов, но «Охота» срабатывала безотказно, и только когда погибших стало больше половины каравана — было заявлено — Аллах не хочет, чтобы мы здесь прошли, — Аллах Акбар (Аллах велик).

В последующем такие «Узлы» мы завязывали и на горных перевалах и

в долинах.

Война многое расставила по своим местам. Горные ботинки с трико-нями, солдатские сапоги и другая типовая обувь очень быстро заменилась кроссовками, обносились куртки и брюки цвета хаки, появились безру-кавки — разгрузки с массой карманов для запасных магазинов, гранат и запаса боеприпасов. Автоматные магазины скручивались изолентой по принципу — голова-ноги — и такой сэндвич было легко перезаряжать в бою. И только гораздо позже начали переходить на камуфляж. Те, кто надевал камуфляж — резко выделялся на общем фоне и немедленно становился объектом для снайперов. У душманов снайперские качества имела буровская винтовка — еще с войны англичан на территории Афгана. Винтовка имела удлиненный ствол и усиленный патрон, что позволяло уверенно поражать цель на удалении до одного километра, а иногда и больше, тем более, если добавлялась оптика.

Примечательна была операция по разгрому первого мусульманского полка в горах севернее Кандагара. При подготовке операции группа гене-ралов и офицеров главкомата на «двушке» (пара вертолетов) вылетела из Кабула в Кандагар для проверки готовности личного состава, техники, вооружения к проведению операции. Буквально за 10 минут до полета к месту раздался страшный треск, и все внутри вертушки заполнилось ка-кой-то белой пылью. Вертолет прошла очередь ДШК — крупнокалибер-ного пулемета. После нескольких случаев с гибелью вертушек был дан при-каз всем генералам на полет выдавать парашюты. Незадолго до этого на сбитом вертолете погиб генерал-лейтенант Шкидченко П.И. из группы советников. Вышел борт техник — прапорщик и сказал — прыгайте с пара-шютами — а внизу была горная местность, контролируемая душманами. Поднялся генерал-лейтенант Петр Мамчур — огромный генерал — такой же огромной силы. При низком потолке вертолета он как-то умудрился приподнять этого прапора, прижать его к дверке и потолку, и кратко — как выстрел приказал — лети зараза дальше! Если будем падать — то вместе!

Кое-как шкандыбая вертушки дотянули до аэродрома и благополучно сели. Потекла тягучая проверочная работа, но эта зарубка у многих оста-лась в памяти на всю жизнь, особенно когда нужно было лететь вертоле-том.

Первый исламский полк был с треском разгромлен. При блокирова-нии и уничтожении огневых точек в пещерах хорошо показали себя боеп-рипасы объемного взрыва и вакуумные, когда скалы обрушивались внутрь пещер, уничтожая все живое. Эта оборотная сторона войны, ее зловонное содержание с кусками разорванных тел, бесформенными трупами, устой-чивым кислым запахом сгоревшей взрывчатки и скальной пыли — это все и другие составляющие — жутко било по нервам и психологически ломало людей.

В этой войне каждый находил свое. Офицеры в большинстве своем

понимали, что это война с народом, причем народом гордым, свободолюбивым, который всю жизнь воевал за свою свободу. Но это была война и, если тебя стремятся убить, то ты должен убить первым и остаться живым не только самому, но и уберечь подчиненных от ненужных потерь.

Могу перечислить фамилии и имена многих и многих командиров — тех, кто старался вернуть матерям сыновей, не подставляя их под пули.

За десять лет этой необъявленной войны мы потеряли более 15 тысяч человек — это всегда много, но если обратиться к статистике, то это меньше, чем СССР терял в год от автопроисшествий.

Это не попытка оправдать эту войну — война всегда безжалостна и гибель пацанов — это трагедия не только матери, отца, семьи — это и трагедия страны, когда погибшие после себя оставляют просеку в лесу человечества. От погибших не рождаются дети, внуки, правнуки. Остается ниша в демографии страны. Мы до сегодняшнего дня ощущаем провал в поколениях, которые не появились в 1941-1945 годах.

На сегодняшний день, после долгих послевоенных лет Второй мировой — государство получило новых ветеранов — ветеранов необъявленной Третьей мировой войны. Уже сейчас, встречаясь со многими друзьями — ветеранами многих прикритых, полукритых и других необъявленных войн я написал стихи, которые как-то за вечер сложились в строчки. Может они и не так литературны, но они от души — это для Вас и про Вас ребята!

*Ветеранам третьей мировой!
Нам никогда не быть отдельно взятыми
Мы спаяны солдатскою судьбой
Мы — ветераны, но не сорок пятого
Мы — ветераны Третьей Мировой!*

*«Кон алягеро» — все как на войне
Мы над Вьетнамом небо прикрывали
В Корейском небе на другой войне
Летающие крепости сбивали
В кабинах «У» на Кубе загорали*

*И под Каиром, где жарынь жара
В тени под танком сильно доставала
В разрывах между боем ... иногда
«Арабы с Жмеринки» наворачивали сало*

*А Лехе, — корешу я по ночам кричу
Не наяву, — во сне по телефону...
И будто бы по рации зову*

Давай в обход — там, у душманов зона!

*Он там остался, на чужой войне,
Которую мы все не выбирали
Она нас выбрала, и верные себе
Мы в бой пошли и с боем побеждали!*

*Присяге свято были мы верны —
Солдаты необъявленной войны!*

Сейчас этих ветеранов уже многих современных войн, наверное, в ближайшее время станет больше, чем оставшихся ветеранов второй мировой.

Вспоминается Начальник штаба 40 Армии генерал Сергеев Анатолий Ипатович — энергичный и волевой генерал, который бесстрашно вступал в споры с самыми большими начальниками, отстаивая наиболее безопасные, наиболее подготовленные операции, при самых минимальных потерях. Он таким и остался, когда стал начальником штаба ОдВО, а потом и командующим ПривВО.

В феврале 1987 года начальником инженерных войск Министерства обороны СССР стал генерал-лейтенант, а затем генерал-полковник Кузнецов Владимир Павлович. Буквально через несколько дней после назначения он уже был в 40 армии и досконально вникал во все вопросы организации инженерного обеспечения многоликих этапов этой специфической войны. Вот где ему пригодился опыт лейтенантской службы в Крыму и умение решать войсковые проблемы в горных условиях.

А жаркий климат Египта, где он работал военным советником — помог и в Афгане быть на «ты» с одуряющей жарой и наладить вопросы водоснабжения и очистки воды.

Его многогранность, умение самые сложные вопросы раскладывать на простые и понятные в войсках составляющие — сделали его не только весомым, но и безоговорочным авторитетом среди военных всех уровней и рангов. Непростые вопросы организации вывода войск из Афгана также легли на его плечи.

В своем молодом лейтенантстве, я служил в одной роте 9-го батальона в Крыму вместе со старшим лейтенантом Володей Кузнецовым. И мало кто знает, каким он был сорвиголовой в своей лейтенантской молодости — есть что вспомнить!

Главное — это то, что с 1987 года по 2001 год инженерные войска возглавлял опытный, мудрый, иногда жесткий и вместе с тем отзывчивый и деликатный инженерный военачальник большого интеллектуального и военного таланта. Сейчас Владимир Павлович на пенсии, но продолжает активно участвовать в жизни инженерных войск России. Как говорят —

опыт в отставку не уходит!

Начинжи 40 армии — это живая легенда инженерных войск. На моей памяти это генералы Анатолий Рябуха, Валентин Келпш, Валентин Яремчук, Анатолий Пономарев, полковник Тарас Поварчук и другие. Начинжем ТуркВО был полковник Николай Топилин — он постоянно был в Афганистане и по достоинству быстро получил звание генерала. Каждый из них прослужил в Афгане по два года и более, а в последующем служили на командных должностях в центральном аппарате, в военных округах и группах войск.

Нужно сказать, что наши войска, наши специалисты в Афгане не только воевали, но и строили дороги, дома, плотины и другие сооружения.

Генерал Валентин Келпш — Начинж 40 армии (1980-1982 годы) получил Героя Соц. труда за выполнение именно этих задач на земле Афганистана. К сожалению, он уже ушел из этой жизни.

Я уже писал, что мой Начинж — генерал-лейтенант Иванов Алексей Александрович практически не вылезал из Афганистана. С главкомом часто летали Коля Твердохлебов, Юра Поляков, Юра Сербин, боевой разведчик Саша Пулин и другие.

Все эти ребята прошли прекрасную школу оперативного мастерства и выросли в больших военачальников. Коля Твердохлебов закончил Академию Генштаба и остался в ней преподавателем. Юра Сербин после окончания инженерной академии попал по распределению на Кушку. Тогда военные говорили — меньше взвода не дадут, дальше Кушки не пошлют. И еще над Кушкой стоит стародавний крест, на котором есть надписи — поручик Романцев, сослан царем на два года за вольнодумство, 1865 год. А ниже запись — капитан Иванов, сослан, не знаю кем, не знаю за что, не знаю на сколько, 1952 год. Так вот Юра мало того, что попал служить на Кушку, но и сам того не желая, угодил в неприятную историю.

Осенние дембели, отправляясь на вокзал поздним вечером, пускали вверх сигнальные ракеты, салютуя своему увольнению. Одна из ракет попала в штабель артиллерийских боеприпасов, которые разгрузили на землю, между подземными хранилищами взрывчатки и инженерных мин. То, что боеприпасы для артиллерии были разгружены в штабеля на инженерном складе — было грубейшим нарушением, и об этом Сербин немедленно доложил по команде, когда принимал должность дивизионного инженера. Но уже шла война в Афгане, и дорога на Герат шла через Кушку — все грузы на Герат и далее складировались именно там, на границе, на территории этого склада.

Сигнальная ракета догорела в штабеле, который тоже загорелся и взорвался. Сдетонировала соседняя подземная галерея, которая располагалась в длину, в сторону города. Взрывная волна натворила много бед.

Взрыв этот потребовал немедленного расследования и наказания виновных. Под первую раздачу попал Юра Сербин — поскольку взрыв произошел на складе инженерных боеприпасов. Его отстранили от должнос-

ти и назначили с понижением в Закавказье. Но, учитывая, что он даже и должность не успел принять — из Москвы позвонил Маршал С.Х.Аганов. Генерал Иванов был в командировке и Сергей Христофорович сказал мне, чтобы не обидели с назначением Сербина, поскольку он и так безвинно пострадал. Я заверил Маршала, что все будет нормально, а когда приехал Алексей Александрович я предложил оставить Юру у нас в Ставке — старшим офицером, что и было затвержено. Служба в штабе инженерных войск сложилась у него нормально. В 1987 году я убыл в Одессу, а через некоторое время Сербин заменился в Одесский округ и стал Начинжем 14 армии в Приднестровье. Все тяжелые годы Приднестровского конфликта легли на его плечи. Вместе с армией Сербин остался в составе Вооруженных Сил России. В одном моменте тех трудных лет я был не прав по отношению к Юрию и уже гораздо позже, при встрече в Москве попросил у него извинения. За свои ошибки нужно всегда платить. Надеюсь, что, и он не забыл о моем участии в его нелегкой судьбе.

Служил в инженерном управлении ОдВО молодой, но энергичный офицер Поляков и судьба, в лице кадровиков, отправила его старшим офицером инженерного отдела армии в Кабул, где в это время Начинжем был генерал Рябуха Анатолий Иванович (1982-1984 годы). В 1983 году Юру Полякова срочно перебрасывают комбатом в 541 оисб 201 мсд в северном Кундузе, где он сменил Валеру Ратько — Валера по замене убыл в Москву, где поступил в академию.

А в 1984 году настал момент и для подполковника Полякова убыть по замене в Союз. Я уже вычислил его, и, конечно, предложил генералу Иванову забрать Полякова к нам, в штаб инженерных войск Ставки на старшего офицера — направленца на ТуркВО и 40 армию. Решение было принято, и Юра вместо Кировабада попал в Баку. Через год-полтора Юра ушел Начинжем 7 армии в Ереване, и там попал в сильнейшую автокатастрофу. С многочисленными переломами он почти год выкарабкивался из этой халепы, но выбрался, и даже почти не хромает. В 1991 году он поступил, и через два года закончил академию Генерального штаба.

Мое родное Калининградское училище в 1993 году получило молодого, энергичного начальника в звании генерала. В 1966 году Военно-инженерное училище по решению руководства было перебазировано в г. Кстов, возле Нижнего Новгорода, а генерал Поляков по его личной просьбе остался в Калининграде и принял Пограничный институт ФСБ России, который перебрался на базу бывшего инженерного училища.

Юра имеет два ордена Красной Звезды, орден Почета и другие правительственные награды. Кандидат военных наук. Профессор.

Летом 1985 года Южную Ставку возглавил Генерал Армии Зайцев Михаил Митрофанович. До этого он был Главкомом Западной группы войск. С прибытием в Ставку он в первую очередь приказал подготовить и провести полевую поездку по всей приграничной полосе с Турцией и Ира-

ном на территории Закавказского округа. Понятно было, что Главком решил лично посмотреть на сопредельную территорию. Началась активная подготовка во всех Управлениях и службах массы всяческих карт и справочных материалов. От инженерного Управления приказано было ехать мне, и я нацелился на эту поездку. Начали с Ленинакана, вернее с траншеи, закрытой масксетью на высоком берегу Аракса, нависшим над Турецким берегом. Короткие доклады отзвучали свое, и мы на самолете перепрыгнули на Ахалкалаки. На автомашинах переехали в Ахалцихе и опять спрятались под масксетью в траншее у пограничников. Докладывал начальник разведки 31 Армейского корпуса полковник Таушанов Игорь Христофорович, и этот доклад не очень понравился Главкому. Посыпались дополнительные вопросы, на которые вразумительные ответы он так и не получил. Игорь пытался еще что то озвучить, но Главком во гневе отказался от обеда и мы на машинах погнали на Батуми, в голодной злости костыляя Игоря нехорошими словами. Жаркий день закончился почти ночью, в тепленьком Черном море и аппетитным ночным ужином в военторговской столовке.

Утренний, шестичасовой подъем, скоротечный завтрак и непродолжительная поездка через приграничные поселки Сарпи и Гонию, позволили еще в автобусе немного подремать. Но весь сон как рукой сняло, когда мы поехали по горной дороге на погранзаставу. Прикиньте в своем воображении отвесную скалу, крутой дугой падающую из под небес на узкий морской берег. А на высоте сто пятьдесят — двести метров над морем в этой чертовой скале выгрызена дорога, по которой мы ехали. Я сидел у окна справа и когда посмотрел вниз, то мне стало дурно, — внизу под машиной была пустота и моя попа висела над пропастью. Но машина катилась по опасному краешку, и всем это было как-то до лампочки. Все дремали, задремал и я, положившись на провидение и солдатика-водителя. Траншея высоко в скалах, нависала над турецким поселком Кирнати. Внизу сустились люди и машины на пункте пропуска, муэдзин на макушке минарета небольшой мечети заунывно гнусавил суры Корана, а утреннее солнце начало припекать эту повседневность заграничной жизни.

Впечатлениями делились уже на борту самолета, на подлете к Нахичеваню. На перроне задрипанного вокзала под парами стоял специальный поезд подготовленный для полевой поездки Главкома. От Нахичевани вдоль границы с Ираном, по берегу реки Аракс до городка Белясувар и далее на Баку тянулась железная дорога. Еще до этой экспедиции хитрый Начопер ставки предупредил меня, чтобы я подготовился к докладу по инженерной оценке приграничной территории Ирана. И когда по громкой связи объявили — инженера к Главкому! — я с кипой карт помчался в его вагон. Операторы тихо слиняли из просторного купе и я остался один на один с грузным высокорослым генералом армии М.М.Зайцевым. Меня он усадил возле стола так, чтобы я видел местность впереди по ходу поезда.

Сам уселся прямо перед широким окном и начал изучать карту. Сразу за окном нескончаемой лентой тянулся пограничный забор из колючей проволоки, а сразу за ним по камням перекашивался Аракс, местами расширяясь на 60-80 метров, а кое-где сужаясь до 20-30. Я уже был в этих местах и неплохо знал местность на сопредельной стороне, а моя позиция с обзором того, что впереди, позволяла быстро определиться по месту, соотнести это с картой и в тот момент, когда картинка появлялась перед Главкомом — кратко докладывать ее характеристики и особенности. Состав шел не очень быстро, и в целом работа наладилась. Мы уже проехали более половины пути, все шло спокойно и отлажено, но тут, буквально на ровном месте разразился скандал. Мы все знали, что Главком изначально был танкистом, и танки для него были все. В их способность, проходимость, огневую мощь и прочие качества он свято верил и был непревзойден, когда речь шла о танках. А тут накатывал такой участок местности, когда в глубине, сквозного прохода по долине не было и целое направление выпадало из оперативных планов.. Далеко впереди я усмотрел эту долину. Я был в этих местах и знал, что она засажена старым садом, там стоит разрушенный купол мавзолея, оставленного на кладбище воинами Александра Македонского во время его индийского похода. А далее отвесной стеной поднимается скальная гряда, и никакого прохода вглубь нет. Я поспешил доложить все это Главкому, и тут нашла коса на камень. Вероятно эти слова, безапелляционно сказанные мной, возмутили Главкома, и он сказал — какая к черту долина, когда у меня на карте никакой долины нет. Нет, есть, и она сейчас будет перед нами. Дорога сделала еще один виток поворота, а долины не было. Главком начал бурчать, — понаблюдали бестолковых, и уже собрался нажать кнопку вызова порученца, чтобы, как я думаю, поменять меня на разведчика. Но тут судьба опять спасла меня от гнева несправедливого. Я упустил из виду, что вся картинка была за двумя поворотами, а мы проехали только один и, конечно, ничего того, о чем я докладывал, не увидели. Поезд шел не так быстро, что было заранее обговорено, дабы рассмотреть все в деталях, насколько это возможно. И тут на экран окна плавно вдвигается моя долгожданная долина с красивым запущенным садом, старым кладбищем с полуразрушенным куполом мавзолея и приличной горной грядой в глубине до четырех — пяти километров. Так вот эта долина, о которой я Вам докладывал, — бодро доложил я Главкому. Тот посмотрел в окно, к себе в карту, потом на меня. Ну, вот теперь я вижу, что это то, о чем мы спорили. Ладно, давай работать дальше! Как то незаметно он перешел с Вы на ты, и все остальные два часа до Беясувара мы спокойно и обстоятельно работали, порой, увлеченно обсуждая те или иные вопросы и не только по Иранской полосе. Запомнилась ли эта поездка Михаилу Митрофановичу — не знаю, но память у него была цепкая. И, когда он с большой группой генералов встречался с офицерами штаба Одесского округа в Доме офицеров, то спустившись по ступенькам в зал после завершения встречи

и проходя мимо рядов на выход, остановился возле меня, а я стоял с краю, поздоровался и спросил — Как служба, Олег Борисович? Потом мои коллеги пытали меня, ну откуда все эти маршалы и генералы армии тебя так знают и каждый раз здороваются? Все-таки хорошие мне попадали учителя — учителя Жизни!

А жизнь в инженерном управлении Ставки продолжалась. Из академии прибыл молодой майор Смирнов, и, конечно, сразу включился в работу. Уже через два года он спросил разрешения у Алексея Александровича Иванова на поступление в адъюнктуру инженерной академии, получил добро и начал усиленно готовиться. В адъюнктуру он блестяще прошел, защитил кандидатскую и я с большой радостью встретился с ним — уже преподавателем, уже полковником, в стенах нашей «альма-матер» в Москве.

Я могу и далее говорить о наших прекрасных офицерах — о Саше Пулине, который уже полковником стал Начинжем ЮГВ, о Василенко — этом ассе графики и художественного мастерства и о других ребятах.

Война требовала неадекватных решений, и иногда приходилось их принимать.

Ожидался крупный прорыв бандформирований со стороны Пакистана на Парачинарском выступе. В 40 армии заканчивались комплекты «Охота», а еще оставалось много троп, перевалов и маршрутов в горах, которые нужно было срочно перекрывать. Вот тут именно промедление было смерти подобно. Я оставался за начинжа в Баку, когда позвонил офицер инженерного отдела Армии подполковник Николай Еловик с просьбой оказать немедленную помощь — это было 8 утра. Я по ЗАС срочно вышел на Москву и попросил загрузить один борт АН-12 под завязку всем этим взрывным грузом. Это было 8.30 утра. Мне говорят — давай самолет, загрузим.

Я рванул к нашим главкоматовским авиаторам. Ребята говорят — давай старшего, добро от руководства и через час колеса с Калы будут в воздухе — это было в 9 утра. Я бегом доложил Начальнику Штаба Главкомата — он одобрил, и все отдал под мою ответственность.

Через час самолет с Василенко ушел на Чкаловское — это было 10 утра — о чем я срочно сообщил снабженцам в Москву. Там дали команду, на подмосковной базе срочно загрузили колонну машин, и она помчалась на аэродром — это было в 11 утра. Загрузка прошла за полтора часа — из кузова — на борт самолета. В 13 часов борт ушел на Ташкент и после короткой посадки — на Кабул. Уже в 17.30 — 18 часов этого дня все инженерные боеприпасы были разгружены на аэродроме и переданы для работы группам спецминирования. К 21 часу боевой Василенко уже в Баку доложил о выполнении задачи.

И это тоже была война — мгновенность прокрутки такой операции была тоже риском, который нужно было брать на себя. Я не припомню, чтобы операция, подобная этой где-либо и когда-либо так лихо

прокручивалась.

Хотя нужно откровенно сказать, что за период, когда Главкомом Южного направления был Генерал армии Михаил Митрофанович Зайцев — практически через неделю, а иногда по две недели подряд проводились войсковые операции на разных направлениях. Каждая из них тщательно разрабатывалась в штабах всех уровней, но на острие этих штабных стрел всегда был солдат — наш Ваня Солнцев — как любил говорить Главком.

Были и печальные страницы этой войны — так было на Писгоранском кресте — это возвышенность на перекрестке нескольких долин при входе в Пандшерское ущелье, которым владел тогда тигр Пандшера Ахмад-Шах-Масуд. Было принято решение сделать на этой точке опорный пункт, и высадили там роту десантников. Попытки духов захватить высоту длились больше недели, а потом наступила тишина. Несколько дней рота отдыхала и «зализывала» раны. А в одну из туманных ночей проснувшийся солдат хотел «отлить» по-малому и увидел крадущиеся фигуры — автоматная очередь подняла духов в атаку, а десантников — к обороне. Почти вся рота полегла, но духи не прошли. Может, это и стало сюжетом для фильма «9 рота». Хотя таких сюжетов было более чем достаточно на многочисленных блокпостах.

Печальной частью нашей истории была вся эта война, но еще одна страница — это Саланг — перевал и тоннель на высоте более 3400м. в вечных снегах и узкой проезжей частью по серпантинам спусков и подъемов. Это была тоже дорога жизни, ну, и конечно, смерти, которая всегда была рядом. Первой трагедией Саланга стала гибель людей войсковой колонны, которые погибли в тоннеле, когда заснул водитель и старший головной машины уже на выходе из тоннеля. Дело было ночью, и вся колонна газовала выхлопными трубами, пока пост на выходе из тоннеля не поднял тревогу. Колонну вытаскивали помашинно, но спасти удалось немногих. Конечно, после этого все было поставлено «на уши», но погибших уже было не вернуть. Все это произошло в начале войны, когда еще и выстрелов было мало, и духи встречали если не восторженно, то хотя бы стреляли редко.

Потом через перевал вдоль дороги трубопроводчики проложили трубопровод и по нему погнали горючку. Характерно, что при осмотре трубы часто находили замаскированные затычками пулевые пробойны, каждая из которых была собственностью кого-либо из местных жителей. Они скачивали из этих замаскированных дырок топливо, и успешно решали свои жизненные проблемы. Более того, не было ни одного случая подрыва этой трубы, а трубопроводчиков никто и никогда не обстреливал. Вот такой парадокс с коммерцией. Была и другая коммерция, когда одного прапора особисты засекли с продажей патронов. Но когда разобрались, что он загнал духам вареные боеприпасы — главком приказал поощрить этого «коммерсанта», но выгнать его все равно выгнали. Потом продавать вареные патроны не стали — духи проверяли их на месте и быстро вершили свой

суд.

Почти полуметровый слой лессовой пыли на дорогах часто был западней, поскольку не только духи, но даже «бачата» — пацаны — сразу же после проверки саперами и прохождения колонны — тут же ставили в пыль колеи новую мину — особенно итальянские «двушки» на 2,5 кг. взрывчатки и часто, если проверку не проводили — подрывалась техника и гибли люди.

Был случай, когда Главком в районе Гордеза сидя на броне «Бэтэра» переезжал с точки на точку, и под правым передним колесом сработала мина «двушка». БТР подкинуло, Главком отлетел на несколько метров в сторону и отделался ушибами, а вот вместе с колесом взрывом оторвало по колени ноги майору — связисту, который сидел на борту — справа — над колесом.

Восстанавливая события, выяснилось, что главком спешил, и приказал срочно ехать, не дожидаясь проверки дороги саперами.

«Мы же полчаса как ехали по этой дороге сюда — некогда проверять — поехали!» — это были слова главкома, когда ему доложили, что нужно ждать проверки дороги. Такие спешки часто стоили жизни.

В зеленке, да и в скалах самой большой угрозой были растяжки — боевая граната, привязанная к стволу или камню, а от нее тонкая проволочка или шнурок от кольца чеки к ветке на другой стороне тропы.

Задел ногой за растяжку — чека вылетела, и за спиной или сбоку — взрыв — сотни осколков прошивают все вокруг и живое, и неживое.

Изобретательный ум народов жаркого юга за тысячелетия создал «кяризы» — это подземные ходы, выложенные камнем и соединенные на больших пространствах в системы, главной задачей которых было — собирать вкусную и холодную воду. Ее доставали из глубоких каменных колодцев с поверхности. Принцип кяризов был прост — горячий воздух, попадая в подземные холодные каменные ходы, мгновенно выпадает на камнях росой, она скатывается на дно и струями стекает в системах, собираясь в ручьи и потоки. К сожалению, минная война, да и война в целом сделала и «кяризы» ареной боевых действий, когда их минировали и подрывали.

И еще одна интересная, чисто национальная особенность — это «барбухайки» — афганские автобусы, и все что под них приспособлено, набитые битком местными жителями, при этом все сидят и лежат не только внутри, но и на крышах с тюками и баулами, создавая пеструю картину в неразберихе городских улиц.

Практически 3 года с 1984 по 1987 г. прослужил в ДРА Виктор Куценко — наш инженерный поэт и бард, ныне генерал-майор запаса. Он написал много хороших стихов и песен об этих боевых буднях. К сожалению, в 2009 году он умер.

Участвовал в боях Миша Логинов — в 1982-83 годах командир саперного взвода в Кандагаре. После 1987 года я встретил его в Одесском военном округе, уже начальником штаба батальона в понтонном полку в Бен-

дерах. Сказать по правде — тогда он заливал за воротник — безмерно, тем более что Молдова — это винный рай. Не скажу, что помогли душеспасительные беседы — их не было. Просто у меня с ним был крутой мужской разговор и через месяц Миша по моему приказу уехал учиться заочно в инженерную академию в Москве. Я тогда двинул в академию и молодого энергичного Бронислава Жуковского тоже на заочный факультет.

Логинов успешно закончил академию и быстро пошел по служебной лестнице. Сегодня Миша генерал-майор, ректор Тюменского филиала Военно-инженерного института — блестящий специалист инженерных войск России и воспитатель новых инженерных кадров.

Я позднее вернусь к тем дням, и, особенно, к тем людям, которые были в составе 40 армии — это мужественные и героические ребята, но одновременно скромные и простые.

Наша работа в Ставке перевалила уже за два года, и наши кадровики шепотом сказали мне, что Алексей Александрович уже несколько раз подписывал на меня представления, на «генерала», но пока в ГУКе они не проходили, поскольку у меня нет прохождения Академии Генштаба.

Заканчивался 1986 год, и я знал, что в это время подбирают кадры для учебы на Высших академических курсах в Академии Генштаба. В один из дней я собрался с духом и позвонил по ЗАС Маршалу Аганову. Состоялся короткий разговор:

— Товарищ Маршал, прошу разрешения обратиться к Вам с просьбой.

— Ну, давай свою просьбу — все только и просят, кто звание, кто должность, кто хорошее место, а ты, Олег что хочешь?

— Сергей Христофорович, хочу немного подучиться — сам чувствую, что для Главкомата моих знаний в объеме нашей академии все же недостаточно!

— Ну, ты Олег — молодец — еще никто ни разу меня о таком не просил. Хорошо. Через месяц — 2 января прибыть в Академию Генштаба. Учись! Распоряжение к Вам придет.

— Спасибо товарищ Маршал!

Вот такой простой и вместе с тем судьбоносный для меня разговор.

Самое интересное — когда пришло распоряжение об откомандировании на курсы — Алексей Александрович начал активно меня отговаривать — мол, возьми мои тетради — конспекты от академии ГШ, немного сам позанимайся, а там глядишь и меня заменишь. Я благоразумно не возражал, но и не поддакивал, а 1 января 1997 года я уже был в Хользуновом переулке в Москве, где меня определили в первую группу из 16 человек — 15 генералов и один полковник — это я.

Началась моя новая академическая эпопея — наверное, самая замечательная в моей воинской службе и жизни в целом. Ну что — же — перейдем и этот участок большого минного поля жизни.

В группе было два генерал-полковника — Командующий Уральским

военным округом — Грачев Николай Иванович и Начальник Штаба Главного командования Юго-западного направления (Кишинев) — Колесов Владлен Серафимович. Уже там, на этих сборах я из разговора с Владленом Серафимовичем узнал что, еще тогда в 84 году он знал, что идет в Кишинев, и хотел, чтобы я попал в Ставку к нему. Но в ГУКе решили иначе, тем более что когда должности распределяли — меня не было, и я попал уже на то, что осталось — то есть в Баку. В группе было три генерал-лейтенанта — Тюрин, Журавлевич и Колмагоров. А основной костяк — генерал-майоры — Шелестов, Петухов, Васильев, Ковалев, Титов, Крыжко, Яковлев, Казанцев, Юхимович и летный генерал — Беднов. Группа собралась очень разнокалиберная — в смысле, в ней были представители от всех родов войск и уровней командования — разве что моряка у нас не было. Зато в соседней группе был адмирал Паникаровский. И что я вспомнил знаменитого адмирала — еще в 1979 году, когда мы были на приеме в Кремле после выпуска из академии, рядом со мной был начальник нашей двадцать шестой кафедры. Где, когда и как он был знаком и был в очень дружеских отношениях с адмиралом — я точно не знаю, но они дружески обнялись, и вдруг мой шеф по диплому — после объятий вдруг представляет меня адмиралу — знакомьтесь — будущий генерал и Начинж округа — подполковник Рогожкин! Мне, конечно, стало лестно, но приличие, прежде всего. Я представился и получил очень дружеское рукопожатие адмирала Паникаровского. Конечно, перед ним проходили тысячи, таких как я, но для меня эта встреча тогда запомнилась. И вот, спустя восемь лет я опять встретился с этим чудесным человеком, крупным военачальником. На это время он возглавлял в Ленинграде Военно-морскую академию.

Преподавательский состав академии Генштаба — это умудренные жизненным и войсковым опытом генералы, которые щедро делились своими богатыми знаниями. Но и в составе группы были тоже опытные и знающие генералы. Не редко мои коллеги по группе выходили и рассказывали такие детали и тонкости, каких не было ни в одних учебниках. Нужно сказать, что вершиной оперативного искусства Академии ГШ было изучение и отработка фронтовых операций, поэтому, учитывая, что я уже пятнадцать лет работал во фронтовом звене и почти три года — в стратегическом звене — серьезной трудности учеба не представляла. Но было интересно узнавать многие особенности и детали, которые ранее были просто недоступны в силу узкого круга общения. А здесь кругозор значительно расширялся. Ну, а когда прочитали ознакомительный курс стратегических операций — на первый план вышел Владлен Серафимович Колесов — со своим колоссальным опытом, он как на блюде преподносил то, что уже в наше время выработалось в Штабах Главных Командований на стратегических направлениях.

Были, правда, курьезы и с преподавателями, вернее с одним. Лекции

по ракетным войскам и артиллерии читал генерал-полковник с громоподобным голосом и замашками заправского солдафона. Он мгновенно получил в нашем кругу имя — «Громыхайло!». А, однажды, совершенно не объяснив материала, устроил форменный разнос в группе, причем в грехоте и выражениях не стеснялся. Во время перерыва один из наших корифеев группы переговорил об этом с начальником академии. Генерала «Громыхайло» пригласили в руководство, и он больше у нас не появился, а в скорости по возрасту и, вероятно, другими обстоятельствами — ушел в отставку.

В столовой мы сидели на своих постоянных местах и за соседним столиком — почти рука к руке — сидел чехословацкий летчик — космонавт Володя Ремек — он в марте 1978 года на «Союзе — 28» вместе с Губаревым летал и работал в космосе. Простой и хороший парень. Я как раз купил миниатюрную книжку «Космический экслибрис» и попросил его поставить автограф на своем экслибрисе. Он это с удовольствием сделал, и мы минут пятнадцать поговорили на разные темы. Кстати, потом, в этой книжке оставил свою роспись и Генерал — лейтенант Петр Климук — я уже писал о встрече с ним в Звездном Городке.

Примечательно, что на первом общем собрании группы поднялся старший группы генерал-полковник Грачев и популярно всех предупредил — нас здесь 15 генералов и один полковник — так я от всех требую — если хоть кто проявит к полковнику высокомерие или дискриминацию — дело будет иметь со мной. Кстати — он в Бакинской Ставке на генерал-лейтенантской должности, и наша задача к концу сбора сделать его генералом! Вот такая дружеская поддержка, которая для меня была неожиданна. Сидели мы за одним столом с командиром 31 Кутаисского корпуса, генерал-майором Ковалевым, с которым мы очень подружились. Однажды на самоподготовке он сказал мне — давай, молодой шуруй к доске и вытри ее до блеска — а дежурным по группе был он, а не я. Я рассмеялся и говорю — ну, теперь колись — какого ты года рождения — он так важно говорит — ну 1940 года. Ну а я 1938 года — так, что бери тряпку, салага, и иди, три доску! — все прислушивались к этому диалогу и дружно захохотали, когда мой друг, тоже смеясь, пошел вытирать доску.

Свой день рождения он отметил в узком кругу вместе со мной в ресторане «Президент — отеля», и это был очень впечатляющий вечер. Я был в очень хороших отношениях со всеми генералами в группе, но больше сдружился с Жорой Яковлевым — его на эти три месяца отозвали из Вашингтона, где он был нашим военным атташе при советском посольстве. Ну, просто уникальный, интереснейший собеседник, кладезь информации и глубочайших знаний. Он очень интересно рассказывал о своей работе, конечно, в пределах доступного, о своих встречах с председателем объединенного комитета начальников штабов полным генералом — негром Пауэллом — даже подарил мне фотографию, где они были сфотографированы вместе

на одном из приемов. А когда Жора узнал, что я интересуюсь нумизматикой — принес мне халфдоллар — 50 центов с портретом Кеннеди на обороте — тогда это была относительно редкая монета.

После академии мы некоторое время поддерживали переписку, но со временем она как-то пропала.

И еще был один интересный эпизод. Я любил в книжных магазинах перебирать старую антикварную литературу, и вот, в «Военной Книге» на Арбате я откопал тонкую книжицу размером в большую школьную тетрадь с интересным названием «Краткий обзор работы российской военной и агентурной разведки в кампании 1914 — 1916 года на Балканах». Издание 1917 года. Москва. Для конфиденциального пользования. А самое главное в этой тетради — стоимость как макулатуры — один рубль!

Я вечером ее внимательно прочитал — увлекательнейшая книжка, расписывавшая, как определялись запасы фуража на путях движения войск, как велась агентурная работа и противодействие вражеской агентуре и многое, многое другое. Утром следующего дня я притащил ее в академию и так, вроде как даже и без интереса показываю эту тетрадь Жоре и говорю, — что-то ваше ведомство уже секретные материалы распродает, как макулатуру. Жора как прочитал название — аж в лице переменился — ты, где это взял? — Да так, говорю, на Арбате в «Военной Книге» за рубль купил — выбрал из всякого там хлама. Жора взмолился — отдай ее мне за любые деньги! Договорились, что он у себя, в своей конторе снимет ксерокопию, а завтра вернет книгу мне. Потом Жора мне рассказывал, что книга произвела фурор среди его коллег, поскольку в архивах у них такой книги не было.

Учеба наша катилась по накатанным рельсам. А отдохновение наступало тогда, когда включалась со своими культурными программами бессменный, уникальный Начальник Штаба нашего ВАКа — потрясающая женщина всех времен и народов — родная мама десятков поколений советских генералов и маршалов, чудеснейшая Вероника Васильевна.

Коренная москвичка — она была в академии вне возраста и вне пространства. Нынешние маршалы и большие военачальники, даже государственные деятели были для нее просто Ванечками, Димочками, Ленечками, поскольку свою молодость они проводили здесь — на этих курсах и в стенах этой академии. Ее колоссальные знакомства делали чудеса, и по воскресеньям мы нашим курсом выезжали — то в «Звездный Городок» в гости к космонавтам, то в «Алмазный фонд» и Оружейную палату Кремля, то зам.коменданта Кремля водил нас по всем дворцам, залам, палатам и тайным камергерским переходам, домашним церквям и опочивальням Московского Кремля, то смотрели запасники Музея Вооруженных Сил, где я в своих руках держал четыре звезды Героя Советского Союза маршала Жукова и маршальский жезл фельдмаршала Паулюса. Там было столько всего интересного, что об этом можно написать отдельную книгу, тем бо-

лее, что в запасники вообще-то никогда и никого не пускают! Там были и трофейные знамена многих войн, включая афганскую. Я спрашиваю, зав отделом знамен, — а Вы знаете, что написано на зеленом знамени. Он конечно не знал. Я ему продиктовал — Аш хаду анла иллаха илла аллах! Уош хаду анла Мухамедан рассулу Аллах! — это первая сура Корана на фарси и переводится — нет бога, кроме Аллаха и Магомед его пророк! Зав отделом это все мгновенно записал.

В одно из воскресений мы съездили на поле Русской Славы — Бородино. Как раз в это время в Москве был мой старший брат Славик, и он с удовольствием присоединился к нам в этот морозный солнечный день. Были мы и в Горках Ленинских и в Звенигороде — этом Богом помазанном месте.

А главное — это то, что по приглашению Вероники Васильевны в четверг к нам приходила дама из Центральных Театральных касс и приносила такие ультрадефицитные билеты на все спектакли и представления, что иногда просто глаза разбегались. А то и денег не хватало, чтобы на неделю вперед набрать хорошие места на потрясающие постановки в Большом Театре, Вахтангова, Сатиры, Моссовета, Оперетты и огромного числа других знаменитых театров Москвы. Но, как всегда, хорошее кончается гораздо быстрее, чем хотелось бы, — так и курсы в конце марта завершились экзаменами и выпускным.

Вручал дипломы Министр Обороны Маршал С.Л.Соколов, а передавал ему эти дипломы Начальник Главного Управления кадров Генерал армии — тоже с маршальскими погонами — Д.Т.Язов. На общей выпускной фотографии это запечатлелось. А когда в мае 1987 года произошли всем известные события с посадкой самолета на Красной Площади — и Министром обороны стал Маршал Д.Т.Язов — у нас появился повод для шуток, что на выпуске мы сфотографировались с двумя министрами сразу.

Но в феврале произошло не менее значимое событие в моей жизни. Со мной, в параллельной группе учился Начинж МВО генерал-майор Гена Киреев. Он подходит ко мне и говорит — ты знаешь, что начинжем Минобороны назначен Кузнецов, и завтра на три часа после обеда он нас ждет у себя в третьем доме. Хорошо, говорю — поедем. На следующий день мы приехали на набережную — пропуска были заказаны, и мы поднялись в приемную. Вышел Владимир Павлович и пригласил нас к себе. Минут десять поговорили на общие темы, а потом беседы прошли тет-а-тет по очереди. Когда я зашел в свой черед — Владимир Павлович обнял меня, — ну здравствую — Олежка!

— Здравствуйте, Владимир Павлович.

— Ну ладно, хватит тебе так все официалить — сказал Володя.

— Ну, уж нет, говорю я — с этой минуты — я порядок знаю, везде и всюду ты для меня — Владимир Павлович! — Так положено, и это будет правильно!

Володя опять обнял меня.

— Ну, спасибо, старина, что ты это прекрасно понимаешь, а то до многих это не доходит.

Мы перешли в комнату отдыха, посидели за чаем, немного повспоминали минувшее. А потом разговор перешел в практическую плоскость.

— Послушай, подбираю первого зама — как твое мнение — ты все-таки занимаешься кадрами. Я тут же сказал — берите Алексея Александровича Иванова. Потрясающей работоспособности, если нужно решить какой-либо вопрос, особенно связанный с войсками — едет сам, и пока до сути не докопается — не успокоится. А главное — он очень осторожный при принятии решения, и если принял, то еще никогда не ошибался. Такой заместитель, Владимир Павлович, — Вас никогда не подведет. — Ну ладно, посмотрим! Там видно будет. — Хорошо, как у тебя с учебой, и какие планы на перспективу?

С учебой, говорю, хорошо, а вот возраст подпирает — уже скоро 50 лет, а все хожу в полковниках — уже многие мои воспитанники меня догнали.

Ну ладно — и это решаемый вопрос. Но ты уже три года в Баку, и перед этим десять лет был в Закавказье — не надоело? — Конечно, говорю, уже досыта набрался экзотики. Хорошо! — У нас к осени будут нужны, и мы подбираем Начинжей в Московский, Прикарпатский и Одесский округа. — Твое мнение? Я говорю, — Владимир Павлович, спасибо за доверие, но на Московский Вам на 100% дадут кандидатуру сверху, на Прикарпатский рвется Вася с Дальнего востока, а Одесский — это же наш округ родной. Владимир Павлович рассмеялся — я, говорит, не сомневался, что для тебя родней Одессы места нет! Хорошо, — будем пока планировать так, а там посмотрим, как получится. На этом мы и расстались. Об этом разговоре я никогда и никому не говорил, чтобы не испугать судьбу. Даже Галина до последнего ничего не знала.

Апрель в Главкомате пролетел как один день. После Первомайских праздников мы вылетели с проверкой в Северо-Кавказский округ, и я сразу же от Начинжа генерала Донца Петра Степановича уехал в Каменск-Шахтинский — там стояло несколько инженерных частей. Шестого мая, в середине дня, меня вызвали на телефон — звонил кадровик из Баку — Вам Олег Борисович нужно завтра в восемь утра быть в приемной Главнокомандующего. Я пытался узнать, что, зачем и как. Но он сказал и положил трубку, а телефонистка — у нас в Ставке были чудесные девчонки — тихо так говорит — вам генерала присвоили, товарищ полковник — шампанское — за Вами! Я, конечно, надеялся на это, но в круговороте работы все вышло очень внезапно. Я срочно позвонил в Ростов и спросил у ребят — что летит на Баку? — в час ночи, говорят, летит плановый рейс. Что хотите, делайте, а на этот рейс для меня должен быть билет! Где-то к 5 вечера отзвонили из Ростова — есть один билет на час ночи — и я на Уазике двинулся на аэродром — худо-бедно — 300 км. Успел перезвонить своим ребятам в Баку, чтобы на два ночи прислали в аэропорт мою служебную машину.

В три ночи я уже позвонил к себе домой. Галина удивилась ты, что без

звонка — решил поверить? Я ей, конечно, все рассказал — она говорит — не верю! Решили, что утро вечера мудренее и часа три я подремал, но какой там сон. В семь утра я уже поехал со своей улицы Джабиева — в центр города — в Ставку. В приемной уже прохаживались полковники и генералы, в том числе и мой шеф — Алексей Александрович Иванов. Всего было семь полковников и шесть генерал-майоров. Туда— сюда сновали кадровики, а ровно в восемь всех пригласили в кабинет Главкома. Выстроились в одну шеренгу, и генерал армии Зайцев Михаил Митрофанович вручил генералам погоны генерал-лейтенантов, а полковникам — генеральские погоны. Потом поздравил сердечно всех и приказал к 9 мая всем быть одетыми по форме — по званию. И начались телефонные звонки со всего Советского Союза и даже и групп войск. Дело в том, что в этом приказе Министра с объявлением постановления Кабмина было всего два инженера на весь Союз — и эти два были мы с Алексеем Александровичем — и все! — больше никому не присвоили! А в одной Ставке — и двум инженерам сразу — такого в Союзе еще никогда ничего подобного не было. Я, конечно, как всегда шутил — чудачки, говорю, — мы дали команду всем осетрам в Волге — кругом — марш! — и они все рванули на Москву! — уметь надо!

Первой пришла телеграмма от генерал-полковника Кочетова Константина Алексеевича из Тбилиси. Он уже был Командующим Закавказским военным округом и, конечно, спасибо ему за огромное участие в моей судьбе.

Но поздравления поздравлениями, а нужно было выполнять приказ Главкома и переодеваться по форме. В Баку стоял май, и мы все были в рубашках и брюках на выпуск. Меня срочно вещевики повели в подвал, где были Главкоматовские склады. А там уже расторопные прапора для каждого приготовили отдельные стопки всей генеральской обмундировки. Я попросил дать красный материал на лампасы и тут же поехал в нашу гарнизонную пошивочную — к своему другу Самеду. Пока мы потихоньку уговаривали коньячок — под попутную закуску — портные срочно на каждой штанине нашили красные лампасы, и на обед я заявился в новеньких генеральских штиблетах, в штанах с лампасами, с погонами на рубашке и в блискачках, генеральской фуражке.

Галина так и обмерла! Девочки — идите поздравлять папу — и Маринка и Оленька повисли у меня на шее. А я зашел потом в соседнюю комнату — и слезы закипели на глазах — так живо себе представилось, как бы были счастливы мои папа и мама, если бы они видели это мое и их счастье и радость. Думаю, что они в далеком Норильске, вернее их души, все равно ощутили эту радость нашей семьи.

Радость радостью, а работа работой. За пару недель я пошил себе форму и опять улетел в Ростов, а потом в Майкоп — на проверку Майкопской дивизии. Именно там я и встретил в саперном батальоне лейтенанта Шувалова — сына моего училищного друга Женьки Шувалова — с длинным,

как у Буратино носом. Но главное, он продолжил традицию и пошел по стопам отца.

У меня образовалось небольшое окно в два дня — я отпросился у председателя комиссии — рано утром сел в Узик, и через перевал проскочил в Туапсе, успел на электричку и поехал в Дагомыс — там уже в это время жил в своей однокомнатной квартире мой старший брат Славик, он был уже на пенсии.

Мы встретились, сели в такси и поехали в Сочи, где жила наша сестра Люба со своим многочисленным семейством. Вечер прошел великолепно — мои родные брат и сестра впервые увидели меня в генеральской форме, и очень за меня были рады. Утром Славик посадил меня в поезд, и я поехал в Туапсе, где меня уже поджидала машина с офицером. В Майкопе меня ждала неприятная неожиданность — наша комиссия на сутки раньше закончила работу и улетела в Баку. Я же добрался до Баку только на следующий день. Алексей Александрович долго допытывался, почему я опоздал и где я был? Мой доклад про брата и сестру его не убедил, тем более, что в личном деле было еще когда-то записано, что мой брат и сестра работают в Норильске — на Таймыре. Где Таймыр, и где Сочи? По— моему, он так и остался при своем мнении, что я куда-то мотался «налево» — может быть и действительно в Сочи, поскольку, именно в Сочи — по документам — раньше жили мои родители. Вообще, его отношение ко мне несколько охладело, хотя горячим, оно не было никогда. Даже проскользнула фраза — два медведя в одной берлоге не живут, как и два генерала на маленькое управление — это многовато. Я не стал его переубеждать, а просто работал и работал.

Вообще, работа в Ставке была очень интересной. Достаточно сказать, что пришлось изучить весь так называемый театр военных действий, а это Пакистан, Афганистан, Иран, Ирак, Турция, Израиль, Иордания, Сирия, Объединенные Арабские Эмираты и другие мелкие государства. При отработке задач нужно было учитывать и географические и политические и природно — климатические особенности этих территорий. Одна только пустыня Деште-Кевир чего стоит. Но русские казаки в 19 веке таки ее преодолели и смывали пыль с сапог в водах Индийского океана!

Но интересно было и в Баку и в его окрестностях. Это очень старый город по возрасту, а его старая часть просто великолепна и очень хорошо показана в кинофильме Бриллиантовая рука, где Лёлик мечется среди старых улочек и везде натывается на тупики. А какая прелесть Девичья башня, стоящая на набережной недалеко от Дворца Правительства. По ее узким внутренним переходам с этажа на этаж поднимаемся на верхнюю открытую площадку, и открывается вид на Бакинскую бухту и набережную. Сама набережная утопает в зелени и вся заставлена различными аттракционами и нескончаемыми кафешками на открытом воздухе, где тебе нальют графин щербета и угостят шашлыком, тава-кебабом, люля-кебабом,

шаурмой и еще очень многими и многими вкусностями. Конечно, венцом всех кафе был ресторан на набережной, который был построен над водой залива и представлял собой перевернутый тюльпан, где морской воздух уже был сытным и желанным. Там традиционно подавали шашлык из осетрины, политый густо черным сиропом Нар-шарап из переваренного гранатового сока, обязательно большой графин щербета и лепешки азербайджанского тонкого лаваша. Конечно, если было желание, то подавали осетровую черную икру и другие прелести южной кухни и южного моря.

Еще одна достопримечательность города — это Бакинские огни. На окраине — в стороне от жилья стоят низкие древние храмовые постройки и через камни пола выплескиваются языки пламени горящего подземного газа. К вечеру, в сумерках это настолько мистическое и впечатляющее зрелище, что запоминается надолго. А когда немного постоишь и надышишься газом, то уже и галлюцинации начинаются, так с глюками и покидаешь это уникальное место.

А по дороге из аэропорта Бина к городу, каждый бакинец обязательно покажет Вам низенький домик, метров пятьдесят от дороги в котором родился и жил Рихард Зорге — знаменитый советский разведчик.

Если ехать на юг в сторону Алят-пристань, то справа, недалеко от дороги лежат большие камни — это уникальный заповедник — Поющие камни! Когда взбираешься на эти глыбы, то малейший стук по камню, тут же привлекает из него мелодичный длинно затихающий звон. А когда несколько человек по очереди стучат по разным камням, то возникает какая, то неземная музыка. Может так развлекались древние неандертальцы? Тем более что на многих камнях выбиты и разрисованы в блеклых цветах наскальные рисунки древнего человека и в этом месте постоянно бродят, какие то ученые и исследователи.

То, что под ногами постоянно, что то происходит, напоминают многочисленные маленькие и большие, а иногда большущие грязевые вулканы и вулканчики. Это такая оригинальная неповторимость и прелесть природы этих мест, что просто так мимо нее не пройти. Едем по пустынной, лунной поверхности и ландшафт, какой то неземной — ну ничего живого вокруг нет, и не предвидится. И, вдруг рядом с дорогой, маленький конус из грязи выплевывает струйку какой то жижи, и она минут двадцать плюется на всех и вся с полнейшим безразличием к окружающим, как будто бы живое существо. Я однажды взял катушку телефонного провода длиной 400 метров, привязал гаечный ключ и начал опускать в это небольшое жерло провод. Таки провод закончился, а ход под землей продолжался. Вот Вам загадка этих интересных мест. Кстати, испытания лунохода, который высадили на луну, проходили в окрестностях Баку на полигоне в районе Перекишкюля. Я был в этих луноподобных местах и даже привез оттуда гипсовую розочку, каких в этих местах есть великое множество.

Во многих местах прямо из земли просачивается нефть, а пастухи ее

часто в холодные ночи поджигают и греются. Южнее Баку есть бухта Ильича, под дном которой были обнаружены большие залежи нефти. Это было еще в начале прошлого века, когда Альфред Нобиле взял эти места в концессию. Бухту несколько лет засыпали по досчатым дорожкам и тачками. Потом всю бухту практически одна к одной рядами заставили нефтяными качалками и начали, чуть ли не из под ног выкачивать великолепную нефть.

И в наши дни Азербайджан всегда был и остается лакомым кусочком в геополитике многих стран мира из числа сильных мира сего. Еще в Советские времена, и я был в это время в Баку, Азербайджан отмечал 50 лет республики. На торжества прилетел Леонид Ильич Брежнев и к его приезду вся дорога от аэропорта до города на неприглядных местах, была выгорожена многокилометровыми заборами. На торжественном собрании генсек сказал — Широко шагает Советский Азербайджан! Уже на следующий день огромные портреты Брежнева были дополнены этой «гениальной» фразой. А во время торжественного заседания Леонид Ильич все время любовался кольцом с большим бриллиантом, который вечером перед торжествами ему подарил друг Гейдар Алиев, и вся страна это видела. Бог с ними, с теми, кто ушел из этого мира, как ушла и сама система, но обычаи очень живучи и они остались.

Я уже говорил, что наш Главком Михаил Митрофанович Зайцев более недели в Главкомате усидеть не мог и когда в конце 1986 начале 1987 года перевес в руководстве войсками 40 армии перешел к Главному военному советнику генералу Салманову — представителю Генштаба, то Зайцев усиленно занялся изучением нового вооружения. Первая его поездка состоялась на военную базу южнее Махачкалы, где стояли экранопланы. Что такое экраноплан — это самолет с обрубками крыльев, но нижняя его часть сделана как днище корабля. На обрубках установлены по два турбовинтовых двигателя с каждой стороны. В самолет загружается рота десанта с легким стрелковым вооружением, он сползает на колесах по слипу в море и, как корабль начинает с бешеным ревом набирать скорость. Внутри корпуса удары днища об воду гремят так, что кажется, еще минута и вся эта халабуда развалится ко всем чертям. Но наступает долгожданная минута и наступает тишина (хотя турбины режут с жутким свистом) — корпус отрывается от воды, за счет потока воздуха поднимается на восемь — десять метров над водой и вся эта адская колесница со скоростью самолета пересекает Каспийское море в нужном направлении, а подлетное время штурман вычислит. И вот такая эскадра первого броска стояла на Каспии.

Весной 87 года Алексей Александрович Иванов провел сборы начинжей округов и 40 армии в Цхинвали на базе окружного, моего родного полка. Неделью я занимался подготовкой этих сборов, и прошли они очень организованно. На сборах были начинж ЗакВО генерал Брожек, ТуркВО — генерал Яремчук, 40 Армии — полковник Поварчук, другие Начинжи армий и Начальники штабов инженерных войск округов. Это были первые

и последние сборы в Южном регионе. А жизнь вокруг кипела и бурлила. Мы выезжали на проверки и всякого рода инспекции, мотались по всем нашим округам и уже изредка — в Кабул.

И тут приходит распоряжение откомандировать на сборы Начальников инженерных войск Министерства Обороны генерал-лейтенанта Иванова и генерал-майора Рогожкина, которые в течение недели пройдут в июле, в Средне-Азиатском военном округе, в Алма-Ате.

И опять Алексей Александрович возмутился — как это так — на сборах начинжей начальникам штабов делать нечего. Только после телефонного разговора с генерал — полковником Кузнецовым В.П. — Иванов уловил, что уже есть решение и готов приказ о моем назначении Начальником инженерных войск Одесского военного округа, поэтому я и еду на сборы уже в качестве Начинжа ОдВО. И дело, наверное, было вовсе не во мне.

Начинжем ОдВО в это время, уже четыре года был полковник Васильев, который волею судьбы попал в неприятную историю.

На Широколановский полигон срочно перевозили небольшой бульдозер в металлическом кузове КАМАЗа. На трассе Тирасполь-Одесса в районе села Каменка левое переднее колесо КАМАЗа лопнуло, и грузовик кинуло через осевую на встречную полосу движения. К несчастью навстречу на хорошей скорости мчался автобус «Икарус», заполненный пионерами из России, которые возвращались домой после летнего отдыха.

От резкого толчка и броска влево бульдозер сместился влево, и нож бульдозера выдвинулся почти на метр за габариты грузовика. Водитель «Икаруса», испугавшись, бросил руль и побежал в конец автобуса. При столкновении нож бульдозера снес всех детей, сидящих возле окон слева. Погибло сразу двенадцать детишек, солдат-водитель КАМАЗа и несколько человек было ранено. Трагедия была колоссальной, и были наказаны приказом Министра военачальники всех рангов сверху донизу. Васильев получил служебное несоответствие от Министра, что было равноценно концу карьеры.

Но здесь его здорово спас Владимир Павлович. Вообще, в судьбе Васильева — Кузнецов был самым доброжелательным, дружеским человеком. И именно он принял решение взять Васильева в Управление НИВ МО — начальником отдела инженерного вооружения и ремонта, наверное, поэтому меня так скоро назначили на его место в ОдВО. Через год он получает звание генерал-майора, назначается Начальником Штаба — заместителем НИВ МО, а в 1990 году получает звание генерал-лейтенанта.

Началась пора великой смуты и больших перемен в жизни страны. Рухнул Советский Союз, и на извечно стабильные посты, занимаемые по решению ЦК КПСС только опытнейшими полководцами — таким был пост Министра обороны — с приходом пропойных комсомольских ветеранов — на эти посты тут же выдвинулись временщики. Министром Обороны стал Генерал Шапошников, который буквально несколько лет назад был

просто командующим ВВС Одесского округа — вдруг стал Министром и Маршалом.

После нескольких значительных нарушений воинской и учебной дисциплины в Военно-инженерной академии — Васильев, будучи председателем проверочной комиссии, составил доклад. На Военной коллегии у Министра он обрушился на бардак и безобразия в академии, сделав основной вывод о том, что это все — следствие бесконтрольности со стороны руководства инженерных войск. Вместе с тем Васильев перед коллегией в общих словах сказал Владимиру Павловичу, что недостатки незначительны и не заслуживают внимания. Удар был нанесен. Министр пригласил к выступлению Кузнецова. Выступление Начинжа было более точным в оценках и взвешенным. Коллегия это приняла к сведению и потребовала быстро навести порядок в Академии. Владимира Павловича поддержал Начальник Генерального Штаба, и вопрос с Васильевым решился довольно быстро — он пошел начальником инженерной академии — наводить порядок там, где он узрел столько недоработок. Вот такие казусы встречаются иногда и на высоком уровне. Все это — не фантазия — это из первых рук, и хоть неприятно режет слух, но это правда. Через некоторое время генерал Васильев перешел в систему МЧС России.

В Алма-Ату мы с Ивановым вылетали на одном самолете, с промежуточной посадкой в Мары. Столица Казахстана встретила почти сорокоградусной жарой. Сборы прошли в пустующем летом Высшем пехотном училище. Прошел цикл занятий и лекций, включая проблемы Афганской войны. На Капчагайском водохранилище были проведены показательные занятия по водоснабжению, по обслуживанию и ремонту инженерной техники. Всем участникам были розданы домашние задания для отработки на карте плана инженерного обеспечения фронтовой операции и армейской — в составе фронтовой — для начинжей армий.

К счастью, Начинжи ставок были в этом процессе как бы наблюдателями, ну а я и тут попал в переплет. Кто-то из начинжей округов запутался в докладе, и Владимир Павлович вдруг неожиданно сказал — а, давайте послушаем, как нам ответит этот вопрос генерал Олег Рогожкин — Начинж Одесского округа. Давай, Олег Борисович — покажи, как надо кратко, но обстоятельно делать доклад. К счастью, я очень внимательно слушал предварительные доклады, и большого труда не составило изложить обычный типовой доклад Начинжа командующему, коих я за многие годы написал и докладывал множество раз.

Генерал Кузнецов немного поправил ряд положений, но в целом сказал, что вот так должен докладывать каждый инженерный начальник.

Спасением от жары в свободное время стали два училищных бассейна — открытый и закрытый, в котором было прохладнее, и я из него не вылезал. Потом была великолепная экскурсия на Медео — высокогорный каток над городом, а потом и выше катка — на плотину и

искусственное озеро над катком. Нам, как инженерам было интересно посмотреть на плотину, которая была создана направленными взрывами с боков ущелья, да так идеально, что вырванные из скал раздробленные камни были уложены в плотину одним махом и на досыпку понадобились чисто ювелирные отделочные работы. От катка Медео до гребня плотины шли бетонные ступеньки, и в качестве теста было предложено еще на полторы — две сотни метров подняться пешком. И почти все этот тест выдержали. У меня сохранилась фотография этого уникального момента. Сборы заканчивались, и мы разъехались по своим округам. В начале августа пришел приказ о моем назначении в Одессу.

Но до отъезда произошло еще одно событие, в целом обычное, какие, к сожалению, иногда были, но оно позволило мне опять пересечь Азербайджан, Армению, Грузию и через три дня опять вернуться в Баку. Меня срочно вызвали к Начальнику штаба Ставки и поставили задачу — немедленно вылетать в Ленинакан и провести на месте расследование случая подрыва в дивизионном инженерно-саперном батальоне 127 дивизии, в местечке Гусанагах. Самолет вылетел на Тбилиси, но я дал команду возвратить его на Калу — сказал Начальник штаба. Срочно выезжайте.

Через полчаса я уже сидел в АН-24 и рассматривал сверху Нагорный Карабах. Из Ленинакана за полчаса мы добрались на УАЗике комбата до батальона. Причина подрыва была банальна — грубое нарушение мер безопасности со стороны офицера, отвечавшего за уничтожение устаревших капсюлей-детонаторов. На площадке подрыва в районе учебных полей, а это абсолютно голая, скалистая местность — этот офицер, вместе с прапорщиком — заведующим складом боеприпасов, выгрузили несколько ящиков с коробками детонаторов и решили подрывать детонаторы сразу — в ящике, а на ящик сверху россыпью высыпали горкой алюминиевые капсюли. Прапорщик стоял в нескольких метрах, спиной к месту подрыва и наклонился за следующим ящиком. Офицер в это время поджег огнепроводный (бикфордов) шнур и как только опустил его — шнур свернулся в кольцо — поскольку он храниться в бухточках, свернутых в кольцо. Горка детонаторов и ящик с ними мгновенно взорвались, потому, что струя огня попала в открыто лежащие детонаторы. Офицер погиб на месте — его сильно изуродовало взрывом. Прапорщику взрывом вырвало всю мягкую часть того места, на котором сидят, поскольку он в это время наклонился. К счастью, ящики не сдетонировали. Прапорщик в горячке дополз до машины, завел ее и приехал в часть, где потерял сознание. Его рассказ в госпитале многое прояснил, после чего я вышел на связь с Баку и доложил все лично Начальнику штаба Ставки.

Вот такая трагедия на ровном месте. В этот день я побывал у комдива Ленинаканской дивизии, а к вечеру приехал в Степанаван, в свой родной инженерно-дорожный окружной батальон. Много лет назад, когда я был еще капитаном, комбатом этого батальона был подполковник Николай

Жирнов — огромный офицер с большим круглым и ослепительно красным лицом. Казалось, что если иголкой уколоть в щеку, то из нее как из помидора брызнет сок. Мы были с ним очень дружны, и мне было чертовски приятно, когда мы приняли в состав округа Черниговскую Армию — получить огромный привет от Николая из города Нежина, где он обосновался с семейством. Более того, его сын пошел по стопам отца и уже сегодня служит полковником в должности начинжа Сухопутных войск ВС Украины.

Дорога на Степанаван — это родной город армянского революционера Степана Шаумяна — поднимается в горы и проходит в огромном, величественном тоннеле, проложенном под Пушкинским перевалом. Именно на этом перевале Александр Сергеевич Пушкин встретил арбу, на которой старые казаки везли из Тегерана какого-то убитого в Тифлис. Кого везете, служивые? — спросил Пушкин. Да якогo-тoсь Грибоеда — барин, ответили казаки. Это свой последний путь совершал великий писатель, дипломат, гениальный тезка Пушкина — Александр Сергеевич Грибоедов, зверски убитый фанатами-исламистами в Тегеране в конце января 1829 года. Шах Ирана откупился за эту смерть редкостным алмазом.

В Тбилиси, на склоне горы Мтацминда, в монастыре святого Давида есть за кованной решетчатой дверью, стоящий в таинственном сумраке постамент из черного полированного гранита с короткой трогательной надписью, сделанной его молодой женой, красавицей Нино Чавчавадзе — «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но зачем пережила тебя любовь моя».

Вообще весь Кавказ — это колоссальный пласт многовековой истории, где каждый камень, каждый кирпич в монастырской кладке, каждая горная вершина или тенистое ущелье, даже небо над головой и этот упоительный воздух — все это история и традиции. То, что происходит сейчас — это не воля простого народа, который всегда любил Россию. Грузия раньше Киевской Руси приняла Христианство и свято была ему верна. Это трагедия, что власть захватил этот крысоподобный выученик американских университетов и ставленник ЦРУ. Придет время, и народ сам отторгнет это чудовище, вместе с его кликой.

Из Степанавана я созвонился с Тбилиси и попросил заказать одно место в поезд на Баку. Полночи просидели с комбатом в воспоминаниях о совместной службе, и на следующий день по Машаверскому ущелью я уехал в Тбилисо. Правда, выехал пораньше и заехал в Степанаванский каньон — туда, где он выходит на Кироваканский проход. Что это за место я сейчас расскажу, но здесь есть немножко прошлого из моей жизни. Когда я учился в инженерной академии, то часто проводил воскресные дни у своего друга Юры Калмыкова — в Черноголовке. И вот там «Факир» опять меня увлек различными самоцветными камнями, которые он распиливал, шлифовал до прозрачности и выделял всяческие ювелирные кулоны, подвески, кольца и прочие безделушки для своих женщин, для жены и

дочери. Самое интересное, что все эти камни ему привозили из Закавказья — из Армении. Мое увлечение настолько расширилось, что я знал почти все места, где можно было найти не только моховые и ярко-пестрые «петушинные» агаты, красивые яшмы (Севкар около Иджевана), но и редкий слоистый агат, из которого вырезали красивые геммы и другие прелести. Так вот этот слоистый агат вываливался из расхोдившихся трещин скал и падал к подножию Степанавского каньона. У меня и сейчас на даче лежат несколько увесистых коробок, набитых этим самоцветным богатством.

Каждый раз, как наталкиваюсь на них, мечтаю, что когда-нибудь, когда «уйду на пенсию» — опять вернусь к своим любимым камням. Ну, это — все лирика!

Коробки, коробки, коробки — только работа и только вперед, как говорится в постановке — «Проснись и пой...»

Надо было собираться в любимую Одессу, и я быстро собрался в очередной переезд. Если учесть, что два переезда равны одному пожару, то за 38 лет службы я горел раз десять.

В Алма-Ате Васильев попросил меня не затягивать с приездом, чтобы успеть передать мне свою хорошую трехкомнатную квартиру в доме «Голубая мечта», который военные строители поставили на Французском бульваре, недалеко от моря, почти в центре города. Сборы были недолги. Пианино мы продали, утварь загрузили в один маленький контейнер, библиотеку — более трех тысяч книг и мои камни в коробках — в другой контейнер, и все это отправили железной дорогой на Одессу. Сами сели в самолет, посадили между кресел своего королевского пуделя «Ника» (у него тоже был свой билет) и ночью 23 августа приземлились в Одессе.

9. ОДЕССА, МОЙ ГОРОД РОДНОЙ...

На двух Уазиках нас встретил зам. Васильева полковник Виталик Дудин. Уже было три часа ночи, и мы сразу поехали на дачу Военного совета — на Французском бульваре, рядом с Одессфильмом. Спрашиваю, — а что «Волга» Начинжа на ремонте? — Нет, отвечают — она два дня назад в час ночи на пустой улице не смогла разъехаться с трамваем, и разбилась вдребезги — восстановлению не подлежит, а начинж ходит пешком — благо до работы два шага. Я наскоро передремал, и в семь утра, переодевшись в парадный мундир, пошел в штаб, представляться Командующему — генерал-полковнику Морозову Ивану Сергеевичу. Встретил он меня, как говорят ни холодно, ни жарко — можно сказать прохладно. Вопросы были самые обычные, где родился, где учился, где служил, а когда он услышал, что полками я не командовал, он откровенно разочаровался — как же Вы будете работать в своих войсках, если не были в шкуре командира? А я ему говорю, что полжизни в армии только тем и занимался, что учил этих командиров уму-разуму. Хорошо, сказал Иван Сергеевич — принимайте дела и в Штабе долго не сидите — нужно объехать все части и разобраться на местах. Особое внимание уделите дисциплине, соответствию офицеров своим должностям и вопросам строительства хранилищ. Поехайте и разберитесь. Я сначала подумал, что ослышался, но он повторил эту фразу и я понял, что это его обычный лексикон, к которому он просто привык. Так началась моя работа в родной Одессе.

Васильев почти не появлялся, занимаясь сборами в Москву. Единственно, что я успел от него узнать — это то, что его квартира пролетела мимо меня. Как сказал Васильев — его вызвал командующий и сказал — свою квартиру передайте начальнику тыла округа генералу Белохвосту. Будучи у командующего я задал вопрос — как мне быть с квартирой? Я летел сразу всей семьей. Прошу ваших указаний, учитывая Вашу занятость, чтобы Ваш зам. помог мне в этом вопросе. Иван Сергеевич немного поморщился — хорошо, передайте Начальнику штаба — пусть он Вам что-либо подберет. Я сразу же зашел к НШ генералу Семенову. Виктор Афанасьевич взялся за голову — я же эти вопросы не решаю — всеми квартирами командует только

сам Командующий. И тут я понял, что сделал первый промах, когда сказал Ивану Сергеевичу о выделении квартиры по решению его зама. За первых четыре дня жизни в хорошей даче с меня слупили круглую сумму. И я срочно стал сам искать место — где же жить семье?

На выручку пришел полковник Николаев — командир 28 дивизии в Чабанке — пригороде Одессы. Он позвонил мне и предложил однокомнатную квартиру в девятиэтажке у себя в дивизии.

Вот такое «гостеприимство» оказал мне мой предшественник Васильев. Квартиру — отдал, служебную машину — разбил, служебную дачу — на этот год не брал — и остался я гол, как сокол. Спасибо Николаеву — я перебрался в однокомнатку, где четыре солдатские кровати заняли всю маленькую комнату, и мы перебирались через них как на полосе препятствий. И началась бешеная гонка длинной в восемь лет моей жизни и работы в должности Начальника инженерных войск Одесского военного округа. Я уже говорил, что Командующий войсками ОДВО генерал-полковник Морозов Иван Сергеевич был далеко неординарным человеком. Обладая феноменальной памятью, он как губка впитал в себя опыт всех своих предыдущих руководителей. Последним из них был на Дальнем Востоке Иван Моисеевич Третьяк. Иван Сергеевич был при нем командиром корпуса на Камчатке, а потом заместителем у командующего ДВО генерала Язова Д.Т. Столько литературы по военному искусству, по истории войн и мемуарных воспоминаний, сколько загрузил в свою память Морозов — я не встречал ни у кого! А самое главное — он это все умело, во время и к месту использовал в ходе командно — штабных учений, и вообще в жизни, приводя в изумление всех — и подчиненных, и начальников знанием таких подробностей, о которых никто и не подозревал. Да! Он был очень жестким и требовательным. Но никогда не был грубым и несдержанным. Было, конечно, когда в его речи проскальзывало его крестьянское происхождение, иногда мы подшучивали между собой — «Поехайте и разберитесь!». А то у вас как «ЧП», так обязательно с «летательным» исходом!

Были и другие перлы, но это не мешало ему твердой рукой управлять округом. Не очень то Иван Сергеевич долюбивал парт-полит-работников, и они платили ему той же монетой.

Через 15 лет после распада СССР и полной ликвидации парт-полит аппарата бывший член Военного Совета округа в книге воспоминаний «Хорошо ли быть генералом?» пишет о своем Командующем — «Мы встретили нового командующего. Не буду называть его фамилию. Кто знает его, служил с ним, поймет меня.... Насторожила «объективка» на него, послужной список». И далее в таком же духе, с высоты знатока русского языка на этого косноязычного выходца из крестьян.

Да! Я знал Ивана Сергеевича! Да, я служил с ним и под его началом, но понять Валентина Филипповича Плеханова — не могу, отказываюсь его понять. Как так — ведь ты же был правой рукой Командующего, на всех

совещаниях, конференциях, заседаниях Военного Совета ты угодливо поддакивал своему Командующему. Знать не зря недолюбливал Морозов это племя конформистов и угодников, насквозь видя их гнилую сердцевину. Кстати, в своих воспоминаниях он даже строчкой не вспомнил своих офицеров — политработников, на чьих плечах он и держался. Многие из них делились со мной этой своей обидой. Да и книгу ему написали и издали подчиненные.

В моей жизни был такой ЧВС в Южной Группе войск — к счастью запатамывал его фамилию — просто никчемные люди в памяти не откладываются. Так тот краснобай клеймил офицеров, за то, что они покупают в Венгрии ковры, а потом продают этот дефицит в Союзе, а сам терроризировал Военторг, вывозя через порученца и офицеров политуправления тюки дефицита. С приездом нового Командующего генерала Кочетова эта личность была мгновенно «раскушена» и с треском выдворена в Союз. Но политработники своих не забывают. Ему тут же создали должность советника в Львовском училище начальников воинских клубов. На последнем Военном Совете в Будапеште этот ревнитель коммунистической порядочности порядком наклюкался, и откровенно заснул с храпом. После чего генерал Кочетов выпроводил его с позором.

Были среди политработников прекрасные люди, блестящие инженеры человеческих душ, которые всю свою жизнь, свою душу держали нараспашку — навстречу людям. К сожалению, они были в меньшинстве, и сама система партократии нередко съедала их.

Когда я был в Бакинской ставке к нам на должность зам. начальника штаба прибыл генерал-лейтенант Краев. Молодой, талантливый военачальник, которого партократическая система съела и не поперхнулась. Генерал Краев был командармом от Бога, был уважаемым, авторитетным командиром.

Но подхалимствующего и нечистоплотного ЧВС постоянно одергивал и ставил на место. При поездке в одном купе вагона на совещание в округ этот мерзавец выкрал у генерала партийный билет. Скандал был великий. На Краева повесили всех собак, какие только ни попали под руку. Разбиралась комиссия ГлавПУра, ну, и, конечно, «разобралась». Этот мерзотник остался чистеньким, а командарма отправили в Баку с понижением. И таких примеров в войсках было великое множество.

Недаром, уже в наши дни офицеры посмеивались над политработниками, — раньше комиссары кричали бойцам — Делай, как я! И шли в бой, а сейчас политработник говорит — Делай, как я говорю!

Это в верхних эшелонах власти, а что говорить о войсках, где эти бойцы пера и языка давили, кого угодно и как угодно, ломали людям и душу, и жизнь.

После распада СССР и ликвидации коммунистической идеологии в Штабе ОдВО политуправление урезали наполовину и переименовали в

управление воспитательной работы. Начальник Штаба округа генерал Сергеев Анатолий Ипатович вызвал меня и приказал занять все левое крыло, освободившееся после политуправления на втором этаже — под инженерное управление. Помещения были просторные, устроились все с комфортом, а мой кабинет разместился на углу здания — в бывшем кабинете маршала Жукова — это как раз над барельефом маршала на стене Штаба.

А в политуправлении это была резиденция парткомиссии, где через колено ломали судьбы людей. Иногда, когда вечером работал в кабинете, так и казалось, что стены стонут голосами тех, кто прошел через эти круги...

Я еще вернусь к этим «друзьям», и их «активном» участии и в моей жизни.

Заканчивался 1987 год. Предстояли показательные учения на Широколазовском полигоне для Военно-воздушной академии им. Ю.А.Гагарина.

Общевойсковая составляющая этих учений меня особенно не беспокоила, а вот форсирование Южного Буга с оборудованием мостовой переправы силами Рыбницкого понтонно-мостового полка — это был пробный блин для меня, и он не имел права застрять в моей службе комом. Учениями руководил лично Командующий — генерал — полковник Морозов, и я не имел права на ошибку.

За две недели до учений я вывел Рыбницкий понтонный полк на Южный Буг и начал тренировки. Нужно прямо сказать, что полк, которым командовал подполковник Сердцев Николай Иванович, был крепким, сколоченным коллективом, имел хорошую технику, и место для переправы понтонерами было неплохо освоено. Еще за неделю до учений мы провели пару тренировок с войсками, уточнили маршруты выдвижения, створы для выхода техники к местам погрузки на самоходные паромы ГСП и, особенно, сигналы управления по радио.

Для себя я подобрал небольшую станцию на плечевом ремне с одним наушником — по таблице определил себе позывной «Вышка» и вдоволь науправлялся своими понтонщиками на воде. В день учения офицеров академии привезли автобусами, усадили около вышки — на склоне, как зрителей в театре. Прибыл Иван Сергеевич Морозов и начался этап форсирования. Колонны понтонов стояли в глубоких проходах — спусках к берегу, и даже с вышки руководства не были видны. Поэтому, их выход к берегу и разгрузка на воду из-за высокого крутого берега не были видны. Видно было только дежурные катера верховой и низовой заставы, которые быстренько ушли и встали на свои места.

Тикал секундомер, и казалось, что время растянулось — когда же эти, чертовы понтоны, появятся на глади реки? Командующий выразительно посмотрел на часы, и в это время вторая половина моста быстро ушла на противоположный берег. Буквально через пару минут началась наводка моста «ножницами», когда две половины моста с одного и другого берега,

как ножки двух циркулей разворачиваются по течению и смыкаются своими крайними понтонами на середине реки. В этот момент сверху по течению на полной скорости примчалась пассажирская «Комета» на подводных крыльях. Обеспокоенный Командующий как бы для себя, но громко сказал — Куда он к черту летит — нужно остановить его! Я нажал тангенту на рации — «Застава-1, Застава-1» — на связь! — «Слушаю Застава-1» «Застава-1 — срочно остановить Комету! Как понял — Прием!» Понял Вас, — остановить Комету — Выполняю! Сразу же с катера взвились сигнальные ракеты, и он взбурлил наперерез. Комета сбросила обороты и плюхнулась на брюхо, замерев в отдалении.

А по мосту уже весело катила техника наступающих. Справа и слева от переправы как челноки сновали самоходные паромы и плавающие транспортеры. Все управлялось и двигалось по плану. Малейшая корректировка Командующего тут же доходила через меня до исполнителей, и сбоев практически не было. Считанные минуты сборки моста впечатляли даже военных, далеких от земли — такими были авиаторы — и они были искренне восхищены работой понтонеров. Иван Сергеевич дал отбой учениям и пошел беседовать с «академиками», мне же приказал собрать командиров рот. Буквально через 10 минут офицеры замерли в одной шеренге.

Командующий объявил личному составу благодарность, а Вам, товарищ генерал свернуть технику, и концу дня, чтобы все были в полевом парке. Сами вечером возвращайтесь в Одессу, и доложите мне. Командиру полка организовать и провести марш в Рыбницу, о завершении марша доложить через оперативного.

Коротко, жестко и четко. Так состоялось мое вхождение в должность, и в определенную степень доверия со стороны командующего.

Там же я обратил внимание на шустрого старлея — командира роты Жуковского Бронислава Геннадиевича. Отозвал его, недолго побеседовал и приказал через пару дней приехать ко мне на беседу в Штаб. Выбор мой оказался верным. Бронислав быстро врос в оперативную работу, и через некоторое время я отправил его и Мишу Логинова на заочную учебу в Инженерную академию в Москву.

Сейчас это бравый полковник, заместитель начальника территориально-регионального управления «Пивдень» (Юг), правда, из инженерных войск он ушел навсегда.

Конец 1987 года прошел в поездках и работе в частях, а также в приведении Штаба инженерных войск в хорошее оперативное состояние.

А потом грянул 1988 год — год жутких испытаний и перегрузок, которые выпали на долю инженерных войск и тяжким весом легли на мои плечи. Все началось с решения Горбачева вернуть заброшенное, забытое Богом и людьми Нечерноземье в нормальную процветающую жизнь. И сделать это он решил не созданием в районах новых рабочих мест, новых производств, заводов, предприятий — где могли бы работать люди, и не влачить

жалкое существование безработных на голодных землях. Нет! Этот красноречивый решил все Нечерноземье прошить сетью дорог и приблизить эти заброшенные края к цивилизации. Это можно было бы приветствовать, если бы на местах была развернута мощная производственная база — это уже рабочие места для населения, если бы все работы проводили местные жители — уже на строительстве своих дорог — это еще тысячи и тысячи рабочих мест, рабочих рук. Таки все не так!

Во многих военных округах за месяц приказали развернуть дорожно-строительные бригады и отправить в Нечерноземье. И закрутилась сумасшедшая работа. За счет численности инженерных войск округа начали комплектовать штабы и управления двух бригад — именно две бригады возложили на нас. Начали выкручивать руки офицерам, обещая кисельные берега и молочные реки. Поднимали на ступень выше по званию и капитанов посылали на майорские должности. Но процесс шел очень туго, в отличие от Горбачева — у которого «процесс пошел». Снимали с хранения технику и все бросали в бой — все для фронта — все для победы на будущих дорогах. За месяц — полтора, инженерные войска были обчищены и оголены, как зазевавшийся «лох» одесскими щипачами на Привозе. И все говорили волшебное слово — надо! Только начали зализывать раны после отправки бригад в Марийскую АССР и Удмуртию, как получили новую команду — сформировать на жилом фонде Кагульской дивизии в Молдове еще одну — теперь учебную инженерно-дорожную бригаду. Здесь хоть было полегче подбирать кадры — они оставались в Одесском округе. Командиром бригады пошел опытный командир Ренийского понтонного полка полковник Иван Шупо. Но эта учебная бригада окончательно зачистила и без того оскудевшие ряды инженерных частей. А ведь из внутренних округов у меня был самый большой комплект инженерных войск. Только понтонно-мостовых полков было пять — Рени, Бендеры, Рыбница и два в Белгород-Днестровске. Инженерный полк в Дубосарах, дорожный батальон в Бахчисарае, и кроме этого почти десятков дивизионных, корпусной и армейский инженерные батальоны.

А задачи сваливались сверху, как снежные комья. В последних числах марта поздно вечером мне на квартиру позвонил из Москвы Иван Сергеевич Морозов — он был там, на трехмесячном ВАКе в Академии Генштаба.

Олег Борисович! Вам и генералу Шарикову (зам. командующего по строительству и расквартированию) завтра в 8 утра быть на аэродроме в Симферополе. Около 9 утра встречаете Министра Обороны маршала Язова, я буду с ним. Самолет для Вас заказан на 7 утра. Свяжитесь с генералом Семеновым — он в курсе дела и задачу по вашему вылету получил. До свидания. До встречи в Крыму. Я только успел сказать «Есть!» и телефон отключился. Соединился с Начальником Штаба округа. — Да, сказал Семенов — самолет в 7 утра ждет Вас с Шариковым на аэродроме «Школьный». А что, Олег Борисович, — Вы лично знакомы с Министром? Да вы что —

удивился я. А вот министр распорядился Морозову, чтобы Вы лично его встречали на аэродроме! Не знаю, говорю — может здесь что-то другое?

Утром, мы с Шариковым на самолете Командующего помчались в Крым. На аэродроме было тепло и тихо. Немного погуляли, и вот уже самолет. Народу встречающих собралось порядочно. Все выстроились в одну шеренгу около остывающего звуком турбин самолета. По трапу спустился полногрузный Министр и за ним жидкой чередой сопровождающая челядь. Начался обход длинной шеренги с традиционным «Здравия желаем!», а кое-где с обниманием и мужским чмоканием где-то в районе уха. Человек через тридцать докатилось и до нас, благо мы с Шариковым стояли последними. Шариков представился, отдал честь и поздоровался за руку — Поедешь со мной — сказал маршал! Есть! Последним стоял я. Дмитрий Тимофеевич глыбой навис надо мной, и в ответ на мои — здравия и так далее — дружески ткнул меня в живот, — все толстеешь? Ну, как же — говорю — товарищ министр! Стремлюсь соответствовать хотя бы по форме! Я не договорил, кому соответствовать, но он мгновенно уловил, поскольку юмор подхватывал с пол-оборота! Ну, говорит, как был нахал, так и остался, только генералом стал.

Так и вы тоже уже маршал — товарищ Министр! Ну, ничуть не изменился — улыбнулся Министр — поедешь со мной — Морозов — дай ему машину, чтобы не отставал! Есть, товарищ Министр — он поедет в моей «Волге», а я, если разрешите — с Вами. Хорошо, поехали! И началась головокружительная гонка от аэропорта, через город на Перевальное, а потом через Алушту в Ялту, в санаторий «Крым» Минобороны с этой стороны Медведь Горы. Шли со скоростью 120-150 км/час. Но к чести крымской милиции дороги были пустые — нигде не было ни встречных, ни попутных машин. Я никогда до этого не ездил в правительственном кортеже, и на лихих горных серпантинах, когда колеса визжали на все голоса — было боязно.

В санатории Дмитрий Тимофеевич прошел в большой вестибюль, где уже было много отдыхающих. Его тепло встретили — санаторий только-только ввели в строй, и завершал работы Военстрой — по личной инициативе Министра.

Когда со всех сторон посыпались «Спасибо» и всяческие благодарности от ветеранов, а в апреле их было больше всего, Маршал как-то размягчился, улыбался, всем говорил тоже «Спасибо» за хорошую оценку труда, и был не просто доволен, а очень доволен своим визитом в санаторий. Тут же все попрыгали в машины, и кортеж помчался в Мухоматку — это за Ялтой несколько десятков километров в сторону перевала Байдарские ворота. Для справки — Мухоматка — закрытая территория на берегу Черного моря, где расположены различные дачи и дачные корпуса ЦК КПСС. Через двойные контрольные посты все подъехали к большому корпусу, и пошли обедать. Стол был накрыт в зале на всех, и был по весеннему живописен, а

по сервировке и качеству обеда — на очень высоком уровне. Покушали быстро, и каждый рассчитался, оставив на столе традиционные пятьдесят копеек. Я потом три месяца жил на даче в Мухолатке, и с трудом привык к завтраку, обеду и ужину — за 50 копеек каждый, что бы вкуснейшее ни подавали. Такая у них была норма— норма ЦК.

И опять гонка — с приморского шоссе — круто вниз спустились около мыса Сарыч и въехали на большую строительную площадку, на берегу моря возле удобной и красивой бухты на мысе Форос.

В конце XIX века в этой бухте на берегу и на мысе Сарыч одним из членов царской фамилии были высажены саженцы итальянского можжевельника. Они принялись, разрослись и превратились в красивую рощу очень редкого древовидного можжевельника. Еще один такой заказник есть только в Италии. Я стоял на поляне возле домика лесника на мысе Сарыч. Воздух под воздействием эфирных выделений на этой поляне был настолько стерилен, что можно проводить медицинские операции, как после кварцевания, только это от природы и уникально полезно для здоровья.

Вот этот объект под шифром «Заря» срочно завершался к июню-июлю, когда должна была состояться встреча Горбачева с американским президентом. Задача, которую мне поставил Министр, заключалась в установке специальной системы заграждений Лагуна-3 и Лагуна-4, а также средств предупреждения несанкционированного проникновения на территорию объекта. От берега моря на мысе Форос до берега моря на мысе Сарыч по огромной дуге, протяженностью шесть километров по скалам и нагромождениям нужно было вытянуть длинные бетонные полосы, при этом перепад от одного до другого конца полосы не должен был превышать один сантиметр на несколько десятков метров. В принципе, эту задачу поручили ведомству КГБ, но они просчитали свои возможности и запросили шесть месяцев, а нужно было сделать за два. Вот тут и понадобился Одесский военный округ. В целом все строительство велось ГВСУ — Главным военно-строительным управлением под руководством блестящего строителя — генерал-лейтенанта Чекова Николая Васильевича. По завершению этой стройки он стал заместителем министра по строительству и получил звание генерал-полковника.

Кроме установки систем, на меня и Шарикова прицепом повесили гостевой домик — это приличный трехэтажный коттедж через дорогу от основного палаццо в сторону гор. На стройке уже трудилось около тысячи военных строителей и гражданских специалистов. Шли доделочные и облицовочные работы — самые трудные и трудоемкие. При необходимости от округов вызывались самые дефицитные специалисты — плиточники, паркетчики, альфрейщики, монтажники сантехники и теплосетей. Кроме того, работала большая группа специалистов всех видов связи. В подвале основного корпуса и гостевого домика, а также в чердачной части гостево-

го была установлена самая современная аппаратура. В стороне от вертолетной площадки была смонтирована высоченная мачта с ретрансляционной системой, да и мои бойцы почти месяц прорубали в скалах траншею для прокладки специального кабеля связи в сторону Севастополя.

Так, что уверения Горбачева, что он остался на Форосе с одним приемником «Селга» во время ГКЧП — это миф для простачков. Хотя мифы и легенды — это был излюбленный прием сильных мира сего для сокрытия своих истинных намерений, порой даже преступных.

Весь комплекс Форос начинался от въезда со стороны лесничества «Сарыч» в можжевелевом лесу. От КПП дорога проходила мимо огромного дома, где располагались все службы обеспечения, где-то в 4-5 этажей, затем слева оставалась вертолетная площадка и дорога раздваивалась. Верхняя проходила возле гостевого дома, оставляя его слева и, справа — основной корпус с пристроенным к нему корпусом обеспечения и obsługi. Далее, верхняя дорога уходила на мыс Форос, и за воротами выезда переваливала в сторону дачи писателя Горького, прилепившейся к скалам Фороса, и так напоминавшей ему милый Капри в Италии.

Нижняя дорога проходила мимо оригинальной архитектуры летнего кинозала. Пересекала лестничный марш от главного корпуса к морю, и далее проходила к закрытому плавательному бассейну, но, не доходя до здания, плавно уходила вправо и полого подкатывала к длинному деревянному блоку пляжных помещений с душевыми, раздевалками, бильярдными, комнатами и верандами отдыха и прочими прибабасами.

От раздевалок по галечному пляжу шла дорожка на красивый причал, уходящий в море метров на 50 и завершающийся чудесной надстройкой по типу высокой кормы древних пиратских фрегатов. С этой, парящей в воздухе площадки вверх уходила настоящая деревянная мачта с набором соответствующих переключателей. Все это было отполировано, отлакировано и вылизано до блеска.

Плавательный бассейн заслуживает отдельного описания. Через небольшой вестибюль — вход в зал с бассейном 25 на 50 метров, стандартной облицовки плиткой. Узкие боковые стенные проемы были отделаны зеленым мрамором, который специально завезли с Кубы — это было пожелание Раисы Максимовны.

Сторона, обращенная к морю от пола до потолка была застеклена, и можно было в любое время поднять стекла — тогда было ощущение, что ты не в бассейне, а в море, которое рядом — рукой подать.

Но уже готовый бассейн Раиса Максимовна забраковала. Он был сделан по старым советским чертежам, а именно: в огромной чаше налитая вода не доходя примерно полметра до края — стояла вровень с боковыми желобками и в случае, если переливалась через край желобков, то по ним и стекала — на общий слив. Теперь, если плаваешь в бассейне, то эти полметра до верха бассейна полностью закрывали вид на море.

Вам, что — трудно догадаться или посмотреть, как делают на Западе? Спросила строгая проверяющая! Уберите эти желобки внутри бассейна. Пусть вода будет вровень с его краем, а в случае перелива сделайте желоба с наружной части бортика — тогда у Вас и слив будет, и, купаясь можно видеть море, а не плескаться в этом корыте! Так и сделали, но тоже вбухали немалую толику денежек на доработку.

Все насосные системы и автоматику строители врезали в скалы, удачно скрыв их в рельефе местности. Там, где дорога пересекала лестницу, идущую от главного палатца до пляжа, площадку прикрыли козырьком, а сами лестницы сделали от верха до низа — в стеклянных трубах, причем это были не просто лестницы — а лестницы-чудесницы — два пролета эскалаторов — как в метро.

Летний кинотеатр походил на разрезанную раковину мидии, но поставленную вертикально. Малая ее часть прятала в себе экран, а большая — зрительный зал с рядами кресел. А в проеме проходила краснокирпичная дорожка, и вливался напоенный ароматами морской воздух.

Главный корпус имел и главный вход со стороны моря. За высокими дубовыми застекленными дверями открывался большой зал, в конце которого на второй этаж уходила широкая парадная лестница.

Над залом широким каре расположились, как бы балконы второго и третьего этажей, оставляя свободной центральную часть зала и создавая ощущение простора. Со второго этажа был широкий застекленный выход на большую площадку, висящую над уходящим вниз склоном в виде огромного балкона под открытым небом. Море внизу и эта палуба составляли вместе корабль и капитанский мостик. На втором этаже была большая столовая, отделанная под ясень. Именно здесь упала деревянная гардина, сломав руку племянницы Раисы Максимовны, а, заодно сломав и судьбы двух генералов КГБ, руководивших после завершения строительства всем этим комплексом — оба были уволены. Я знал их — простых, сердечных и приветливых ребят еще по совместной работе на стройке. Фамилий их называть не буду, тем более, что у большинства людей этой профессии это были фамилии — легенды.

Для выполнения всех поставленных задач мне выделили 500 человек личного состава — в основном из 28 -й Чабанской дивизии во главе с комбатом, капитаном Скрипка Александром Васильевичем, красивым и статным кубанцем, из станицы Ленинградской, где я прожил полгода на уборке урожая. Набрал я в батальон и своих саперов. К себе в помощники забрал Начальника инженерной службы 32 армейского корпуса подполковника Володю Кузнецова. Через неделю вся эта армада прибыла в Крым, и я разместил ее на поляне в стороне от Севастопольской трассы — недалеко от смотровой площадки Байдарских ворот. Полевая жизнь — да летом, да на берегу Черного моря, да с ежедневным купанием с 6 до 7 вечера — что еще нужно солдату, который оторвался от казармы, строевой и боевой подготовки.

Да они черта могли своротить в таких условиях. Судьба и командование подарили им три месяца Крыма. Порядок и дисциплина были жесточайшими — были спланированы все необходимые работы, составлены четкие графики их выполнения при постоянном контроле со стороны командиров. Солдаты жили в больших палатках УСТ, спали на кроватях. Даже развернули полевую баню, где все с удовольствием плескались под душем, спасаясь от жары. Питание, Начальник тыла округа генерал-лейтенант Белохвост Вилий Степанович, обеспечил отменное, и сам постоянно держал под личным контролем вопросы снабжения. При стопроцентном обеспечении материалами работа была в удовольствие. Отдельная бригада дорабатывала и полировала гостевой домик. Отдельная группа работала с монтажниками, устанавливая на зеленом газоне выкрашенные в зеленый цвет стойки электронно-лучевой системы Лагуна — 3. При включенной системе любое пересечение электронной ниточки паутины сети немедленно отражалось яркой точкой на общей схеме объекта и резким звуковым сигналом у дежурного оператора. Горная бригада упорно выравнивала скалы, и в конце мая уже начала монтаж сеточных панелей по всему периметру объекта.

Подходил июнь, и все шло по плану. Как вдруг погиб комбат нашего батальона — мой земляк по станице Ленинградской. Погиб по глупому, хотя я еще ни разу не встречал, чтобы человек погибал по умному.

К нему приехал друг со своим аквалангом, и они спустились к морю у Байдарских ворот к бухте Ласпи. Капитан надел акваланг и ушел под воду. В середине лагуны он вдруг вылетел пробкой из воды, рухнул вниз и распластался в неведимости. Подплыли, достали, отвезли в Севастополь на вскрытие. Я примчался туда, когда вскрытие завершилось — разрыв легких в связи с задержкой подачи воздушной смеси — за счет воздействия внутримышечной системы. Редчайшее я вам скажу явление. Говорю это как профессионал, отдавший все молодые офицерские годы подготовке и работе разведчиков — водолазов и в Крыму, и на Кавказе. Чаще были пробои легочных автоматов, и высоким давлением пробивало в организме все насквозь.

Вылазку эту он предпринял самостоятельно, на свой страх и риск. Конечно, это была серьезная потеря — комбат был толковым, перспективным офицером и мы все скорбели в связи с этой утратой. Командующий прислал своего проверяющего, но грубых нарушений порядка и в организации работ обнаружено не было. Работы продолжались и близились к завершению.

Чтобы не сложилось впечатление, что эти три месяца были как неплановый отпуск, могу сказать, что положение в подчиненных войсках это как раз то, за что больше всего болела голова. Политуправление Сухопутных войск протатило решение, по которому все отправленные в Нечерноземье дорожные бригады по учету всех происшествий и «ЧП» были на год оставлены за Военными округами, хотя они были за тысячи километ-

ров от нас, и что у них творилось — нам аукалось только разносными шифровками из ГлавПУра или от Сухопутчиков.

А там количество убитых, утонувших, разбившихся, сгоревших, сбегавших, повесившихся и прочее, прочее, прочее, только в моих двух бригадах перевалило за десять случаев. А кроме этого, свои, родненькие подкидывали ляпсус на ляпсусе. Чего стоит только списание техники и вооружения. В принципе, списание — это обычный рутинный процесс, и, если его не запускать — он идет в рабочем порядке — по плану. Когда я принял должность и зашел к своему начальнику отдела по инженерной технике и вооружению — подполковнику Виталию Бесову — удивили папки с документами, горами лежащие на полу, стульях, столах и шкафах. — Что это, Виталий? — Это все на списание, товарищ генерал. — А что же столько накопили? — Так никто не хотел идти к командующему — представлять документы.

Звоню в Москву и говорю с генералом Топилиным — он уже ушел в аппарат НИВ МО, в отдел вооружения — как быть — округ забит хламом. Поставок новой техники нет, как и имущества. Оказывается, предшественник Бесова на отделе вооружения, полковник Цегикалов — может из хороших побуждений, но никому и ничего не списывал многие годы!!

Москвичи мне говорят — ты что, Олег? — У нас по всем вашим ежегодным донесениям записана на 100-120% укомплектованность, и мы автоматически ничего не планировали Вам по поставкам. Да Вы у нас в передовиках! А оказывается, после моих поездок по частям, по складам, после проверки техники на хранении — мы были не впереди, а глубоко, глубоко «взади». И начался процесс тщательной подготовки и отработки всех документов к списанию. Для начала я пошел к Командующему со стопкой около пятнадцати дел. Иван Сергеевич принял, и начал внимательно изучать каждую папку полистно, задавал вопросы по срокам хранения, по соответствию приказам на списание, по правильности оформления учетных записей в формулярах и другим прочим мелочам, в которых он, оказывается, был весьма силен. Хорошо, что я детально подготовился, и практически на каждый вопрос давал компетентный ответ. Почти час — от корки до корки, он просмотрел все и сказал, чтобы на другой день я их забрал у порученца. Лед тронулся.

В последующем я еженедельно в пятницу или субботу, с разрешения Командующего представлял через порученца стопки по двадцать — двадцать пять дел. И он уже меня не перепроверял. Но и мы все документы тщательнейшим образом готовили. Результат ощутили тогда, когда в округ начала поступать новая инженерная техника, автокраны, дорожная техника, электростанции, экскаваторы, понтонные парки. Но это было уже позже — в 89-90 годах.

А в июне 1988 года прилетел на Форос Министр — уже принимать то, что построено. Все выстроились возле своих объектов и ждали обхода.

Когда дошла очередь до меня и генерала Шарикова, Министр уже был на взводе и все проверял сам, как говорится «пробовал на зуб», чтобы не подсунули «туфту» — как он сам говорил.

Ну что? Не успели? Наверное, и показать нечего? — с места в карьер взял Маршал. Шариков спокойно говорит — Товарищ Маршал! Поставленная Вами задача выполнена! Ну, пошли смотреть, буркнул Министр — и вся группа цепочкой влилась в вестибюль гостевого дома, потом по этажам, по комнатам и гостиничным номерам. Все было отделано, блестело, блистало, сверкало чистотой и великолепием, работали кондиционеры, и прохлада несколько сбавила горячность Дмитрия Тимофеевича, которая разогрела его на предыдущих местах. Вышел из гостиницы довольный и тут же спросил меня — А как у тебя дела по системам? — «Лагуну 3» вместе с монтажниками от комитетчиков собрали полностью — все работает. А «Лагуну 4» по своей строительной части завершил и передал наладчикам и электронщикам от завода — изготовителя! — доложил я. Идем, посмотрим — сказал Министр. Представители от комитета быстренько проскочили вперед, популярно все рассказали и показали, при этом отметили, что если бы не самоотверженный труд «саперов из Одессы» — как нас все звали на стройке — поскольку я всех своих ребят одел в легкие камуфлированные комбинезоны — то ничего бы не успели сделать. Дмитрий Тимофеевич совсем раздобрел — Молодцы Одесситы! Просто не ожидал, но надеялся на Вас! Молодцы! Еще несколько дней зачистите здесь все и возвращайтесь!

Так мы завершили эту Форосскую эпопею! По завершению строительства был приказ Министра Обороны, в котором нас с Шариковым поощрили несколькими окладами.

Не успел я вернуться в Одессу, как тут же получил приказ — срочно вылететь рейсовым самолетом на Ижевск, в Удмуртию и лично проверить, почему в двух наших бригадах такое большое количество нарушений воинской дисциплины, а их уже набралось два десятка.

Где-то в два часа ночи меня встретили в Ижевске два офицера на двух Уазиках и мы, не заезжая в город, ринулись в ночь, в лесную глухомань по какой-то проселочной дороге. Три часа жуткой тряски по разбитым лесным дорогам сделали меня первым приверженцем горбачевского решения о строительстве дорог. Но с другой стороны — в рассветном полумраке мимо проплыло несколько брошенных деревень, являвших собой жуткое видение черных полузаваленных изб, заросших хваткими папоротниками и кипрейником. Проехав километров триста, к утру, мы припрыгали в райцентр Кель-мезь. На местном наречии Кель — это слово «идти». Есть такой анекдот про Чапаева. В дивизию прибыло пополнение — удмурты. Василий Иванович спрашивает всезнающего Фурманова — как сказать по-удмуртски — иди сюда! Тот отвечает — кель — монда! — дословно — «иди говорить». Кстати, чтобы не возникало других мнений — слово

«мондья» — по-венгерски — по-русскому — скажите или говорите.

В Будапеште мы спрашивали в магазине — Мондья керем! Мэни бе керюл эз ит? — Скажите, пожалуйста, сколько это стоит? И, если, кто-то сказал — Не монди — это вовсе не то, что вы подумали — это переводиться с венгерского — «не говори», или заткнись, хотя русские именно тот смысл чаще всего вкладывают в эти венгерские слова.

Вернемся к анекдоту. Тогда Василий Иванович спрашивает Петьку — а как сказать — Иди отсюда! Петька говорит — легко, Василь Иванович! — От монды — кель! И это неправильно. Нужно было сказать — Кель — мезь!

Вот так и называется райцентр, где расположился штаб и одна из рот бригады — Иди отсюда, или правильнее — Беги отсюда!

Забитая глухомань, в которую никто и никогда не приезжал по своей воле, да и не выезжал, пожалуй, тоже. Первый секретарь райкома рассказывал и показал мне, как строятся уютные деревянные домики для офицеров бригады — некоторые уже были заселены приехавшими семьями, в том числе и комбригом подполковником Стоякиным — бывшим командиром Белгород-Днестровского понтонного полка. Благодаря бригаде в село начался более регулярный завоз продуктов. Усилиями солдат было построено более ста километров дорог, но это была капля в море бездорожья. Уже за обеденным столом, немного расслабившись в задушевной беседе, секретарь не спросил меня, а, наверное, самому себе задал вопрос, который его, наверняка, сильно беспокоил — Зачем мы делаем дороги? Люди и так бегут отсюда, а будут дороги — поужезжают все работоспособные, ибо здесь им негде работать.

Ну, а говорить о дисциплине в ротах бригады — разбросанных на этих лесных дебрях — было совсем тяжело. Многие младшие командиры откровенно ушли в запой, и как манны с неба ждали, когда их выгонят из армии. Хотя и были включены кое-какие материальные стимулы, но обстановка на местах была тяжелой. Вместе с тем, нужно сказать, что солдаты с удовольствием осваивали и работали на различной дорожно-строительной технике, приобретая опыт и сноровку для будущей гражданки. Хотя после работы, став уже рабочими на стройках, отрывались по полной, как и гражданские

Рабочие везде пили, пьют, и будут пить. И уследить за этим практически никто не мог, а в ряде случаев даже и не хотел. Беседы мои и простые житейские разговоры с солдатами может, и дали какой-то эффект, но я не тешил себя иллюзиями. Это было летом, а бригады, когда прибыли весной — еще хлебнули и снега, и грязи, и бездорожья по уши. А зима еще только маячила впереди.

Вторая бригада стояла в городе Кирове, вернее рядом с городом, и была в более, менее цивилизованных условиях по сравнению с первой. Город Киров — это бывший город Уржум — родина Сергея Мироновича Кирова — одного из ярких пролетарских руководителей первых лет Советской

власти. Была такая детская книжка — «Мальчик из Уржума» — это о нем. В городе, тогда поддерживаемом в хорошем состоянии, был внушительный, красногранитный музей Кирова, в котором я конечно побывал.

Еще пару дней работы в бригаде, и я улетел в Одессу, где все подробно и обстоятельно доложил Командующему.

Приблизилась осень, а с ней и мощные учения по плану Министра обороны СССР — «Юг-88». В начале сентября Министр предпринял поездку по всем округам и Флоту, дабы на месте посмотреть готовность к учениям и, вообще, все посмотреть своими глазами — это Дмитрий Тимофеевич считал своим коньком!

Приехал он и в Одессу. Весь руководящий состав до командира полка включительно были собраны в большом зале Дома офицеров. Оперативное управление и, конечно же, политуправление подготовили короткий доклад для Командующего и справку — доклад для Министра. Доклад пролетел быстро, и в нем об инженерных войсках было вскользь упомянуто. А вот вторая часть Мармизонского балета развернулась уже по Справке, которую готовило политуправление. Теперь уже Министр рулил парадом провинившихся по воинской дисциплине. Поднял несколько комдивов и командиров полков, где было по 4-6 разных «ЧП». И в каждом случае поднимавшийся командир говорил стандартно — «Виноват! Исправлюсь!» и его больше не трогали. Дошла очередь и до меня. Ну вот, сказал Министр, а этот совсем распоясался — генерал Рогожкин — как это у вас тридцать с лишним «ЧП»? — Вы давно в должности? — Чуть больше полгода. Осваиваю — ляпнул я. Да вам не осваивать надо — вас увольнять уже надо! И тут оживились карандаши в руках у кадровиков и политработников — есть прямое указание Министра! — А что это за последний случай — солдат застрелил солдата случайным выстрелом при следовании с поста в караульное помещение? В чем причина? — Сильно боялся на посту, и патрон дослал в ствол. Как висел автомат на груди — так и шел в караулку, споткнулся, а рука была на рукоятке автомата — нажал на спусковой крючок и этим выстрелом убил впереди идущего товарища, — доложил я.

Тут меня со всех сторон начали дергать за рукава и мундир — Скажи, что «Виноват» и все — тут же отстанут. А Дмитрий Тимофеевич говорит — причина не в этом! — Причина в том, что солдат не обучен владению оружием, иначе бы он знал, к чему может привести патрон в патроннике! Так?! Так точно. Так! — ответил я. Ну, хоть тут согласился — хмыкнул Министр, и уже переключился на следующего. Так я наступил еще на одну мину на минном поле жизни, и она могла взорваться в любую минуту. За время, оставшееся до начала учения я нутром почувствовал некоторую пустоту, образовавшуюся вокруг меня. Но задач было много, и я не особенно то влезал в эти самокопания. К учению мы подготовились прекрасно. Обновили все маскировочные комплекты на командных пунктах. Проверили, и где нужно заменили электростанции. Подремонтировали свой передвиж-

ной командный пункт. Отработали большой объем различных карт и пояснительных записок. В установленное время учения «Юг -88» начались, и Штаб фронта развернулся в лесах — под Кишиневом. Для постановки задачи на месте — так сказать «с листа», на КП прилетел Маршал Ахромеев с группой генералов. Нас, начальников управлений, собрали в «бабочке». Бабочка — это нехитрое изобретение военных, когда несколько штабных автобусов собираются в единый комплект, при этом стенки одних опускаются, у других — поднимаются и образуется большой просторный зал, где устанавливаются рабочие столы, стулья, монтируется освещение, связь и прочие атрибуты. Начали наносить обстановку с голоса — каждый на своей карте — это был масштаб одна двухсоттысячная. Маршал протискивался между столами и смотрел, как накладывается обстановка. Добрался он и до меня — я сидел за последним столом, и он никак не мог притулиться, чтобы сзади из-за моей спины поглядеть на карту. Тогда он при своем небольшом росте закинул ногу на стол и удобно улегся сбоку на мою карту. Я тут пытался отодвинуться, уступить ему место, а он тихо говорит — Ты рисуй, рисуй! У тебя карта — двухверстка? — Так точно, товарищ Маршал! — Ну, вот давай, протаскивай маршрут — вот здесь, здесь и вот по этой тропочке — его карандаш выкрутил на карте зигзаги через Карпаты, и он довольный сполз со стола. Если кому что непонятно — посмотрите на карте у инженера — у него все правильно нанесено! — сказал Маршал, и они после перекусона полетели по другим штабам.

Прошло пару суток на замысел и выработку решения. Обычно для доклада решения мы всегда летали в Ставку — в Кишинев или Ставку Министра. Но на этот раз вышло все по-другому. Приказали всем собраться с картами и документами в «бабочке». Расселись, разведчик развесил свою карту и буквально через несколько минут вошла большая группа генералов и маршалов во главе с Министром. Следом протиснулись киношники со своей аппаратурой, и началось заслушивание. Не знаю, кто или что испортило Маршалу настроение, но «разведчика» он завалил одним вопросом. Тот стушевался, начал что-то объяснять. «Садись!» — прозвучало как приговор. Начопер пытался исправить ситуацию, но два уточняющих вопроса выбили его из колеи и тоже усадили за стол. «Мороз крепчал». Под разнос как на наковальню пошли ракетные войска и артиллерия, потом ПВО и как завершение — Начальник Штаба Фронта — генерал-лейтенант Анатолий Ипатович Сергеев. Минуты через три доклада Министр прервал его, сказав — Толя! Если бы я не знал, что ты старый афганец и сам ходил там под пулями — я бы тебя сейчас снял с должности! Садись! Назревала катастрофа — целый Штаб Фронта не мог доложить решения и обоснований обеспечения по родам войск за фронтовую операцию. На Морозова было больно смотреть — настолько каменным было его лицо.

Ну! Кого мы еще не заслушали? — спросил Министр. Начинжа, товарищ Министр — тут же продвинулся ЧВС генерал-лейтенант Плеханов.

— Ага! Давайте послушаем инженера, — добродушно пробасил Дмитрий Тимофеевич, и все потянулись за минералкой, пока я и операторы вывешивали карту и пояснительную записку с расчетами. После всех докладов моя физиономия тоже, наверное, была как у камикадзе перед хакари. Министр улыбнулся, вон тебя для кино снимают — ты хоть улыбайся! Да, отвечаю, тут поулыбаешься, что себе дорожке станет. Прошу разрешения для доклада.

Маршал некоторое время изучал карту, висящую перед ним и, вдруг, говорит, — Морозов! Вот по этой карте он мне может ничего не докладывать! По этой карте я сразу разобрался, и это хорошо оформлено — где и какие задачи решаются фронтом, где и какими силами решаются инженерные задачи, и в какое время проложены все маршруты, чего я ни на одной карте не видел. Я почувствовал, что запахло жареным — ведь за маршруты отвечают инженеры. Товарищ Министр — говорю — может это моя вина, что не добился приоритета по маршрутам? Да погоди ты со своей виной! Прорычал Маршал. Это ты чернорабочий в этом штабе, а они все в беленьких перчатках и чистенькие, а где надо так и тебя подставляют! Я еще никогда не видел Дмитрия Тимофеевича таким разъяренным. Все втянули головы в плечи. Прошла некоторая пауза и уже более спокойно Министр сказал — Докладывай. Изюминка была в том, что наш фронт играл за «синих», и мы наступали через Карпаты с запада на восток. Доклад был коротким, и я постарался вставить в него все, но схитрил и оставил как бы пропущенным вопрос по перевалам через Карпаты. Дмитрий Тимофеевич мгновенно ухватил меня на этом — А как у тебя пойдут ракетные комплексы через перевалы? Товарищ Министр! Всего перевалов в полосе фронта шесть, но три северных не обеспечивают по малым диаметрам на серпантинах пропуск ракетчиков, поэтому одну дорожную бригаду сажаю на три южных прохода, и там комплексы пройдут! А как согласовано с ПВО? Так точно — согласовано и по времени и по месту — на карте все показано и есть согласование с Начальником войск — поднялся генерал Умрихин и тоже сказал — Так точно! — Хорошо, а какова скорость движения техники на перевалах, когда и как будете преодолевать? — Преодолевать будем в темное время суток — это по времени 10-12 часов. По трудности преодоления скорость будет не более 10-12 километров в час, при протяженности перевалов до ста километров мы укладываемся в это время. Маршал аж привстал, — Сергей Федорович! (Это он Ахромееву). Давно нам никто правды в глаза не говорил — все выкручиваются — да мы мухой через горы перелетим! А он правду говорит — десять километров в час и это еще будет хорошо! — Ну ладно! Вопросов нет. Думаешь, наверное, быстрее бы они на обед шли? Да нет, говорю, товарищ Министр — я за Ваш обед вовсе даже не думаю.

Ну вот, Морозов! Он нас даже кормить не хочет! Тут же поднялся Иван Сергеевич! Товарищ Министр! Все готово, можно идти обедать! Все выш-

ли на свежий воздух и остановились возле щита объявлений. Там, в размер большого стандарта висела цветная картина — в виде дружеского шаржа — Штаб фронта за работой.

Я люблю рисовать дружеские шаржи на друзей, а тут что-то подхлестнуло, и я нарисовал карту. На большом столе — Иван Сергеевич с шашкой наголо, артиллерист дергает веревочку у игрушечной пушечки, авиаторы с маленькими самолетиками отрабатывают слетанность в паре, себя нарисовал под столом, ползущим с миной, на линии фронта разведчик вел «языка» — за язык, ну и так далее — весь Штаб в работе. Ребята, художники из оперативного управления все это в красках перенесли на большой лист ватмана и вывесили на щите. Минуты две все молча рассматривали, потом Министр не выдержал и захохотал, естественно и окружение это подхватило, тем более что там все действительно было смешно. — Кто это у вас такой умелец? — спросил Дмитрий Тимофеевич. — А это, товарищ Министр, наш инженер-генерал Рогожкин — тут же доложил ЧВС — Владимир Филиппович Плеханов. — Ну что ж, — настоящий талант талантлив во всем — изрек Маршал и все пошли на вертолет, обедать было уже некогда, нужно было лететь дальше.

Через полчаса прилетел на вертушке Начальник инженерных войск МО генерал-полковник Владимир Павлович Кузнецов — Олег! Колись, что ты здесь натворил — уже по всем округам и Штабу руководства идет гул — у одесситов какой-то инженер так доложил, что Министр приказал этот опыт изучить, и чтобы везде докладывали хотя бы близко так, как этот одесский генерал. Что ты ему доложил?

Я рассказал Владимиру Павловичу, как все было, он похвалил меня и опять на вертушке помчался догонять Министра.

А через час по всем управлениям разнесли листовку — «Берите пример с передовика! Действовать так, как коммунист Рогожкин О.Б.». Вот так быстро прогнулись любимые политработники.

Судьба не дала мне подорваться на той mine, которая была готова взорваться подо мной перед учениями. А 14 августа 1988 года я отметил свое пятидесятилетие, и было приятно, что Родина наградила меня боевым орденом «Красная Звезда». Наверное, это воздалось по делам моим за трудный год становления в Одессе. До сего дня не пойму, как сложилось так, что именно на моем докладе, так контрастно со всеми разрядился Министр. То, что я рассказал — слово в слово соответствует тому, что было, ибо для меня это было сильным потрясением, и я ждал худшего выхода из всей ситуации, а вышло наоборот.

Кстати, Анатолий Ипатович сказал мне оставить карту на месте и после обеда приказал собрать всех операторов из управлений, оформляющих карты и перекопировать все на свои карты — один к одному. Учения эти прошли и завершились нормально. Более того, Одесский округ был отмечен за хорошую разработку фронтовой операции.

Но самое главное — прекратились негласные наезды на меня, управление и войска. Упростились мои контакты с коллегами. Характерный пример. Я уже говорил, что вольно или невольно Васильев оставил мне вдребезги разбитую «Волгу», не подлежащую восстановлению. Я аккуратно уточнил — как восстановить «статус кво»? А никак — говорят! В округе много безлошадных начальников и все перебиваются на Уазиках из частей. К этому моменту я установил хорошие контакты со своими друзьями в Москве. На первых порах помог Васильев — он почти тут же получил генерала — благодаря Владимиру Павловичу и, сидя на отделе вооружения, нормально удовлетворял наши заявки. Да и я не сидел, сложа руки, и запустил конвейер по списанию устаревшей техники, что накопилась почти за десять лет.

Списание — списанием, а я тут же истребовал новую технику на замену — и в округ пошла хорошая техника. Пришли и автокраны, которые были колоссальным дефицитом. Почему? — Объясню позже.

Вызвал я своего зама по вооружению — Виталика Бесова и спрашиваю — сколько автокранов есть у автослужбы на Одесском авторемонтном заводе? Отвечает — ни одного! Хорошо, теперь подготовь наряд на получение из последней партии — одного 16 т. автокрана — в автослужбу. Сверни его в трубочку и перевяжи красной ленточкой с бантиком. Сам этот наряд отнесешь и положишь на стол начальнику автослужбы полковнику Балабай Петру (вскоре он получил генерал-майора, а его старший брат Балабай — начальник автослужбы Минобороны — получил генерал-полковника). Виталий сначала вспылil — да они нам ничего не дают, чего это мы к ним на поклон идем? И я понял истоки и корни всеобщей отчужденности, которые царили в отношениях управлений между собой. Нужно было срочно менять подходы. Давай, говорю, Виталий — двигай, как я приказал, а там посмотрим. На следующем совещании Петр Балабай подошел, пожал руку и сказал свое «спасибо!» А через неделю растерянный Виталик приносит наряд от автослужбы, причем перевязанный синей ленточкой с бантиком.

Наряд был на ремкомплект автомашины «Волга 24-10» в первой комплектности. Что такое первая комплектность — это новенький корпус машины, полное внутреннее оборудование. Нужна только рама с ходовой частью и двигателем. От старой машины взяли ходовую — отремонтировали ее на авторемонтном заводе, поставили на нее волговский двигатель от сварочного агрегата и надели на нее новенький корпус. Вышла самая приличная автомашина в гараже Штаба.

Свой подарок к моему дню рождения сделал и Командующий — Иван Сергеевич Морозов. 13 августа 1988 года — за день до дня рождения он вызвал к себе меня и генерала Конюшко. Вам, генерал, выделена четырехкомнатная квартира на третьем этаже в новом кирпичном доме на углу Пионерской и Говорова. «Поехайте», и если подходит — оформляйте. А

Вам Конюшко — освободившаяся квартира в «Голубой мечте» на Французском бульваре.

Я за один день оформил ордер, поставил новые замки в дверь, и за неделю привел в порядок квартиру после строителей, а потом и переехал с аэродрома Школьного на Пионерскую. Квартира — чудо — рядом парк «Победы» (тогда парк Ленина), недалеко от моря и рядом с центром города. Во всем этом плохо было только одно — генерал Конюшко пришел занимать выделенную ему квартиру, а оказалось, что там осталась проживать дочь какого-то военачальника, убившего на повышение в Москву.

Кирилл Николаевич часто потом, вплоть до получения через год своей квартиры на 7-ой станции Фонтана, говорил мне — ты, Олег, занял мою квартиру. Я не знал, откуда дует ветер, пока ребята из КЭУ не сказали мне, что Конюшко предлагали квартиру на Пионерской, но он отказался и захотел получить в «Голубой мечте».

Так же благополучно разрешился и вопрос со служебной дачей в Чабанке. В начале 88 года перед дачным сезоном ко мне подошел Борис Борисович Малюдченко — начальник политотдела Штаба округа и предложил мне занять на Чабанке его дачу, поскольку он перешел на другую. Тут нужно сказать, как мы с ним стали друзьями.

На второй день после своего прибытия в округ я шел по коридору второго — «правительственного» этажа штаба, где размещались — Командующий, Начальник Штаба, ЧВС, Политуправление и Секретариат Военного Совета. Вдруг сбоку на меня вывалился здоровенный полковник и зычно окрикнул меня — это ты новый генерал вместо Васильева? Ты что — забыл, что это партия тебе дала штаны с красными лампасами? Почему не пришел и не встал на партийный учет?

Так внезапно он свалился, что я сначала оторопел, но потом разозлился. — Ты кто такой, что тыкаешь мне? Врезал я ему, — если еще раз такое себе позволишь — я тебе рожу начищу за непочтение к старшим. Пошел вон отсюда! Он сначала остолбенел, а потом начал что-то выкрикивать, но слова смешались в какую-то словесную кашу, и что он хотел сказать, я не услышал — уже спустился к себе на первый этаж. Через полчаса меня пригласили в политотдел штаба. Я зашел в кабинет к начальнику и увидел своего обидчика. Боря широко улыбнулся, протянул руки — ну здравствуйте, товарищ генерал! А я жду — к кому Вы побежите на меня жаловаться. А Вы — ноль эмоций, молодцом! Будем знакомы — Борис Борисович — я в ответ — будем — Олег Борисович! Ну, вот и хорошо, что мы оба Борисовича! С этого момента мы стали, если не друзьями, то крепкими товарищами. А сейчас — пишу и знаю, что Боре уже, наверное, никто и ничто не поможет. После нескольких инфарктов и инсульта он без движения, речи и какого либо разума лежит дома — уже почти пять лет. Жаль его, по-человечески жаль — он был среди политработников некоторым исключением.

Так вот от него ко мне перешла четвертинка небольшого одноэтажного дома на берегу моря — в Чабанке, где был небольшой дачный городок офицеров и генералов Штаба. Одна комната на 20 метров, маленькая детская и мини-кухонька. Зато сад был прекрасен — стояли три огромных абрикоса, которые каждый год давали крупные плоды-колировки. Но кроме радостей были еще и побочные задачи.

Все началось еще в апреле, когда Вилий Степанович Белохвост — начальник тыла тактично подсказал мне, что инженеры ежегодно брали на себя задачу по приведению в порядок береговых спусков, пляжей и причалов на дачах руководства и на общих дачах — это все рядом. На одном из совещаний и Командующий среди всех задач, упомянул про подготовку к лету и нашего городка в Чабанке. Я выехал на место — развал был полнейшим. Зимним льдом и штормами разворотило и поломало стойки причалов, пляжей как таковых не было и море плескалось в вертикальный откос. Между двумя причалами саперы умудрились забить небольшие сваи и сделать над водой подобие пешеходного мостика. Конечно, шторма все разбили начисто.

За несколько дней я сосредоточил на берегу небольшой бульдозер, автокран, сварку и пару отделений от дивизионного саперного батальона. Возглавил группу дивизионный инженер Толя Силкин. Решение подсказал опыт японцев. Дело в том, что несколько покатый берег моря почти на уровне воды имел мощный глинистый слой, который не пропускал через себя воду и эта смазка давала возможность под нагрузкой высокого берега понемногу смещать грунт в полосу прибоя, где его жадно съедало море. И это характерно почти для всей береговой полосы Одесщины. Чтобы избежать давления на грунт сверху — мы отошли от берегового обрыва на двадцать метров и сделали пологий склон, а грунт вынесли бульдозером на 30-40 м в море двумя дорожками по обеим сторонам пляжей. Расчет оказался верным. Прибрежными потоками воды при ветрах с разных направлений эти песчано-глинистые дорожки за месяц размыло, и весь песок море само уложило на два пляжа. Урез воды отошел от обрыва и образовался песчаный пляж десятиметровой ширины. За месяц подняли из воды стойки причалов, сварили прочные каркасы устоев и выстелили палубу понтонными деревянными щитами. Береговую часть причалов укрепили бетонными плитами и залили все бетоном. Соответственно восстановили лестницы и плавные дорожки к пляжам. К первому мая на пляже стояли большие зонты от солнца, раздевалки и сверкали краской два причала. А на 30 метров от берега все каменистое дно покрыл золотистый песок. Так мы разминировали еще одну мину, которую нам подсунула природа и руководство.

Но 1988 год ознаменовался еще одним счастливым событием. На месячный летний отпуск после окончания училища из Москвы прибыли и поселились в дачном городке два молодых лейтенанта, два друга. Один из

них Вадим Гринченко был сыном моего товарища по работе — полковника Гринченко Леонида Дорофеевича. Вадим окончил Кремлевское училище Верховного Совета. Второй лейтенант был его другом — Сережа Семенчук — высокий, сухощавый, симпатичный выпускник Балашихинского училища дорожных войск. А тут на даче напротив, живет молоденькая художница — Марина — дочь генерала Рогожкина. Завязался отпускной роман двух лейтенантов и девушки на выданье. Море, солнце, пляж, загар, прогулки под звездами — все атрибуты молодости и радости жизни. К моменту разъезда молодых офицеров к новым местам службы позиции сторон окончательно определились, и Марина отдала предпочтение Сереженьке. Несколько раз приезжали к Гринченкам их друзья еще по Молдавии — отец Сережи полковник Володя Семенчук — был заместителем Республиканского военкома Молдовы генерала Виктора Назарова, и чудесная жена Володи — Лида. В последний свой приезд они пришли к нам на дачу с рушником — сватать Марину за Сережу. Раз дети согласны так и мы согласны — посидели за столом, обмыли это дело. Поплакали наши женщины. Кто от счастья, а кто и от ушедшего счастья. Уж больно приглянулась Маришка жене Лени Гринченко — Надюше. И у нее были в начале лета свои планы на будущее детей, но судьба и любовь распорядились иначе, и Маришка не стала невесткой в их доме.

После застолья, Семенчуки собрались уезжать в Кишинев. Я полез под кровать и выкатил оттуда два больших арбуза — ну у меня с полигона их там накопилось порядком. Выхожу с арбузами и вижу, что-то не так. Володя немного побелел, а Лидия Ивановна чуть ли не шепотом меня спрашивает — Так Вы, что нам отказываете, что гарбузы выставили? Вот тут я давай хохотать — так это арбузы, а не гарбузы — это Вам в дорогу наши сладкие — одесские. Тут и до всех дошло, что все в порядке. Посмеялись все от души и все разъехались. Поколесил наш Сереженька в Сибирский Военный округ, в саперный батальон в Пospelихе. Это в Алтайском крае, в предгорье, почти на границе с Китаем. Места эти — жуткая Тьму-таракань. Летом, это континентальная жара Алтайских степей, а зимой морозы до минус 40, минус 50 и снежные заносы — иногда до крыши. Как то в Пospelиху зимой приехал ретивый проверяющий из Москвы — покажите мне вашу технику «НЗ». Комбат привел его на снежное поле за жилым городком и говорит — вот наша техника «НЗ». — Где? Здесь чистое поле! — А у нас под ногами она вся и стоит! — сказал комбат. Сережа долго не раздумывал и тут же написал рапорт — отпустите жениться. Никуда не денешься — надо отпускать, и он приехал, привез руку и сердце. Марина согласилась, родители согласились, и я как раз квартиру получил. Свадьба была не шумная — около 30 человек — все свои, заодно и квартиру на Пионерской обмыли, а через неделю Сережка улетел в свою Пospelиху. Прошло девять месяцев, и 7 мая 1989 года Марина родила в пятом роддоме нашу первую внучечку — Дашеньку. И если раньше я три раза в день — когда был в городе

— гулял с пуделем — Ником, то теперь я с коляской катился в парк Ленина (сейчас это парк Победы) и останавливался в сосновой рощице — там такой хвойный аромат, что Данечка засыпала мгновенно. А потом было лето, опять в отпуск прикатил Сережа, и они пропадали на даче в Чабанке и на море.

Весной 1989 года я оказался по делам службы в Николаеве — работал в учебном саперном батальоне. Я уже писал, что в лейтенантской молодости я со своими разведчиками строил в этом батальоне полосу препятствий и уже генералом полез в траншею полосы и на капитально зарытом бревне бруствера траншеи нашел вырезанные моим лейтенантским ножом инициалы — РОБ-62 — приятное воспоминание. И в этот же день мне докладывают — Вам звонил капитан первого ранга Сиваш и очень просил Вас зайти к нему в офис — это здесь, неподалеку. Я не пошел, я на крыльях полетел к своему Бакинскому другу Лене Сивашу, который в нашей Бакинской ставке был не только моим соседом по квартире, но и был начальником Военно-морского Управления Ставки. Встретились, обнялись, и посыпался обычный в таких случаях разговор — где ты, а как у тебя и прочее. Оказывается, Леня перебрался в Николаев на должность начальника Госприемки военных кораблей по Южному региону. Мы договорились, что на следующий день с утра он выделяет мне своего каперанга и мне устроят экскурсию по первому советскому авианосцу «Адмирал флота Кузнецов». Я вам скажу, что это посещение было незабываемым. Сначала корабль называли «Леонид Брежнев», потом «Тбилиси» и уже потом Кузнецовым.

Колоссальнейший корабль стоял у достроечной стенки судостроительного завода. Нас встретил кавторанг, молодой и симпатичный офицер, но замотанный делами так, что глаза у него были красные от недосыпания. На удивление он был капитаном корабля. Обычно на такого класса корабля ставили контр-адмиралов или как минимум каперангов. Командир пошел по своим делам, а мы обошли почти весь корабль от клотика до кингстонов. Посмотрели гигантский лифт, который поднимал и опускал самолеты на нижнюю палубу-ангар для истребителей СУ. Во время испытаний возникли проблемы — как убирать палубу от снега, ведь она вся в шляпках заклепок и никаким трактором снег с палубы не собрать, при том, что авианосец был предназначен для работы на севере. А при испытаниях первых взлетов по короткой дорожке — от рубки, с использованием форсажа чуть не произошла трагедия. Перед рубкой подняли наклонно специальные газоотбойные щитки из титанового сплава по сорок килограмм весом каждая. Все собрались на верхней рубочной палубе. Взревел форсаж истребителя, он сорвался с места и пулей выпрыгнул в небо с трамплинного носа авианосца. И тут же всех наблюдателей, как ветром сдуло с палубы, потому что форсажной струей несколько этих сорока килограммовых отбойных щитков вырвало из палубы, и они как снаряды просвистели над голо-

вами комиссии. Еще раньше я был на аэродроме в Каче и видел специально оборудованную взлетно-посадочную дорожку, нарисованную на взлетно-посадочной полосе, и в конце ее — в сторону моря был сделан специальный приподнятый трамплин — точная копия носовой части авианосца. Там и тренировались летчики авианосца. Экскурсия получилась увлекательная и запомнилась на всю жизнь. А рядом у стенки стоял уже почти готовый авианосец «Варяг». Судьба его печальна. С развалом СССР он остался никому не нужным и был продан то ли в Гонконг, то ли в Южную Корею в качестве аттракциона с ресторанами. Я не даю никакой оценки этому факту. Я просто вспоминаю фильм детства «Георгий Саакадзе», где главный герой показывает сыну, что целый веник никто не может сломать, ибо прутья все как единое целое крепки, а по одиночке каждую веточку может сломать и ребенок. Так и мы остались беззащитны.

А с Леней Сивашем случилась беда. Он стоял на трамвайной остановке, хотел летом поехать на рыбалку, и был в легких шлёпанцах. Или его кто-то толкнул, или он оступился, но трамвайное колесо проехало и отрубило ему пальцы на обеих ногах. Я встречал его уже после госпиталя, и он решал проблему с протезированием, собираясь ехать для этого в Германию.

Город Николаев знаменит еще и картинной галереей, где сосредоточена самая большая коллекция картин знаменитого русского художника Верещагина, которую он завещал родному городу. От одной только картины «Апофеоз войны» становится жутко.

У меня с этим городом связано еще одно событие. Пришел в аварийное состояние Варваровский мост, и было принято специальное решение ЦК о продаже городу двух парков ПМП для оборудования дублирующего моста севернее города и пропуска автотранспорта. Я набрал из всех частей округа два комплекта парка и сосредоточил их в районе напротив Коровьего пляжа. Для наводки моста взял личный состав Рыбницкого полка и в назначенный день, в присутствии мэра города Чайки понтоны за считанные минуты поставили мост. Город перечислил округу два миллиона рублей, и я был в передовиках по объему реализации техники в народное хозяйство. По моему совету руководство города через военкоматы пригласило для работы на мосту большую группу бывших понтонеров за весьма хорошую плату. Вместо расчетных двух месяцев мост отработал почти год. Несмотря на выстеленное по моему совету деревянное покрытие, к концу эксплуатации верхняя палуба моста превратилась в решето и после демонтажа все понтоны были выкинуты на берег и заброшены на потребу сборщиков металлолома.

В середине мая позвонил генерал-полковник Владимир Павлович Кузнецов, — Давай, собирайся и в июне приезжай в Москву. Я включил тебя в состав комиссии по выпуску в Инженерной академии в качестве заместителя председателя — Маршала инженерных войск Аганова Сергея Христофоровича. Шифровку у Главкома я уже подписал. Я прибыл в Мос-

кву в указанное время, доложился Владимиру Павловичу и мы втроем около часа просидели в комнате отдыха вместе с Начальником штаба — прекрасным человеком — генералом Юрием Васильевичем Красниковым. Впоследствии он стал Начальником инженерной академии, а моя дружба с ним продолжается, и по сей день, тем более, что у Юры супруга из Ильичевска и он периодически навещает наши южные палестины. Сейчас Юрий Васильевич уже на пенсии, но порох в пороховницах еще держит сухим!

Уже в начале июня, через десять лет после своего выпуска, я оказался в стенах родной академии. Начальник академии генерал-лейтенант Устинов Виктор Иванович, его заместитель по науке, близкий и родной мне человек — генерал-лейтенант Медлев Леонид Сергеевич, все его заместители и большинство начальников кафедр были мои хорошие товарищи и друзья. Обязанности заместителя председателя были хлопотными, но не обременительными. В первые дни на заседании комиссии Маршал поставил всем задачи и очень деликатно объяснил, что выпускники академии в течение нескольких лет были в этом коллективе, учились премудростям инженерной науки, и наша задача во время экзаменов определить глубину не только знаний, но и творческого мышления, объемного понимания инженерного дела.

Начались экзамены — с утра и до пятнадцати часов. Сергей Христофорович приезжал ежедневно к девяти-десяти утра, и в своем отдельном кабинете просматривал почту. Я докладывал ему итоги прошедшего дня и предлагал побывать на очередной интересной защите диплома, если таковая в этот день была. Но чаще всего я просил его разрешения самому побывать на предстоящих защитах, и он любезно соглашался. Должен сказать, что уровень подготовки слушателей в целом был достаточно хорошим. Правда, были и исключения. Кто-то из знакомых полковников пригласил меня на защиту диплома его подопечного — шустрого майора, который по всем показателям шел на красный диплом. В качестве технического решения к своему проекту боевой майор выставил, как свое изобретение, подземное убежище из дерева — так, называемой безврубочной конструкции.

Сама защита диплома и тема его были где-то на уровне полкового инженера. Но когда я увидел листы ватмана технического решения — я не выдержал и попросил принести учебник «Фортификации». На соответствующей странице я нашел раздел — «убежища безврубочной конструкции» и все чертежи, на листах ватмана были скопированы тютелька-в-тютельку с учебника. — Ну и где здесь какая-то новизна? Что нового вы внесли в инженерное дело? Может способ сборки, монтажа был хоть как-либо изменен? Ну, ничего абсолютно не было — голое передирание из Руководства и объявление этого новинкой и открытием. Я сказал членам комиссии, чтобы при выставлении оценки было учтено и мое мнение. Так я завалил, сам того не ожидая, одного медалиста. Парню просто не повезло. За-

канчивал он конечно высшее инженерное училище, а не как мы — трехгодичное. Как мы шутили — нас научили извлекать корни — реальные. Мы умели — наше поколение — все делать — и ковать, и строгать, и пилить, и рубить, и точить на станках, и работать на всех инженерных машинах — бульдозерах, грейдерах, кранах, учили быть водолазами и сварщиками, работать на лесоповале и еще многое, многое, многое другое. А они это учили по картинкам, но зато ловко извлекали математические корни, — наверное, и это хорошо, но безврубочные конструкции вошли в меня с потом, кровавыми мозолями и занозами на ладонях после занятий на форт-городке в далеком Калининграде. Ладно, что-то меня разобрала эта история. Кстати, этот майор встретился мне уже подполковником, дивизионным инженером. Когда мы принимали дивизии от бывшего Киевского военного округа. Он подошел ко мне, представился и спросил — вы меня, наверное, не помните, я тот, кто прокололся на «безврубочной конструкции». И тут я, конечно, его вспомнил. Кстати, в практических вопросах он оказался вполне достойным инженером.

Месяц работы в академии пролетел, как один день. Десять лет назад я выпустился отсюда подполковником, и вот вернулся генералом, да еще и замом у Маршала в комиссии. Конечно, гордость меня наполняла. Но кичиться я этим не собирался, да и не умел, тем более что очень многие в академии были мои друзья, товарищи, бывшие сослуживцы и уже мои воспитанники, которые стали кандидатами наук и преподавали.

Конечно, по воскресеньям я вырывался в Черноголовку, к своим друзьям Калмыковым.

Буквально через месяц после возвращения из Москвы я опять уехал, на этот раз в Киев, где Начинж — Генерал-полковник Кузнецов В.П., собрал всех инженеров округов и армий на всесоюзный сбор. Такие сборы проходили постоянно через каждые два года и последний был в 1987 году в Алма-Ата — в Среднеазиатском военном округе.

Собрали всех в инженерной бригаде под Киевом — в Броварах. Тогда этой бригадой командовал полковник Вячеслав Павлович Синельников, мой большой и верный друг.

Конечно, встретились стародавние товарищи, друзья и первый вечер прошел в дружеских застольях. Из ГСВГ приехал генерал Слава Цветков, хозяином сборов был генерал Валентин Яремчук, которого я хорошо знал по его службе Начинжем сороковой армии в Афганистане, из Минска прикатил генерал Валера Лепешинский и многие, многие другие, если перечислить — уйдет несколько страниц. Ребята! Не обижайтесь, что не упомянул всех, хотя надо бы! Сейчас пишу эти строки и мои славные друзья — как живые стоят передо мной — а в жизни многих уже нет к великому сожалению.

Валера Лепешинский погиб трагически в автомобильной катастрофе. Слава Цветков по возвращении из Германии некоторое время был НИВ

Ленинградского округа. Уволившись, несколько лет болел, и в начале нового тысячелетия ушел из жизни. А в 2008 году, вскоре, после тяжелой смерти Леонида Сергеевича Медлева, скончался мой большой друг — генерал Валентин Яремчук. Почти до последних дней он работал — преподавал на инженерной кафедре в Национальной военной академии Украины. Светлая вам память, мои дорогие и любимые друзья, пусть тяжелая земля, укрывшая Вас — будет Вам пухом, а добрая память останется в сердцах поколений, пришедших нам на смену.

Знать бы нам тогда, что это будут последние сборы инженеров в Советском Союзе. Основная тематика была посвящена борьбе с радиационной опасностью. Еще всю работу на Чернобыле сменные бригады. Периодически я отправлял в Чернобыльскую зону инженерную технику, которую с округа тут же списывали. Группами и поодиночке уезжали в эту зону наши инженерные офицеры и солдаты. Долгое время этими мероприятиями управлял от Одесского округа зам. Командующего по гражданской обороне, мой хороший товарищ — генерал Шмаль Николай Федорович, блестящий профессионал. Вместе с ним работал и его сын, офицер, который через несколько лет умер от лейкоза.

Вот, что Николаю Федоровичу стоило — устроил бы своего сына где-то в затишье. Но он, верный чести и долгу, как многие полководцы в Отечественную, поставил своего сына на передовую — в самое пекло боя.

На сборе нам показали самые последние разработки по радиационному контролю, а самое основное — это технические средства для будущих бригад АСС — Аварийно-Спасательной Службы. И эта Броварская инженерная бригада Славы Синельникова должна была стать первой такой бригадой. Еще не было Министерства по чрезвычайным ситуациям, не было никаких спасательных служб, кроме «Освода» — общества спасения на воде и это начинание Владимира Павловича было архинужным для страны.

Показали нам и учения понтонеров с новыми паромно-мостовыми машинами и новым понтонным парком, в котором каждое понтонное звено имело свою двигательную установку, и после сборки мост стоял поперек течения, удерживаемый не катерами, а своими двигателями. Сборы прошли очень интересно и поучительно но, как быстро кончается все хорошее, так закончились и сборы.

Не успел приехать со сборов, как свалилась новая беда. В понтонном полку в Белгород — Днестровске при приеме-передаче склада с оружием было выявлено хищение пистолета «Макарова». Я доложил Командующему генералу Морозову о происшедшем и немедленно выехал в полк. Там уже работал представитель особого отдела. Практически никаких зацепок не было, все печати были на месте, ежедневно передавались от одного караула другому со всеми росписями. Пропажу выявили, когда один прапорщик уходил в отпуск, а другой у него принимал склад и при пересчете и проверке пистолетов в ящике с «НЗ» одна картонная коробка

оказалась пустой. Двое суток шла тщательная проверка, как в полку, так и в карауле.

При допросах всех задействованных смен особист зацепился за одну, случайно оброненную фразу, что в одну из смен помощник начальника караула один пошел на пост и сменившийся часовой самостоятельно вернулся в караул, а пом. нач. кар. нового часового выставил почти с часовой задержкой. Всю эту смену по одиночке немедленно изолировали и начали детально опрашивать только солдат-часовых этого поста. И тут почти все сразу рассказали, как это было. Оставив солдат в карауле, сержант предупредил, что если хоть кто-то пикнет, того он лично расстреляет, выбрав для этого удобный момент. На первом же допросе сержант во всем признался. Оказывается, в один из жарких дней, он был часовым на этом посту и сделал из размоченной глины мякиш, который прилепил к пластилиновому оттиску печати на хранилище. Когда слепок немного подсох он выложил его на солнце и высушил до крепости камня. А когда заступил помощником начальника караула, то дождался, когда прапорщик уснет. Предварительно он угостил его хорошим вином, и забрав из караульного помещения запасные ключи, ушел на пост, где и совершил свое черное дело.

Пистолет он продал за 150 долларов одному местному жителю, который сделал этот заказ. Подключились местные авторитеты, и житель тут же признался, что выгодно перепродал оружие своему знакомому за 500 баксов. Командир полка подполковник Сушков пользовался достаточным весом в местных кругах, а местные круги посчитали для себя обидным, что какой то залетный фраер, так подмочил местную репутацию. Решение было простым и эффективным. Этот торгош сел в самолет и полетел в Иркутск перехватывать своего друга, ехавшего в это время поездом во Владивосток. В качестве залога в городе осталась его движимость и недвижимость. Операция «Навар» завершилась через три дня, когда братва принесла пистолет в полк и без шума и пыли передала Сушкову. Коммерсант выкупил пистолет у своего кореша уже за 800 долларов — романтика! На очередном заседании Военного Совета Командующий неожиданно вызвал меня на трибуну и попросил кратко рассказать, как нужно действовать, чтобы возвратить оружие в часть. И это не потому, что я такой хороший, а потому, что в это время резко возросло хищение оружия из воинских частей и складов.

Осень ознаменовалась широкой подготовкой Широколановского полигона к серьезным учениям с боевой стрельбой и бомбометанием. Предполагался исследовательский характер по проверке действенности авиационных и артиллерийских боеприпасов на открытые и закрытые форто-сооружения и личный состав. Я предложил на правом фланге полигона, в районе озера Дука сделать форт по типу турецкого Форта «Долангез» на Карс-Эрзерумском направлении. В свое время, в Закавказском округе, мы сооружали такой в Караязах. Идея всем понравилась, на месяц вывели в

поле Дубоссарский полк, саперный батальон одной из дивизий и работа закипела. Закрутился и завертелся на этой задаче подполковник Гриша Исенко. Бульдозеры навалились на грунт, отсыпая фортовые валы. А перед валами образовались рвы, которые быстро заполнились дождевой водой. Если смотреть сверху, то форт образовал на площади один квадратный километр многолучевую звезду с системой открытых и закрытых огневых позиций — мы выставили на них списанные орудия, на валах поставили танки, а на предполье выставили колонну танков Т-34, причем почти все они пришли своим ходом.

Под валами установили несколько различных убежищ из дерева, металла, фанеры и железобетона. Устроили траншеи по полной программе и возле дороги руководства поставили настоящую дорожную вывеску с названием «ФОРТ — РОБ».

Рядом с фортом строители сложили из кирпича в два с лишним этажа недостроенный дом, для тренировок в захвате зданий, а на выходе выдумщик Гриша Исенко сделал вывеску «РОБ — БАР».

Когда все это осматривали перед учениями — Иван Сергеевич спросил меня — А что у турок кроме Долангеца есть еще Форт-РОБ? — Да нет, говорю — это мои ребята пошутили — РОБ — это первые буквы моей фамилии и инициалы — Рогожкин Олег Борисович. Иван Сергеевич хмыкнул, но ничего не сказал. На учения в траншеях привязали овец из военного совхоза, посадили овец и в убежища. Когда начала бить артиллерия и отработала авиация — было такое море огня и грохота, казалось, что там живого места не останется, но результат был несколько неожиданным. В убежищах все было в целостности и сохранности, в одной из траншей овцу зацепило осколками, и ее тут же передали на солдатскую кухню, а одну овцу просто не нашли — вернее — недосчитались. Скорее всего, сработала солдатская смекалка, и она тоже пошла на усиление питания.

В середине лета 89 года как-то прокатилась волна выделения в разных местах пригорода участков под дачные застройки. Волей—неволей и я втянулся в это дело, но повезло мне тогда, когда я познакомился с Генеральным директором объединения Прессмаш, Леонидом Федоровичем Выхватнем. Я случайно встретился с ним по какому-то вопросу в его кабинете и после традиционной рюмки чая — За знакомство — Ленечка поинтересовался — а где у меня дача? Когда он услышал, что я уже два года в Одессе и без дачи — тут же пригласил в кабинет своего зама — Володю Новгородского, приказал нам немедленно ехать в Алтестово и на высоком берегу лимана подобрать мне приличное место. Через час я стал владельцем шести с лишним соток рядом с участком Новгородского в красивейшем месте Хаджибейского лимана и недалеко от города.

Теперь, когда появился участок, нужно было его осваивать. Делать это, в эпоху тотального контроля со стороны всех многоэтажных структур, было весьма непросто. Я поступил просто — нанял за десятку работавшего там,

на участках, экскаваторщика с «Беларусем» и через пару дней у меня уже был котлован под домик. На лесоскладе в Бендерах появились разборные деревянные домики по 1720 рублей, но только для участников боевых действий. Я срочно передал своим понтонерам деньги, свое удостоверение и через день получил в разобранном виде домик пять на шесть метров. За осень я успел только собрать из фундаментных блоков подземную часть и закрыть ее плитами перекрытия. Все это простояло до следующего лета, но нервы мне потрепали порядочно.

Никто не верил, что я, будучи начальником всех инженерных механизмов и имея тысячи подчиненных, все работы проводил нанятыми людьми и техникой. На каждую доску, кирпич, фундаментный блок или плиту, на каждую купленную машину песка или десяток мешков цемента я собирал и заблаговременно складывал в отдельную папку все квитанции, наряды, накладные и счета на оплату. Первой наехала прокуратура, затем особый отдел, потом политуправление — и никакого криминала. И таких наездов было много. Уже тогда, когда бригада плотников из Сельстроя в Раздельной собрала каркас и обшила деревянный домик досками — Командующий лично направил на проверку сигналов от «доброжелателей» Секретаря Военного Совета, уже пожилого полковника, которому он всецело верил. Вернувшись из Алтестово, полковник доложил Ивану Сергеевичу, что генерала Рогожкина нужно наказать за то, что он позорит звание генерала, и вместо дачи построил какую-то избушку, за которую ему, как полковнику, просто стыдно. Потом не выдержал и взорвался военный прокурор, когда ему опять ЧВС порекомендовал проверить законность строительства дачи. Да сколько можно его проверять? У меня по генералу Рогожкину никаких вопросов нет!

Все-таки я окончил инженерное училище и академию, поэтому отбросил все типовые шикарные проекты и сам спроектировал небольшой одноэтажный домик с мансардой, только для летнего сезона, безо всяких водопроводов и отоплений. Случайно встретил двух ребят — умельцев по кладке каминов и они собрали мне в большой комнате прекрасный угловой камин всего за 200 рублей. Учитывая плохую подачу воды в общий водопровод и колонку, я умудрился на десять метров просверлить грунт и точно попасть на водоносный слой с ключевой водой. Обсадил ее трубой и сделал наверху маленький ворот. И только через год дошли руки до маленькой баньки с парной и печкой каменной, да небольшим бассейном в рост, размером полтора на полтора метра. Это во мне заговорило мое сибирское происхождение. Из плодово-ягодного питомника в Молдове привез и посадил хороший сад на половину участка. Так я обосновался для себя и для семьи на личном фронте.

А войсковая жизнь была ключом и иногда мимо головы. Но чаще всего доставалось, особенно за подчиненные части. Значительно возросли самовольные оставления частей солдатами, особенно из республик Прибал-

тики, Закавказья и Средней Азии. Командиры частей отправляли в командировки офицеров, только бы избежать пресловутых палок, которые стройными рядами ставили карандашами политработники в своих доносах и донесениях. Я специально интересовался и в Германии и в Венгрии у военных — а как у них решается этот вопрос? А никак! Если солдат сутки отсутствует, то командир все данные на него передает в военную полицию, и солдат из списков части исключается. И никто за это никакого наказания или даже замечания не получает. Каждый делает свое дело. Бежавший солдат, в случае его поимки, после суда попадает на каторгу и несколько десятков лет работает на общество в каменоломнях — если конечно выживет. Просто и эффективно, а главное без всяких идеологических выкрутасов.

За всеми этими военными играми на полигонах и погонями за сбежавшими солдатами, на страну надвигалась политическая неразбериха и постепенное ослабление всех линий влияния на общество. Под громкие демагогические призывы о необходимости демократии, в государство вползала болотная жижа разложения порядка и организованности. Начали претворяться в жизнь планы, разработанные еще Аленом Даллесом и отшлифованные мозговым трестом Збигнева Бжезинского. Этот американизированный поляк в своей патологической ненависти ко всему Советскому сумел претворить в жизнь свои планы ползучего проникновения в верхние эшелоны власти и разложения руководства изнутри. Горбачев, Шеварднадзе, Яковлев и иже с ними распахнули двери перед западной идеологией и под видом пресловутой «перестройки» развалили страну.

Осенью 1990 года Горбачев отдыхал на Форосской даче и подготовил тезисы своего очередного обращения к народу, которые нужно было высказать на каком-либо значимом мероприятии. Таковое срочно начали готовить военные. В Одессу прибыл Валентин Иванович Варенников, и за неделю мы подготовили учения с высадкой десанта с моря в районе Чабанки и последующим выдвижением на полигон Широкий Лан с высадкой воздушного десанта. Все должно было закончиться большим совещанием военных, на котором с программной речью должен был выступить Горбачев. Учитывая, что вместе с ним ожидался приезд в Одессу вездесущей Раисы Максимовны — народная молва назвала эти учения «Райка — 90».

Меня отозвали из отпуска — вернее я сам вышел, и взялся за самый сложный участок — десант с моря в районе Чабанки. Участок высадки был узким — не более 700-800 метров, справа и слева были жилые постройки и местное население, еще не кончился купальный сезон — короче — сложностей было достаточно.

Мои предложения по имитации были одобрены и командованием и Валентином Ивановичем Варенниковым.

В назначенный солнечный день мы, офицеры руководства учением, собрались в камуфляжной форме на нижней площадке вышки руковод-

ства на высоком обрывистом берегу моря. Прилетел вертолет с Генсеком, при этом от его винтов натянутые маскировочные сети сорвало, и бойцы только-только успели их ухватить и срочно «приземлить» — иначе бы не миновать беды.

Михаил Сергеевич был один — без жены и большой свиты. Когда подошли к вышке Горбачев, шедший впереди откинул маску на двери и зашел к нам на нижнюю площадку. Здравствуйте товарищи, — улыбаясь, сказал он и протянул руку вблизи стоящим генералам, в числе которых был и я. Ну что? Все готово к учению? Спросил он и тут же хор разнозванных руководителей ответил ему утвердительно, заодно вытягивая его на верхнюю смотровую площадку. Подтянулись десантные корабли, отгрохала имитация и в считанные минуты войска ушли вглубь дивизионного учебного центра. Все перебрались в вертолеты, машины и переместились на «Широкий — Лан».

Я туда не поехал — отправил своего заместителя подполковника Кузнецова. Боевой этап прошел там успешно, а вот во время выступления Горбачева в зале дома офицеров вдруг среди жаркого дня разразилась жуткая гроза, громыхнул гром прямо над крышей здания, и молния врубилась в трансформатор на углу военного городка. Мгновенно выключился свет в зале, и все погрузилось в темноту. Прошло несколько секунд, и свет снова вспыхнул — никто даже не успел произнести ни одного слова. Но вокруг генсека стояло несколько крепких ребят с развернутыми сверху вниз папками — с пуленепробиваемыми пластинами. Ребята быстро исчезли, и выступление продолжилось. Во всей этой истории для меня приятным было то, что на этот полигон, как и в основные гарнизоны, я передал новые автоматизированные электростанции — по 200 киловатт. Они в течение нескольких секунд включались в работу и тут же давали напругу в сеть, если стояли в дежурном режиме, что и произошло во время заседания на полигоне.

Через несколько дней после этой эпопеи во время очередного утреннего понедельничного доклада Иван Сергеевич сдержанно поблагодарил меня за обеспечение резервной станцией полигона. В последующем, во время всех заседаний Военных советов и других торжеств, всегда выставлялась в резерв электростанция, которую я передал комендантскому батальону.

В конце октября значительно активизировались националистические группировки в Молдове. Дело дошло до столкновений в Кишиневе и Приднестровье. Если в Кишиневе, где лидером прорумынских нацистов стал генерал Костах, эти группы нашли поддержку насквозь прогнившей интеллигенции, то в промышленно развитом Приднестровье, особенно в Тирасполе такие попытки поддержки не нашли.

В один из дней меня вызвал командующий и приказал срочно выехать в Дубоссары. Инструктаж был коротким — вы и водитель едете в штатском,

номера на машине уже заменены на гражданские, документы оставить здесь, оружие с собой не брать. Ваша задача — любыми путями проехать в Дубоссары — город сейчас в осаде. Быть в своем инженерном полку и ни в коем случае не допустить втягивания военных в конфликтные столкновения различных группировок гражданского населения. Усилить охрану вооружения и боеприпасов. Нигде не допустить применения оружия. Вот такие скромные и непритязательные напутствия.

Я выехал после обеда и пошел по Киевской трассе до Кривого Озера, где перебрался на Полтавскую трассу, чтобы добраться до Дубоссар с восточной стороны, где была небольшая вероятность каких либо блокпостов. Можно было, и пойти на Тирасполь и далее на Дубоссары, но эта трасса, идущая на север вдоль Днестра могла быть легко перекрыта со стороны Молдовы на всем ее протяжении. Но и с востока, начиная с Красных Окон, уже начались посты народной самообороны.

Я представлялся строительным инженером от КЭУ военного округа — нам нужно было вводить в эксплуатацию жилые здания в Дубоссарах. И это не было выдумкой. За 1989 — 1990 годы мы выпросили у Командующего лимиты на строительство своими силами с небольшим привлечением военных строителей — жилых домов — в Дубоссарах — два пятиэтажных, двухподъездных дома, рядом с частью; в Рыбнице — один девятиэтажный двухподъездный дом, в Рени — один трехподъездный пятиэтажный дом.

За эти два года мы решили проблему с бесквартирными офицерами практически во всех инженерных частях окружного подчинения. Это, не говоря о том, что во всех частях и на складах мы вводили новые боксы для техники, хранилища для боеприпасов, а в Тирасполе на нашем инженерном ремонтном заводе своими силами собрали два огромных цеха из комплектов «ГДР — Б» — сборных металлопластиковых панелей. Когда Морозов прилетел в Штаб 14 армии в Тирасполе — он вместо штаба вместе с мэром города приехал ко мне на завод, с удовольствием попрыгал на асфальтовом полу уже работающего цеха и спросил, а что это у Вас начальник завода Блумберг все еще майором ходит? Через три месяца он опять заехал на завод — мы вводили новое хранилище с необычным двадцати четырехметровым пролетом — хотя везде были стандартные — по двенадцать метров. И тут ему представляется начальник завода — подполковник Блумберг!

Иван Сергеевич поздравил его, пожал руку, но сказал — ругать все равно буду. И он не влезал в эту мелочевку — как это Блумберг на майорской должности получил подполковника? Если начинж это организовал, значит, знал, что делал! Он доверял начальникам, когда видел, что они работают, и никогда не занимался мелочной опекой.

К Дубоссарам мы приехали по темноте. У выезда из города горели кусты и стояли молодые ребята, кто в старой военной форме, кто в камуфляже. У некоторых за плечами висели охотничьи ружья. Машину остано-

вили, попросили выйти и спросили, кто, куда и зачем едет? Через некоторое время подошел старший блокпоста, и мы отошли с ним в сторону. Я так думаю, что командир 56 полка уже переговорил с этим товарищем о моем приезде, поскольку он сказал — здравия желаю, товарищ генерал! Надеюсь, нам теперь будет легче отбиваться от этой сволоты! На том мы и расстались.

Вечером я собрал командование полка и заслушал доклады по обстановке. Сделали небольшие уточнения по принятым решениям, и я приказал немедленно развернуть комплект радиостанции дальней связи для работы в режиме ЗАС (засекречивающей аппаратуры связи).

Перед выездом я обговорил все вопросы со своим другом — начальником войск связи генералом Мироном Васильевичем Павлишиным. К обеду ко мне нагрянула делегация от руководства города. Первый секретарь горкома был болен и обстановкой руководил второй секретарь.

Уже в течение двух дней группы националистов с оружием проникают на территорию города и пригорода и, буквально, бандитствуют. Народ организовался в группы самообороны, ночью контролирует въезды в город по дорогам. Но у нас нет оружия. Товарищ генерал, прикажите выделить нам оружие и боеприпасы. Поскольку в ближайшей деревне уже убили двух парней из автомата. Что нам делать? А в глазах — растерянность и паника!

Я говорю — вспомните уроки революции — держите под контролем, как учил Ленин — почту, телеграф, радио, банки и основные объекты города, а для Дубоссар — это мост через Днестр — прямая трасса от Кишинева, — это гидроэлектростанция с плотиной Дубоссарского водохранилища, — это главные въезды в город с севера, юга, востока и запада. И главное — связь между постами. В горкоме собрать и иметь постоянный состав Штаба и все связи завести туда. Кроме того, иметь несколько резервных групп, с транспортом.

А вот оружия я Вам никакого не дам. Максимум — это будут посты от отдельной хим.роты для усиления охраны плотины.

Городские уехали, несколько ободренные и успокоенные. В обед я вышел по ЗАСу на Командующего и доложил ему обстановку и о принятых решениях.

А по обычной связи вышел на генерала Сергеева и начал гнать «дезу» — поскольку линия шла через Кишинев и прослушивалась полностью. Докладил, что поставил пулеметные посты на Дубоссарской ГЭС и на мосту через Днестр. Усилил ночные посты на охране парка техники и складов — это мы действительно сделали. Перевел офицеров и прапорщиков на казарменное положение. Вторая ночь прошла относительно спокойно, хотя мимо парка техники ночью несколько раз проезжала подозрительная машина. К середине следующего дня стало известно, что два боевика на иномарке по полевым дорогам добрались до Красных Окон, там пытались на-

пасть на птицеферму и убили одного местного жителя, оказавшего сопротивление. Волна негодования вылилась в несколько рейдовых машин с ополченцами, которые недалеко от Дубоссар нашли возле леса брошенную иномарку и в ярости сожгли ее, а бандитов так и не обнаружили. Ситуация накалялась и к вечеру стало известно, что в ночь ожидается прорыв со стороны Молдовы через мост большой группы боевиков для захвата города. Ко мне примчалось местное руководство, — выручайте! Я вышел на связь с начальником Штаба Округа генералом Сергеевым. «Олег — не оглядывайся ни на кого! Ты что Афган забыл? Действуй, как ты считаешь нужным, и посылай всех на х...

Я приказал выгнать зачехленный танковый мостовый мостоукладчик МТ-55 и ИМР. Дело в том, что МТ-55 делали в Чехословакии и мост на нем стоял несколько наклоненным, так что, будучи зачехленным, он точно походил на реактивную установку залпового огня, а инженерная машина разграбления имела на себе столько навороченного оборудования, что даже со стороны на нее было боязно смотреть. Уже смеркалось, и от моста стали поступать сведения, что несколько Икарусов подошло с Кишиневской стороны и толпа там начинает кучковаться. Я дал команду — вперед! И бронетехника по объездной дороге поехала за мной к мосту. В ста метрах от моста был перекресток, заливаемый светом прожекторов от милицейского поста. Там уже собралось около пятисот человек местных жителей с кусками арматуры в руках.

На машину особого внимания никто не обратил, а вот когда, лязгая гусеницами, на круг перекрестка выехала установка на танковой базе — все словно сговорясь заорали «Ура». Ко мне подскочил начальник городской милиции и громко заорал в мегафон — С нами здесь генерал Рогожкин! Ура саперам! Народ кинулся на радостях к нам. Хорошо, что я спиной стоял к броне. Через секунду — уже с брони я громко скомандовал — все на край площадки — установка идет на боевую позицию. Все, толкаясь, сдали назад, а мы, отойдя от перекрестка метров на 20, встали на площадку и еще немного задрали конструкцию моста вверх. В это время, ревя и лязгая, на перекресток — под огни прожекторов вылезла страшная как смерть установка ИМР. По мегафону, стоя на броне, я громко объявил в сторону моста следующее: — «Я предупреждаю, что если через пятнадцать минут автобусы с людьми с той стороны моста не уйдут, я открою огонь и сожгу всех к чертовой матери! Время пошло!»

Когда я пошел к Уазику — мой радист мне передает — Товарищ генерал — Вас срочно вызывает на связь Командующий! Я прыгнул в машину, и через несколько минут уже говорил с Морозовым. «Вы что, генерал, с ума сошли?! Кто вам разрешил выгонять реактивные установки на прямую наводку? Вы что себе позволяете? Откуда вы их взяли?»

И тут я порадовался за хорошо налаженную связь у нападавших. Они успели накапать на свой «вверх», и уже из ЦК Компартии Молдовы выш-

ли на Командующего в Одессе. Я спокойно доложил обстановку Ивану Сергеевичу, что создалась угроза непосредственного столкновения боевиков с безоружным населением. Могли быть жертвы и дальнейшее проникновение бандитов с выходом к полку. А то, что там я их встречу огнем — так это и к гадалке не ходи! Так что я их лучше здесь останавливаю! Хорошо! — сказал Морозов, только берегите людей и не лезьте под пули. Не успел я выехать из части, как меня опять позвали на телефон — на этот раз — Москва.

К этому моменту на той стороне моста стало тихо и пусто. Буквально за считанные минуты боевики попрыгали в автобусы, взревели дизеля и «Икарусы» умчались.

На телефоне был Зам. Министра Обороны СССР — генерал армии Кочетов. «Олег! Что там у тебя произошло? Из ЦК Молдовы сообщили, что ты сжег на берегу Днестра добровольные молдавские дружины».

Я доложил о сложившейся обстановке за эти дни, о бандах националистов Косташа, об убитых жителях Приднестровья, и о том, что если бы я не вывел технику — На испуг! — то кровавой бойни было бы не избежать. А так — все тихо и они удрали к себе в Кишинев. И никакого огня я не открывал!

Константин Александрович успокоился и сказал — береги людей. Если технику сожгут — черт с ней! Главное — чтобы солдаты не ввязались в драку. Завтра я пришлю к тебе своего представителя.

Оставшаяся ночь прошла относительно спокойно. На следующий день вдоль Днестра несколько раз пробороздил вертолет МИ-8т, после чего приземлился у нас на учебных полях за парком. Я выехал на встречу. Из вертушки вышел моложавый в камуфляже военный, но без погон и такой же с оттопыренным камуфляжем — видать, снизу был пододед бронезилет — молодой боец, явно спецназовец. Военный представился — генерал такой-то, мы обменялись рукопожатиями и покатали в полк. Сначала хорошо пообедали, а потом я рассказал этому парню из ГРУ ситуацию и положение дел. Через час он улетел. После обеда я опять выехал на мост и перекресток дать команду, чтобы с наступлением сумерек ИМР, а потом по темноте и МТ-55 вернулись на базу.

За день автомашины понавозили фундаментные блоки и от перил до перил на въезде встала бетонная стенка поперек моста. Оборона укреплялась.

А на чистых бетонных панелях у перекрестка, закрывавших двор какого-то дома — красной краской кто-то написал — «Там, где генерал Рогожкин — генерал Косташ не пройдет!»

Кстати начальник милиции оказался засланным казачком, и перед угрозой разоблачения через день бежал на западный берег. Уже начался ноябрь, а в Тирасполе сторонники независимости Приднестровья начали объединяться вокруг инженера Игоря Смирнова.

Принятые наверху меры несколько приземлили косташевских нацистов, но отдельные выпады были. Так, второго ноября были убиты еще двое парней из самообороны. Четвертого ноября весь город вышел на митинг протеста и похороны четырех ребят из рабочей дружины. Похоронили их в центре города, в городском сквере и поставили временный памятник героям. Я распорядился выделить от полка почетный караул и салютное отделение с холостыми патронами. Пришлось продумать все, до мелочей, поскольку, уже были известны намерения наиболее решительных парней обзавестись оружием. Прошла неделя моего оборонительства, напряжение существенно снизилось, и я получил команду возвратиться в Одессу.

Конец 1990 и начало 1991 года — это было кипение страстей, подогреваемое прозападными дерьмократами. Криминал и всякого рода фарцовщики рвались к власти, а власть сдавала одну позицию за другой.

Но и в этих условиях Иван Сергеевич Морозов твердо держал войска в руках. В конце лета девяностого была предпринята полевая поездка, вернее морской поход в оперативную зону Средиземного моря. Всем выдали летнюю морскую офицерскую форму — кожаные тапочки с дырками, шорты, белая форменка с погонами кап-два и морская пилотка с козырьком. Вышли из Ильичевска уже вечером, и после ужина уселись в своей каютке за преферанс. Это был БДК — большой десантный корабль — «Константин Ольшанский», но на Черноморском флоте он был дооборудован, как штабной корабль.

Командующего округом одели в форму каперанга. Утром просвистели вахтенные дудочки и свисточки — Команде мыть руки! Потом опять гудочки-свисточки — Команде завтракать! Пошли и мы на завтрак пофлотски. стакан жиденького полусладкого чая, небольшой кусочек хлеба, изображающий бутерброд и ложка непонятного варева, похожего на кашу. Завтрак прошел в угрюмом молчании и завершился резюме Ивана Сергеевича, — Вилий Степанович! Я что-то не заметил на этом завтраке присутствия начальника тыла округа, генерала Белохвоста.

Товарищ командующий, мы полагали, что у моряков все нормально и свои запасы не трогали. Мы это поправим!

И уже в двенадцать часов, когда протюлюлюкало «Команде пить чай» — был подан добротный завтрак. Иван Сергеевич тут же распорядился, чтобы у команды корабля было так же. В течение дня изредка в отдалении и недалеко проходили встречные суда, но чаще всего горизонт был пуст.

Провели небольшие занятия, на которых каждый начальник докладывал свои вопросы по Босфору и Дарданеллам. Я доложил историческую справку по этим местам и особенности поверхностного течения из Черного моря в Средиземное, и мощного подводного, на глубине тридцать — сорок метров — в чашу Черного моря.

Прошла еще одна ночь, а ранним утром мы вошли в Босфор. Каждый уточнял свои вопросы — для одних это были позиции ствольной и реак-

тивной артиллерии, для других — причальные стенки и подземные хранилища в крутизне береговых скал. Все это обсуждалось здесь же на палубе или в каюте, тем более, что к нам сразу же прилепился небольшой, но быстроходный катер, который крутился вокруг и около. Небольшой плешивый чудак бегал в кубрик и назад, фотографировал различными фото и кинокамерами.

Все вдруг прервалось, когда я навел на него длинный телеобъектив своего фоторужья — камера «Зенит» и полуметровый телеобъектив. Этого фотографа как ветром сдуло — он нырнул в рубку, и пока я держал его катер под прицелом — он даже нос не высывал. Иван Сергеевич, который от настырности этого разведчика уходил в каюту — уселся в кресле и сказал — держи его, Олег Борисович на мушке, не все ему нас снимать. Параллельно работали операторы, снимавшие все на широкую пленку авиационным панорамным аппаратом. Босфор — уникальное место раскола земной коры, создавшее единственный проход в Черное море — которое было когда-то пресноводным и закрытым.

После гигантских подвижек земной коры, в разлом хлынули миллиарды тонн морской воды, которая почти мгновенно умертвила подводную фауну пресноводного Черноморья. Эта масса ранее живых организмов осталась перегнивать, образовав от придонных слоев до почти поверхностных — слой сероводородных вод, которые если и имеют слабые вертикальные перемещения, то они настолько незначительны, что не оказывают существенного влияния на состав поверхностного слоя. Хотя многократно отмечались не только просто выбросы сероводорода, когда большие массы рыбы в одуревшем состоянии прибывают к берегу. Они плывут по течению, попадая в руки, в сетки, в сумки, в майки, в ведра всех, кто, стоя в воде, вычерпывает рыбу — больших бычков — кнутов, глосиков, камбалу и прочую живность, которая тут же идет на дачах на засолку, жарку, вяление и на уху. Но отмечались и выбросы сероводорода взрывного характера, вспышками огня, причем небезопасного для мореплавания.

Справа и слева по берегу пролива потянулись белые постройки, дачи всяческих размеров и состояния. Все было красиво ухожено и радовало глаз. Прошли под красивым, парящим в воздухе подвесным мостом, соединяющим два берега пролива. Посмотрели великолепную «Ай — Софью» — колыбель нашего христианства — колоссальнейший собор, оставшийся еще от константинопольских иерархов, и только позднее к нему пристроили мусульманские минареты.

Пролив расширился, и поперек начали сновать небольшие паромы для тех, кому не по карману был платный проезд по подвесному мосту. Справа по ходу у стенки стояли суда многих стран мира, в том числе и советские.

Закончилась длинная череда Стамбула, и потянулись Дарданеллы. Справа, на выходе из пролива стоит величественный памятник погибшим здесь англичанам. И поставили этот памятник, как ни странно — турки!

При выходе из Мраморного моря слева, вдали на берегу были видны раскопки легендарной Трои, вычисленные и найденные любителем — археологом Шлиманом. В бинокль все это было прекрасно видно. К концу дня берега ушли к горизонту, а в сумерках мы встали на якорь недалеко от острова Лемнос (Греция), уже в Эгейском море. Тут же от острова отвалил и бойко поспешил к нам небольшой катер береговой охраны, обошел вокруг нас и удалился восвояси. А утром, под жарким греческим солнцем мы устроили купание, только не в море — за бортом, а в огромном парусиновом озере, натянутом за углы на баке и наполненном из шланга забортной теплой водичкой. Там, где мы стояли, течение было таким сильным, что блесна спиннинга в секунды уходила от кормы, выматывая всю катушку. Можно представить, где окажется человек, если вдруг очутиться за бортом. Я набрал с собой в этот поход фотоаппараты, включая «Фото-снайпер» и кинокамеру «Адмира», которая меня выручала в молодые годы, и, конечно же, пригодилась и сейчас.

Возвращение было тоже оригинальным. За ночь мы прошли в Черное море, и к утру уже были в Болгарии — в порту Бургас, где нас встречали болгарские военные.

Все переоделись в штатское, уселись в машины и поехали в город Сливен — в штаб пятой болгарской армии. Быстро пересели в Уазики и тут же поехали на Ямбол, Бояново и Болярова. Местами делали остановки и любовались огромными персиковыми садами, стоящими в долине как солдаты, разомкнувшись в длиннющих шеренгах и строях. А какие это огромные персики с красно-золотистыми щеками и нежным ворсистым пушком. Мы там налопались этой прелести до беспредела.

И что интересно — сады посажены так, что один участок созревает сегодня — и все силы бросаются сюда на сбор урожая. Через четыре, пять дней созревает уже соседний участок и так последовательно, без пыли и шума идет уборка этого налитого золота. Ну и, конечно же — на экспорт — уже за настоящее золото. С отрогов хребта Истанджа хорошо просматривался сам хребет и приграничная с Болгарией полоса. К вечеру все переехали в район, недалеко от Сунгурларе — в горах Стара Планина, где располагался армейский учебный центр, и мы разместились на отдых. Но до отдыха было еще далеко. Командарм, генерал-лейтенант с простой фамилией Иванов — ударение на букве а, — устроил небольшой прием в большом зале для своих советских друзей. Не было ничего лишнего, но и недостатка ни в чем не было — особенно в сливовице, коньяке Златен Бряг и море болгарских вин. Тяжелый все-таки это труд — крепить дружбу. К утру все переехали в Сливен и позавтракали в Доме Офицеров. За день до этого к нам подошла жена Командарма — прекрасная кубанская казачка и забрала у нас записки — кому и что хочется купить для дома — для семьи. Чудесная женщина. Она отобрала у мужа большой ЗИМ — пусть, говорит, в Уазике покатается, и пока мы ездили на границу — она быстро все

необходимое закупила. После завтрака мы все это распаковали по машинам и разъехались по своим маршрутам, с задачей — к вечеру собраться в Толбухине. Мне, как инженеру, попал перевал Вратник на Шумен. А потом — далее на Варну но, немного не доезжая, на север — на Толбухин.

Красивый городок — этот Толбухин. Невысокая горная гряда, обрывом нависшая над городом, и огромный, величественный памятник героям — освободителям. До 1949 года это был город Добрич. А после смерти маршала Федора Ивановича Толбухина город в его честь и память был переименован.

Военные в этом городе тоже сделали нам хороший прием, но я до конца не дошел и по-английски смылся — иначе бы я на следующий день был никакой.

Помните ту историю, когда шведский атташе был на приеме у русских и записал в дневнике — Я чуть не умер! На следующий день он снова попал на прием. На этот раз к военным летчикам. На другой день он записал — Лучше бы я умер вчера! А я на следующий день, как огурчик, загрузился вместе со всеми на АН-24 — самолет Командующего, и мы через час были на аэродроме «Школьный» в Одессе. На борт поднялся таможенник, — товарищи генералы досмотру не подлежат — прошу выйти из самолета. Я выручил одного нашего полковника и забрал его ящик — укупорку с коньяком «Плиски» — за 20 бутылок там берут всего 40 левов, а нам обменяли рубли на левы — один к одному. Ну и где в Одессе за два рубля можно купить «Плиску»? Ребят можно понять, что они вернулись еще и с плюсом для хорошей компании.

В конце девяностого, начале девяносто первого года в жизни наших семей произошло еще одно событие. Сережа затребовал Марину с маленькой Данечкой к себе — в Пospelиху. И вот в начале января наша сватья — Лидия Ивановна на самолете сопровождала Маришку с запеленатой во все теплое Дашенькой через Москву на Новосибирск. Полет прошел с приключениями. Они по погоде сели на несколько часов где-то на Урале, кое-как прорвались в комнату матери и ребенка, накормили орущую Дашку и уже только утром следующего дня прилетели в Новосибирск, где их ждал Сережа.

Так моя Маринка стала декабристкой, поскольку билеты к мужу она купила в декабре и, глазом не моргнув, отправилась к нему в «ссылку». Меня в это время многие спрашивали — как же так? Олег Борисович, неужели Вы со своим авторитетом и хорошими взаимоотношениями не смогли определить своего зятя с дочкой в более «теплое» местечко? Конечно, наверное, мог бы, но не стал. Лейтенант, чем больше хлебнет пота в молодости, тем легче ему будет потом идти по жизни. Мой зять, а точнее, сын — Сережа сделал правильный жизненный выбор, и два трудных лейтенантских года провел с женой и грудным ребенком в труднейшем уголке Страны Советов.

Начался переломный одна тысяча девятьсот девяносто первый год — год конца Советского Союза и торжества капитализма, год краха интересов народа и победы тех жуликов, фарцовщиков, деляг и прощелыг, которые пышно расцвели при горбачевской дерьмократии и, которые при нормальной, не пьяно-комсомольской Советской власти давно сидели бы на баланде. Но это все была политика, а хитрые и мудрые партаппаратчики, прекрасно сознавая, что армия — это сила — тут же упаковали армию в формулировку — армия вне политики — и эта простыня спеленала огромное количество прекрасных людей, действительно патриотов своей Родины, но обездвиженных этими уколами партийных инъекций. А армия продолжала жить, проходили учения, сборы, конференции. Выступали и свои, и залетные «агитпропы» — говорили, что нужно идти в массы, нужно повернуться к народу лицом, нужно активно вступать в полемику с лидерами националистов и прочее и прочее, а сами готовили пути для отступления, пути предательства.

Когда, после известных событий в Азербайджане, начался вывод войск и штабов на территорию Союза — большей частью автомобильными колоннами на Махачкалу и далее по территории СКВО, то это тоже было связано со смертельным риском. На это время заместителем Начинжа Ставки в Баку был полковник Петров. Позвонили ребята из Москвы и передали печальную весть — во время сопровождения колонны в районе Самурских мостов погиб мой хороший товарищ — Петров. Почти сутки его разыскивали, поскольку он исчез внезапно. Но потом тщательно прочесали местность и обнаружили его под мостом. Высота предположительного его падения составила пятнадцать метров, при этом все оружие-пистолет, автомат и патроны — все было при нем. И все-таки следователи определили, что он был сброшен, но все обставили так, будто он упал сам. Я позвонил в Баку и как мог, успокаивал его жену Свету. Уже вовсю полыхали огни разброда и шатаний, а самое страшное — гибли люди.

В Министерстве Обороны наше Управление инженерных войск уже в течение нескольких лет успешно обеспечивало поставки за рубеж значительного количества взрывчатых веществ. Израиль и другие страны Ближнего Востока, многие страны Африки и Южной Америки использовали наши ВВ (взрывчатые вещества) не только в военных целях, но и при строительстве дорог, различных гидротехнических сооружений и для других нужд. Отгрузка их проходила в Николаевском порту. Тогда было принято решение создать мощный склад инженерных боеприпасов в Снигиревке — недалеко от Николаева, разумеется, центрального подчинения. О начале строительства меня даже толком не проинформировали. Но когда военные строители «сняли хорошую финансовую пенку» из общего объема бюджета этой стройки за счет дорогостоящих земляных работ, тогда они тихо-тихо отошли в сторону под разными предлогами, а в образовавшуюся брешь сунули меня. И началась великая снигиревская «опупея», а не

эпопея. Был построен двухподъездный дом для работников склада, начали набирать штат. Устанавливать ограждение, строить котельную, ставить молниеотводы, делать дороги, караульное помещение и столько еще всякой чертотемельщины, что голова шла кругом.

Каждый раз, подъезжая к Снигиревке, я проезжал мимо гигантской вертикальной стены радиолокационной антенны дальнего обнаружения. Еще одну такую я видел с самолета. Когда летел в Норильск — та антенна, конечно, контролировала полярную область страны. А уж совсем интересные стояли в Крыму — недалеко от Симферополя, по дороге в сторону Евпатории. Там стояли антенны дальней космической связи, и именно оттуда Хрущев выходил на связь с Валентиной Терешковой, когда она была в космосе. А загоризонтная группа антенн стояла на берегу моря за озером Донузлав. Будучи лейтенантом, я со своим взводом разведки за несколько дней очистил там территорию от снарядов под строительство этого объекта.

Работы было много, поскольку во время войны этот участок интенсивно обстреливался. Я даже пошел на маленькую хитрость — купил два килограмма ирисок «Золотой Ключик» и объявил, что каждый, кто найдет снаряд — получает ириску. Тут сработала простая психология — солдат, что ребенок, только с большим... сапогом. Через несколько часов набралось столько, что пришлось отвозить в овраги и взрывать. Напахались мы там — вдосталь. Но было лето и было море — молодые, здоровые парни, с молодым и здоровым лейтенантом — почти одногодкой — конечно, я разрешил после работы купание. Эти командировки на разминирование были такими желанными для солдат, несмотря на смертельный риск и опасность, что выстраивалась определенная очередь — кто поедет в следующий раз?

Уже генералом, работая в Крыму, я изредка проезжал по местам своей лейтенантской молодости. Заезжал в старый военный городок, где когда-то стоял наш батальон. Даже прошел к домику, где прошли три счастливых года нашей с Галей жизни. Узнала меня старенькая жена уже умершего старшины Коробки, — обняла и заплакала, что вот, довелось увидеться. А рядом, в палисаднике моего дома стоял густой сад, посаженный мной из саженцев, подаренных в одном из питомников, где мы убирали снаряды времен войны. В далеком 63 году они были маленькими веточками, а теперь вымахали. Да и мы стали совсем другими.

За эти три года (1987 — 1990 г.г.) в Штабе округа значительно возросла слаженность в работе всех начальников родов войск и служб, особенно в ходе командно-штабных учений. Сплотился единый коллектив, который с полуслова понимал общий замысел и немедленно вкладывал в него свою частичку труда, — не нужно было никого подгонять — все происходило точно и в срок.

Я уже говорил о Командующем — генерал-полковник Морозов Иван Сергеевич за эти три года вырос в мудрого и последовательного военна-

чальника. Из Закавказья прибыл и сразу врос в коллектив генерал-лейтенант Кузнецов Юрий Кириллович — как Начальник Штаба округа он был просто незаменим, и как никто другой умел сплачивать команду единомышленников. Авторитет его был непререкаем, да и просто любили его за человечность! Должен сказать, что мы в одно время служили с Юрием Кирилловичем в Закавказском округе, но как-то пути наши не пересекались. Хотя, однажды, в 1994 году мне срочно понадобилась помощь — спустить пианино с 9 этажа — я переезжал в Бакинскую Ставку. Ближайшая часть была сотой учебной дивизией. Я быстренько потопал в Штаб и там встретился с крупным полковником — комдивом. Это был Юрий Кириллович и, конечно он тут же распорядился выделить отделение курсантов из дежурного взвода. После дивизии он ушел на корпус в один из центральных округов, а после того вернулся в Закавказье и стал Первым Замом Командующего — генерала Родионова.

Настали ненастные дни для Закавказья и местные националисты спровоцировали беспорядки в центре Тбилиси. В этой напряженной обстановке генерал Кузнецов, в соответствии с решением лично Шеварднадзе и ЦК Компартии Грузии отправил взвод солдат для вытеснения озверевшей толпы, грозящей захватом здания правительственной резиденции. Солдатам выдали черенки от малых пехотных лопаток. Сразу после этих трагических событий злобствующая пресса на все лады расписала, как десантник гнал за бедной старушкой и только в конце проспекта Руставели догнал ее и ударил лопаткой. Какой папарацци писал эту заказную ересь — старушка бежала по всему проспекту, а молодой десантник никак не мог ее догнать. И так буквально во всех материалах прессы. Вдобавок к этому, руководство Грузии трусливо ушло в сторону и ответственность за все решения переложило на военных. Мы все жили при коммунистической власти и прекрасно знаем, что без решения сверху, в те времена, даже муха не могла чихнуть, а трусость Шеварднадзе потом, позже проявилась, когда он и Горбачев без звука сдали Группу Советских войск в Германии.

О тех трагических днях Юрий Кириллович написал прекрасную документальную книгу «Кавказский разлом», где раскрыта вся правда тех дней. С его дарственной надписью она хранится на почетной полке в моей трехтысячной личной библиотеке

Заместитель Начальника штаба — генерал-майор Ермаков. Уникальный по своей природе своему характеру человек. Таких людей сейчас уже нет. Более доверчивого и искренне верящего в порядочность человечества и каждого человека в отдельности — я не встречал. Он прибыл комдивом в ЮГВ в Хаймашкер, и мы там встретились. Был он совсем молоденьким полковником и войсковая наука да еще при Командующем Кочетове — была не только для него архи трудной. Но он выстоял и прибыл в ОдВО на зам НИШ 14 Армии в Тирасполь. Еще два года он провоял советником в

40 Армии в Афганистане и, уже генерал-майором вернулся на зам. Начальника штаба округа. В силу своей глубочайшей порядочности он не прогибался перед властью имущими и когда нужно было сказать правду Командующему по вопросу моего увольнения — как она ни коробила Командующего — он таки ее сказал и почти вслед за мной уволился из Армии. Юра был, есть и остался моим хорошим добрым другом.

Начопер Штаба — генерал-майор Мальковец свою работу знал и, благодаря уже до него сколоченному коллективу оперативного управления, особенно его начальников отделов — умудренных полковников — конечно же, не имел нареканий.

Начальник ракетных войск и артиллерии генерал-майор Говоров — немногословный пожилой военный, одной своей фамилией внушал уважение, но он к этому вкладывал прекрасное знание своей сложной науки — причем в любое время и навскидку выдавал все цифры по коэффициентам поражения, плотности огня и другим премудрым вопросам. Сменил его генерал Чугуй Евгений Григорьевич.

Начальник ПВО — генерал-майор Умрихин Василий Саввович — опытный пэвэошник, которому можно было бы смело быть крутым общевойсковым командующим высокого ранга — настолько жестко он держал в своих руках сложнейшую структуру войск ПВО и свой Штаб в составе Управления округа. И вместе с тем он оставался простым, душевным человеком и люди открывали ему свои души, — не каждому это дано в жизни. После службы в армии на Василь Савича свалились жесточайшие испытания — буквально за пару лет он потерял жену, взрослых дочь и сына, но не сломился и ныне продолжает жить полноценной жизнью. Я преклоняюсь перед его мужеством и стойкостью.

Преемником Умрихина стал генерал-майор Володя Антошкин — мой большой друг и товарищ. О друзьях плохо не говорят, а уж тем более о Володе — этом подвижном комплексе всех ПВОшных начинков. К своему блестящему профессионализму он всегда добавлял острейший юмор, за что его все любили и любят.

Начальник разведки полковник Николай Иванович Еремееenko, большой по комплекции, но быстрый на сообразительность разведчик, который никогда и ничего не говорил утвердительно. Мы над ним всегда шутили — убитый пленный предположительно доложил...

Начальник войск связи — молодой и энергичный генерал Павлишин Мирон Васильевич. Прибыл сюда полковником — выпускником академии ГШ, и ничего не понимал в сложной науке штабной жизни — и тут я взял его за руку и повел по этой тернистой дороге. К счастью, он быстро акклиматизировался, и уже вскоре стал генералом, а потом ушел на повышение, уступив свое кресло Володе Попову — своему заму. Володя получил генерала, и тоже продвинулся в Киев, откуда ушел на пенсию, но вернулся все равно в родную Одессу, где сейчас и работает.

Начним округа — мой закадычный (это не в смысле закладывать за кадык) друг, генерал Паршинцев Анатолий Васильевич — невозмутимейший человек, которого никто и ничто не могло вывести из равновесия, даже мои бесконечные приколы над другом — дымарем. Сейчас он на пенсии, но продолжает работать и преподавать свою химическую науку студентам. Что будет, если скрестить химика и инженера — будет гофрированный лом!!!

Начальник тыла — генерал-лейтенант Белохвост Вилий Степанович — это тот, кто оттяпал мою квартиру в «голубой мечте», но это никогда не вспоминалось, не обсуждалось. Более того, мы всегда жили дружно, хотя своими прибаутками Вилий Степанович мог припечатать кого угодно. К чести его — он был в молодости начальником тыла двадцать третьего Ренийского понтонного полка. В те времена выдумка тыловиков была куда изощреннее нынешней. Он рассказывал, что у берега Дуная возле полка всегда стоял притопленный понтон, в котором постоянно содержали осетров и стерлядь, а чтобы вода была всегда проточной, в понтоне пробивали дырами все стенки. Зато к приезду высокого начальства в полку всегда была наваристая уха из осетрины. Я говорил Вилию Степановичу — жаль, что такие тыловики вымирают как мамонты, и сейчас их уже нет.

Здесь нужно сказать, что этот полк был уникальным по своему расположению. Он стоял в одном километре от самой юго-западной точки границы с Румынией, там, где впадает река Прут, и через нее перекинуты два моста к румынам — железно и автодорожный. А под высоким берегом проносился к Черному морю Дунай, на этом берегу в метре от пограничного забора из колючей проволоки стояла трибуна на строевом плацу, и за плацем стояли казармы. Когда проходили построения полка, то проходящие под берегом суда своими рубками проплывали рядом с трибуной, капитаны выходили на мостик, ревел пароходный гудок, и они отдавали честь полку. Полк по команде поворачивался лицом к реке, звучала команда «Смирно!» и все отдавали честь приветствия. Вот такие вот сложные международные отношения. А, напротив, за рекой — уже была Румыния.

В районе Орловки — где под Дунай уходят трубы газопроводов и нефтепроводов в Европу, на берегу Дуная стоит высоченный памятник, собранный из больших броневых плит. И на этой пирамиде красивыми бронзовыми буквами написано — здесь российская армия форсировала Дунай и выполнила освободительную миссию для братских балканских народов по велению Государя — Александра I — Освободителя. Буквы слов Государя и Александра были сбиты, но оставшийся от времени след позволял все читать так, как это было в те далекие годы. Соорудили этот памятник при генерал-губернаторе Новороссийского края графе Воронцове. Этот створ переправы был и нашим, понтонерским, поэтому мы это место хорошо знали.

Вообще, эти места насквозь пропитаны историей. При въезде в молдавский городок Вулканешты стоит величественная круглая колонна, при-

мерно в пятнадцать метров высотой, высеченная из ракушника. Наверху ее стоит золоченый православный крест, основанием своим попирающий свалившийся турецкий полумесяц. На колонне с двух сторон прикреплены чугунные плиты с фамильным гербом графа Воронцова. Надпись — здесь русская армия, численностью 16 тысяч солдат под предводительством графа Румянцева разгромила ста семидесяти тысячную армию турецкого Халил-паши. а на гербе по латыни написано — «не только оружием...»

В ста метрах от колонны, на улочке между первыми домиками стоит скромный двухметровый обелиск с надписью — Отцу — от сына. Здесь в сражении погиб подполковник Воронцов, поднявший солдат в решительную победную атаку.

Легенда гласит, что подполковник скакал впереди атакующих, когда турецким ядром ему оторвало голову, но он продолжал скакать, и турки в панике побросали свои редуты, были разгромлены, и это во многом решило исход штурма Измаила. Вот такая история с историей.

Кстати, Вулканешты — это не вулканы. В давние времена здесь обитали волки, а волки по-молдавски — вулки. Отсюда и название городка — Вулканешты — волчье место.

А Вилий Степанович остался верен своей понтонной молодости. Однажды, когда мы работали в Феодосии, в один из свободных вечеров он пригласил меня и генерала Толю Паршинцева — нашего дымаря — на ловлю бычков в Азовском море. Оказывается, рядом с Керчью расположился военный совхоз, а на берегу у них была база отдыха — чудесное место с прекрасной сборной деревянной казармой, переоборудованной под гостиничку. Когда мы приехали, уже была готова дюралевая моторка, снасти на бычков и полведра нарубленных кусочков из тех же бычков. Толя остался на берегу, а мы с Вилием Степановичем и директором совхоза помчались на ближние камни.

Парень на моторе поставил лодку на якорь, и мы начали ловлю. Снасть — элементарная. Длинная леска на 0,5 мм, на конце грузило — кусок свинца и над ним пару хороших крючков. Насадил наживку и кидай все за борт, когда выметывается метров десять лески — груз падает на дно. Тогда накручиваешь леску на палец и начинаешь поддергивать ее немного вверх. Как только пальцем ощутил рывок — тяни наверх. Один, иногда два здоровенных бычка — «кнута» — твоя добыча. Приготовили рюмку и бутербродик для того, кто первый выловит. Конечно, я был первым и тяпнул рюмочку. Потом приготовили тому, кто полнимет сразу двух бычков — и опять я стал первым — опять рюмочку. Потом все отрюмились за хороший улов. За полчаса мы втроем набили полное ведро бычками. Когда вернулись к домику, земля уже качалась под ногами, но мы еще бодро держались. А вот в столовой нас ждал королевский ужин — тройная уха с отварным осетром и, конечно, чистейшим медицинским спиртом. Спали

потом в этой экзотической бухте, на берегу моря, под шуршание прибоя — как убитые, а утром голова была чистенькая, как стеклышко. В конце дня прошло совещание, подвели итог трехдневной работы и улетели самолетом в Одессу. Как говорят в войсках — нет ничего приятней, чем вдохнуть пыль из под колес машины уезжающего начальника. Так, наверное, и нас провожали на аэродроме.

О наших штабных офицерах и генералах можно поэмы писать. В большинстве своем это были профессионалы в своей работе, добропорядочные люди, уважающие свой нелегкий воинский труд и умеющие ценить труд товарищей. Было легко работать в таком спаянном коллективе.

Но жизнь периодически подкидывала разные штучки-дрючки. В один из дней позвонил Юрий Кириллович и приказал срочно выехать в нефтегавань Одесского порта. У пирса меня ждал портовый катер, и мы ходко двинулись к стоящей на рейде землечерпалке. Меня и офицера Управления встретил капитан с редкой для этой профессии фамилией, толи Гольденвейзер, толи Гольденшвицер. Бравый капитан похвастался своей находкой — из ковша землечерпалки торчал хвостовик глубинной бомбы, а из под воды выглядывал еще один с такой же радостью. По портовому телефону я вышел на генерала Кузнецова, доложил ему обстановку и попросил утвердить решение. — По мере подъема ковшей, мины вымывать брандспойтом и укладывать на корму катера, а потом отвозить в гавань к пустой стенке, где их будут на машину с песком принимать саперы с Чабанки и, в конце дня, взрывать на полигоне. Решение было утверждено, и я развернулся с портовиками. Перво-наперво закрыли движение судов в акватории порта. Пригласили военных водолазов для проверки дна и на следующий день они доложили, что на дне муть и нихрена не видно, а на ощупь — только песок. По всей видимости, мины лежат на глубине работы черпаков, а это метр с лишним. Тогда мы подошли к проблеме с другой стороны. У ветеранов допытались, что решением командования обороны района с плашкоута должны были устанавливать глубинные бомбы для закрытия подходов в Одесскую гавань. Однако при очередной бомбежке плашкоут был потоплен и лег на дно где — то в этом районе. Учитывая, что глубинные бомбы не были в окончательно снаряженном виде, я принял решение продолжить углубление фарватера к нефтегавани и, при появлении в ковшах мин — останавливать работу, убирать заряды и продолжать работу далее. Прекрасный парень — капитан простодушно спросил, а как быть мне с экипажем? Я сказал, что если кто боится — может сойти на берег. Мои саперы и я остаемся на судне, и будем продолжать, а если взлетим? спросил капитан. Значит, взлетим вместе. Конечно, никто с борта не ушел. И началась почти недельная работа, в ходе которой мы подняли и уничтожили около двухсот глубинных бомб. Этот клятый плашкоут лег точно по ходу углубляемого фарватера, и мы выдернули со дна почти все его содержание. Все это время рядом со мной был мой боевой

дивизионный инженер подполковник Анатолий Силкин. Сейчас он уже полковник в запасе и работает у меня, в Городской Службе Спасения — 077 начальником отдела инженерных спасательных работ. По завершению работы мы удостоились сдержанного «Спасибо» от Командующего. Еще одни мины прошли мимо меня на этом поле жизни.

После распада СССР Генерал-полковник Морозов И.С. уволился и пошел работать в Областную администрацию инспектором по грифованным документам.

И вот здесь мы с ним как-то незаметно нашли общий язык. Этому, наверное, способствовало то, что его загородная дачка — небольшой домик — стояла рядом с шоссе и железной дорогой в поселке Затока, недалеко от моря. Поэтому, когда я собирался ехать в понтонный полк — в Белгород — Днестровск, Иван Сергеевич всегда попутно ехал со мной до своей дачи. Ни разу не было такого, чтобы он не пригласил меня к себе. Распечатывалась бутылочка коньяка и текла душевная беседа о прошлой службе, о многих общих знакомых, которых мы знали, о тех или иных событиях нашей общей, прошедшей службы и даже некоторых движущих пружинах, о которых я даже и не знал, а Иван Сергеевич говорил с явным сожалением. Иногда в этих огорчениях проскальзывала нотка, что истинное лицо людей наиболее видно тогда, когда ты перестаешь быть их начальником. Наши встречи продолжались много лет и тогда, когда в 1995 году, после 38 лет службы, я ушел на пенсию. Иван Сергеевич ежегодно, уже из Москвы, каждое лето приезжал на месяц в Одессу, и обязательно заходил ко мне на Дерибасовскую, где я начал работать начальником Городской Службы Спасения — 077.

После ухода на пенсию генерала Говорова — я стал старейшим среди генеральского корпуса нашего штаба и по традиции стоял на страже этики и порядочности этого верхнего звена. При этом, после ликвидации партаппарата, такое единение генералитета действовало лучше любого марксизма — ленинизма. Характерно, что если кто-либо из начальников управлений нарушал вольно или невольно общую хартию порядка и организованности — немедленно получал от меня решение большинства — к вечеру готовить стол накоротке для основного состава. И за это время отказов никогда не было — все исполнялось неукоснительно и провинившийся старался впредь ошибки не допускать.

Как говорил Начальник Штаба генерал-лейтенант Кузнецов — если к концу дня Рогожкина нет в кабинете — значит вся четверка — Рогожкин, Антошин, Попов и Паршинцев сидят у кого-то из них в кабинете. Это он вычислял мгновенно, и иногда с устатку заходил туда, где мы и заседали накоротке.

Иногда я просил разрешения у Юрия Кирилловича более популярно объяснить тому или иному молодому полковнику — что и как нужно делать, чтобы не влетать в «халепу» и не подводить коллектив. Одному здоровенному начальнику я выдал:

«Не в большой за...клепке дело — надо ей владеть умело!» Весь зал совещаний минут пять хохотал над этой сентенцией. Но все это было по-мужски и дружески.

Запомнился эпизод, когда Виталий Григорьевич Радецкий проводил на Широком лане полковое учение с боевой стрельбой. Я предложил на первом этапе учения при прорыве переднего края, проходы в минных полях противника проделать с имитацией — взрывным способом, а один проход возле вышки руководства с помощью установки разминирования УР-67 — так ее называют в войсках — «змея Горыныч!». Это гусеничная плавающая установка, которая может запустить два гибких заряда взрывчатки с помощью реактивных двигателей по воздуху на дальность до 500 метров, и когда заряд падает на минное поле противника, то установка немного отъезжает назад, вытягивая заряд в прямую линию, и по команде подрывает его. Практически тонна взрывчатки пробивает ровную дорожку шириной 6-8 метров, на которой «в живых» не остается ни одной мины противника — они детонируют и взрываются — проход свободен — мин нет!

Начальник полигона при сооружении вышки прогнулся и установил большие витринные стекла вертикально — где-то полметра на метр каждое.

Я предупредил его, чтобы он хотя бы заклеил их крест на крест полосками, как во время войны в городах при бомбежке или артобстреле — он отказался. Но перед началом огневой подготовки он на всякий случай подошел к Командующему и предложил ему немного отойти от стекол, в целях безопасности. Виталий Григорьевич рассмеялся и говорит — Да они у тебя все равно лопнут после «змея Горыныча!» А полигонщик гнет свое — не лопнут! Нет, лопнут! Нет, не лопнут! А я говорю — лопнут!

Наступил решительный момент — Урка грохнула, и заряд по огромной дуге ввинтился в голубое небо, лег на поле, и через минуту, после натяжки так звезданул, что земля закачалась, а воздушная волна тряханула вышку. Но, до того звонко дзинькнуло стекло, и осколок отлетел, впившись прямо в щеку незадачливому начальнику полигона. Он, конечно, ойкнул, немного брызнула кровь, но самой интересной была реакция Командующего. Он почти по-детски обрадовался и закричал — Все-таки оно лопнуло! Лопнуло! Лопнуло! — Никогда не спорь со старшими! Срочно врача и пусть перевяжут полковника!

И вот ведь надо же, чтобы лопнуло только одно стекло, осколок угодил этому спорщику в щеку. Недаром в Одессе говорят — Бог не фраер — он все видит!

Память избирательна и гораздо на большее время в ней остаются светлые, хорошие моменты жизни, а все плохое и негативное — отсеивается и забывается.

Запомнился 1991 год только одним — ГКЧП и распад СССР. В середине августа в округ прилетели три генерал-полковника — Кузнецов Владимир

Павлович-начальник инженерных войск МО, — Галкин-начальник бронетанковой службы МО, кстати — это отец Максима Галкина — актера, — Петров-начальник автомобильной службы МО.

Я прекрасно знал и был хорошо знаком с каждым из них и посему, вместе со своими коллегами по округу принял активное участие в организации их работы и быта.

Разместили всех в гостинице Военного Совета на Французском бульваре — рядом с Одесской киностудией. Пошла интенсивная работа в Штабе, в войсках. Владимир Павлович оставил меня на месте, взял моего «технаря» Виталика Бесова и летал с ним на вертолете — то в Снигиревку, то в Рыбницу, то еще куда-то. А вечером мы вчетвером расписывали пулю, как когда-то в молодые годы. Пролетели три дня, и 17 августа я проводил их со Школьного аэродрома в Москву.

Вечером мне стало плохо, начались рези и колики, а тогда, когда я уже начал бегать по стенкам — Галина вызвала скорую из 411 военного госпиталя. Ехал я, в этой будке стоя, такая была сильная боль. До четырех утра билась со мной бригада медиков — ничего не помогало, даже моча не отходила. Оказывается, начиная с вечера, и до четырех утра у меня из почки пошел камень и пока утром он не булькнул в «дождевой» пузырь — я орал благим матом, а иногда и не благим.

К утру меня запихнули в камеру с видом на море, и я уснул. Утром восемнадцатого я доложил по телефону Начальнику штаба округа, что выехать на командно-штабное учение не смогу — лежу в госпитале с почками.

А Штаб ушел в Раздельное — на КШУ. К вечеру меня перевели в отдельную палату, боли ушли и надо мной начал колдовать начальник урологии — полковник Юрий Иванович Дидыч, уникальнейший специалист в своей области.

Утром 19 включаю телевизор и глазам своим не верю — Горбачев тяжело болен, срочно собирается руководящее ГКЧП. К обеду ко мне уже пришел мой зам — Володя Кузнецов. Оказывается, рано утром они получили приказ — срочно свернуться и возвратится в Одессу. Начались КШУ — только уже для всей страны. Половинчатые и какие-то испуганные решения Московского руководства сразу же вызвали отталкивающую реакцию на местах. А когда все увидели трясущиеся руки Янаева — на весь Союз — стало ясно, что из этой бывшешней комсомолии ничего путного не выйдет. Вся эта история с ГКЧП сейчас, по прошествии времени воспринимается, как фарс что с одной, что с другой стороны. И вот тут сработал принцип подвалившего момента, который молодой и жаждущий отмщения Ельцин, конечно же, не упустил. А тут еще огромный хор подпевал из криминально-дерьмократического подзаборья.

Великая страна, огромная держава, проданная и преданная своим ублюдочным партократизмом, эта держава рухнула. С их подачи претворил-

ся в жизнь план Бжезинского и апологетов ЦРУ по ползучему разложению СССР. В последующем по аналогичному, но более изощренному сценарию были организованы оранжевые, розовые, тюльпановые и прочие другие «революции», которые привели вооруженные силы заклятого врага СССР — НАТО — прямо к подбрюшью России. Что это? Слепое непонимание геополитической обстановки или головопятство тех, кто был обязан думать о безопасности страны. Думаю, что история лет этак через пятьдесят расставит все точки над И. Тогда, наверное, суд народов — такой Народный трибунал осудит всех этих Горбачевых, Яковлевых, Шеварднадзе, а также нынешних прихлебателей Запада, окончивших военные академии в США и получающих свои серебрянники, — кто в Пентагоне, а кто и в ЦРУ.

И пусть их уже к тому времени не будет в живых — приберет всевышний — все равно им должно воздаться за прегрешения их перед людством.

В армии этот развал и распад начался с ликвидации политработников — они тут-же мимикрировали и перелицевались в воспитателей, при этом их штат был урезан наполовину.

Я под этот шумок успел отхватить у политрабочих целое крыло здания штаба — на втором этаже и заселил туда свое управление.

Пришла из Москвы шифровка за подписью генерала Безродного — он тогда уже стал первым заместителем у Владимира Павловича Кузнецова — срочно собрать «кварцы» от радиоприемных систем управления дальнего действия — были и такие у инженеров загрифованные системы — с тем, чтобы не допустить их утечки за рубеж в связи с начавшимся развалом. Разумеется, мы выполнили эту задачу, вернее приказ.

Последние месяцы девяносто первого года прошли в разброде и шатаниях, но коллектив штаба, удерживаемый, наверное, весом и авторитетом недавно прибывшего Начальника Штаба округа генерал-лейтенанта Кузнецова Юрия Кирилловича, штаб и все управления дружно держались вместе. Начавшееся расползание по национальным квартирам привело к нам кандидата в Президенты Украины старого аппаратчика Кравчука и его подручного по фамилии Заяц. Позже, когда Заяц стал депутатом Верховной Рады — спикер этой Рады Мороз сказал — депутат Заяц, что Вы стрибаєте по залу (что Вы прыгаете по залу). Кравчук прекрасно понимал, что кроме всего он должен опереться на этих выборах на армию — поэтому и предпринял поездки по регионам и встречи с военными в округах. Шел разговор о том, что никто никого в правах ущемлять не будет, что армия, какой была, такой и останется, что она служила и служит народу и так далее и тому подобное. И тут голос из зала спросил — а что гимн будет — «Ще не вмерла Украина?» Острый на язык Кравчук тут же обрезал — а что Вы хотите, чтобы она вмерла? Были и другие вопросы, но то, что на Украине среди военных более половины составляли сами украинцы — это и к гадалке не ходи. Кто из военных под конец службы не мечтал перебраться

к родным местам. Потому украинцы подтягивались на Украину, Белорусы — в Минск и около, Закавказье — к себе в горы и так далее.

Уже начался опрос, кто и где будет служить дальше. Позвонил и мне Владимир Павлович, — какие у тебя Олег планы? Я по-одесски сделал встречный вопрос — а что Вы можете предложить? — Пока ничего — в ответ! Ну, куда я поеду из Одессы — поймите, Владимир Павлович. Года уже подходят к пенсионному возрасту, я только год, как получил хорошую четырехкомнатную квартиру, худо-бедно соорудил небольшую дачу за городом, купил шикарный лимузин — «Таврию», да и служить я остаюсь народу и дружественной армии. Поздно мне уже куда-либо переезжать! Да и Одесса — это непотопляемый корабль революции. Наверное, ты прав Олежек — сказал Владимир Павлович.

Вообще то перед отлетом Кузнецов в разговоре прозрачно намекнул, что четыре года Начинжем округа — это уже много и давай думай в аппарат ко мне. Но тут судьба в лице ГКЧП все планы раскидала. Владимир Павлович и раньше предлагал мне — то ехать советником во Вьетнам, то на Кубу, то начальником второй кафедры в Академию. Я отбрыкивался тем, что влез в дела округа по макушку, и не могу бросить уже начатые проекты. Да и так, за четыре года моего руководства были решены все проблемы с жильем для офицеров, прапорщиков и их семей во всех инженерных частях окружного подчинения. Практически мы сами, своими силами построили в частях пять многоквартирных домов. На окружном складе инженерных боеприпасов в Балте одна четвертая часть мин и зарядов была на открытом хранении — мы за эти четыре года построили хранилища и буквально все убрали с поверхности. Более того, с помощью Тюменьнефтегаза, который приобрел у нас достаточно много инженерной техники устаревших образцов — мы сравнительно задешево получили два больших арочных хранилища из оцинковки и успели убрать туда все удлиненные заряды разминирования.

В войска пришло большое количество электростанций, автокранов, бульдозеров, погрузчиков и много другой, нужной округу техники. Все войсковые склады боеприпасов, склады «НЗ» были ограждены новой колючей проволокой и усилены сетями «МЗП» (малозаметных препятствий), которые мы тоннами получали из центра и отдавали войскам.

Инженерные войска и управление получили весомый авторитет и уважение. Мы не жмотничали и не сидели, как «собака на сене», но и не разбрасывались налево-направо. А главное — была выстроена и четко отрегулирована кадровая политика. Части возглавляли опытные командиры, которые на глазах вырастали для больших и значимых должностей.

Командир 62 понтонно-мостового полка подполковник Сердцев Николай Иванович в декабре восемьдесят седьмого года был представлен мною к званию полковника. А весной восемьдесят восьмого по моему настоянию убыл Начинжем армии в Семипалатинск. Провожая его, я сказал

— тебе Николай Иванович нужно идти вперед и стать Начальником инженерных войск Министерства Обороны, что он и сделал. В 2002 году он позвонил мне в Одессу и доложил — Докладывает генерал-полковник Сердцев! Товарищ генерал! Ваш приказ выполнил — назначен Начальником инженерных войск Вооруженных Сил России и сегодня досрочно получил звание генерал-полковника! Я, конечно, его сердечно поздравил с высоким званием и должностью. В 2008 году генерал Сердцев Н.И. уволился из Вооруженных Сил и стал военным советником у Главкома Сухопутных войск России.

На должности Командира 62 помп (Рыбница) Сердцева сменил подполковник Волохов Валентин Георгиевич — его боевой зам. Через пару лет освободилась должность командира помп. во Франкфурте-на-Одере (ЗГВ) и я насильно втолкнул его туда. Как он сопротивлялся — да за что? Что я Вам плохого сделал? И так далее...Я ему говорю, — Валентин — ты что — сдурел? Я же служил в Германии и знаю, как там хорошо и служить и жить. Поезжай, а потом сам мне скажешь спасибо, что тебя туда отправил. Буквально через год ко мне заявляется здоровенный Волохов и обнимает меня — спасибо Вам, Олег Борисович, что надоумили и заставили меня поехать в Германию. После вывода войск в Союз он получил назначение начальником крупного инженерного полигона центрального подчинения, а с 1998 года по 2001 год стал начальником Тюменского высшего военно-инженерного командного училища. Но Валентин всей душой рвался в Питер. Равно, как и начальник Нижегородского училища, Миша Логинов — сам тюмонец — рвался в Тюмень. После одного моего разговора с Владимиром Павловичем состоялось решение, и Валентин стал начальником Санкт-Петербургского филиала Военно-инженерного университета (бывшей инженерной академии), который готовил топографов. Ну а Миша перебрался в Тюмень, где и рулит до сих пор.

А в Бахчисарае, в 637 инженерном дорожно-мостостроительном батальоне комбатом был Володя Данчук, тогда, в 1987 году — майор. За время службы вырос в прекрасного, самостоятельного командира. Как-то я подсказал ему убрать солдатский туалет вглубь территории, а то он стоял сразу возле въездных ворот в часть. Через месяц Владимир Иванович провел меня в конец территории и там, за казармой второй роты показал сияющий кафелем, зеркалами, умывальниками и туалетной бумагой теплый, рассчитанный на зиму туалет — и полотенца висели возле каждого рукомойника. Ну, думаю — это он для шика повесил — потом проверю. Ничего подобного, сколько бы раз не приезжал — туалет был в стихах и красках. Для казарм он получал тепло от города, но радиаторы стареньких батарей плохо грели, и старые сборные деревянные казармы продувало. Однажды приезжаю, захожу в казарму, а там жарко, хотя на дворе стоял январский холод. Оказывается, он через местное руководство достал сто миллиметровые трубы и по две трубы под окнами с каждой стороны протянул вдоль

казармы, а радиаторы выкинул. Так эти раскаленные трубы дали такое тепло, что пришлось все форточки открывать. Еще через год он сам спроектировал пристройку к зданию столовой. От своей котельной, которая работала только для кухонных котлов, подал в пристройку пар и сделал в ней солдатскую баню для батальона. Баня была со всеми атрибутами — раздевалками, душевыми и даже своим банно-прачечным комбинатом со стиральными и гладильными машинами. С машинами нам хорошо помогли тыловики, все дали, помогли смонтировать и запустить. А раньше он возил солдат в Симферополь, да еще и деньги за это платил. Мало того, что баню — в этой части здания он умудрился сделать для офицеров и семей великолепную парную с раздевалкой, большим предбанником с деревянным столом, скамейками, самоваром и выжженными на дереве парными мудростями — типа — Пар костей не ломит и т.д. Потом была комната с бассейном, где-то три на три метра — все в кафеле, и, конечно, парная на электрических тэнах из расчета на четыре человека, вся обшитая свежеструганной еловой досочкой.

За это время построили красивый инженерный городок на территории части и хорошее учебное поле за городом, возле озера, где можно было тренироваться в постройке и сборке мостов.

В 1992 году в округ пришел новый Командующий, уже от Министерства обороны Украины — генерал-лейтенант Радецкий Виталий Григорьевич. Прошло где-то около года, как Радецкий стал командующим. Его отличала раскованность в общении с подчиненными, здоровое чувство юмора и умение выслушивать мнение собеседника, при этом знания со стороны он впитывал, как губка, и потом мгновенно принимал решения, причем всегда вовремя и всегда к месту. На одном из совещаний утром он сказал, что через час вылетает в Крым, — кто хочет лететь с ним? Поднял руку один я — хочу представить вам наш окружной дорожный батальон в Бахчисарае. Вылетели, сели в Симферополе и тут же поехали в Бахчисарай. Комбата в части не было, доложил дежурный по части. Потом с обеда прибежал Данчук и доложился. Мы в это время зашли в казарму. Комбат — почему форточки открыты — улицу согреваете? Данчук доложил все за выкинутые батареи, поставленные трубы-сотки. Казарма сияла порядком и чистотой. Это Вы сообщили, что мы приедем — сказал мне Радецкий. Никак нет, товарищ Командующий — здесь всегда порядок! Мы прошли все казармы, осмотрели столовую, кухню, парк хранения техники — везде все было в идеале.

А когда осмотрели солдатскую баню и помещения бытового комбината — он просто испытал самое большое удовлетворение. Добила Командующего парная для офицеров. Дайте журнал посещения — дали журнал с записями и росписями. Сколько берете с офицеров и членов семей за баню? — По двадцать копеек с человека! Мало — за такую прелесть и несколько рублей не жалко. А когда уходил, то в коридоре прямо в висящие веники

уткнулся и вдохнул их пьянящий аромат — Эх, сейчас бы в парилку! Да жаль, некогда!

Когда возвращались в Одессу, Виталий Григорьевич спросил меня, а что Данчуку не присвоить, как лучшему командиру части досрочно «полковника»? Я говорю, что по штату не положено. Мало ли что не положено — готовьте представление, а я переговорю с Министром! Так через месяц Володя Данчук получил от Командующего новые погоны с тремя большими звездами. Интересной была реакция Начинжа — генерала Безродного. Когда ему стало известно, что Данчук получил полковника — он по телефону разразился бранью — Кто давал Вам право присваивать ему полковника? Что Вы себе позволяете в обход меня? Я с Вами разберусь — и так далее!

Древние не даром говорили, что, если человек чужак, то это надолго! Я правильно написал — чужак, хотя обычно пишут с другой буквы!

Ну, чего орать — радоваться надо, и наоборот, гордиться тем, что среди всего Министерства, именно инженерный комбат, впервые в истории современной армии Украины получил досрочно полковника. Да и говорить «досрочно» тоже нельзя, поскольку нет таких сроков для комбата! Пришлось объяснять этому чиновнику от военных, что это решение принял командующий, а утвердил министр. Если у Вас есть возражения — зайдите к Министру и прямо в лицо скажите ему, что он и кто он по этому поводу... Володя на другом конце провода опять что-то запыхтел, а я повесил трубку. Ну не питали мы друг к другу теплых чувств, и, понимая это он ни разу не приезжал ко мне в округ, прекрасно зная, как я встречу этого «высокородного» чужака.

Рассказывая об этом непростом периоде жизни и службы я не зря упомянул о распоряжении из Москвы за подписью Безродного о срочной отправке кварцев радиолиний РЛ-62 в центр. Через некоторое время мы с удивлением узнали, что этот генерал уже не в Москве, а в Киеве — и уже в кресле начальника инженерных войск Министерства обороны. Как это произошло — я знаю, но рассказывать не буду !

Начался период разбирательства — кто, что, куда и кому успел под шумок продать (были и такие «специалисты» в руководстве округов), кто и что отправили в Москву и другие страны и так далее и тому подобное. И тут звонок из Киева, разгневанный голос Безродного — кто Вам давал право отправлять кварцы от радиолиний РЛ — 62 в Москву? Вы понимаете, что без этих кварцев сама радиолиния это просто никому не нужное радиобарахло? Я к вам комиссию пришлю для расследования!

А я отвечаю — не нужно комиссию — у меня уже сидят представители Службы Безопасности Украины (СБУ) и выясняют, кто такой генерал Безродный в России, который подписал распоряжение об отправке кварцев от РЛ — 62 в Москву, тогда, когда еще мы были в Советском Союзе. Я им, правда, еще не рассказал — кто это такой, мало ли там было подписыва-

ющих начальников. Ну, как, скажите мне, после всего этого нормально общаться с таким человеком? Бог с ним!

Была, кстати, еще одна история с этим руководящим чином.

В 1993 году мне исполнилось 55 лет и я, как положено, написал рапорт об увольнении. Меня тут же вызвал Командующий Генерал-лейтенант Радецкий, — что случилось, Олег Борисович? — Все, говорю, нормально, но возраст есть возраст. Отставить возраст. Продолжайте работать. Увольняться будем вместе. И тут же дал команду кадровикам отправить ходатайство о продлении мне службы, которое сам и подписал. Осенью 1993 года Виталий Григорьевич убыл в Киев на должность Министра Обороны Украины. В конце года в моем разговоре с Безродным, с его стороны проскочила фраза, что надо бы уже и о пенсии подумать. Я, правда, на нее не отреагировал. А потом произошло следующее. Безродный связался с кадровиками — почему до сих пор в Одессе служит Рогожкин? Те показывают ему ходатайство Командующего округом о продлении службы. Ну, нормальный человек, наверное, должен был посмотреть, чья стоит подпись на ходатайстве, а он не посмотрел и сразу записался на прием к Министру.

Из проверенных источников мне доложили — как это было.

Когда Безродный доложил, что пора по возрасту Рогожкина уволить, Министр долго его рассматривал и спросил, — а Вы когда были в Одесском округе? Ах, никогда не были! Я Вам разрешаю генерал на недельку поехать в Одессу, на стажировку к Олегу Борисовичу. И если он мне потом скажет, что из Вас еще может, выйдет что-либо хорошее, тогда Вы останетесь на своем месте. Свободны! Под всякими предложениями Безродный, конечно же, никуда не поехал, но наши с ним взаимоотношения значительно «углубились».

На должность Командующего ОдВО заступил Командир 6 АК (Днепропетровск) Генерал-лейтенант Шкидченко Владимир Петрович, который на мой рапорт об увольнении по возрасту ответил точно также — увольняться будем вместе.

Назревала избирательная кампания и в Киеве, на одном из совещаний с руководством округов генерал армии Радецкий провел инструктаж, чтобы все войска проголосовали за Президента Кравчука. Кто голосует за Кравчука — поднять руку — поднял весь зал. А кто будет за Кучму? Сзади сидели наши операторы, и после бессонной ночи один майор дремал. Сосед решил над ним подшутить — толкнул в бок и говорит — давай голосуй! — тот и поднял руку. Радецкий засмеялся — я так и знал, что Одесситы всегда имеют свое мнение! Молодец майор! — каждый может и волен иметь свое мнение. На эту поднятую одинокую руку оглянулся Шкидченко — как он не испепелил этого заспанного майора — не знаю. Знаю, что итоги выборов и победа Кучмы стоили Виталию Григорьевичу поста Министра Обороны. А Министром обороны стал Александр Иванович Кузьмук, которого я знал еще полковником — командиром дивизии, а потом

командиром 32 Армейского корпуса в Крыму. И надо сказать к чести генерала армии Кузьмука А.И. — он никогда не позволял себе возвышаться своей властью и посадой — всегда был приветлив, здоровался и, обнимая, говорил нам — ветеранам, — это учителя мои. Немного полководцев за мою пятидесятилетнюю государеву службу были именно таковыми — простыми и доступными.

А Виталий Григорьевич Радецкий до недавнего времени возглавлял Национальную Академию Вооруженных Сил Украины. Вообще, период становления Вооруженных Сил Украины ознаменовался тем, что к этому рулю государства в спешном порядке приставили первого, кто попал под руку. И этим первым стал генерал от авиации Морозов. Я знаю многих авиаторов различного командного уровня и уважаю эту героическую профессию. В воздухе — это великие люди, великой обученности своему делу, — но не на земле.

На земле в авиационном полку всем командует командир ОБАТО — Отдельного батальона аэродромно-технического обслуживания, а командир полка — теми сорока летчиками, которые упорно на земле с игрушечными самолетиками отрабатывают слетанность в паре. Это не ирония — у них так заведено и, как правило, от этого зависит жизнь или смерть, так что и это надо! Но не на посту Министра Обороны, поскольку и подходы не те и задачи не те. Все гораздо сложнее и важнее.

А на должность Начальника управления по воспитательной работе — по старинке — политработника, вообще пришел ставленник Руха — сержант запаса Мулява, которому тут же присвоили звание полковника, а через несколько дней — генерал-майора. И ходил этот заросший патлатый генерал с огромными «вусамы» на правах ведущей скрипки в этом нестройном оркестре. Начался отбор руководящего состава в округах, при этом собеседование проходило в Киеве, в Министерстве Обороны. Выглядело это впечатляюще, поскольку в огромном пустом зале в середине прохода стоял стул, где в полном одиночестве сидел испытуемый, а представительная комиссия на уровне замов Министра сидела на сцене и оценивала этого «индивида». Вопросы были самые разные, но после возвращения многих генералов из их рассказов прозвучал и настораживающий, наверное, даже шокирующий вопрос, заданный Мулявой. А будете ли Вы вести огонь по противнику, если этот противник — клятые москальи?

Повсеместно начал подниматься вопрос о том, чтобы все доклады, разговоры, документы и даже обыденная речь были только на «ридной мове». И это завихрение первых лет, или, вернее, перехлест, оставили Вооруженные Силы без многих талантливых и высокоподготовленных офицеров и генералов. Только по прошествии первых полутора-двух лет и многочисленных перестановок в руководстве Минобороны ситуация несколько стабилизировалась. Кстати, сидел на этом стуле и я. Должен сказать, что

ощущение не из приятных, но провокационных вопросов мне не задавали, а Мулява, напротив, широко улыбнулся и даже подмигнул мне.

Изменение статуса страны, полная политическая и национальная независимость, статус внеблокового государства, в корне измененная военная доктрина заставили немедленно выработать новые подходы к составу Вооруженных Сил и их техническому оснащению. Но и в этом не удалось избежать перекосов и кампанейщины. Началось всеобщее урезание штатной численности и доходило до парадокса, когда в воинской части не хватало личного состава для обеспечения суточного наряда и караула для охраны. И только потом догадались, что сокращать численность Вооруженных сил нужно, ликвидируя воинские части целиком. И начали урезать по живому.

А когда во главе Министерства стал ученик Вест-Пойнтской академии США — начался разгром Вооруженных Сил. Этот небритый подполковник четко выполнил задачу, поставленную перед ним Западом по ликвидации Вооруженных Сил.

Как же нужно не любить свою страну, свою Родину, чтобы довести армию до ручки.

Буквально в 2008 году, вновь назначенный Начальник Генерального Штаба прибыл в Болград — райцентр Одесской области, стоящий в самом центре огромной территории — Буджакской степи.

Доложите, пан Командующий, кто у нас прикрывает это оперативное направление? — Никто не прикрывает, — ответил генерал-лейтенант Литвин Петр Михайлович, младший из трех братьев Литвиных, столпов украинского истеблишмента. — Как? Да вот так и намудрили — ликвидировали воздушно-десантную бригаду (а до нее это была дивизия ВДВ), а в оперативной глубине уничтожили мотострелковую бригаду в Белгород-Днестровске.

Кстати, хотели ликвидировать и единственный, оставшийся в Вооруженных Силах понтонно-мостовой полк в древнем Аккермане, но командир полка полковник Козловский Сергей Иванович сумел убедить руководство Министерства, что на таком водном рубеже, как Днестровский лиман — полк архинужен и полк остался. Сейчас это лучший полк в армии Украины во главе с прекрасным командиром, но теперь, правда, единственный понтонный полк.

Можно много говорить о развале Вооруженных Сил, другими словами это назвать невозможно. А причина одна — безграмотное, поспешное сокращение армии, переросшее в бойкую распродажу всего, что плохо лежит. А в условиях мизерной зарплаты для военных все это «майно» превратилась в майну (порусски это большая прорубь на воде) откуда все, кому не лень, черпали и черпают материальный достаток, в зависимости от того, у кого черпак больше, у кого — меньше.

А уж как проводить ротное, батальонное, я уже не говорю о полковом или бригадном учении с боевой стрельбой из всех видов вооружения, да

еще совместных с другими родами войск, с совершением многокилометровых маршей — об этом не просто забыли, но и мечтать уже перестали. Я не злопыхательствую, просто больно и обидно это видеть, да и не мне одному.

Право на такую оценку я имею, поскольку стоял у истоков рождения Вооруженных сил Украины, и не такими мы их видели в перспективе.

Ни одна страна мира не может и не позволяет себе такую роскошь — остаться без армии. Наверное, поэтому, выполнив первый этап развала армии, современные прозападные политики начали толкать страну в НАТО, мол, у нас армия небоеспособна, и только НАТО нас защитит. Но такой «халявы» расчетливый Запад себе не может позволить и путь в НАТО — это морковка на веревочке, висящая перед носом у ослика. Пока она висит — ослик тянется и идет за ней туда, куда направляет прозападный дядя, сидящий на шее у народа, и держащий удочку с привязанной морковкой.

В начале пути к «незалежности» президент Кравчук пригласил командующих военными округами — генерала Радецкого (ОдВО), генерала Степанова (ПрикВО) и Министра Обороны генерала Морозова для решения вопроса — нужно ли Украине ядерное оружие?

Над всеми довлела эйфория немерянной свободы и заявленных политиками принципов — внеблокового и безъядерного государства. Из больших военачальников только Валерий Николаевич Степанов решительно высказался за сохранение ядерного оружия, как весомой силы государства, с которым нельзя будет не считаться на международной арене.

Оставшаяся в своих границах Украина еще имела тот промышленный, и в целом экономический потенциал, который остался от Советского Союза.

Еще не было разворовано и пущено по ветру ЧМП — Черноморское морское пароходство, работали заводы и фабрики. Украинский чернозем — это бесценное золото нашей страны, приносил достойные урожаи. В этих условиях можно и нужно было сохранить ядерный потенциал страны. Сейчас, по прошествии более чем полутора десятков лет, депутаты в Верховной раде всю дебатировать вопрос — а кто тот нехороший человек, который дал добро на вывоз из страны ядерного оружия и уничтожение средств их доставки?

Однако тогда, в те годы, было принято такое, пленительно заманчивое решение — никакого оружия, никаких блоков — мы готовы прийти в объятия Европы!

Все это обставили на манер западного шоу.

В районе Первомайска — райцентра в Николаевской области стояла дивизия стратегических ракет СС-20-Сатана (РС-18). Именно там готовили к подрыву шахты этих ракет с показом всем иностранным представителям, и в первую очередь — американцам.

Я получил задачу доставить в этот район дорожные плиты и собрать из них вертолетные площадки в районе показа. Собрали колонну КАМАЗов с плитами, я направил в Первомайск инженерную роту из Чабанки и выехал вместе с колонной к месту выполнения задачи.

Пока разгружалась колонна, я подъехал к выгороженной зоне где-то сто на сто метров на опушке редкого леса. Ничто не напоминало о хранящейся в земле огромной ракете. Весь периметр был огорожен трехрядным проволочным забором, один ряд из которых был электризован.

Заборы сходились к небольшому домику, в котором на вахте располагалась охрана, а рядом с домиком под цвет травы бугрились пара бронеколлапов, к которым вели подземные ходы. В домик можно было попасть только через люк подземного хода, который проходил к стартовой позиции.

Когда я приехал, уже вовсю шли подготовительные работы. Огромная, ста двадцати тонная крышка мощной гидравликой была открыта и рядом с ней зияла пустотой шахта около десяти метров диаметром. Меня провели подземным переходом к шахте. Оказалось, что только вчера была демонтирована головная часть ракеты с десятью боеголовками и вывезена на базу накопления для отправки в Россию.

Еще ходили химики с дозиметрами, контролируя остаточный радиационный фон, а на двухуровневых площадках вокруг корпуса ракеты копошились специалисты, отстыковывая какие-то агрегаты и конструкции.

Я попросил разрешения спуститься на дно шахты. Получив его, начал медленный спуск по скобам, вбетонированным в стенку, и, длинной чередой уходящими далеко вниз. Когда я добрался до середины ракеты, то порядком взмок. От напряжения руки ноги уже дрожали, и пришлось минут пять постоять, оперевшись спиной на могучую обшивку ракеты.

Зазор между ракетой и стеной шахты составлял примерно восемьдесят сантиметров. Я Вам скажу, что ощущение спиной холодной мощи этой Сатаны запоминается на всю жизнь. Кончились ступеньки почти тридцатиметровой вертикали, и я оказался на бетонном полу, в который был, вмонтировал четырех стоечный стартовый стол, стоящий на специальных подпружиненных подвесках. А над головой, на трехметровой высоте нависла огромная махина ракеты, со скромным весом в 210 тонн. Ощущение — потрясающее, но не из приятных.

Обратно, наверх, несмотря на дрожь в коленках, ноги вынесли меня сами.

Уже потом, позже, после взрыва шахты и завершения «шоу» для наблюдателей, мои саперы обнаружили «небольшую» крышку от шахты, весом в 120 тонн, выброшенную в сторону на тридцать метров.

А я подумал, что народное хозяйство и селяне ничего бы не потеряли, а может, приобрели для себя за так — хорошую силосную яму.

Но что там какие-то селяне, когда нужно показать такое «шоу»!

И эти «шоу» посыпались, как из рога изобилия.

Начали разрезать стратегические бомбардировщики и только потом спохватились, что их можно выгодно продать той же России.

Начался топливный голод и все части сели на жесткую «диету» по горючему. Дошло до того, что временами ограничивалась или даже прекращалась работа групп разминирования, а это уже угрожало жизни людей, простых жителей страны.

В этих условиях мне пришлось самому брать на себя все проблемы по городу. Особенно усилился разгул криминальных разборок. Еще не было в помине никакого МЧС, гражданская оборона и города и области не имела практики, да и не была допущена к этой опасной работе, равно, как и в МВД не было таких структур. Звонки, особенно от МВД, поднимали меня с постели далеко за полночь, приезжала машина ДПС и я с чемоданчиком «первой помощи» выезжал на место «ЧП».

На ж.д. вокзале, на запасных путях, солдат, сбежавший из части, забрался в пустой вагон и начал бросать гранаты в милиционеров, которые пошли на приступ. Но гранаты не взрывались. Правда одна попала в голову одному сотруднику. Но он отделался шишкой и синяками, — спасла фуражка. А гранаты остались валяться на путях, и желающих с ними общаться не было. На месте уже был Начальник штаба ГО города — полковник Сережа Баронцов, он только недавно вступил в должность. Первая же граната, к которой мы подошли вдвоем, была очень «вонючей». Чека в спешке до конца не была вытащена. И мне пришлось очень аккуратно оттянуть пассатижами головку ударника, а Сережа так же аккуратно затолкал чеку на место. Когда прошла дрожь в руках и коленках, мы спокойно вывернули взрыватель из корпуса. И тут открылась тайна того, почему гранаты не взрывались. Тот прапорщик, который продал бойцу гранаты, как чувствовал, что доберутся и до его задницы, а потому из каждого ударного механизма он вывернул детонатор. При броске гранаты срабатывали только пороховые капсулы — воспламенители, легкими хлопками.

В следующий раз, через несколько дней ДПСники привезли меня на Молдаванку. Там разыгралась семейная драма. Муж одной женщины ушел к другой. Обиженная жена, недолго думая, купила на Привозе две гранаты Ф-1 и пришла вечером в небольшой Одесский дворик на разборку с супругом и его новой пассией. Те забаррикадировались за входной застекленной дверью. Ах, так, сказала разгневанная супруга, — я вас сейчас угощу «огурчиками». Как всякая последовательная хозяйка, она выдернула чеку у одной гранаты, и положили ее на полочку возле стекла двери. Ну не знала она, что граната не будет ждать, пока она повернется и так же, как огурец или свеколку обработает и следующую гранату. Успела она только взяться за кольцо второй гранаты, как у нее за спиной грохнул взрыв. Погибла она мгновенно — до моего приезда ее уже увезли. Побило, но немного, осколками через выбитую стеклянную фрамугу двери, неверного мужа, его полюбовницу, холодильник и «протчую» другую мебель. И таких случаев было несть числа.

В 1989 году закончила десять классов моя Ольга — самая младшая. Она тут же заявила мне, что будет поступать в Одесский госуниверситет, но предупредила, что, если хоть где-то заметит мое участие в ее поступлении — сразу все бросит, и ни в какой универ поступать не будет. Такая упрямая, прямо точь в точь, как ее дочка и моя внучка Юлька, которая сейчас живет с нами, и мы с ней учимся в 10 классе.

Лелька была в школьные годы очень начитанным ребенком и книги читала запоем. Общий багаж был очень даже хорошим. Но после вывешивания итоговых списков она пришла домой вся в слезах.

В их потоке на исторический факультет приняли шестьдесят человек, а она в списке по оценочным баллам была шестьдесят вторая, и, естественно, не проходила. Я сказал ей — не реви, я попробую что-либо узнать, и поехал в университет. В приемной ректора — Игоря Петровича Зелинского, мне сказали, что он будет с минуты на минуту, и я прогуливался по пустынному коридору ректората. Мимо меня прошел стройный пожилой мужчина, остановился, обернулся ко мне и говорит, — Первый раз в жизни вижу живого генерала, разгуливающего в моем Университете! Мы прошли навстречу друг другу и, улыбаясь, поздоровались. Здравствуйте, Игорь Петрович!

Мы прошли в кабинет ректора, и я поделился с Зелинским своей бедой. Он засмеялся и заверил меня, что если Лелька в списке шестьдесят вторая, то она уже студентка. Оказывается, у ректора есть право принимать дополнительно на каждый факультет по одному — два человека в расчете на естественный отсев студентов, в течение пяти лет обучения, а на исторический факультет брали аж трех абитуриентов. Так моя Лелишна стала студенткой и начала учиться нелегкой науке — археологии. Нашей с Галиной радости не было предела, а в сентябре она удвоилась — у нашей старшей Марины родилась дочь — Дашенька.

Ольга часто выезжала со своим курсом на раскопки в Роксолану и Овидиополь. Тем более, что ее профиль был зарыт глубоко в древней Греции и ее колониях по берегам Черного моря. Она даже нашла мне древнюю головку от греческой курительной трубки, которая украсила мою коллекцию курительных трубок.

А с Игорем Петровичем Зелинским мы подружились, тем более что он по профессии был геолог и географ, и у нас была общая привязанность к красивым камням. По его приглашению я был на достаточно представительной международной конференции по сейсмике Причерноморского региона. Именно, там Зелинский громко поднял вопрос о повышении бальности, разрешенной в строительстве Одессы с шести до семи баллов по шкале Рихтера. Это вызвало бурные дебаты и определенное противодействие со стороны строителей, которые тут же разглядели удорожание строек за счет усиления конструкций. И бальность таки повысили до семи!

По прошествии нескольких лет Одессу немного качнули толчки, дошедшие до нас из Румынии от гор Вранча. Игорь Петрович уже не был тогда ректором, но со всей своей горячностью ученого он яростно вступил в полемику с оппонентами, отстаивая свою точку зрения на достаточно высокую сейсмичность этого региона. Слабое здоровье, его легкая возбудимость сыграли свою трагическую роль, и через короткое время Игоря Петровича не стало.

А моя Лелька на четвертом курсе из очередной туристической экспедиции то ли в Карелию, то ли на горный Кавказ притащила с собой будущего мужа — абсолютно безработного бездельника, инвалида второй группы по зрению, тридцатилетнего парня, — вот и не поверь после этого выражению, что любовь слепа! Скоротечная свадьба прошла, когда Ольга уже была в положении. Почти до самых родов она училась своей археологии. Мы с Галей смирились с этим.

В середине мая я отвез ее в седьмой роддом к великому гинекологу Ярославу Амбросийчуку, с которым мы крепко подружились. Ночью двадцатого мая дома раздался телефонный звонок. Товарищ генерал, докладывает капитан-лейтенант от медицины Амбросийчук! Ваше приказание выполнено! У Вас — прекрасная внучка — правда, вся в волосах! Я даже опешил и заорал — что, она вся в волосах? — Да, нет! Просто на голове у нее пышные черные волосы! Я облегченно передохнул. На радостях мы налили три рюмки шведской водки и разбудили новоявленного отца — он ночевал у нас. Заспанный и недовольный он наотрез отказался от рюмки и сказал — мне этот ребенок не нужен. Я в ярости хотел спустить его с лестницы, но Галина меня оттащила от комнаты и захлопнула к нему дверь. Через несколько дней Ольгу отпустили на волю. Жить молодожены перешли на поселок Котовского, где у мужа была трехкомнатная квартира, оставшаяся ему после умершей матери. Ну, а концовка была вполне закономерной. Осенью, когда Ольге нужно было заканчивать учебу в универе, начались скандалы и даже рукоприкладство.

В один из дней заплаканная Ольга с закутанной крохотулей Юлькой пришла домой, решительно порвав с этим «чудом в перьях». Недолгим был и развод, когда с его стороны было заявлено, что он отказывается от своего ребенка и дает разрешение на изменение фамилии. Так моя внучка стала Рогожкиной. На семейном совете мы постановили, что никаких академических отпусков не будет и Ольга продолжает пятый курс. А мы с бабулей стали кормящими дидами-бабками. Парк Ленина был рядом, и коляска с Юлькой под моим руководством исколесила его вдоль и поперек. В 1994 году Ольга благополучно закончила учебу и получила свой диплом, которым по специальности ни разу не воспользовалась. Ну, кому, был нужен в эти годы распада дипломированный археолог? Бред в лунную ночь, да и только!

И пошла моя Лелишна «в люди»! Месячные курсы менеджеров компании «Цептер», и Ольга с завихрением помчалась по клиентам, набирая всякие бонусы, баллы и прочие преференции на этом тернистом пути.

Меньше, чем через год Леля продвинулась в старшие менеджеры, а потом стала руководителем отдела продаж. Но произошла смена руководства из числа югославских боссов, и новое руководство включило потогонную систему с резким снижением уровня оплаты труда, и Ольга бросила эту контору, перебиваясь случайными заработками.

За эти годы прошли и перемены в жизни моего зятя — Сережи Семенчука. После своих двух лет ссылки в далеком Алтае, он с 1990 по 1994 год прослужил в Западной Группе войск, сначала взводным, в саперной роте мотострелкового полка. Последние два года он командовал понтонной ротой во Франкфурте на Одере, где командиром полка был полковник Валентин Волохов — мой воспитанник из Одесского округа. Если я скажу, что я не принимал в этом назначении никакого участия — все саперы, которые это прочитают, сразу скажут обо мне свое одесское «Фэ»! Да, я позвонил Славе Цветкову — Начинжу Западной Группы и попросил посмотреть на молодого саперного взводного. Что он там смотрел, я не знаю, но в телефонном разговоре через месяц Слава мне сказал, что толковые ротные ему тоже нужны, и он Сережку переназначил в свой понтонный полк. С этим полком Марина и Сережа вышли, в числе последних, в великий исторический город Муром. Правда, к этому времени, у Сергея на руках уже был вызов в Москву для сдачи приемных экзаменов в мою родную Инженерную академию им. В.В.Куйбышева. Заявление и документы он отправил еще из Германии. Осенью 1994 года Сережа блестяще сдал один экзамен, поскольку у него был «красный» диплом из училища, и был принят в нашу «альма-матер» — Куйбышевку. Дали ему одну комнату на Вернадского, причем в этом же доме поселился его друг курсантских лет Вадим Гринченко, поступивший в академию Фрунзе. А ведь не так давно, на Чабанке они конкурировали в выборе моей дочери — Марины. Что значит — судьба.

Сережа учился прекрасно и очень хорошо показал себя на кафедре военных дорог — у моего хорошего товарища полковника Игоря Полякова, тем более что он закончил Балашихинское дорожное военное училище. Заканчивалась Сережина учеба в академии. К этому времени он выполнил ряд исследовательских работ по поручению кафедры дорог и был твердо зачислен в состав будущих адъюнктов этой кафедры. Я как-то, в разговоре с Владимиром Павловичем Кузнецовым поделился своей гордостью, что зять заканчивает академию и дорожная кафедра хочет забрать его адъюнктом. Володя остудил меня — наверное, своего троечника проталкиваешь? — Я обиделся и тут же сказал, что он даже не круглый, а квадратный отличник. Смотри, Олег, если будет хоть одна тройка — лично вычеркну его из списка, который мне представят на утверждение — сказал Кузнецов.

А осенью Сережка с Маринкой приехали в отпуск уже, как адъюнкты кафедры дорог академии, при этом зять уже был майор. Два года адъюнктуры пролетели как два дня. Сережа защитил кандидатскую, и остался преподавателем на своей кафедре, сначала подполковником., а потом старшим преподавателем — полковником. В 2008 году мой Сережа вышел на пенсию и работает в серьезной дорожной организации Москвы. Из своей однокомнатки в высотке на Велозаводском рынке он переселился и сейчас обживает свою трехкомнатную квартиру в Щербинках на южной окраине Москвы. Внучка Даша учится в институте на дипломированного менеджера и уже собирается замуж. С такими темпами мы еще успеем понынчить правнуков!

А войсковая жизнь, с которой я лихо перебежал аж в нынешние дни, жизнь в войсках и штабах в 1995 году продолжалась, хотя войсковые шестеренки уже проворачивались с трудом и со скрипом. В прямом и переносном смысле не было смазки, да и многие решения верхних штабов сыпали песочек в войсковой механизм.

Было принято решение о перемещении 23 понтонного полка из Рени на базу Белгород-Днестровского понтонного полка с развертыванием в 23 понтонно-мостовую бригаду. Повис в воздухе вопрос о реализации огромного специального понтонного парка на автомобилях ЗИЛ. На меня вышли местные руководители и передали устные предложения с румынской стороны о готовности к переговорам, о продаже этого парка по состоянию «де-факто» с оплатой в устойчивой валюте — долларах. Я позвонил в Киев, но меня сразу же приземлили, — это не наше дело, нужно подключать МИД, и прочее, и прочее...

Закончилось все переброской этого парка по ж.д. в Кременчуг, разделке автомашин и копеечной продаже, как металлолома. Командный состав ренийцев почти весь уволился, а боеспособная группа понтонной техники была перебросена в Белгород-Днестровский.

Начали мы и подчистку склада инженерных боеприпасов в Балте — на ее дальних выселках, в оврагах и лесочках Белёво. На предстоящих пять лет, расписали поэтапный вывоз боеприпасов на склады центрального подчинения. Все это требовало постоянной работы в частях. Подходит как то ко мне прапорщик — комендант склада боеприпасов и подает, как обычно, книгу для личной росписи — во сколько я зашел и во сколько я вышел с территории склада — обычная процедура в этих случаях.

И тут мне этот старейший в части прапорщик говорит, — товарищ Генерал! Я взял все журналы за последние 15-20 лет и подсчитал, что вы за эти годы минимум по два — три дня в месяц были на территории. Мне стало интересно, и я спросил, а, как и сколько раз на складе были мои предшественники? Оказывается, все были на складе, но на территорию с боеприпасами заходили — пять раз за четыре года, шесть раз за три года, один раз за два года и так далее. Цифры впечатляющие, и они задокументированы.

Может, время было другое, и тогда не так жестко спрашивали за склады — может быть. Но мне пришлось и день, и ночь сидеть на этих боеприпасах, но даже и тогда полного удовлетворения не было. Постоянно приходилось держать там нештатные команды из частей по два — три месяца, чтобы и строить хранилища и штабели перекладывать. А переменные люди — это и постоянная опасность хищения боеприпасов. Слава Богу, и руководству, что до 1990 я успел получить хороший запас специальных пластиковых полотнищ, производства ГДР, которые позволяли вагонные по объему штабели ящиков с минами закрывать и плотно укутывать от непогоды — это обеспечивало пять — шесть лет гарантированного хранения.

А до этого, ежегодно перекладывались сгнившие под дождем, ветром, солнцем и снегами минные штабели. Адская, я вам скажу, работа.

Сейчас уже этого склада нет. А по расчетам военного времени он был самым приближенным для прикрытия госграницы. Как военный человек могу сказать, что такая задача, в условиях быстро меняющейся международной обстановки, может возникнуть в любое время. И как ее решать, можно увидеть на примере открытой всем ветрам Буджакской степи, да и других направлений хватает. Я уже не говорю о регулярно взрывающихся запасах артиллерийских и ракетных боеприпасов.

Летом 1994 года на базе Каменец — Подольского военно-инженерного училища — тогда уже военно-инженерной кафедры сельхозинститута прошел сбор начальников инженерных войск округов, армейских корпусов и офицеров аппарата Управления инженерных войск МО.

Начальником училища был генерал Сирош, и он прекрасно подготовил и провел все показательные занятия. Генерал Безродный подвел итоги сбора. Заключительным аккордом сбора была экскурсия на полдня в Каменец-Подольскую крепость. Это уникальное сооружение древнего фортификационного искусства, заложенное еще в 1332 году литовскими князьями. Основой для крепости послужило редкое природное явление, когда протекающая по окраине города река Смотрич уперлась в скалу и, огибая ее по кругу, прорезала почти кольцевой каньон вокруг этой скалы, которая, как часовой встала на страже подступов к городу от степных набегов. Потребовалось еще выстроить каменные стены, башни, выносные редуты, внутренние площадки для орудий и бойницы в стенах. Отдельными элементами были небольшие церкви — православная, католическая и мусульманская. После захвата крепости турками была построена башня минарета для муллы, читавшего Коран. После изгнания турок, на верхней площадке башни, на постаменте, была установлена позолоченная статуя Святой Марии, которая держит в руках крест и ступнями своими попирает низложенный турецкий полумесяц. Кроме чисто оборонительных функций крепость была и вязницей для многих выдающихся личностей Украины, в том числе и Юрия Хмельницкого, который несколько лет томился в темнице под одной из башен.

К крепостным воротам от города ведет узкая дорога, проходящая по высокому одноарочному каменному мосту. Красивое место, которое подерживается в хорошем состоянии и является украшением города.

А в Европе проходили судьбоносные события, которые будут икаться многим поколениям, как нынешним, так и будущим.

То, что начал Горбачев, объединив две Германии и развалив Советский Союз, завершил полупьяный Ельцин, дирижируя военным оркестром Бундесвера в поддатом виде. Началось бегство огромной группировки Западной группы войск на Восток. В военные округа начали приходить эшелоны, и воинские части разгружались во чистом поле, на полигонах, в стужу, холод и снег. В округ прибыло два инженерных батальона, один из которых через несколько дней загрузился снова и убыл на Дальний восток — в распоряжение Тихоокеанского Флота. А прибывший вторым, батальон мы расформировали на Широколановском полигоне.

Когда Командующий, генерал Радецкий спросил меня, что будем делать с этим батальоном? — Я решительно заявил, что нужно срочно расформировывать. Хорошо! Завтра едем в этот батальон на Широкий Лан. Выехал утром в снежную метель, на Уазиках. До полевого лагеря с рядами больших и маленьких палаток с трудом пробились через снежные заносы. Встретил расторопный комбат и сопроводил в большую ближайшую палатку. Там было тепло, даже жарко от двух натоПЛенных буржеек, чисто прибрано и в два ряда стояли двухъярусные кровати. Как же ты умудрился все привезти с собой? — спросил Виталий Григорьевич. А я, товарищ Командующий, из городка забрал все, даже рамные пролеты с сеткой снял и привез, а сейчас парк техники огорожен и охраняется. И действительно это было так. Радецкий остался доволен, что даже в таких жестких условиях в части сохраняется порядок и дисциплина. Но, когда возвращались в Одессу, мы поговорили о судьбе батальона, и Командующий согласился, что держать людей в таких условиях бессмысленно. С приездом в Штаб, в Одессу он приказал всем замам немедленно выделить своих ответственных офицеров в общую группу по немедленному расформированию этой воинской части. В течение двух недель мы растолкали инженерную и другую технику по войскам округа, очень хорошо подключились тыловики, да и все другие службы.

Но были и другие факты, когда солдаты, пересекали границу, и тут же убегали в родные края, и таких беглецов было немеряно. Распад системы — это и распад армии, — одно от другого неотделимо.

И, тем не менее, армия из последних сил, но выживала. Процесс сокращения потребовал работы на местах, особенно в дивизиях сокращенного состава. Таковой была и Феодосийская, в составе 32 армейского корпуса, где пришлось проводить мероприятия по стягиванию разрозненных небольших подразделений в единый военный городок. Неделя работы в этом гарнизоне позволила выкроить несколько часов и побывать в Старом Кры-

му на кладбище, где на могиле великого писателя-романтика Александра Грина установлен великолепный, скромный памятник, — на небольшой колонне летит статуя «Бегущей по волнам». Я около часа в одиночестве простоял у могилы, и щемящее чувство безвозвратной утраты долго не покидало меня. Музей Грина в Феодосии, которая у греков называлась Каффа, был чистеньким и ухоженным, но каким-то местечковым. А вот музей великого Айвазовского — этого обрусевшего армянина Айвазяна, получившего за свои заслуги адмиральское звание, и бывшего при жизни не только художником, но и градским меценатом, этот музей был прекрасен. Многие знают, что по его проекту, на его средства чуть ли не при его участии, был построен городской водопровод. Картины его — это необыкновенное искусство передачи кистью живого цвета переливов морской воды во всех ее ипостасях — и в штиль, и бурю, и днем, и ночью!

Такое великолепие оттенков было у многих художников того времени — великого Куинджи, с картин которого ночь вливается в зал, как нечто живое, и даже аромат и звуки ночи явственно слышатся потрясенной душой. А картины Врубеля, его изумительные фрески — это безумие красок безумного художника.

Такие встречи с искусством на дорогах жизни всегда делают тебя внутренне богаче и наполняют какой-то одухотворенностью, помогающей потом понимать жизнь и радоваться жизни.

Но жизнь преподносила не только светлые, но и темные полосы тельняшки. Был уже 1995 год и процесс распада армии неумолимо продвигался к своему завершению. В один из воскресных дней мая, вернее в ночь на понедельник, приехавший на дачу водитель служебной машины доложил, что в Ренийском понтонном полку часовой на посту случайным выстрелом убил часового соседнего поста. Командующий отправил туда для расследования генерала Ермакова. На совещании начальников управлений, утром в понедельник, разгневанный Командующий генерал-полковник Шкидченко, поднял меня и в грубой форме заявил — это Вы, генерал, убили солдата. Это Вы не довели мои указания по усилению контроля командир части. Я понимал, что такой случай может выбить из колеи кого угодно, но разговаривать со мной в таком тоне и с такими нападками я не мог позволить никому, и даже молодому Командующему. Я спокойно доложил, что вины с себя не снимаю, но разговаривать в подобном тоне не позволю. Я имею честь, и мой рапорт об увольнении будет немедленно представлен Вам. Шкидченко окончательно сорвался и сказал, что я могу в таком случае покинуть совещание. Я надел фуражку, вышел к переднему столу, повернулся к генералам и офицерам управления, отдал честь и сказал — «Честь имею», после чего повернулся и вышел в коридор. После тридцати восьми лет службы было горько и обидно так завершить службу. В этот же день я лег в госпиталь, тем более, что такой нервный срыв стоил мне сердечного криза.

Во вторник из Рени вернулся генерал Ермаков и доложил Шкидченко, что все его указания, данные в субботу, были под запись переданы командиру части не только мною, но и продублированы подполковником Жуковским, о чем в рабочих тетрадах и в Одессе, и в Рени имеются все записи.

У меня в палате раздался телефонный звонок — на связи был генерал Шкидченко. — Олег Борисович! Я прошу у вас извинения за свои слова и готов просить извинения у вас публично, на совещании. Ваш рапорт об увольнении я не подписываю и прошу Вас остаться на службе.

Я сказал, что никаких публичных извинений не нужно, тем более, что, хотите вы этого или нет, но это ударит по Вашему авторитету. А свое решение об увольнении, я оставляю в силе, тем более что я уже два года служу сверхсрочно.

Через неделю я вышел из госпиталя с решением комиссии о назначении второй группы инвалидности по состоянию здоровья.

Из управления инженерных войск к этому времени уже уволились и уехали в Россию мой заместитель — подполковник Кузнецов и зам по вооружению подполковник Бесов. Один уехал под Курск, а другой в Тюмень. Незаметно прошло лето, и в конце июля мои документы «уехали» в киевские кадры. 14 августа я отметил свой день рождения, а на следующий день в Министерстве был подписан приказ о моем увольнении в запас, с правом ношения военной формы одежды. Но служба заканчивается только по приказу Командующего войсками округа, и только тогда личное дело передается в военкомат для постановки на учет.

Полные тридцать восемь лет службы заканчивались у меня 27 августа — именно в этот день я был принят на службу в Вооруженные силы. К Командующему пошел Зам по воспитательной работе генерал Миша Бондаренко и попросил его подписать приказ о моем увольнении именно 27 августа. Должен сказать, что Зам командующего по воспитательной работе генерал Бондаренко был и остается одним из редких примеров того, когда политработник является действительно другом и товарищем любому военному. Пройдя суровую школу жизни в Афганистане, где он на равных с подчиненными ходил на операции, Михаил Григорьевич и в мирное время остался добропорядочным человеком. В наши дни, уже на пенсии, генерал Бондаренко — это душа и заводица нашей ветеранской генеральской организации.

К сожалению, тот его поход к Командующему не увенчался успехом. Может, повлияли меркантильные расчеты, а может просто, на подходе было 24 августа — день Независимости Украины, но так или иначе 18 августа приказ был подписан. До круглого числа — 38 лет, я не дослужил девять дней. Практически в одно время со мной уволился и генерал Юра Ермаков. По крайней мере, отвальную мы с ним провели вместе, в столовой строительного управления. На дружеской вечеринке было почти все ру-

ководство округа, включая Командующего и Начальника Штаба — генерала Кузнецова Юрия Кирилловича. От Военного Совета я получил красивый приветственный адрес, а от своих сотрудников — настенные часы, они до сего дня отсчитывают мое послевоенное время. И стукнуло мне тогда 57 лет.

На мою должность по моей рекомендации Командующему, заступил мой ученик — Начинж Прикарпатского округа генерал Воробьев Владимир Сергеевич.

10. ЗДРАВСТВУЙ, ЖИЗНЬ ГРАЖДАНСКАЯ!

Пока я лежал в госпитале на увольнение, ко мне вдруг, в палату, пожаловали неожиданные гости. Одного из них я неплохо знал по совместной службе, а вторым был Валерий, довольно известная фигура в своей сфере и в городе. Предложение было заманчивым, стать его заместителем по административным вопросам, с хорошим окладом и прочими преференциями. Я пообещал подумать. Но по прошествии некоторого времени я вежливо отказался. Это была совершенно иная работа, и она меня не привлекала, несмотря на хорошую материальную обеспеченность.

Ну, а когда уволился, то не прошло и три дня, как меня пригласили к мэру города. Тогда это был молодой и энергичный Эдуард Иосифович Гурвиц.

В 1994 году он победил на выборах, собрал молодую, новую команду, в которую вошел и бывший полковник ПВО Владимир Филиппович Стеблина, в качестве заместителя мэра по силовым структурам. Я уже писал, что последние два-три года мне приходилось лично решать многочисленные вопросы, особенно связанные с обезвреживанием взрывоопасных предметов на территории города. Причем это были не только «эхо войны» — снаряды и мины, но и многочисленные отзвуки криминальных разборок.

Это было время, когда, кроме военных этими вопросами никто не занимался. Еще и в помине не было МЧС, не было Взрыво-технической службы в МВД, а гражданская оборона имела пиротехнический взвод, занимавшийся только обезвреживанием авиабомб Второй мировой войны, и входивший в состав полка ГО, стоявшего в Раздельной.

Приходилось выезжать на ложные вызовы в «заминированные» школы, общежития, университетские аудитории, магазины, универмаги и даже проверять почти всю ночь здание горисполкома.

Правда было это в 1993 году, и мэром был предшественник Гурвица — Чернега.

Во время этих внезапных, чаще всего ночных, выездов мне приходилось работать со Стеблиной, а иногда и встречаться с Эдуардом Иосифовичем в мэрии, после особенно сложных задач, связанных с проверкой на минирование задержанных авиарейсов самолетов, здания аэропорта, морского и железнодорожного вокзалов. Во время этих встреч я высказывал свои мысли о том, что в городской

структуре необходимо создать и иметь свою группу специалистов из числа бывших саперов, химиков, или даже просто опытных военных, уволенных из армии, но желающих поработать в объеме прежней профессии — именно, как «Службы по чрезвычайным ситуациям».

Тогда, в конце августа, моя встреча с Гурвицем была, конечно же, организована Стеблиной и была очень краткой.

Здравствуйте, товарищ генерал. — Здравствуйте, Эдуард Иосифович. А почему вы сегодня не на работе в горисполкоме? — Да я только три дня, как уволился из Армии! Вот и прекрасно, — Вы у нас уже неделю, как отданы приказом Начальником «Отдела по ЧС» — чрезвычайным ситуациям! Срочно создавайте штатное расписание, на 12-14 человек, по Вашему усмотрению. Все вопросы решайте с Владимиром Филипповичем! Если вопросов нет — До свидания! Успехов вам в работе!

Так, что пробыл я на «гражданке» всего три дня а, поскольку «Отдел по ЧС» полностью по статусу проходил, как «Участник боевых действий!» служба моя — продолжилась!

Здесь нужно вспомнить еще одну важную деталь. В конце девяностых годов тогдашний Начальник инженерных войск МО СССР генерал Кузнецов В.П. утвердил нагрудный знак «За разминирование», которым награждались военнослужащие, принимавшие участие в обезвреживании взрывоопасных предметов. И уже тогда поднимался вопрос о том, что нужно было коим-то образом поощрять этих героических ребят, для которых война все еще продолжалась. Да, многие получили боевые награды Родины, медали и ордена но, как и на войне были боевые потери.

Во время разминирования трагически погибали и рядовые саперы, и их командиры. Выпускник нашего училища старший лейтенант Лейня погиб при обезвреживании склада боеприпасов под водой.

И такие случаи, к сожалению были. В 1992 году в нередких беседах с Командующим, генералом Радецким, я неоднократно докладывал ему о необходимости разработки какого-то статуса для военнослужащих этой профессии, на государственном уровне, с определенными льготами или материальным поощрением. Помнится, мы даже готовили для него письменные предложения. Многое тогда чудесным образом совпало. Генерал Радецкий становится Министром Обороны Украины. В это время разрабатывается Указ Президента Украины о статусе ветеранов войны, инвалидов войны, участников боевых действий и лиц, приравненных к ним. Доподлинно известно что, когда принесли проект этого документа к Министру Обороны — он лично, в раздел, где к участникам боевых действий были приравнены морские минеры, за ликвидацию морских мин — лично вписал, — «а также лицам, принимавшим участие в разминировании местности в послевоенное время и наши дни».

Этот Указ действительно воздал должное моим боевым товарищам, и я горжусь тем, что хоть маленькую толику вложил в это дело, когда оббивал высокие пороги за «общее дело».

Кстати, такого Указа и таких льгот ни в одном из государств бывшего СССР — нет. Вернее сказать, они есть, но там решили деньгами вознаграждать, за каждый снаряд, а это не всегда «есть хорошо», как говорят в Одессе.

То, что мне предложил Эдуард Иосифович, конечно же, было мне по душе. Да и отступать было некуда, поскольку мы раньше обговаривали это, да и я сам предлагал создать такую мобильную службу.

Быстро проскочили дни бумажной волокиты, благодаря товарищам по «цеху» — Лени Рожкова и его команды Военно-мобилизационного отдела, который тоже недавно был создан в мэрии.

18 сентября 1995 года решением исполкома и сессии городского совета «Отдел» был создан.

Костяк его составили офицеры запаса мои бывшие подчиненные из инженерных войск, ребята из группы катакомбистов — «Поиск», офицеры — артиллеристы. Заместителем ко мне пришел бывший начальник ракетных войск и артиллерии генерал Чугуй Евгений Григорьевич, начальником химической и радиационной безопасности генерал Степанов Валерий Николаевич, а инженерный минновзрывной отдел — бывший дивизионный инженер из Чабанской дивизии — подполковник Толя Силкин. Пришли бывшие воины-афганцы — полковник Лёня Гладченко, прапорщик Витя Брейкин, подземники-катакомбисты Алексей Саморуков и Володя Васильев, уволился с флота и пришел к нам капитан 1 ранга Юра Тарабукин с сыном, — выпускником Одесского университета, пришел полковник — десантник Валентин Коневщинский и выпускник геолого-географического факультета университета — Лёша Кораблев.

Вскоре генерал Степанов возглавил Военно-мобилизационный отдел, но мобисты и мы всегда были вместе, и даже кочевали из одного помещения в другое — тоже вместе, пока не остановились на заброшенном бывшем детском садике на Дерибасовской 16, где мы недавно отметили четырнадцатую годовщину нашей службы.

Но лучше все по порядку. Первой и основной нашей задачей стали все взрывоопасные предметы, обнаруживаемые на территории города и прилегающих районов. В армии положение дел с горючим для автомашин было очень плохое, и гонять из Чабанки в город команду саперов было невыгодно, поэтому Командующий отдал приказ саперам в 28 дивизии принимать от нас снаряды, и уже они уничтожали их своей взрывчаткой на своем полигоне. Это было выгодно и нам, поскольку снимало все проблемы с хранением и уничтожением взрывоопасных предметов.

Отработанный вариант начал работать с точностью хронометра. Теперь, при обнаружении жителями любого снаряда или мины на его обезвреживание и вывоз в безопасное место тратилось не более 30-40 минут, тогда как раньше на это уходило до трех дней и более.

А вскоре нарисовалась серьезная задача. В катакомбах под Слободкой, в районе онкологического областного центра, был обнаружен подземный склад боеприпасов времен войны, общим объемом более двух тысяч единиц. Плохо было то,

что с верхнего яруса катакомб после размыва грунта все эти припасы провалились на нижний ярус на глубину 20-25 метров и лежали вперемежку с грунтом. Большую их часть составляли снаряды, прошедшие через ствол, но не взорвавшиеся, и это уже было очень опасно. По своему расположению склад находился под корпусами онкоцентра, поэтому мы по рекомендации ребят из СБУ полностью закрыли информацию об этой работе.

Вход на этот участок катакомб был из погреба бабы Маши на соседней с онкоцентром улице, а по подземелью, с переходом с уровня на уровень, да еще кое-где на корточках, пробираться нужно было метров 600-700. И началась подготовительная работа, которая протянулась почти полгода. Под землю ушли крепежные стойки, несколько мешков цемента и масса шанцевого инструмента. Проход расширили, где можно углубили, чтобы проходить в рост. А вместо перехода с уровня на уровень воспользовались колодцем, по которому поднимали сумки со снарядами. На извлечение и вывоз для подрыва на Чабанке этого склада у нас ушел почти год работы. Два дня в неделю, по вторникам и четвергам, мы направляли группу минновзрывного отдела к бабе Маше. В эти же дни полковник Баронцов — Начальник Штаба ГО города, поставлял нам КАМАЗ с полуприцепом, засыпанным песком, а к обеду приходили две патрульные милиционерские машины с мигалками, и на весь день к нам приставлялась одна Скорая. Закупили десяток хозяйственных сумок и два человека возле склада укладывали по два, три снаряда в сумку, минер брал две сумки в руки и шел почти полкилометра к колодцу, там сумки по одной поднимали веревкой на верхний уровень, и там другой сотрудник относил снаряды на поверхность. В это время второй минер загружался своими двумя сумками и процесс повторялся. Чтобы избежать одновременного подрыва в непредвиденном случае, первый сотрудник возвращался по другому коридору. Должен вам доложить, что пробираться по едва освещенному коридору с тремя-четырьмя снарядами — далеко не мед, сам попробовал и через пару ходок коленки от напряжения начинают предательски дрожать. Этот сумасшедший труд продолжался до середины дня, когда кузов автомашины заполнялся полностью. После 14 часов колонна начинала движение вокруг города по объездной дороге — на Чабанку. До конца дня Толя Силкин со своими бывшими подчиненными из саперного батальона успевал все подорвать.

Следующий день уходил на подготовительную работу под землей. А еще через день все работы повторялись. И так почти год опасной и изматывающей работы, о которой ни прессе, ни телевидению даже намекнуть было нельзя. Да и не в этом было дело. Главное то, что вся эта заржавленная гадость перестала быть опасной для клиники, а больные и персонал об этом даже и не знали, и это было правильно.

Три года мы наращивали свою техническую оснащенность. Отдел минновзрывной безопасности быстро оснащался за счет списанных, но еще работающих миноискателей. Из инженерных частей нам выделили лопаты и лопатки, топоры, пилы и прочий шанцевый инструмент.

Отдел химической и радиационной безопасности возглавил полковник Боря Лищук — бывший начальник штаба химических войск округа.

Он, разумеется, воспользовался своими связями, и из своих частей укомплектовал все самое необходимое — и аппаратуру, и средства защиты. А исполком в 1995 году выделил нам средства, и мы купили УАЗ — войскового типа легковушку, но с какими-то экспортными наворотами. Мы ласково называли нашего мула — Гоша и к чести своей, машина в гололед спасла несколько рожениц, когда никакой транспорт не мог пробиться от квартир к роддомам. Даже жена нашего сотрудника Леши Кораблева была срочно доставлена в роддом во время ужасного гололеда и снежных заносов на этой машине.

Девяносто седьмой год прошел в больших и маленьких задачах, одной из которых была инсценировка подрыва узбекского консульства, о существовании которого я и не подозревал. Поздно ночью меня вызвали в райотдел УВД Приморского района — возле этого консульства обнаружили противотанковую мину в мешке. Позвонил неизвестный и сказал, что в 12 ночи ее взорвут. На часах было двадцать три часа, сорок минут. Оставалось всего 20 минут. Первое — это я разогнал ментов, стоявших в 10-15 метрах от мешка с миной и убрал людей из консульства. По моей просьбе ребята из милиции притащили длинную веревку. Я привязал мину за ручку и, спрятавшись за углом, сдернул ее с места. Взрыва не последовало. Меня смутили провода, которые шли от пробки взрывателя в центре мины. Но когда она вылетела из мешка, то уже можно было подойти и посмотреть, что это за штучка. Когда посмотрел, то вздохнул с облегчением, — провода были оборваны от линии подрыва, а сама линия была протянута до ближайшей трансформаторной будки и там обрывалась. Мина, к счастью, оказалась химической — имитационной дымовой с электрозапалом. Только тогда, когда разобрался сам, разрешил подойти руководству районного УВД. На нашем Уазике наутро мы отвезли ее на полигон, от аккумулятора запустили дымопуск, и пока она не выгорела, мы стояли и перекуривали. Кстати о курении — тогда, в декабре 71 года, когда родилась моя вторая дочь — Ольга, — я бросил курить и не курю до сего дня.

В городе и обществе обострялась борьба за власть. Приближались очередные выборы во все эшелоны власти и грязные потоки компромата лились мутными потоками как с одной, так и с другой стороны. При невыясненных обстоятельствах был застрелен главный редактор газеты «вечерняя Одесса» Борис Дервянко, честный и добропорядочный журналист, не боявшийся говорить правду в глаза.

Каждая из сторон — Боделана и Гурвица обвинили друг друга в этом убийстве. В городе была создана муниципальная дружина, и все попытки Володи Стеблины втянуть нашу службу в эту политическую возню я аккуратно переводил на эту дружину. Нам хватало своей, профессиональной работы. За это время мы несколько раз перемещались с места на место. Начали с подвала горисполкома, в котором был оборудован кинозал, а в кинозале располагался военно-мобилизационный отдел. К нему мы и пристроились. И если они, как белые люди устроились у сцены за столом для торжественных заседаний, то мы, взяли высоченную старинную дверь, уложили ее на спинки кресел в последних рядах — и получился шикарный стол.

Следующим местом стал для нас бывший детский садик на улице Пастера. Это было небольшое помещение, но мы все в него упаковались. А летом 97 года, когда создалась муниципальная дружина для нее и для наших двух отделов отдали детский садик на Дерибасовской — вот там было более трехсот квадратных метров и можно было развернуться. Правда, за два года, пока он пустовал, бомжи разбомбили его вдребезги, и мы начали осваивать строительно-ремонтные профессии. Достаточно сказать, что в комнате, где сейчас мой кабинет — бомжи разводили костер и таки прожгли пол насквозь, — образовалась дыра в полтора метра. А нам пришлось ее армировать и бетонировать. В конце года дружинники подобрали себе новый детский сад на проспекте Шевченко, и мы с мобилизаторами развернулись пошире. За это время по образцу и подобию России, на Украине создали свое МЧС, и во главе его встал мудрый человек государственного мышления, опытный организатор и вообще, очень порядочный человек — Валерий Михайлович Кальченко.

В эту структуру вошли Штабы Гражданской обороны и все полки ГО, ранее когда-то входившие в состав военных округов. Уже в середине 1998 года МЧС утвердила в Кабмине и передала в области распоряжение, в котором предлагалось за счет местных бюджетов создать равноуровневые «Службы оперативного реагирования на чрезвычайные ситуации — Службы 077» и это, в первую очередь касалось городов-миллионников, каковым и была Одесса. Это решение готовили по личному указанию Министра Кальченко, который прекрасно понимал необходимость таких служб в городах Украины. Тем более, что они задумывались с содержанием за счет местных бюджетов, что снимало финансовую нагрузку с Министерства для Централных спасательных служб, работающих на государственных программах, — разливах, оползнях, взрывах на складах, трагедиях на транспорте, трубопроводах и других объектах, требующих высокого профессионализма и колоссальной технической оснащенности. Можно только позавидовать, что именно эти, блестяще задуманные у нас направления, получили прекрасное развитие в России, где бессменный Министр с Большой буквы Шойгу грамотно разложил все по полочкам.

А у нас хотели как лучше, а получилось — как всегда.

На политическом фронте в начале года прошли выборы во всех ветвях власти, и в городе на выборах мэра победил Гурвиц. Однако, следовавший за ним по голосам вторым, бывший губернатор Руслан Боделан подал в суд, с требованием признать недействительными результаты голосования по ряду избирательных участков. Начинаются судебные тяжбы, и только летом судья Иванова принимает решение в пользу Боделана. За это время обстановка накалилась настолько, что президент вводит в Одессе временное правление своего представителя вице-премьера Белоблоцкого. Киевский спецназ внезапно захватывает в своем кабинете, на первом этаже первого зама Гурвица — Анатолия Ворохаева. Ему выдвигают какие-то обвинения в финансовых злоупотреблениях и упрятывают за решетку.

Неизвестным образом в городе исчезают два соратника Гурвица — Игорь Свобода, председатель райадминистрации Киевского района и Сергей Варламов

— начальник юридического управления горисполкома. По всеобщему мнению их убили. Уже в наши дни останки Сережи были найдены в земле под полом частного гаража и торжественно перезахоронены. Бывшая улица Пионерская решением Сессии горсовета переименована в улицу Сергея Варламова.

С приходом в Горсовет Боделана все должности были розданы его команде, и над нашим, тогда уже управлением в составе 52 человек, нависла угроза ликвидации.

Все дело в том, что в ходе избирательной кампании, каждый начальник службы получил свой маленький участок для работы с избирателями. Я тоже получил такую задачу и, как бывший военный, отвечал за итоги голосования военных. Могу честно доложить, что свою задачу я выполнил, и более 80% военных проголосовали за Гурвица. Другое дело, что в общем объеме проголосовавших процент военных составил всего 0,01% — одна сотая и существенного влияния на итоги выборов не оказал. Но Володя Стеблина, который в ходе кампании рвал и метал за победу Эдуарда Иосифовича, в предпоследний день перед голосованием выкинул такой номер, что все ахнули.

Во время митинга в поддержку Боделана, возле областной администрации, у микрофона вдруг очутился заместитель мэра — Стеблина и громогласно начал громить и обливать грязью своего шефа — Гурвица. Даже выдавшие виды перепродажные политики отвесили свои челюсти. Сразу после митинга Стеблина позвонил мне, — Олег Борисович! Вы должны приехать и присоединиться к движению — За Боделана!

Я ему ответил, то никуда не поеду, и ни к кому примыкать не буду. А ты совершил глупейший и подлейший поступок. Ты подставил нас, бывших военных, и теперь все будут тыкать в нас пальцами, — вон предатели-военные. Запомни, — предателей и изменников не любят, и в окружении Боделана ты никому не нужен. Так оно и произошло. Сейчас о нем никто и не вспоминает. Последние годы он сильно болел.

Прошло два дня, как я написал эти строчки, и раздался телефонный звонок. Наташа Шейко — директор департамента орг. работы сообщила, что умер Стеблина. Я приехал на шестую станцию Фонтана сказать последнее «прости» этому человеку. У подъезда было несколько венков, в том числе один от Горисполкома. Некоторое время я постоял у гроба, вглядываясь в чужое, почерневшее лицо в котором отдаленно были черты прежнего Володи Стеблины. Он перенёс две операции с шунтированием сосудов на сердце, а последний год провел под капельницей. Остались вдова и взрослые сын с дочерью. Сын мне все это и рассказал. Жизнь — жестокая штука и прожить ее — это воистину не поле перейти, тем более, если поле заминировано, и мины могут взорваться в любую минуту, как произошло у Стеблины.

После себя человек оставляет, какой то след или последователей, тогда о тебе и делах твоих остается память. А можно просто наследить и тогда кто — то после тебя будет вытирать эти следы уже без всякой памяти.

Решением горсовета муниципальная дружина была ликвидирована, и над нашей службой нависла угроза расформирования. В этот момент решающую роль

сыграло решение кабмина о создании в городах-миллионниках «Службы -077» — оперативного реагирования на чрезвычайные ситуации.

Валерий Михайлович Кальченко в это время передал свою должность генералу армии Дурдинцу, но из времени своего правления он подал нам руку помощи этим решающим документом.

Мы подготовили четкие предложения на имя наместника президента о целесообразности, в свете исполнения решения Кабмина, Городскую службу МЧС не расформировывать, а реорганизовать в «Службу — 077». На наших предложениях Верховодящий Белоблоцкий начертал, — «Управление МЧС реорганизовать в «Службу — 077» города. Документы утвердить на Сессии». И началась предсессионная горячка. Многие депутаты в комиссиях, куда я приходил для докладов, просто не знали и не понимали — кому и зачем эта Служба нужна? В УЖКХ есть слесари, у газовиков — газовщики, у электриков — электрики. Зачем плодить каких-то спасателей, да еще и по «чрезвычайным ситуациям».

Хорошо, что за два года нашей работы мы наделали массу снимков и отобрали все на нескольких плакатах. Постепенно лед тронулся, и почти все комиссии проголосовали за поддержку нашей Службы.

На Сессии 18 сентября 1996 года Боделан зачитал наш вопрос и неожиданно сказал — а здесь нас не спрашивают — есть постановление Кабинета Министров и его надо выполнять. Все депутаты проголосовали за нас единогласно. Теперь встал вопрос о начальнике этой Службы. Меня пригласили на закрытое совещание заместителей мэра на беседу.

Новый заместитель Городского головы Валерий Наумович Пятов сразу же сказал мне прямо, что он против моего назначения, поскольку я, якобы возглавлял Штаб предвыборной компании Гурвица и, как его идейный противник, не могу работать в команде Боделана. Я не стал вилять и отказываться. Да, я действительно руководил Штабом во время выборов и горжусь тем, что порученную мне работу выполнил честно, — по голосам Гурвиц победил. Но это Штаб не всех выборов, а только военных.

С другой стороны, я человек военный и профессионал в своей работе по разминированию и вообще инженерным работам. Если мой опыт нужен городу, то Вам решать быть мне с этим, мною собранным коллективом или не быть. Валерий Наумович немного подумал и говорит, — мне нравится ваша прямота, честность и профессионализм. Я за вашу кандидатуру! Все остальные тоже проголосовали — За! Самое интересное это то, что в 1995 году мы были созданы тоже 18 сентября. Я всегда чисто по-одесски, утверждал! — Бог не фраер, он все видит! Мы отработали новый штат Службы из расчета четырех рабочих круглосуточных смен по принципу — сутки через трое. В каждой смене пять человек — оперативный дежурный, его помощник, водитель дежурной машины, один инженер-минер и один химик.

Кроме этого мы создали отдел аварийно-спасательных работ, в котором собирали подземников — катакомбистов, альпинистов — верхолазов и специалистов, хорошо владеющих специальной техникой — резаками, болгарками, электроин-

струментом и прочими премудростями. Всего в службе стало тридцать два человека.

В коллективе отсеялись и остались только самые преданные и профессиональные люди. Главным мерилom и даже лозунгом Службы стал принцип — В этом городе ты отвечаешь за все! И еще — Для нас чужого горя не бывает! Выезды нашей опергруппы стали быстрыми и реакция на просьбы жителей об оказании помощи были немедленными!

Предельная вежливость и корректность в разговорах по телефону стали законом для всех дежурных смен. Мы заменили несколько оперативных дежурных и их помощников только за неуважительные, и даже хамские ответы на телефонные звонки.

На специальном занятии с дежурными сотрудниками я в один из понедельников провел своего рода мастер-класс. На очередной, обычный звонок телефонную трубку поднял я.

— Служба 077, — слушаю Вас! Бабуля в трубке сказала — Милай! У меня в пятницу отключили холодную воду и обещали включить в понедельник, и досе ничего нету! Я говорю ей — Бабуля, так сегодня же понедельник! А она — я и говорю понедельник! Тогда я ей выдал — бабуленька! Ведь они, эти забулдыги — сантехники сегодня еще не опохмелились, и этих гадов только после обеда можно поймать, — злых и трезвых! Бабулька в трубке ойкнула и говорит — Ой, я, наверное, не туда попала, что Вы их тоже ругаете! — Нет, нет, не бойтесь, мы как раз сейчас постараемся вам помочь! Запишите номер телефона вашего ЖЭКа и попробуйте к ним позвонить, а мы начнем бомбить аварийную службу вашего района. — Ой, спасибо, сыночки. Дай вам Бог здоровья.

Я сразу же набрал аварийную службу района и договорился, чтобы их машина немедленно вышла по этому адресу. Через час мы перезвонили бабушке — все ее спасибо не уместилось в телефонной трубке.

Теперь о главном. Можно было отправить старушку подальше и сказать, что водопроводом мы не занимаемся. Какой будет результат? Она, конечно, в сердцах выругается, выпьет валидол и свое мнение о городских властях не только затаит в сердце, но и всем соседкам об этом передаст. Результат — только отрицательный! Жители скажут — а, туда можно не звонить! — сидят какие-то бюрократы. Марка Службы подрывается на корню! И, напротив, несколько месяцев именно такой, обходительной и внимательной работы по телефонным звонкам горожан снискали нам уважение и благодарность людей, обращавшихся к нам за помощью.

За короткое время мы полностью сняли все вопросы, которые создавали головную боль руководству города по всем этим мелким проблемам. Тем более, что непринятие по ним немедленного решения быстро превращало эти мелкие задачи в большие проблемы, которые раздувались, как воздушные пузыри — потом лопались с грохотом, иногда унося с собой и человеческие жизни.

Мы взяли на себя, кроме вопросов разминирования и проблемы с демеркуризацией ртути. В городе вдруг резко возросло число случаев обнаружения различ-

ных баллонов и небольших емкостей — от 60 килограмм до 4-5 грамм в градусниках. Оказалось, что ртуть до определенного времени за неплохую плату принимали в пунктах Вторчермета. Но на мировом рынке, где-то в Африке, было выброшено большое количество ртути по бросовым ценам и все, что было накоплено (наворовано) непосильным трудом ... магнитофона — три, шубы женские — три, куртки кожаные — три... все это пропало — помните, Как в фильме «Иван Васильевич меняет профессию». Так и в нашем случае — эти копейки никого уже не интересовали, и ртуть находили где угодно. А когда кто-то выкинул ее в бак «Альфатера» — ртуть разлилась по асфальту улицы Армейской от Сегедской до Говорова — всего один квартал. Милиция оцепила этот район, а мои ребята надели респираторы, химзащиту, развели в канистрах хлорное железо и начали мыть улицу, чтобы высадить ртуть в безопасные растворимые соли.

Начали утром и закончили поздно вечером, пройдя через полуденную жару. И только тогда город мог спать спокойно.

Я уже не говорю о многочисленных выездах на квартиры, где постоянно разбивали градусники. В одном случае пришлось мыть раствором полы в двух комнатах детского сада. Через три дня эти опечатанные комнаты вскрыли, проверили приборами на наличие паров ртути — ртути уже не было, но мы все промыли еще раз, и только через сутки открыли эти комнаты для маленьких детишек.

У нас наладились хорошие отношения и взаимодействие со Скорой Помощью и Автоинспекцией. Скорая всегда информировала нас о происшествиях и часто просила нас оказать помощь в извлечении пострадавших из разбившихся автомашин, в открывании бронированных дверей для доступа к стареньким больным, лежащим без движения. А однажды одного больного с многочисленными переломами, мы плотно притянули лентами к специальным носилкам, которые нам подарили подводники и по натянутому тросу, на роликах плавно спустили его с третьего этажа прямо к автомашине Скорой, стоявшей во дворе. Пронести его без травмирования по лестничным переходам было просто невозможно.

Бронированные двери мы открывали изнутри квартиры, а проникали в них, опускаясь на альпинистских подвесках, на веревках до балконных окон, и уже через них попадали в квартиры. Были и печальные случаи, когда по несколько дней старенький хозяин или хозяйка не давали о себе знать и не отвечали на звонки телефонов. К сожалению, в этих случаях нередко были летальные исходы.

Заканчивался 1988 год и в один из осенних вечеров я был приглашен на презентацию только что созданной Городской Страховой Компании в шикарном зале ресторана на Морском вокзале. Главным режиссером всего этого действия была несравненная Аннушка Чернобродская. По ее просьбе мы подготовили маленькую инсценировочку, во время которой в зале ресторана вдруг гаснут основные светильники и в полумраке раздается вой сирены. Начинают тревожно мигать лампы, звучит музыка из кинофильма Дети Капитана Гранта, и чей то голос кричит — Ребенок на балконе! Спасайте! В этот момент в зал сбоку быстро вбегает группа спасателей в камуфляжной форме, разворачивает лестницу-стремянку и стремительно выстраивается в цепочку от балкона — вниз. Ребенка (а это большая

кукла в пеленках) бережно, с рук на руки передают мне, и я вручаю его счастливым родителям. Вспыхивает свет, весь зал аплодирует героизму спасателей. И здесь ведущий объявляет, что решением руководства Страховой Компании весь личный состав Городской Службы Спасения получает годовую бесплатную страховку из расчета по 10 тысяч гривен на человека. Товарищ генерал, прошу Вас получить сертификат на Вашу службу. И мне вручают красивый сертификат для моих ребят. Это было впечатляющее действие и все «папарацци» расписали это в газетах и на экранах телевидения, Президентом компании был тогда Борис Петров, а его правой рукой была прекрасная женщина и уникальной душевности человек Лариса Сергеевна Стрелецкая. С этого исторического для нас дня началась крепкая дружба Службы 077 и Городской Страховой Компании.

Прошло несколько лет, и Компанию возглавил Дмитрий Григорьевич Гандельман, с приходом которого вес и деловой авторитет этого коллектива значительно возрос. Я уже не говорю о многократном росте числа клиентов и организаций, пользующихся услугами Страховой Компании. А наши дружеские и партнерские отношения с этим прекрасным коллективом и его руководителем стали постоянными и прочными. В 2008 году я был удостоен чести быть на торжественном приеме в честь десятилетия Городской Страховой Компании, за что приношу искреннюю благодарность Дмитрию Григорьевичу. Должен откровенно сказать, что к счастью мы очень редко пользовались услугами Компании и это, наверное, тот случай, когда страховка — это хорошо, а здоровый и невредимый спасатель — это еще лучше. Но в тех моментах, когда случалась пусть маленькая, но беда, наши Друзья мгновенно оказывали необходимую и существенную помощь.

А жизнь продолжалась, с ее разносторонними проявлениями. Новый 1999 год, утром 1 января «обрадовал» нас новостью, что на Балковской обрушился отселенный дом. Меньше чем через час вся наша Служба и собравшиеся по тревоге наши друзья из группы «Поиск» уже начали работы по разборке завалов.

Из рассказов очевидцев выяснилось, что отдельные жильцы этого дома уже отселенные в другие места города, собрались на Новогоднюю ночь в своей старой квартире на втором этаже. После хорошего подпития все улеглись спать, хотя на улице было холодно, и лежал снег. Под утро холод заставил всех подняться. В этот момент стены и перекрытия начали трещать, начала осыпаться штукатурка, и все ринулись на улицу. Только один из гостей, бомж, кинулся назад за шапкой, оставленной в комнате. Дом несколько минут поскрипел и рухнул, выметнув клубы известковой пыли. А бедный бомж улетел вниз вместе с перекрытиями, и мы его достали только на третьи сутки. Погиб он мгновенно, в первые секунды обвала.

В один из будних дней рано утром, во двор нашего бывшего Ришельевского лица пришел старичок с красивой овчаркой, скомандовал ей — сидеть — отстегнул поводок и тихим голосом сказал: Родной мой Дик, я уже совсем стар, чтобы содержать тебя. Я даже гулять с тобой не могу да и кормить тебя так, как нужно уже и денег нет. Прости меня. Я привел тебя к хорошим людям, служи им и живи с этими ребятами — они тебя не обидят! Прощай родной! Старичок медленно

пошел, шаркая ногами в сторону Дерибасовской, и плечи его вздрагивали от сдавленного плача. Все это видел наш оперативный дежурный, и у него слезы навернулись на глазах. Дик сидел, как вкопанный и долгим взглядом проводил своего старого хозяина. С этого дня у нас стал работать новый спасатель, — Дик — который мгновенно влился в наши ряды и стал незаменимой поисковой собакой. Он стал любимцем не только наших сотрудников, но и всех жителей всего двора — полным хозяином этой территории, на которую уже ни один чужой пес даже нос не показывал. Зная эту любовь, он с утра постоянно заходит тихонько ко мне в кабинет и молча лежит посреди комнаты, встречая и провожая глазами каждого входящего. Наш пес.

А 23 февраля 1999 года отметился еще одним чрезвычайным событием. В час дня мы собрались у меня в кабинете и подняли традиционный тост за «День военных». Прошел второй тост за боевых подруг, локоть — на высоту плеча, рот — на ширину приклада! Все, как у мужчин! А вот третий тост, за тех, кого с нами уже нет! нам выпить удалось только в семь вечера. Прибежал оперативный дежурный! — Тревога! Под санаторием «Стройгидравлики» в районе пляжа «Дельфин» обрушился свод в катакомбах и придавил бригаду рабочих-подземников из группы «Проходчик», есть погибший. Я схватил из шкафа свой камуфляжный костюм, дал команду катакомбистам взять ножовки для распила ракушняка и немедленно ехать на дежурной машине в санаторий, а сам на своей служебной машине рванул на Французский бульвар.

В санатории, рядом с люком шахтного проема стоял Прокопчук В.А. — руководитель района. Накоротке обговорили действия и я ринулся по сорокаметровой лестнице вниз на дно шахты. Внизу у лестницы полулежал один из рабочих, с разбитым в кровь лицом и побитыми руками. — Куда? Он показал в разбитый проем шахтного ствола, ведущий в катакомбы. Метров через сто лежал еще один рабочий. Он показал — иди еще метров сто. Третий раненный лежал рядом с большой глыбой, отвалившейся с потолка. Я осмотрел место трагедии. Оказывается, эта бригада тампонировала песком несколько катакомбных ходов под площадкой строительства будущего корпуса санатория. Бригада уже проработала месяц под землей и практически затампонировала все ходы. После недельного перерыва они спустились вниз и начали ставить замыкающую кирпичную стенку. Ошибка бригады была в том, что мокрый песок всю свою влагу отдал в ракушку и во время работы, у них над головой отслоилась и рухнула глыба в полтонны весом. Одного рабочего она придавила насмерть, а остальные с трудом выбрались из-под обломков. Один из пятерых смог подняться на поверхность и сообщить о трагедии.

В проходе замаячили огни, пришла моя бригада спасателей и сразу же начала распиливать глыбу ракушняка. Саша Саморуков по соседнему ходу пошел на выход в сторону пляжа «Дельфин», но оказалось, что за двадцать метров до выхода к морю проход был закрыт кирпичной стенкой, которая сдерживала подземную воду. По горло в воде, ребята разбили стенку, и вода ушла на берег. Теперь предстояло по катакомбам, протяженностью в километр, вынести к берегу всех

пострадавших. Я поднялся на поверхность и перегнал все машины «Скорой» на пляж. Унесли вглубь подземных коридоров носилки, и мы на берегу стали ждать. Приехала группа телевизионщиков, но в катакомбы они не пошли — по колено стояла вода. Через полчаса, показались первые носилки, и пострадавшего быстро увезла «скорая». Потом вынесли еще двух ребят и медики быстренько их забрали. Последним вынесли погибшего. Было около семи вечера, когда мы все, мокрые, грязные и голодные подняли третий тост — за тех, кого с нами уже нет. А потом и завершающий, — за спасателей.

Такая интенсивная работа, а главное распространившаяся по городу информация о том, что в городе есть служба, которая бесплатно и очень оперативно оказывает помощь жителям города, эта работа сделала свое дело. В конце года газета «Вечерняя Одесса» и ее главный редактор Лариса Бурчо, провела конкурс на звание «Человек Дела Года» и на торжественном вечере в редакции провела вручение главных призов. Было чертовски приятно получить красивую фарфоровую статуэтку — почти как Оскар — и почетный диплом, которым наградили меня и службу за этот год. Потом, ежегодно, редакция постоянно приглашала меня, уже как ветерана Вечерки на такие презентации. Мы и сейчас поддерживаем хорошие связи с журналистами и телевизионщиками, благо интересной информации у нас — хоть отбавляй.

Моя родная академия отмечала 175 лет со дня своего рождения, и я был приглашен на торжества. Приехал я в парадно-выходном сером кителе еще советского образца, но пуговицы были уже с гербом Украины — трезубцем. Кстати, если внимательно к нему присмотреться, то можно по буквам прочитать слово ВОЛЯ — зуб слева — буква В, по центру внизу — О, над ней буква Л и зуб справа — натуральное Я. Это было еще в годы казацкой Запорожской вольницы и только потом этим символом воспользовались, когда начали разрабатывать держанный герб самостийной Украины. В течение многих лет до того этот символ кочевал от ООН к УПА и наоборот. Сейчас это уже далекая история, но многие ветераны еще сегодня относятся к этому гербу настороженно. А мои пуговицы на кителе сразу же заинтересовали моих друзей — генералов.

Хорошо, что я догадался набрать с собой полный карман позолоченных пуговиц. За несколько минут у меня расхватили все пуговицы. И тут притопап самый ветеранистый ветеран генерал Быстров Виктор Иванович. Олег, а мне пуговицы не досталось! Я тут же отрезал пуговицу от кителя и торжественно ему вручил. Он выдернул меня из общей группы и потащил к себе в кабинет. Там он попытал меня по моей биографии, где служил, когда звание и все остальное. Оказывается, Виктор Иванович был главным двигателем в подготовке Военно-инженерного энциклопедического словаря. Выпустили его к трехсотлетию инженерных войск России, и получилось очень хорошее издание. В нем в первую очередь раскрыты все термины, названия и краткие характеристики всего, что касается инженерных войск. Ну и во вторую очередь — в нем даны фотографии и краткие данные почти на весь руководящий состав инженерных войск от дней их основания и по день трехсотлетия. Есть там и моя физиономия с краткой

аннотацией, и я горжусь тем, что попал в это почетное издание. После торжественного собрания в ЦДСА узкий круг руководства собрался в небольшом зале на фуршет. За большим продолговатым столом стоял Маршал Огарков Николай Васильевич — выходец из инженерных войск, рядом с ним Генерал-полковник Кузнецов Владимир Павлович и еще несколько генералов из Центрального аппарата.

Владимир Павлович увидел меня и тут же сказал — Олег Борисович! Давай к нам поближе. Николай Васильевич, познакомьтесь — это мой друг лейтенантской молодости Рогожкин Олег, непревзойденный мастер в открывании шампанского — еще с тех лейтенантских лет. Николай Васильевич улыбнулся, поздоровался, и я быстро разлил по бокалам искрящийся напиток. После непродолжительного фуршета все переехали в столовую академии, и там гуляние продолжилось. Эта встреча позволила встретиться со многими друзьями, кого не видел много лет, и было приятно посидеть, поговорить, поделиться воспоминаниями.

А в Одессе меня ждала новость. Младшая дочь — Ольга захотела жить отдельно, и пришлось срочно продавать квартиру на Пионерской. Место, конечно, было великолепное, — рядом с парком Победы, четыре комнаты в кирпичном доме, да на третьем этаже.

По объявлению пришла группа желающих вместе с риэлтером из компании. Но вечером, вместе с одним моим знакомым генералом пришла женщина и сказала, что покупает у нас квартиру. Мы договорились о цене и шести месяцах на подыскивание для нас новой квартиры. К поискам подключилась жена одного знакомого офицера — она работала в компании по недвижимости «Витязь». Почти месяц мы осматривали разные варианты, но подходящего не было. И тут вдруг она позвонила — срочно продается такая же четырехкомнатная на шестом этаже кирпичного дома около кинотеатра «Вымпел». Цена около тридцати тысяч. Квартира была уже пустая, и ее выкупила для продажи компания. После осмотра я вышел с чувством, что побывал в разбитом вдребезги клоповнике. Восемнадцать лет никто палец о палец не ударил, чтобы хоть как-то содержать в порядке квартиры. И я решил от нее отказаться. Сутки прошли в мучительных размышлениях — брать, не брать. И утром созрело решение — брать.

Оформление заняло два-три дня, и мы купили эту квартиру, чтобы сразу же погрузиться в хлопоты и заботы по ремонту. Только столярку я заказал на «Промсвязи», а весь остальной ремонт лег на мои и Галины плечи. Почему пишу об этом. Иной скажет, что он лезет тут со своими житейскими передрыгами? Наверно потому, что многие в жизни сталкивались с этой бедой, и могут меня понять, да и сами всколыхнут в своей памяти эти тяжкие, но такие приятные в воспоминаниях хлопоты.

К декабрю мы уже переселились. За это время, к счастью, подвернулась на шестой станции Большого фонтана двухкомнатная квартира для Ольги — за скромные 15 тысяч. Наши квартирные проблемы устаканились. И тут Ольга познакомилась с американцем, который на четыре года приехал на гранты университета для совершенствования знания русского языка, и звали его простым

ирландским именем Джо Хейкок. Через год они расписались, еще через год Ольга родила нам внучку — Галину-Фрэнсис, а еще через пару лет чудесного карапуза — Олега-Джозефа. Где-то в 2004 году наш пятидесятилетний «студент» уехал в Штаты и почти год выбивал визу для въезда жены и детей. С момента рождения и Фрэнки и Джозик сразу же получили паспорта граждан США. И только в 2005 Ольга получила визу и вылетела с Джозиком в Айдахо, в Штаты, а Юлия осталась с нами.

Летом 1999 года к нам в службу внезапно нагрянули гости. В Одессе, по делам строительства насосной станции, находился Министр МЧС — генерал Дурдинец. Наша служба уже достаточно хорошо зарекомендовала себя, и Городской голова Боделан решил показать Министру, как в городе работает Служба-077. Было лето и было жарко. Что мы успели сделать, это принесли квас и газировку со стаканами. Я представился Министру и предложил водички. Василий Васильевич выпил квас и выслушал мой короткий доклад. К этому времени в соседнем зале ребята расставили средства малой механизации, мото и электропилы, генератор, мотопомпа и прочее, прочее, прочее, тем более, что нам давали хорошие деньги и оснащение было более чем подходящее.

Мой доклад очень впечатлил Министра. Это надо же! Мы еще только прикидываем, как развернуть такие службы в крупных городах, а у Вас она уже вовсю действует, причем полностью на средства городского совета! Это Ваша большая заслуга, Руслан Борисович! А такие впечатляющие цифры по спасенным человеческим жизням, обезвреженным боеприпасам, а главное, такой четкой военной организованности у нас пока нигде кроме Вас нет! Вам спасибо товарищ генерал, что Вы возглавили и руководите такой Службой, и Министр пожал мне руку. Мы тут же дали ему книгу почетных посетителей, и он сделал очень хорошую благодарственную запись. Через несколько дней на нас свалился десант разнокалиберных чиновников из МЧС, которые переписали все наши организационные документы. Всю оргштатную структуру и все наше оснащение — для передачи опыта в другие регионы. Папарацци отсняли все на фото и теле.

По итогам этого года Служба была признана лучшей в Министерстве, наверное, потому, что других таких еще нигде не было. Потом к нам потянулись гонцы из разных городов Украины, которые взяли у нас все необходимое по организации создания и через год во многих регионах появились аналогичные службы. Но мы остались родоначальниками Службы Спасения на Украине. Хотя, нужно сказать откровенно, что само Министерство, после Валерия Михайловича Кальченко — палец о палец не ударило, чтобы хоть копейкой или просто добрым словом посодействовать таким Службам на местах. А во многих городах местные советы просто не дали средств, для содержания таких служб.

Но совсем черные дни наступили для МЧС тогда, когда по аналогии с МЧС России президент Кучма решил объединить Главное Управление пожарной охраны и МЧС в единое целое.

А министром этого гибрида он назначил своего давнего знакомого, бывшего главного пожарника еще со времен «Южмаша» — генерала Рева.

И началась темная ночь для несчастного министерства. Этот brave пожарник начал с того, что ликвидировал военных в министерстве, как класс! Он всех уволил, а потом начал разбираться, кого оставить, а кого вышвырнуть. В каждой области он сделал областное управление пожарной охраны — главными управлениями МЧС по такой-то области. Но при этом он практически уничтожил областные и городские управления МЧС, которые сконцентрировали в себе самые опытные кадры по вопросам Гражданской обороны и защите населения. Если бы не мудрость областных и городских руководителей на местах, вся система, созданная десятилетиями сначала в Министерстве Обороны, когда были замы командующих по Гражданской обороне и были полки ГО, а затем это все приняли администрации на местах и четко планировали эту работу в организациях, на предприятиях и производствах — все это ретивый и недалекий деятель одним махом разрушил. Когда такие события произошли и новоявленные Начальники от МЧС объявили о своем подчинении только Министру — и в областях и в городах тут же были вновь созданы ранее существовавшие структуры, но уже за счет местных администраций. Но это не везде и не во всех городах и областях. Под нож пошли ранее работавшие структуры спасательных и горноспасательных служб, о чем уже на страницах прессы забили тревогу профессионалы этих служб. Дошло до парадокса, уже уголовно-преступного говотяпства, когда было дано указание на места уничтожить все документы и планы по мобилизационной приписке личного состава. Приписке в различные отряды и формирования гражданской обороны из районов и сельских местностей, для выполнения задач в местах массовых разрушений и для ликвидации последствий крупных аварий и катастроф, как природного, так и техногенного характера. Пример катастрофического землетрясения в Армении этому государственному мужу в прок не пошел, несмотря на то, что две трети территории Украины находится в шести-семи бальной опасной зоне. И только когда умные люди подсказали, что это преступление, — была дана команда — эти документы не трогать. Однако в этой неразберихе, особенно там, где на местах к власти встали некомпетентные люди — планы были уничтожены.

Я сначала не мог поверить во все это, но когда попал на подведение итогов в Главное управление МЧС в Одесской области, которое проводил сам Министр, то после его выступления для меня все встало на места. Этот деятель выступил по кадровой политике на местах и дословно сказал, — я приехал в Винницкую губернию и побачил, что Гражданскую оборону очёлое цельный генерал-майор, а ему пидпорядковано всего двадцать, двадцать пять человек в управлении. А пожениками в области, которых несколько тысяч, керует всего-навсего пидполковник. Так я того генерала немедленно звильнив.

Я не хочу сказать ничего плохого о том бывшем министре Рева, как о пожарном. Конечно, он профессионал в своей работе и наверняка прошел суровую школу борьбы с огнем, иначе он не стал бы пожарным генералом и не возглавил Главное пожарное управление страны.

Но в новом для тебя деле, хотя бы вник в тот колоссальный объем работы и ответственности, который ложится на плечи Гражданской обороны. Ведь этот

генерал руководит в области не двадцатью сотрудниками управления, а головой своей отвечает перед государством за состояние и наличие мобилизационных запасов особого периода на заводах, предприятиях и организациях, за готовность отрядов и команд различных формирований ГО в городах и поселках. За районы рассредоточения промышленных предприятий и энергетическую безопасность на особый период, за транспорт и его приписку для эвакуации населения и так далее и тому подобное. Я могу на многих листах продолжать эти задачи, поскольку, как начальник инженерных войск сам принимал участие в разработке этих планов и их материально-техническом обеспечении. Вспоминаю, как в ходе военных игр и командно-штабных учений более суток уходило только на работу и детальную разборку вопросов предвоенного особого периода и работе штабов всех уровней по линии гражданской обороны. Помню, как детально докладывал эти вопросы генерал Шмаль — Зам Командующего по ГО.

Даже вопросы хранения и заготовки запасов консервированной крови, в том числе работы отрядов забора и переработки трупной крови. Оказывается, кроме рассредоточения всех медицинских учреждений, больниц и больных вне зоны разрушений крупных городов — должны работать и специальные подразделения по заготовке крови.

В войну эта кровь спасала миллионы солдатских жизней и помогала возвращать их в строй.

Ничего этого, к сожалению, сей «государственный» деятель не знал, да и не мог знать в силу узкого профессионализма. Но, апломб и значимость разгромила в государстве столько всего по линии ГО, что и сей час это является кровоточащей дырой в жизни страны. Процесс тем более стал разрушительным при распаде и ликвидации государственных заводов и промышленных предприятий. Одесский лозунг двадцатых годов — Воруи, пока трамваи ходять! — сработал в масштабах целого государства. Примеры у всех на памяти.

Все последующие назначения только углубили развал министерства. Назначенный в 2005 году миллионер Жвания первые три месяца вообще не появлялся в Министерстве, а руководил из своего бизнес-офиса. Но, учитывая что сферой его бизнеса были ядерные технологии — он тут же вернул все вопросы по Чернобылю в лоно Министерства, хотя Рева в последние годы своего «пожарного» правления эту структуру выделил в отдельный Комитет по Чернобылю.

Два года правления Балоги серьезных изменений не принесли, а пришедший ему на смену (2006-2007 год) Нестор Шуфрич всегда был только политиком. Это при нем президент Ющенко взялся за лопату и стал спасателем в Херсонской области при тушении лесных пожаров.

Уже три года Министерством руководит Владимир Шандра и только сейчас начинается последовательная и продуманная политика расстановки всех сил и средств на свои места. Но эхо «Рева»люционных потрясений еще долго будет икаться всей системе МЧС.

К счастью для Одессы, после недолголетнего правления генерала от пожарников Юрия Антипова, начальником Главного Управления МЧС в Одесской

области был назначен молодой и энергичный полковник Вовк Михаил Иванович. За короткое время он железной рукой навел порядок в самом управлении и на местах. Положение дел изменилось сразу и на глазах. 24 Августа, на День Независимости Михаил Иванович получил высокое звание — Генерал-майор службы гражданской защиты, с чем мы его сердечно поздравили.

17 августа 1999 года землетрясение силой до 7,4 бала по шкале Рихтера потрясло Турцию в районе города Измит. Погибло более семнадцати тысяч человек и около сорока четырех тысяч было ранено. На следующий день после сообщения меня вызвал Валерий Наумович Пятов — первый зам Городского головы и приказал в течение двух-трех дней подготовить мобильную группу в 20 человек. Город договорился с ОВИРом, что загранпаспорта будут готовы через сутки. Авиакомпания «Турецкие авиалинии» подготовила для нас один самолет для срочной доставки всей группы в Стамбул. С момента катастрофы прошло уже пять дней. Мы отслеживали ситуацию и знали, что в районе бедствия начали работать спасатели из разных стран, но условия там были ужасно тяжелые. Особенно донимала жара до 35-40 градусов.

Практически на следующий день утром моя группа была готова к погрузке, но турецкий консул в Одессе дал отбой вылету. Оказалось, что президент Турции остановил работу спасателей и объявил всех погибших, как воинов ислама, что давало право прекратить разборку завалов, поскольку в такой жаре уже никого в живых не осталось, и начать расчистку механизмами. Все группы из разных государств возвратились в свои страны. Остался только подвижный госпиталь МЧС Украины на окраине Измита. Подходил праздник дня города — второе сентября. На этот раз меня пригласил Боделан и попросил срочно связаться с начальником тыла Одесского военного округа генералом Анатолием Кропиво. Город закупил у военных сто двадцать Больших лагерных палаток УСТ из расчета на десять койко-мест каждая, и решил передать эту гуманитарную помощь городу-побратиму Измиту. Я созвонился с президентом компании «Укр-Ферри» господином Курляндом и от имени Боделана попросил его бесплатно доставить эту гуманитарку в Стамбул. Сопроводжать этот груз и представлять наш город в Измите поручили мне. Хорошо, что у меня был оформленный загранпаспорт. В «Укр — Ферри» ко мне прикрепили начальника отдела перевозок, и на следующий день у меня уже лежал билет на теплоход «Каледония». Для палаток выделили роту курсантов военного училища и колонну грузовиков. Таможня без копейки денег оформила этот груз и к двенадцати часам дня третьего сентября все сто двадцать тюков были перегружены в трюм «Каледонии», затянуты веревочными сетями, а я заселился в уютную каюту с видом на море на пассажирской палубе.

Провожая меня, Пятов дал мне номер телефона и фамилию представителя мэрии Измита, который встретит меня в Стамбуле на пристани Каракёй.

Что такое «Каледония» — это теплоход системы РО — РО, построенный во Франции и долго ходивший по южным морям между островами Каледонии. Отсюда и его название. При определенных стеснительных обстоятельствах французы продали этот корабль, и его мгновенно купил Одесский бизнесмен Алек-

сандр Курлянд. Судно стало челноком на линии Одесса-Стамбул. Оно приходило из Турции с огромным трюмом, набитым доверху товарами для рынка «7-й километр», а обратно возвращалось только с челноками на борту. Так что компания переправила этот груз, как пушинку, но и конечно получила по заслугам хорошую Пиар-акцию.

Две ночи и день в пустынном Черном море тянулись медленно и бездельно. А корабль гремел музыкой, питейным разгулом купечества и блаженным отдыхом на палубных шезлонгах под яркозвездным куполом ночного неба. Так бы плыл себе, и плыл, и плыл

Невольно вспомнился мой любимый Омар Хайям.

*О, если б каждый день иметь краюху хлеба,
Над головою кров, и скромный угол где бы,
Ничьим владыкою, ничьим рабом не быть,
Благословить тогда за счастье можно было б небо.*

Рано утром мы вошли в Босфор. Потянулись пригороды и городские постройки, уступами спускавшиеся к самой воде. Беленькие ухоженные домики стояли настолько плотно, что было непонятно — где же те улочки и переулочки по которым ходят люди. Проплыл в предрассветной серости старый подвесной мост, а потом и новенький, сияющий легкостью и парящий в небе подвесной мост через Босфор. Уже рассвело, когда мы причалили к «Каракёю». Недолгая процедура с погранично-таможенной службой, десять долларов сбора за штемпсель в загранпаспорте и я собрался сходить на берег.

Только я ступил на берег, как от группы представительных мужчин отделился и подошел ко мне высокий, худой, одетый с иголки господин. На чисто русском языке он спросил — Вы генерал Рогожкин? Я утвердительно кивнул, и он представился — Алемдар Хасан Оглы — советник Президента Турции. Тут же он представил меня своим спутникам, а те, в свою очередь представились мне — заместитель мэра Стамбула, начальник порта Кара-Кёй, заместитель начальника таможни Стамбула, мэр города Измита.

В отдалении стояло несколько легковых машин. Я попросил оказать помощь в выгрузке палаток. Тут же подошли три большегрузных машины и группа рабочих начала вывозить из трюма палатки и укладывать их в грузовики. Алемдар предложил эти полчаса переждать в уютном кафе на другом конце причала — где-то метров пятьсот. Я подхватил свой чемоданчик и сказал — конечно, подождем там, и собрался идти. Меня тут же остановили, сказав — Олег-паша, по Вашему статусу и положению Вам нельзя ходить пешком. Через минуту здесь будет Ваша машина, и мы туда поедem.

Вот Вам и восточный колорит, вот Вам и турки в Турции, вот Вам их порядок и организованность.

Полчаса в кафе за чашкой крепкого турецкого кофе закончились так же быстро, как и начались. Кorteж легковых машин и трех грузовиков вырulил к мосту через пролив, и далее за мостом дорога развернулась веером, как пальцы руки.

На каждой дорожке стояла будочка со сборщиком платы за проезд, как через мост, так и за последующую езду по платной автомагистрали. На этой трассе машины помчались со скоростью 160-180 км/час. Мне стало страшно за эту автогонку, но сто с лишним километров пролетели в один миг. Рядом со скоростной трассой проходила обычная государственная автострада, и вопрос здесь стоял так — время-это деньги. И еще один капиталистический принцип — кто раньше встал — того и тапки. Вот что такое платная трасса. Пригород Измита начался как-то незаметно и одноэтажные постройки почти все сохранились, но когда пошли здания в три, четыре и более этажа — уже было много развалин. Рядом с дорогой лежал шестиэтажный дом. Как он стоял, так и лег, согнувшись дугой и припав к земле. На снимке я так и написал — шесть этажей горя. Крупные многоэтажные здания уцелели, хотя многие из них потрескались. Улицы были расчищены, и везде ходил транспорт. Не было никакой паники или безумного горя. Город жил и работал. Единственное, что бросалось в глаза это то, что люди не жили в своих домах. Все, кто остался жив, обитали в различных палатках, шалашах сооруженных из одеял или кусков брезента. Мы приехали в мэрию, а грузовики отправились в студенческий городок — кампус, на окраине города. Был короткий прием у мэра, где в адрес руководства Одессы были высказаны самые теплые слова благодарности. После этого Алемдар предложил мне на выбор — или поселить меня в гостиницу, но там, на ночь мало кто остается, или ехать к нему и эту неделю пожить у него. Тем более, что на ночь его жена с десятилетним сыном уходят в парк, где у них поставлена палатка и есть спальные мешки. Я не стал много рассуждать, и мы поехали к Алемдару домой, на его новенькой «Тойоте».

Кто же это такой Алемдар Хасан-Оглы? Оказывается, он окончил Бакинский университет, а потом аспирантуру в МГУ, где защитился, как кандидат, а затем доктор физико-математических наук. Когда началась разработка проекта запуска на орбиту многоразового корабля «Буран» Алемдар попал в группу математического обеспечения и активно участвовал в этой многотрудной работе, внося в нее много нового, своего, на уровне серьезных открытий. Проект этот состоялся, и мы все видели полет и посадку «Бурана» в автоматическом режиме. Происшедшие после этого трагические события со смертью Главного конструктора — С.П.Королева, затем ряда опережающих достижений в Космосе американцев и, как точка — смерть Л.И.Брежнева с последующей чехардой генсековских кончин, — все это закрыло многие смелые проекты в советском космосе.

Когда мы сидели с Петром Климуком — начальником ЦКП имени Ю.А.Гагарина в комнате отдыха его кабинета, он с огорчением рассказывал, что финансирование для них идет на мизерном пределе, а самостоятельно заработанные средства в лабораториях Звездного Городка облагаются налогами, в полтора раза превышающими заработанные суммы. И здесь сработал долгосрочный план Бжезинского-Доллеса по развалу СССР и уничтожению символов его гордости и достоинства.

В этих условиях, уволенный и выброшенный высококлассный математик Алемдар Хасанов уехал в Турцию, где ему предложили кафедру математики в

Измитском университете. Его имя, стоящее в первой десятке всемирно известных математиков, его многочисленные труды заинтересовали и американских ученых. Через некоторое время ему предложили в течение двух месяцев в год читать свои лекции в Калифорнийском университете США.

Из любимого Баку он забрал красавицу жену и сына, который сейчас уже студент и учится в Штатах. А младший родился и вырос уже в Измите и русский язык почти не знает. Квартиру Алемдар купил в «американском» доме, построенном по Штатовскому проекту для сейсмической зоны. В первую же ночь я почувствовал преимущества такого дома. Несколько раз качнуло, и дом немного покачался, но устаканился и я уснул до утра. За эти дни я побывал в гостях, в Измитском университете, стены которого тоже полопались вдоль и поперек. Объехали весь город, население которого составляет более миллиона человек. В пригороде лежали, прижатые к земле корпуса автозавода «Тойота», построенного японцами для Европейского рынка. Заехали в огромный спортивный комплекс, где нас встретил бригадный генерал Турецкой армии, который руководил приемом и выдачей на места различной гуманитарной помощи, в большом количестве поступавшей из многих стран мира. Мы разговорились с моим коллегой. Он поинтересовался, какая пенсия у генерала Украинской армии, а когда узнал, что около ста пятидесяти долларов, то страшно удивился. В Турции эта пенсия составляет от трех до пяти тысяч долларов. Есть над чем задуматься...

Кстати, коль скоро коснулись вопроса о пенсиях. В 2004-2005 годах по Украине прокатилась волна судебных процессов отставных военных против Министерства Обороны. Толчок всему дал бывший начальник финансового снабжения Вооруженных Сил, который вышел на пенсию и получил ее в тех мизерных размерах, которые он ранее спланировал для всех.

Прекрасно зная законы и зная, на каких выплатах государство в лице Министерства обкрадывало своих военных пенсионеров — этот полковник предъявил иск Министерству и выиграл процесс, что позволило бывшему начфину отсудить более тысячи ежемесячной прибавки, а всем остальным отставникам срочно искать адвокатов, чтобы восстановить справедливость и для себя.

Первым в Одессе за это взялся юрист Петков, к которому я попал вместе с группой своих сотрудников в числе первых. Потянулись суды в районах, потом апелляционный в области и наконец решение было принято. Оказывается, родное Министерство у меня втихаря, оттяпывало ежемесячно две тысячи гривен.

Ранее я получал семьсот, а после судов — две тысячи семьсот. Как говорят — почувствуйте разницу. Кроме того, за прошлые годы возвратили все недоплаченное — а это скромные сорок тысяч. Половину я отдал Петкову — он честно заработал эти деньги. Кстати — прекрасный юрист.

Ну, а когда обвал исков начал зашкаливать, то специальная комиссия произвела полный перерасчет пенсий и установила новый порядок начислений, по которым я начал получать три с лишним тысячи гривен. Как говорят в Одессе — это уже что-то, об что есть что сказать.

Но вернемся в Измит.

В один из дней мы поехали в пригородный Гюльджук — военно-морскую базу НАТО. Этот район перенес самый страшный удар стихии. Предположительно по дну залива произошел разлом, и большая часть строений ушла под воду. Мы подъехали к урезу воды по асфальту, который уходил вглубь залива. С этого места начиналась улица, от которой осталась только табличка названия, а вдали в заливе виднелся последний этаж и крыша трехэтажного спортивного комплекса, вернее то, что от него осталось. Долго находится среди сплошных руин, было тяжело и морально и физически. Везде царил сладковато тошнотворный трупный запах. Экскаваторы и погрузчики безо всяких разборок загружали все, что есть в самосвалы, грузовики, которые вывозили все в предгорные овраги и там бульдозерами выравнивали, пересыпая известью.

Работал печальный конвейер погребения. Но нужно отдать должное — работал четко и организованно. Во второй половине дня мы возвратились в Измит, но впечатления от Гюльджука остались надолго. Мне потом говорили, что там, на базе бесследно исчезла дизельная подводная лодка, предположительно попавшая в этот разлом.

Еще один день мы провели в студенческом кампусе, где я провел со студентами практическое занятие по установке большой палатки УСТ, при этом я пытался сам помогать им в растягивании брезентового верха и теплого подбоя из белой байки, установки кольев и растяжек. Меня тут же вежливо остановили, поставили стул и сказали, что Ваше участие в этом Олег-паша, только руководить, сидя на стуле и попивая чашечку кофе.

Занятие прошло успешно, и большая группа из мэрии долго ходила и цокала от восхищения и увиденного. На следующий день в одном из районов города был собран палаточный город, который называли «Одесса», а главную улицу, по сторонам которой встали палатки называли «Дерибасовская».

Перед отъездом я заехал в полевой подвижный госпиталь МЧС Украины. Работы у них было довольно много, но все четко организовано и продумано. Я выехал в Стамбул на несколько часов пораньше, чтобы посмотреть жемчужину Востока — храм Ай-Софья, который когда-то был украшением христианского Царьграда — Константинополя. Пристроенные позднее минареты ничуть его не испортили. Сам комплекс при всей своей массивности снаружи, внутри был воздушно выверенным и парил над головой. А возле храма было несть числа разных лавок и лавчонок, набитых сувенирами на любой вкус. Я заметил красивую курительную трубку, лицевая часть которой была вырезана из белого камня в виде головы турка в тюбани. Вспомнив, свой немецкий я спросил — Вас костен ди? Продавец на ломаном немецком ответил — пять миллионов лир, и я как-то машинально сказал по-русски — Это много! Лавочник мгновенно почти по-русски сказал — Давай за три! Я рассмеялся, заплатил ему за сувенир, который пополнил мою коллекцию трубок.

Время оставалось, и я прогулялся к Голубой мечети, где на оставшиеся два миллиона приобрел сувенирный турецкий ятаган — тоже в мою коллекцию.

Вылет в Одессу на Боинге 147 мне организовал Алемдар из средств Измита-ского университета, в знак благодарности за гуманитарную поддержку.

Практически более тысячи горожан получили кров над головой в наступающей осени.

Вечером я был в Одессе, дома, на твердой почве под ногами.

И все же возникает вопрос, а какая же связь Алемдара Хасан-Оглы и Валерия Пятова? Есть такая связь, и она самая прямая. Я уже писал, что Алемдар был в группе сильнейших математиков, занимающихся и блестяще осуществивших проект «Буран» в СССР. В эти же годы молодой блестящий физик — термоядерщик о тридцати с копейками возрастом включился и работал над проектом «Токомак» — установки по мирному использованию термоядерного синтеза. Когда они были студентами и аспирантами, то никто не смотрел на фамилии. Это были длинноволосые парни — молодая интеллигенция шестидесятых и кто был Пятов, кто Сагдеев, кто Хасанов, — никто не обращал на это внимания. Недавно Валерий Наумович подарил мне книгу Олега Александровича Лаврентьева — величайшего в мире физика-термоядерщика, к которой он написал своё послесловие, на правах коллеги, который работал над проектом «Токомак».

Интереснейшая книжка, в которой история термоядерного синтеза начинается с письма простого сержанта Советской Армии, отправленного в начале пятидесятых годов И.В.Сталину, а в копии — в ЦК ВКПБ, где было написано — Я знаю, как сделать водородную бомбу! Тут же приводился расчет и обоснование с глубокими математическими выкладками и расчетами уравнений ядерных и термоядерных реакций.

Этим сержантом был Олег Александрович Лаврентьев. Ядерной и термоядерной проблемой руководил в стране Лаврентий Берия. По его команде из обкома партии в воинскую часть прибыли два специалиста по науке и промышленности. Убедившись, что это не шиза они уехали, а через несколько дней сержант Лаврентьев уже стоял перед Берия в Москве. Определили его в физтех сразу на второй курс, через два года он окончил институт и включился в работу по проектам академика Курчатова и Сахарова. Кстати Сахаров первым прочитал письмо и расчеты сержанта.

Предложенная Лаврентьевым схема удержания нейтронных потоков в магнитной ловушке явилась толчком для решения проблем, над которыми уже работали Сахаров, Будкер, Арцимович, Тамм и еще целая плеяда физиков — ядерщиков. Прошли годы, и от всего прошлого осталась только записка Сахарова, в которой он с откровенной простотой зафиксировал, что еще тогда, когда весь ученый мир в Союзе и Америке стоял в тупике — решение проблемы термоядерного синтеза дал О.А.Лаврентьев.

Его, как неудобного экспериментатора, передвинули в Харьковский Физтех, имевший целевую направленность на мирный термояд. Уже в наши дни, по представлению ученого совета института было предложено по совокупности сотен работ присвоить ему степень доктора наук, но квалификационная комиссия, а потом и господин Литвин — председатель Верховной рады — бюрократично от-

ветили, что соискатель не написал докторскую диссертацию. Другой бы плюнул, но не Олег Александрович. В возрасте семидесяти девяти лет он пишет докторскую, которая в момент разошлась по научным центрам в Штатах и других ядерных странах. Лаврентьев уже был почетным академиком ряда ведущих стран мира, а вот «нет пророка в своем отечестве — и все тут!» Валерий Наумович отойдя от научной деятельности, после распада Союза, в одной из своих загранпоездок встретился с Алемдаром в Мармарисе, и с тех пор их прежняя дружба молодости нашла второе дыхание. Все-таки они были сумасшедшими — эти физики и лирики шестидесятых! А где нынешние? Где Вы? Ау!

Наступал двадцать первый век, и как-то сами собой родились строчки.

Время

*Безмерен бег времен, и только он,
Понятьем вечности от бога наделен.
Секундочки сплетаются в минутки,
Скрипя часы, отстегивают сутки.
Летят недели месяцы года,
Прессуются года в десятилетия,
Как шпалы — из столетия в столетье.
За миг проходит время и уже,
Весь мир на миллионном рубеже.*

События конца двадцатого и начала двадцать первого века — так называемого «миллениума» особенно оригинальными не были. В городе произошла аннексия — история, когда гость Одессы — из Молдовы, зашел в туалет железнодорожного вокзала. Когда он принял позу сидящего на корточках орла — с пальца у него слетело кольцо и улетело вниз, в туалет. Этот чудак не придумал ничего лучшего, как закатать рукав и полезть рукой в это узкое отверстие, в надежде достать это кольцо, но рука безнадежно застряла. Уборщица увидела такую картину, когда в проеме кабинки торчали ноги с приспущенными штанами, и за прикрытой дверкой было какое-то мычание. Оказывается, этот несчастный был еще и глухонемой. Срочно сообщили в нашу Службу-077, и уже через пятнадцать минут смена вырубала из бетона чугунную чашу туалета, чтобы вынести ее вместе с пострадавшим на улицу и там распилить с помощью «Болгарки». Ажиотаж был невероятный. Видеоролик попал на центральное телевидение, а Одесское ТВ прокрутило его несколько раз. Мне позвонил начальник Одесского ж/д вокзала и с обидой сказал, — за что вы нас так преподнесли и что плохого мы вам сделали? Я рассмеялся и ответил, что обижаться не надо. Напротив, мы Вам сделали такую рекламу, что теперь все ринутся в Одессу на ж/д вокзал доставать золотые кольца. Вместе посмеялись над каламбуром.

История эта повторилась через пару лет, но уже в общежитии одного из институтов, когда студент-иностранец — из арабских стран, уронил в унитаз мобильный телефон и рукой умудрился пройти изгиб сифона перелива воды, а потом сработал хватательный эффект. Помните историю Маленького Мука, кото-

рый перехитрил обезьянку, насыпав в узкое отверстие пустого кокосового ореха немного зерен. Обезьянка просунула внутрь ладошку и сжала зерна, а кулачек назад не проходил. Привязанный орех стал западней для жадной обезьянки.

Студент тоже не смог разжать пальцы и нам пришлось с первого этажа разбирать канализационные трубы на потолке, с тем, чтобы освободить руку простого арабского парня.

Уходили в катакомбы искатели приключений и адреналина, а нашим катакомбистам приходилось по двое-трое суток разыскивать этих придурков, чтобы вывести полуживых и одуревших на поверхность, в руки отчаявшихся родственников. За тринадцать лет работы службы, в самых различных ситуациях, нашими ребятами спасена и сохранена жизнь более чем тремстам людям. Обезврежено и уничтожено более десяти тысяч боеприпасов времен второй мировой войны. Обезврежено, демеркуризовано и сдано на переработку около одной тонны ртути. И эти цифры можно продолжать и продолжать.

Наладилась четкая, организованная система работы Службы Спасения — 077 и о ней уже хорошо знали жители города.

Из Луганска, Херсона, Донецка, Винницы и других городов к нам приезжали за советом и опытом, как создать и организовать аналогичные группы, особенно в крупных городах, — и мы щедро делились своими разработками, документами и практическими советами.

В августе 2000 года в Ледовитом океане произошла трагедия и атомная подводная лодка «Курск» с развороченным взрывом носом легла на дно. Все люди земли с волнением слушали сообщения о происходящем в Арктике и в первые дни надеялись на чудо и возможность спасения экипажа, но время проходило, и эти надежды таяли.

Из разрозненных источников вырисовывалась смутная картина происшедшего. В ходе учений Северного морского флота России планировалось произвести практический пуск новой модели ракетно-торпедной модификации из подводного положения торпедным аппаратом атомного подводного крейсера «Курск». В момент пуска изделия произошло скользкое столкновение «Курска» с американской субмариной Мэмфис, что привело к схлопыванию и закрытию выходного люка торпеды. Находящаяся во взведенном состоянии торпеда при ударе о крышку люка взорвалась, и взрывная волна ударила в свободное пространство отсека. Частично детонировал боекомплект в головной части корабля. Взрывом разрушило корпус практически до рубки. Те немногие члены экипажа, оставшиеся в кормовой части сделали то главное, за что все человечество должно поставить им памятник — они остановили работу ядерного реактора, хотя тем самым они обрекли себя на жуткую смерть — практически из второго контура теплоносителя был произведен сброс паро-кипяtkовой смеси внутрь отсеков.

Если бы это не было сделано, пар высокого давления взорвал бы реактор, как это произошло на Чернобыле и еще неизвестно, чем бы это все могло бы закончиться.

Пресса тех дней пропустила небольшую информацию о появлении в одном из доков Северных стран НАТО американской лодки Мемфис, но вся информация сразу же исчезла после срочных консультаций на высоком политическом уровне между США и Россией. Более того, в порядке урегулирования Штаты в эти же дни пошли на беспрецедентные уступки России в вопросах ограничения вооружений, на какие они в упор не соглашались несколько последних лет. Это не мои домыслы — есть взвешенные доводы крупных аналитиков с обеих сторон океана, и они были в прессе.

Только на следующий год с помощью специально сооруженного подъемного корабля останки «Курска» были подняты на поверхность и отбуксированы в Североморск.

В 2003 году я возглавлял делегацию горсовета Одессы на праздновании 60-ти летия Курской битвы. Долго я стоял рядом с толстостенным срезом корпуса подводного крейсера «Курск», стоящего как памятник морякам — Курянам в мемориальном центре города, рядом с мемориалом героям Курской битвы.

Невольно родились строчки стихотворения, которое сохранилось в моей тетради.

«Курск»

*По зову сердца, по родству души,
Ушел служить в морозный океан,
Мальчишка Курский, из глухой тиши
Окраин Курских, где растет бурьян.
Подводный дом на девять этажей,
Романтика далеких переходов,
Полярное сияние ночей,
И мрак сорокоградусных морозов.
Про жизнь и быт он маме отписал,
Что все в порядке, есть друзья и дружба,
Начальство строгое, и есть «Девятый вал»
В картине Айвазовского на кубрике.
Что скоро выход в боевой поход...
И дальше — все отрезало — молчание,
Часы, как дни, а дни почти как год,
Прессуются в тревоге ожидания.
Потом — как взрыв — пробилося сообщение
Атомоход на дне. Но мой то мальчик жив,
И не было у матери сомнения,
Ведь сердце — это зеркало души.
Страна затихла, ждали с моря, с суши
Вестей о жизни, смерти-ль моряков,
Предчувствия терзали наши души,
То было тяжелее всех оков.
Над Арктикой бушует ураган,*

*А в глубине, на дне, на вахте вечной
«Курск» и матросы, форменки, реглан,
И нос от взрыва насмерть искалеченный.
Они остались все — в одном строю,
Свой долг исполнив — долг бойца, солдата,
Прикрыли грудью Родину свою
В своем бою, как их отцы, когда-то.
И бескозырку сына, в знак прощания,
Принес к далеким Курским берегам,
Храня в себе печальное молчание,
Суровый Ледовитый океан.*

Печальная, трагическая страница в жизни страны, флота, Курска-города. Многие вопросы, решение которых было невозможно или затруднено тогда, нашли свое решение сейчас. Но то, что уже произошло — никто и никогда не возвратит.

Наша поездка в праздничный и ликующий Курск прошла нормально, и Куряне организовали посланцам солнечной Одессы достойный прием. Я не знаю, каким был для Курска губернатор Александр Руцкой, но архитектурную память для ветеранов войны он оставил прекрасную. На въезде в город он создал Аллею Славы, с памятником Маршалу Жукову, Триумфальными воротами и часовней, в память погибших в Великой Отечественной. Здесь же, на открытой площадке красиво сделана диорама Курской битвы, а по всей аллее стоит военная техника времен войны. В честь праздника состоялся парад войск и демонстрация на аллее героев. Дай то бог, чтобы и в других городах и Росси, и Украины, и Белоруссии так чтители память тех, кто жизни свои положил за нашу жизнь сегодня!

Для делегаций городов-героев была организована поездка в городок Поньри — город Славы инженерных войск. Именно здесь, в гигантском танковом сражении блестяще показали себя минеры, установившие многие километры минных полей. Здесь впервые были применены подвижные отряды заграждения. Здесь раскинулись бескрайние Русские поля, которые грудью своей прикрыли саперы Первой инженерной бригады под командованием Михаила Фаддеевича Иоффе, а заместителем у него был будущий Маршал инженерных войск Виктор Кондратьевич Харченко.

И был такой эпизод, когда создалась угроза прорыва вражеских танков, поскольку мин на переднем крае не оказалось, а на отчетной схеме минирования стояло минное поле. «Смерш» арестовал комбрига, а Командующий фронтом приказал его расстрелять! Начальнику инженерных войск Западного фронта генералу Воробьеву стоило большого труда доказать, что комбриг Иоффе не виноват. Просто в холодные ночи пехота на переднем крае пронюхала, что мины ТМД — это Танковые Мины Деревянные, и вместе с аммонитовыми брикетами хорошо и жарко горят. Все так и было — бойцы погрелись, а комбрига чуть не расстреляли. Вот так, своими руками, я прикоснулся к истории родных войск, о

чем так много читал и знал из книг и рассказов ветеранов. Должен добавить, что после Героев Советского Союза — летчиков, следующими шли Герои — саперы!

Возвращение в Одессу было недолгим, и опять помчались дни, которые пролетали, как мгновения. Можно только удивляться, какие невероятные истории могут создавать наши люди на ровном месте.

В один из дней весны 2004 года я по мобильному получил сообщение, что в колодец упал пожилой мужчина. На счастье я проезжал недалеко от этого места в частном секторе и сразу завернул на этот адрес. В переулке стояла скорая, а группа людей топталась у горловины колодца, откуда глухо доносились стоны, перемежающиеся матом.

Когда я подошел, выяснилась такая картина. В доме через дорогу жила семья пенсионеров со взрослыми чадами. Не выдержав скандальных разборок, шестидесятилетний хозяин дома с вечера крепко выпил, а рано утром хорошо опохмелился. После этого он твердо решил покончить с собой и прыгнуть в колодец, но не у себя во дворе, а у соседа — через дорогу.

Рано утром этого никто не увидел. Он снял крышку и бодро, ногами вперед улетел вниз. Летел невысоко — метров пять, шмякнулся на бетонный пол и ... уснул.

Тут нужно сказать об Одесских колодцах. С давних пор хорошая вода была в этих краях определенным дефицитом. Хорошую воду доставали из колодцев и скважин на Фонтане, но если вода была плохой, то в Одессе сразу же говорили — Нет, это не Фонтан! Вот откуда происходит это знаменитое выражение.

При дефиците воды в Одессе, в частных дворах, всегда рыли колодцы бутылеобразной формы, глубиной 4-6 метров. Потом их заштукатуривали раствором, бетонировали дно и заливали эти колодцы привозной водой из бочек. Но этот колодец был пустой, на что потенциальный самоубийца явно не рассчитывал. Крепкий сон этого чудака завершился к обеду, когда он замерз от прохладной сырости и, конечно же, протрезвел. А уже потом акустика подземного граммофона выдала на гора вопли и стоны.

Подъехала наша дежурная бригада «Службы — 077». Саша Астапенко на подвеске пошел на тропе вниз, закрепил резервную подвеску на дедуле и дружными усилиями мы подняли его на поверхность.

Медики упрятали его в скорую, но уже через пять минут врач радостно объявил, что ни одного перелома нет и никаких сотрясений. Тем не менее, набежавшие родственники дружно потребовали отвезти деда в больницу и там досконально проверить.

И практика наших спасательных работ показывает, что зачастую пьяный или выпивший человек при различных падениях, как правило, остается живым и даже травмы случаются редко. Как говорит народ — пьяному — море по колено!

Каждодневная, тяжелая, но нужная городу работа продолжалась и каждая дежурная смена за сутки не менее двух, трех раз выезжала на спасательные работы. Особенно тяжелые случаи были во время автомобильных катастроф, когда

лобовые удары легковых автомобилей превращали их в скомканные, смятые груды железа, а внутри истекали кровью и погибали люди. Здесь иногда минуты были ценой жизни или гибели человека. Ребята мгновенно развертывали аппаратуру и зачастую разрезали остатки машин, чтобы извлечь пострадавших и передать их в руки медиков. Несколько раз я выезжал со сменой на такие катастрофы и должен сказать, что это все не для слабонервных.

Даже элементарное оказание помощи медикам скорой в доступе к больной пенсионерке — это тоже непросто. Зачастую старушка больна, живет одна и даже подняться с постели и открыть бронированную дверь не может. Вскрыть эту дверь специализированной службе ничего не стоит, да, но бабушке это будет стоить почти половину ее пенсии. Наши ребята отработали «простой», но эффективный прием. С верхнего балкона, а иногда и с крыши многоэтажки мои верхолазы на подвесках, по-альпинистски спускаются до нужного этажа и открывают окно на балкон или в квартиру. А дальнейшее — уже дело техники, открываем квартиру изнутри и впускаем медиков, участкового и родственников. Такие случаи происходят по три-четыре раза на неделю.

10 апреля 2004 года Одесса праздновала 60-ю годовщину освобождения от фашистских захватчиков. За несколько недель до этого прошли тренировки праздничного парада войск гарнизона и двух коробок ветеранов войны. Впервые в истории, после Афганской войны, Советом ветеранов было принято решение выставить коробку ветеранов Великой Отечественной и коробку участников боевых действий в Афгане.

На общее построение пригласили меня и генерала Юру Ермакова, который два года был в аппарате советников в Кабуле. Собрали коробку «Афганцев» 8х8 — 64 человека, один знаменосец, два ассистента и возглавляющий колонну — Юра Ермаков. Ну а мне доверили командование коробкой «Афганцев».

Для всех пошили камуфляжную форму, такие же кепочки и, конечно же, все надели боевые ордена и медали. Когда строй обходил губернатор — Сергей Рафаилович Гринецкий, я представился ему и доложил, — Ветераны Третьей Мировой Войны для парада построены. Он сначала приостановился, немного подумал и сказал, — А ведь Вы правы, Олег Борисович! Это действительно ветераны необъявленных войн, считай, что третьей мировой!

А в коробке со мной стояли прекрасные ребята. В одном строю на параде прошли мои боевые побратимы:

- полковник Леонид Гладченко — тогда подполковник, командир реактивного дивизиона «Град» — сейчас, мой заместитель в городской «Службе спасения 077» — он и сегодня остается в боевом строю, выполняя задачи по разминированию;
- полковник Николай Стрепетов — тогда капитан, помощник начальника артиллерии мотострелкового полка;
- старший прапорщик Виктор Гордейчук — тогда инструктор политотдела дивизии;
- полковник Леонтий Божко — тогда подполковник, советник в Генштабе В.С. Афганистана;

- старший сержант Анатолий Тимофейчук — тогда командир расчета артиллерийского орудия;
- подполковник Гена Чижевский — тогда капитан, командир саперной роты;
- старший прапорщик Виктор Брейкин — тогда борттехник вертолета.

Моим замом по вооружению в Одессе был полковник Александр Погребницкий. Почти весь 1980 год, до 29 ноября он был командиром саперного взвода в 70 мотострелковой бригаде в Кандагаре, был ранен и до марта 1981 года лежал в Ташкентском госпитале. Саша рассказывал, как в полусознании лежал в самолете на гробах и не мог понять живой он или его уже везут, как груз «200». После выздоровления он вернулся в Афган, и только в середине 1981 возвратился в понтонный полк в Рыбницу. Награжден боевой медалью «За отвагу» и орденом «Красная звезда».

В 1981-1982 годах начальником штаба батальона спецминирования в 45 инженерном полку в Чарикаре был, тогда майор Валерий Ратько. А в 1982-1983 годах он воевал комбатом 543 саперного батальона 201 дивизии в Кундузе. Награжден орденом «За службу Родине». Офицер высочайшей штабной культуры, Валера уже полковником стал у меня в Инженерном Управлении — начальником штаба — заместителем начальника инженерных войск округа.

Полковник Сахно Юрий Петрович — ныне начмед окружного военного госпиталя, а тогда в 1979-1981 годах он был лейтенантом — начальником медицинской службы артполка, — это он лечил, чинил, штопал раны и гипсовал переломы, возвращая ребят к жизни. Низкий ему поклон.

Народный артист Украины Михаил Ильич Бокальчук несколько раз был вместе с концертными группами в Афганистане и мы с ним, встречаясь за рюмкой «чая», вспоминали те пропыленные времена. Вот уж действительно он Народный а не какой-то местечковый, и он настоящий друг!

Можно этот список продолжать поименно. Думаю, что боевые друзья на меня не обидятся — главное, что все имена врублены в память, имена живых и тех, кто не вернулся.

После знаменательного парада мы сфотографировались вместе с Героем Советского Союза Русланом Аушевым, которого я знал по Афгану, когда он еще был начальником штаба полка.

15 февраля, ежегодно, мы все встречаемся возле памятника Героям-Афганцам в парке им. Шевченко и поднимаем свои фронтовые сто грамм за живых и павших. В этом 2009 году мы отметили 20 лет вывода войск из Афганистана, и я горжусь тем, что по решению Совета ветеранов, в списках награжденных юбилейной медалью была и моя фамилия.

Завершая свои воспоминания о том периоде, я невольно задаю себе вопрос, которым задаются многие. Дала ли что-либо прошедшая война в копилку опыта и знаний военного дела?

Конечно, дала много и положительного и отрицательного. Но большей частью эти приобретения опыта остались там, с теми войсками, с теми людьми, кто

в этом участвовал. И это, наверное, произошло в силу того, что сама война была специфической — партизанской и контрпартизанской.

Сказалось ли это на инженерных войсках? Да! Но в незначительных объемах — может только в вопросах преодоления минно-взрывных заграждений и применения новых минно-взрывных средств.

По прошествии двадцати лет более ясно начинаешь понимать, что кроме незначительных плюсов эта война привела к колоссальным потерям, причем не столько реальных безвозвратных потерь, сколько к потере общего лица страны, к провалу коммунистической идеологии в странах этого региона, к огромным убыткам в экономике государства. А разве можно в любой валюте оценить то горе, которое незаживающей раной осталось в каждом городе, в каждой деревне в сердцах матерей, потерявших своих сыновей.

Не исключено, что втягивание СССР в эту авантюру было глубоко продумано, просчитано на много шагов вперед спецслужбами или мозговыми центрами вероятного противника.

Более того, — эта война явилась одним из этапов общего распада коммунистической системы.

Восток — дело тонкое.

История говорит, что еще ни одна страна не поставила на колени восточные страны. Войны, — в Афгане тогда и в недавнем прошлом — в Ираке — это войны за передел сфер влияния.

Победить народ нельзя, особенно когда «свободу» приносят на штыках автоматов.

Летом этого года было еще одно памятное событие для меня и нашей службы. Еще в 2003 году у меня была встреча с руководством Российского центра Международной академии наук комплексной безопасности, на которой я выступил с обширным материалом, касающимся введения ограничений на строительство в городских зонах и особенно на пересечении транспортных развязок, — АЗС (Авто Заправочных Станций). По нашим расчетам взрывное разрушение таких сооружений по эквиваленту равнозначно подрыву ядерного заряда малого калибра (Ядерная мина), а разрушения приводят к блокированию этого транспортного узла и затруднению или воспреещению движения по этим маршрутам эвакуации. Это проблема многих крупных и малых городов и в первую очередь мегаполисов. При этом возможные разрушения могут быть последствием не только военных действий или террористических актов. Катастрофы природного характера — особенно землетрясения, наводнения, сдвиги грунта и многое другое могут привести к разрушениям АЗС, обрывам линий электропередач в районе разрушенной АЗС, возгорания нефтепродуктов и взрыва подземных цистерн, емкость которых зачастую составляет сотни тонн горючего. Для примера — в Одессе на пересечении Киевской трассы и Балковской улицы стоит четыре АЗС — а это один из важных транспортных узлов города. Наверное, каждая страна и каждый город может внимательно изучить у себя этот вопрос и выявить достаточное количество таких моментов. А для

густонаселенной Европы эта проблема может быть и решающей, особенно в сейсмоопасных зонах.

Мало обозначить проблему, но и нужно предложить пути ее решения. Простой и элементарный — внесение изменений в СНиПы или аналогичные документы других стран, а также градостроительные и градообразующие документы, определяющие характер городских застроек. Нужно выводить эти станции на окраины городов или определять для них безопасные зоны в удалении от транспортных развязок и жилых построек. Конечно, есть и другие способы, приемы и методы. В ходе этой встречи были подняты и обсуждены многие другие вопросы, которые выявились, как результат многолетней работы в Службе оперативного реагирования на чрезвычайные ситуации Одесского городского Совета — Службе спасения 077. Эти и другие материалы послужили основанием для их рассмотрения в Штаб квартире Международной Академии в Женеве и вызвали определенный резонанс у многих представителей стран Европы. По единогласному решению Ученого Совета Академии я был избран действительным членом Всемирной Академии Наук Комплексной безопасности — академиком. Прибывший в Одессу ученый секретарь академии, академик Соломиницин торжественно вручил мне на общем собрании коллектива нашей службы Сертификат, удостоверение, значок и Диплом академии за подписью Президента Академии академика Любимова. Вот такая приятная для меня награда.

В сентябре 2004 года Одесса отметила 210 годовщину со дня своего основания. Днем, в Большом зале мэрии, городской голова Руслан Боделан вручил правительственные и городские награды жителям и гостям города. Меня наградили Почетной грамотой Кабинета Министров Украины за подписью Виктора Федоровича Януковича и Золотой медалью Кабмина. По такому случаю я был в парадно-выходной, светло-серой генеральской форме и сиял золотом погон и позументов. Медаль «60 лет освобождения Одессы от оккупантов» получила почетная гостья города Людмила Гурченко. Когда все закончилось, и мы выходили из зала, Гурченко оказалась рядом со мной. Прошу Вас, товарищ генерал! Сказала Люда и рукой показала, чтобы я проходил вперед.

Ну, уж нет, — сказал я, вручил ей гвоздичку, что дали мне при награждении, и добавил — только после Вас Людочка и поцеловал ей руку.

А вечером был прием в шикарном зале Морвокзала. Стояла группа наших работников культуры, которых я прекрасно знал, и в их окружении была Гурченко. Когда поднимали бокалы за очередной тост. Люда сказала мне — с наградой Вас товарищ генерал!, — хотя я уже был в штатском.

Я тут же поздравил ее с наградой и добавил — Ну где были мои лейтенантские глаза, когда такую женщину нужно было выкрасть еще тогда! Все рассмеялись, а Люда сказала — Вот и кусай теперь локти, если раньше не успел! Так весело каламбуя, провели весь прием. А в 2007 году на приеме у мэра в честь Дня города, в ресторане «Сады победы» мы опять встретились с Людмилой, она меня узнала и мы смеялись, вспоминая награждение трехлетней давности, а потом сфотографировались на память.

Вообще приемы Городского головы в честь Дня города — это запоминающиеся праздники.

Недавно сессия Городского Совета утвердила решение о выделении квартиры для знаменитого одессита Романа Карцева. Несколько лет до того как, — он остановил меня на воздушной дорожке, которая вела вниз, в зал приемов Одесского морвокзала. Архитектура этого здания была такой, что нижний этаж под зданием, казался находящимся под водой и стоя на верхней дорожке невольно опасаясь — идти ли вниз — в подводные царства. Слушай старик!, — сказал он, — а когда это вы успели отгрохать, и под водой?

А я его спрашиваю — Рома, сколько лет ты не был в Одессе? — Он говорит — Два!

Ну вот, а мы все это время тут таки копали! Он расхохотался этому приколу, и мы спустились в зал, в праздничную толпу.

Михал Михалыч Жванецкий. 75 юбилей, которого мы недавно отпраздновали, единожды сказал — в Одессе не нужно ничего придумывать, надо слушать и записывать! И это верно. На одном из приемов, в общем разговоре я спросил у Михал Михалыча, — а Вы знаете, что в Одессе больше нет табличек на высоковольтных столбах с черепом и двумя костями на перекрест? Он тут же спросил. И что есть?

Просто табличка с надписью : «Тебе туда надо?», все засмеялись, а он мгновенно отреагировал — Надо записывать!

Года три назад моя внучка Юля пришла из школы и сообщила, что у них будет конкурс исполнения песни на тему — Осень в Одессе. Встал вопрос, какую песню ей подобрать, чтобы выступить на школьном конкурсе.

Легко! Сказал я, сел за стол и за полчаса сочинил ей песню «Одесская осень» причем и слова и музыку. Конечно она эту песню не пела, да и конкурс у них как-то сам по себе заглох.

Но песня осталась, и я пару лет работал над ней, отшлифовывая текст. Вот этот опус!

Одесская осень

*Над Южною Пальмирой облака
И осень подкатила под порог
Озолотила парки и дома
Украсила обочины дорог*

Припев

*Одесская осень, у нас двадцать восемь
А на море даже теплей
Одесская осень, мы даже не спросим
Где есть еще город милей?
В любимой Одессе красивая осень
С Одессой всегда веселей
Стоит над морем добрый папа — Дюк*

*На солнце бронзовеет вдалеке
И надо лишь ногой ступить на люк
Чтобы увидеть профиль Ришелье*

*Припев
На Дюка, на Дюка
Глядеть с седьмого люка!
На Дюка, на Дюка
Глядеть с седьмого люка!
Всегда в Одессе множество матросов
Одесса корифеями живет
На Дерибасовской, как Вам — поет Утесов
За Мясоедовскую Долина поет*

*Припев
А вот и Вы, а вот и Я
И Мясоедовская улица моя
А вот и мы, а вот и Я
И Одесситы — вся моя родня!
Мы дети все большой Одессы — мамы
Кто жил здесь от пеленок и не жил
И ради юной двухсотлетней дамы
Мы молодеем, кто бы, где ни был!*

*Припев
Одесская осень, в Одессе плюс восемь
А на море даже теплей
Одесская осень, мы даже не спросим
Где есть еще город милей?
В любимой Одессе красивая осень
С Одессой всегда веселей!
В любимой Одессе красивая осень
В Одессе всегда веселей!*

Осенью 2008 года на день города у нас в гостях была Лариса Долина. На приеме Городского головы я подошел к столику, за которым сидели Лариса, Таисия Повалий, Игорь Лихута и наши культуртрегеры. Ребята меня представили, и разговор за столом продолжился. Пока все говорили, я негромко сказал Ларисе, что сделал песню «Одесская осень» и там есть такие слова — На Дерибасовской, как Вам поет Утесов, за Мясоедовскую Долина поет.

Ну и потом пропел вполголоса куплет. Лариса засмеялась, — давайте эту песню мне, я ее обязательно спою. Но это намерение, к сожалению, так и осталось просто желанием.

Думаю, что песня не пропадет. Мой хороший друг, народный артист Украины, талантливый певец Николай Свидюк обработал мелодию и саму песню. Так что, возможно осенью этого года эта песня прозвучит для широкой публики. Будем питать надежду, тем более, что Николай Иванович не просто певец, это уникальный человек, прекрасный композитор, а украинские песни в его исполнении — это не песни, это поэмы о бескрайних степях, вышневых садовках, красивых дивчинах и синющем Черном море. Воистину певец из народа и действительно народный певец.

В сентябре 2004 года весь мир облетело сообщение о захвате детей и их родителей на празднике первого звонка в школе города Беслан, бандой озверевших боевиков-чеченцев. Каждый день приносил новые и новые подробности этого зверства боевиков. А через три дня эта накаленная обстановка взорвалась реальными взрывами, пожаром и автоматным огнем с обеих сторон. Спецназ оказался в обстановке, вышедшей из под контроля и действовал уже исключительно по обстоятельствам.

Все боевики кроме одного были уничтожены, но погибли сотни детей и взрослых. В этой ситуации Городской Совет принял решение немедленно направить в Беслан гуманитарную помощь в виде продуктов, детского питания, молочных продуктов, сладостей — для детей, пострадавших в этом аде.

За один день был загружен рефрижератор — дальнобойщик и Городской голова предложил отдельным своим заместителям отправиться с этим грузом в Беслан. Отдельные, — под разными предлогами отказались от этой миссии, кроме Владимира Максимовича.

Последовал телефонный звонок мне, и я только спросил — когда выезжать? Это не позерство — это привычка солдата. Если нужно — вперед! На следующий день на Греческой площади к нашей группе подошел Премьер Министр Украины Виктор Федорович Янукович — он был с визитом в Одессе — и очень тепло и сердечно напутствовал нас.

Мы предварительно обговорили все вопросы с Консулом России и через него с послом в Украине Черномырдиным о коридоре пропуска нашего груза. Но обстановка несколько изменилась, в связи с тем, что появилась возможность все это доставить в Беслан грузовым самолетом. На следующий день, рано утром наш четырех моторный АН-12 с двенадцатью тоннами груза поднялся навстречу солнцу — курсом на восток. Внизу проплыл Крым, Анапа — Геленджик и через некоторое время самолет пошел круто вниз, как в Кабуле.

Маленький аэропорт из бетона и стекла. Небольшая группа встречающих и несколько самолетов на стоянке. На поле встретили ребята из МЧС России. Несколько человек оказались знакомыми — вместе служили в инженерных войсках, и они меня хорошо знали. Пока шли к аэровокзалу, я хотел пройти напрямую, по газону, но ребята меня попридержали и по старой привычке сказали — не надо по зелени — лучше по бетону. А когда я увидел щербинки от пуль на толстых стеклах вокзала, то эта предосторожность мне уже не показалась излишней. В здании аэропорта нас ждала теплая встреча с заместителем министра иностранных дел

России по республике Алания Аланом Хетагуровым, внуком легендарного генерала Исы Плиева — Анатолием Плиевым, префектом Правобережного района г. Беслан Борисом Калоевым.

10 апреля 2004 года Одесса отметила 60 лет освобождения от немецко-румынских захватчиков и в честь этого была выпущена памятная медаль. Решением Городского Совета такой медалью посмертно был награжден освободитель Одессы генерал Иса Плиев. По поручению Совета эта медаль деда была вручена его внуку Анатолию Васильевичу. Знамя города Одессы Владимир Максимович вручил префекту Борису Калоеву.

Пока проходила эта протокольная встреча весь гуманитарный груз распределили по автомашинам и сразу же отправили по школам и детским садам.

К 12 часам префект повез нас в школу. Дорога шла вдоль железной дороги, а справа вдруг сразу открылось кладбище, и вид его был необычен. Только с краю ютилось несколько старых, выцветших могил. Всю остальную территорию занимали новые кресты, и было их великое множество. Свежеструганные, соснового дерева, они как лес проросли и заняли все кладбище. А похоронные колонны подходили и подходили.

Из телевидения я многое увидел, что происходило в Беслане, но то, что открылось глазам там, на месте, было действительно жутким до боли, до спазм в горле, до слез. Прошло всего несколько дней, как здесь отгремели взрывы, и еще не выветрился кислый запах взрывчатки и горения. Посреди двора, примыкая к школе, стоял обгорелый остов спортивного зала с черными переплетами ферм крыши и небом над головой. Вся середина зала и по бокам была завалена живыми цветами, детскими игрушками, бутылками с водой и лимонадом. Бесчисленное количество фотографий детей, которые смотрели своими глазами на нас — живых, уже оттуда из вечности, и с немим укором спрашивали нас — За что?... В зале было немного людей, больше местных, которые стояли в скорбном молчании, любовно поглаживая фотокарточки своих погибших детей, уже без рыданий и обмороков, но слезы сами катились из глаз и глаза, кажется, потеряли свой цвет и стали блеклыми и потухшими. При нас молодой мужчина встал на колени перед фотографией своего ребенка и глухо зарыдал, прижав руки к лицу и уткнувшись в кипу цветов, которые он принес.

Много воды было принесено для них, для душ погибших, трое суток умиравших от жажды в духоте раскаленного солнцем спортзала.

Мы поднялись на второй этаж, в учительскую, где на стене следы от пуль оставили невыбитыми силуэты двух человек. На эти места поочередно ставили мужчин из зала, раздевали их, потом расстреливали и в пустое окно со второго этажа выбрасывали трупы. Днем смельчаки уносили трупы из-под окон и боевики по ним не стреляли.

В последние минуты жизни им давали закурить сигарету. На подоконнике мы увидели следы засохшей крови, мужские туфли, снятые с убитого и массу выгоревших сигарет, которые закуривали приходившие родственники и оставляли их на батарее отопления и подоконнике. Это тоже им, погибшим, чтобы души их

приняли этот печальный запах табачного дыма. Можно еще писать и писать об ужасах и какой-то нереальности всего случившегося, ибо волосы встают дыбом от первобытной жестокости этих зверей в человеческом облике, этих моральных уродов, поднявших руку на самое святое, что есть на земле, и почитается всеми народами мира — на детей.

На закопченных стенах тут и там было написано — Мы отомстим за Вас! и это не пустые слова.

С тяжелым сердцем мы покидали это место. Такая трагедия, такая боль не может и не должна оставить спокойным каждого нормального человека.

Мир уже многократно вздрагивал от жутких, по своей бесчеловечности террористических актов этих недочеловеков, что в России, что 11 сентября в США. Неужели мировое сообщество, столько натерпевшееся от терроризма, в лице той же Организации Объединенных Наций, не сможет принять единственное, наиболее гуманное решение — смерть для любого террориста в любом месте земного шара и это должны подписать все страны. Может это остановит и боевиков в Чечне, и талибов в Афганистане, и пиратов в Сомали — да и в других местах нашей маленькой планеты. Нужно очищать землю от этой грязи, как счищают грязь с ботинок при входе в дом, светлый дом мирового сообщества.

Вечером, в аэропорту, верные кавказскому гостеприимству, нас усадили за стол в кафе Анатолий Васильевич Плиев и его друг, бывший министр внутренних дел республики Алания.

И я больше склоняюсь, что это была тризна в память о сотнях погибших детей и взрослых этого маленького городка. До сего дня вспоминаю этих гордых и стойких людей, — осетин, ставших мне близкими друзьями и пригнутые в печали их седые головы.

К ночи мы прилетели в Киев, пересели на нашу «Волгу», а к утру доехали до дому. На состоявшейся пресс-конференции Максимович и я подробно рассказали журналистам о нашей поездке. Нас сопровождал тележурналист Одесского ТВ, прекрасный парень Богдан Дымовский — он снял уникальный репортаж, и одесситы воочию смогли увидеть эту трагедию на экранах своих телевизоров.

А жизнь продолжалась. В сентябре 2005 года мы отметили 10 лет нашей службы. Особенных торжеств не делали, но торжественное провели, к юбилею заказали полторы сотни памятных позолоченных значков и тут же раздали их, ну и конечно посидели за праздничным столом. Очень сердечно и действительно по царски нас поздравили наши большие друзья и коллеги — спасатели Припортового завода и их руководитель Иван Номеровский. Я часто бывал у него на заводе во время ежегодных сборов и занятий. Нужно этим ребятам богу молиться, что у них великолепный Генеральный директор — Горбатко Валерий Степанович. Он оснастил свою службу спасателей так прекрасно, как пока ни у кого в Украине нет. Воистину государственный человек.

В январе 2008 года мы отметили 63 года генерал-лейтенанту Степанову Валерию Николаевичу. Человек прекрасной души, опытный военачальник, высочайшего профессионализма Валерий Николаевич прошел все ступеньки воен-

ной службы, поднимаясь вверх исключительно своим талантом, трудолюбием и колоссальной работоспособностью. Закончил он Одесское общевойсковое командное училище и прошел нелегкий путь от взводного, до Командующего войсками Прикарпатского военного округа. Это он был единственным среди военных высокого ранга и политиков, когда в начале становления государственности Украины встал вопрос о ядерном статусе. Именно Степанов прозорливо увидел все преимущества такого статуса. Наверное, сейчас никто не позволил бы себе разговаривать с этой страной, как с нищенкой на паперти, останься мы в статусе ядерной страны.

Однако людей с самостоятельным мышлением в политике не любят. Валерию Николаевичу предложили должность заместителя командующего ОдВО по реформированию. Понимая, что на верхних эшелонах власти он стал — не ко двору, Степанов перебирается в Одессу и здесь с жаром влезает в работу по реформированию. Имея богатый опыт, он отстаивает позиции поддержания боеготовности войск. Старается не допустить их развала и разбазаривания. Но и эта позиция уже негодна власти предрежащим.

В 1996 году Валерий Николаевич уходит в запас, но не в спокойную пенсионную гавань, а на острие новой для себя работы. Не смущаясь своими высокими постами и званием в военной жизни, — он приходит ко мне в «Службу оперативного реагирования на чрезвычайные ситуации», практически оставаясь в активной жизни города и городского совета. А через год становится Начальником департамента оборонной и мобилизационной работы Одесского городского совета. Мы с этого момента работали вместе, и наши службы тоже были вместе, в одном здании. Мы очень дружили и очень дорожили этой дружбой. В нем не было никакой кичливости или высокомерия, но как младший по званию и верный армейским традициям я всегда обращался к Валерию Николаевичу на «Вы», хотя он был на семь лет моложе меня. Но даже в дружбе мы не переходили порог армейской воспитанности. Валерий Николаевич тщательно скрывал от всех, что у него в последние годы сильно обострился сахарный диабет. В конце января мне докладывают, что генерал Степанов случайно ошпарил кипятком ноги и попал в городскую противоожоговую клинику.

По телефону я с ним тут же переговорил и он успокоил, что страшного ничего нет, и вероятно скоро пойдет на поправку. Но время шло, а улучшений никаких не наступало. В конце февраля начале марта, когда ситуация начала выходить из под контроля, гражданские медики перевезли его в Военный госпиталь. Наш главный хирург схватился за голову — обе ноги были уже гангренозные и Валерия Николаевича немедленно перенесли в операционную.

Одну ногу отняли до колена и вторую — ступню полностью. После операции Валерий Николаевич запретил пускать к себе всех. Только жена Лида и дети изредка приходили к нему. Он не хотел, чтобы его видели в таком немощном виде. А 12 марта Валерия Николаевича Степанова не стало. Для всех это стало неожиданностью и даже многие отказывались этому верить. Горисполком, жители города, большое количество военных пришли проводить его в последний путь, на

орудийном лафете, от Дома офицеров до Второго христианского кладбища. Все мы потеряли военачальника большой душевной чистоты, а я потерял своего друга и товарища. Как-то, сами собой выплеснулись строки стихотворения

«На смерть друга»

*Памяти генерал-лейтенанта
Валерия Николаевича Степанова —
командующего ПрикВО*

*Снаряды падают все ближе
Взрывая все и всех вокруг
А рядом погибает друг
Который должен, должен выжить
Но этот взрыв уже не слышит
Взрыв, что раздался как-то — вдруг
Ни звука не было, ни грома
И он раздался в тишине
Обычного простого дома
Не наяву и не во сне
Вот так — случайно! И во мне
В моих друзьях взорвалась боль
За друга, за нелепость случая
За вместе съеденную соль
Солдатских уз. И эту сучью,
В ногах оставшуюся боль,
В ногах, которых больше нет ...
Нас догоняют пули прежние
Из тех годов, из глубины
Почти веков, что жили мы
Служили, пили и любили
И не смотрели на следы
Что шли за нами в годы грешные.
Все ближе взрывы и вокруг
Уж нет друзей и нет подруг
Поднимем стопку! Может тут
За нас когда — нибудь нальют.*

В годовщину похорон я приехал на кладбище, постоял возле одинокой могилы, и так стало грустно. Кому мы сейчас нужны?

*Здесь тишина и мертвенный застой
Пустых аллей. Безмолвные шаги
Невидимых теней, что здесь нашли покой*

*И вязь оград меж дремлющих могил
Уходит время — по часам и суткам,
Уходит по секундам и минуткам
Мы в нем купаемся, но вспомним мы о нем
Когда за шестьдесят перешагнем
И каждый день меня обкрадывают днем
Оторванным от дней оставшейся мне жизни
И что-то не дожил, и что-то не успел
Допеть, допить, сказать, что жжет огнем
И надо выплеснуть, — не оставлять до тризны
Когда друзья и недруги сберутся
Расскажут мне — вдогонку — обо мне
И через часик грустно разойдутся
А я увижу все на вышине
Откуда никогда уж не вернуться.
Как расточительно растрчивая жизнь
Мы все живем, захлебываясь прошлым
Транжируя день, доселе не тревожный
Но начинаем понимать, что время
Проскальзывая через пальцы рук
Уходит, как уходит друг
И на тебя раскладывает бремя
Растрченных потерь и брошенных подруг
И так печально на душе вокруг,
Что давит на виски и ломит темя.*

В 2008 году — году високосном, ушли из жизни корифеи инженерных войск — генерал-лейтенант Кораблев Александр Сергеевич, генерал-лейтенант Медлев Леонид Сергеевич, генерал-лейтенант Яремчук Валентин Мефодиевич, генерал-лейтенант Цветков Вячеслав Иванович.

В конце 2008 года закончил службу Начальник инженерных войск МО России генерал-полковник Сердцев Николай Иванович, — стал советником Главнокомандующего Сухопутными войсками МО России.

Конечно, високосный 2008 год принес много бед и горя, но были в нем и запоминающиеся дни, которые так в жизни сложились.

14 августа исполнилось мне 70 лет, а вроде бы только вчера футбол гонял и по горам лазил. И хотя я был в отпуске, но такое событие я не зажил и отметил по порядочному. С утра у меня в кабинете мы накрыли большой фуршетный стол для приходящих с поздравлениями. Ближе к двенадцати позвонили из приемной мэра — Эдуарда Иосифовича Гурвица и попросили в полдень быть у мэра. Эдуард Иосифович встретил в середине кабинета, вручил большой букет роз, сердечно поздравил с юбилеем и к поздравлению приложил здоровенный телевизор — домашний кинотеатр. К этим приятным моментам

он добавил, что признателен за прекрасную работу коллектива «Службы — 077». Уверен, что Вы и дальше будете успешно руководить этой сложной и весьма необходимой городу Службой. Я поблагодарил за доверие, оценку и поздравление.

А в моем кабинете приходящих и поздравляющих не убывало, но все было душевно и весело. Первый заместитель Гурвица — Ворохаев Анатолий Иванович — уже у меня в кабинете, при общем сборе вручил мне от имени мэра медаль «За заслуги перед городом» и я стал первым в городе, кто получил два таких знака высшей степени отличия.

Конечно, это было и получилось под юбилей, но оценка, конечно же, была дана всей нашей Службе.

А ближе к вечеру мы, с начальниками отделов перебрались в уютный ресторан на свежем воздухе — «У Самвэла» на территории санатория «Одесса». Там уже собралась теплая дружеская компания моих сослуживцев прошлых лет, группа генералов нашей ветеранской организации, и вообще, просто хороших и добрых людей, которых я безмерно уважаю. Очень хорошо посидели за длинным столом под отдельной крышей для особо почетных посетителей. Разошлись уже ближе к полуночи.

Мои друзья-генералы вручили мне огромный рыцарский меч — в мою оружейную коллекцию с красивой гравировкой на длинном узком клинке.

«Без нужды не вынимать, без славы не вкладывать!»

Сейчас он висит у меня в домашнем кабинете рядом с автоматом ППШ и генеральской саблей.

Ну а на следующий день мы славно отметили это событие в семье, на даче, на Каролино-Бугазе, под плеск морских волн.

А самым оригинальным подарком меня порадовали мои сослуживцы по «Службе 077». Захожу утром к себе в кабинет, а они стоят в углу группой, и что-то прикрывают своими фигурами. Поздравили меня с цветами и вручают красивый диплом, весь отпечатан золотом и к нему еще кучу всяких папок. Оказывается, они в специализированной фирме закупили для меня малую планету в созвездии Льва (это мое созвездие по гороскопу) звездной величины 12,4 с координатами — склонением + 20 градусов, 32 минуты, 15,9 секунды прямым восхождением — 09 h 33 m 19,47 s.

А назвали теперь эту планету РОБ, что расшифровывается Рогожкин Олег Борисович. Сертификат за номером 0167, серия 12, от 8 августа 2008 года. Подписал — Президент АО «Космос-Земля» летчик-космонавт Герман Степанович Титов. К этому сертификату приложены выкопировки из Каталога Звездного Неба и карты созвездия Льва с обозначенной планетой — РОБ.

Добили они меня, когда расступились и вручили, стоящий за их спинами большой любительский телескоп.

Газета «Одесский Вестник» с подачи ее редактора и моего друга Саши Каменного напечатала заметку — «Подарили генералу звезду!»

Вот такой вышел веселый праздник.

Конечно же, на другой день, уже на даче, на Каролино-Бугазе я собрал днем телескоп и с нетерпением дождался ночи. Это было нечто фантастическое — звезды и планеты в увеличенном виде. Я уже не говорю о Луне, которая в телескопном поле становится уникально притягательной. Вообще, звездное небо — это такая увлекательная красота, что даже трудно себе представить что-либо другое в блестящем великолепии.

Недавно, перечитывая Омара Хайяма, я нашел у него великолепные строчки:

*Как жутко звездной ночью. Сам не свой
Стою у края бездны мировой
А звезды в буйном головокруженьи
Несутся мимо, в Вечность, по кривой!*

Изумительные стихи и как ярко, сочно выписано восприятие черного звездного неба. Вглядываясь в мириады ярких бриллиантиков Млечного пути, с трепетом воспринимаешь понимание того, что это наша галактика, только вид сбоку — как фото того преступника — в профиль. А где найти такую точку и как туда забраться, чтобы увидеть ее в фас, посмотреть на эту гигантскую спираль, а рядом другие закрученные патефонные пружины, какие поболе, а какие поменее. И мы, маленькие козявочки, пылинки Вселенной, но данным нам от Бога разумом, охватываем своим воображением эти глобальные масштабы. Однако и ни кому не дано познать необъятность и бесконечность Вселенной. Равно как и микрокосмос живой клетки, вмещающий в себя такой всеобъемлющий мир наследственности, что он может смело встать рядом с макрокосмосом.

И все-таки я люблю звезды.

Однажды, на полигоне в Караязах, я остался поздней ночью на площадке командного пункта полигона и больше часа ждал, когда за мной придет машина. На десятки километров вокруг была тишина и темнота. Я лег на спину на сдвинутые столы, и звездное небо опрокинулось на меня. Был август и звездопад прочерчивал небо, точно, как у Хайяма — именно в вечность, по кривой! Это все настолько врезалось в память, что я навсегда влюбился в звезды. Есть такое поверье, что, если ты в звездную ночь сядешь в шезлонг и повернешь ладони к звездам, то космическая энергия переходит в тебя.

А какая красота — гонящиеся туда-сюда спутники. Иногда низко проходят космические станции, которые даже пофрагментно видны в сильный двадцатикратный цейсовский бинокль. Эта поэзия звезд невольно переходит в стихи.

Звезды

*На черном небе мириады звезд
Мерцают ярко звездные двойняшки
Луна блестит, волнуя тайны грез
И спутники играют в догоняшки
Безмерно опрокинутое небо
В ночной тиши, рассыпав изумруд
Добытый в шахтах яркозвездных руд*

*И в небо брошенных, как в пашню зерна хлеба
Какая щедрая рука швырнула звезды в ночь
И эта звездная река уносит всех нас прочь
От наших шумных берегов, от грохота машин
В миры Вселенной и богов, где Млечный Путь один*

*Затих весь мир. И в тишине, лишь только шепот звезд
На ухо шепчет тайны мне про звездный хоровод
И как ромашки на земле сверкают звездные ромашки
И как детишки на Земле играют звезды в догоняшки.*

Каролино-Бугаз 2005 год

Великий Омар Хайям, мудрейший из мудрецов уже на закате своих лет размышлял о бытии и вечности, о жизни и смерти, о женщинах и любви, о вине и радостях мира сего, в одном из своих рубайи написал:

*Все, что Бог нам однажды отмерил друзья
Увеличить нельзя и уменьшить нельзя
Постараемся с толком истратить наличность
На чужое не зарясь, взаимы не прося...*

Величие гения в краткости и емкости мысли. Уже на закате лет невольно своими рассуждениями приходишь к пониманию того, что из отпущенного тебе времени не так уже и много осталось. И вот тогда каждую минуту, каждый час тебя подстегивает мысль — и это нужно успеть, и то сделать, и про это не забыть. А тут еще подстегивает расставание с друзьями, твоими же одногодками, которых смерть неумолимо вычеркивает из списка живых. Я написал об этом так.

Друзьям

*Мы все уйдем, кто раньше, кто потом
На миг, не задержавшись в мире этом
Пылинкой вспыхнувшей под потемневшим небом
Оставим след в безбрежности Вселенной
Как след волны, плеснувшей за бортом
Ушла в небытие блестящая волна
Нахлынула тоска воспоминаний
Несбывшихся и сбывшихся желаний
Исполненных любовных пожеланий
Которыми вся жизнь была полна
Ушли года, друзья нашли покой
Любимых женщин полоса признанья
Но никогда, ни при каких стенаньях
Я не просил любви как подаянья
На паперти с протянутой рукой*

*Судьбой и небом был, всегда храним
Но если перед жизненным порогом
Всевышний спросит — был ли я любим?
То я не оробею перед Богом
Мне есть чем отчитаться перед ним
А буйство жизни будет процветать
Сменяя поколенья в поколеньях
Но никогда, ни при каких сомненьях
Нить вечной жизни и ее продленье
Ни при какой погоде не прервать!
Затока 2005*

Стихи вошли в сборник ветеранов-афганцев, который выпустил мой большой друг Николай Иванович Кучеря. На презентации этой книги в Одессе, на двадцатилетие вывода войск из Афгана эти стихи прочитала со сцены милая девушка, вместе с другими стихами моих боевых друзей.

Этот вечер — презентацию вел Председатель Одесской областной организации журналистов Юрий Анатольевич Работин — сам офицер флота в отставке. Могу сказать только одно — журналисты Одесщины приобрели честного, глубоко порядочного, талантливого руководителя. В авиации говорят — летающий генерал, а Юрий Анатольевич — вкалывающий журналист и добрый наставник молодых литераторов.

В сборнике «Стон пули, как оборванной струны» есть и моя статья — воспоминания о тех днях. Правда, объем той книги заставил писать более коротко, что я постарался исправить сейчас, уже в своей книге воспоминаний.

По правде говоря, заставил меня писать все тот же Николай Кучеря. Прошло почти два года и вот только сейчас написанное близится к завершению.

Честно говоря, я полагал, что високосный 2008 год собрал свою жатву и все трудности, связанные с нумерологией ушли на следующие времена в 2012 год. Не тут то было. Еще во времена ГКЧП я имел некоторые неприятности с камнями в почках и эти камни мне периодически о себе напоминали. Правда я вооружился против них определенными лекарствами, которые принимал регулярно, и это меня спасало. Но я не учел, что оборот лекарств, особенно фальсифицированных, в этом мире вышел на первое место, опередив наркотики и оружие. И я купил свой Сетегис за немалую сумму, но после нескольких дней приема этих таблеток у меня обострились боли в мочевом пузыре, а потом еще больше — появилась кровь в моче. Великий госпитальный уролог полковник Юрий Иванович Дидыч немедленно уложил меня на обследование и после нескольких дней произнес роковую фразу — срочно ложиться в онкологическую клинику — бластома мочевого пузыря. Так что в слове «роковую» он смело мог поменять букву О на А. Наверное неделю я не мог это переварить и осознать. Казалось, что это уже черта и пора спокойно уйти за нее. Я уже в этой книжке сказал однажды, что жизнь, это еще иногда и смерть.

Статус-кво восстановил не менее Великий хирург, начальник отделения урологии Областной онкологической клиники Сергей Алексеевич Филиппов. По настоянию моих друзей я решился и пришел к нему сдаваться. Спокойно и взвешенно Сергей Алексеевич убедил меня, что это обычное заболевание и отнестись к нему нужно как к любому другому. После всех обследований он уложил меня на операционный стол и под общим наркозом сделал операцию — при помощи специального оборудования удалил мне эту опухоль. Половину июля я провел в онкологии. Вторую половину месяца очухивался дома на больничном, а в августе ушел на месячный отпуск — зализывать свои раны на берегу моря.

Должен честно сказать, что мысли были всякие — и вспомнился Солжениценский «Раковый корпус», и свои впечатления появились, когда посмотрелся на больных и ходячих и лежащих. Не легкое это испытание для психики нормального человека. И ночи были бессонные, когда боль еще не отпускала, и жуткие неудобства со всеми трубками и прочими прибабамбасами, сопутствующими такой операции. Я был бы не я, если бы все это не вылилось в стихотворение (хотя слово — творение — это громко для простого стиха).

Мина, которая не взорвалась.

*Светлеет небо за окном. Уходит ночь,
И вместе с ней уходит боль, уходит прочь,
От нудной серой тишины, без сна открытых глаз,
И длинных мыслей череды, за жизнь, за смерть, за нас.*

*Наверно это суждено, чтоб на закате лет,
Узнать, увидеть самому, вкусить тот горький хлеб,
Когда, как рапорт на плацу тебе произнесут,
Короткий, страшный приговор. Но жить еще дадут.*

*И вспомнишь Карцева когда, по трешке стоил рак,
Но это раньше, а сейчас — большой — уже пятак.
И грустно станет на душе, когда к тебе — и тут,
Как будто танки на войне все раки поползут.*

*Пройдет и это, а пока, в палату входит свет,
И мне дает на мой вопрос блистательный ответ.
Пока ты жив, — живи! И жизнь, подарит столько лет,
Что и захочешь помирать, а жизнь упрется, — НЕТ!*

Слободка. Одесса. 2009 г

Отпуск мой прошел в повседневной суете и хлопотах, тем более что впервые за пять лет американизма из Штатов прилетела моя младшая — Оленька со своим мужем Брайаном. Как и каждый год приехали на своем Шевроле старшая Мари-

на с мужем Сережей, а в середине августа прикатила старшая внучка Дарья со своим молодым человеком. Как говорят в Одессе — пусть к тебе на все лето приедут родственники! И все равно это приятные родные хлопоты.

А первого августа я фактически вышел на работу и сразу попал, в числе приглашенных, на вечерний прием Городского головы в честь 215 годовщины любимой Одессы-мамы!

Что можно сказать, как бы подводя итог этого длинного пути по минному полю жизни? Я мог многократно подорваться на этом поле и в прямом и в переносном смысле. Почему этого не произошло? Скорее всего, благодаря моим учителям, коих было много!

Главное это, наверное то, что вся моя жизнь до дней нынешних прошла в окружении хороших людей, которым я безмерно признателен за то, что они были рядом и во дни радости и в дни горя. Но и отбрасывать тех, кого я не могу отнести к хорошим — нельзя. Ибо и они внесли свою толику в определении смысла жизни, жизни не только для себя, но и для людей в первую очередь. Люди из моего прошлого прожили жизнь с простыми и ясными словами — Раньше думай о Родине, а потом о себе! И нас уже ничто и никто не переменит! Дай то бог, чтобы новое поколение, пройдя все испытания переменчивого предкапиталистического образа жизни, не потеряло главных жизненных ориентиров и нормальных человеческих ценностей.

У нас с Галиной Алексеевной есть прекрасные дочери — Марина и Оленька. Марина по мужу уже давно Семенчук и у них чудесная дочка, наша старшая внучка Дашенька, двадцатилетняя студентка пятого курса института. Сережа уже на пенсии. Оба работают, есть квартира в Москве и старенькие родители у моря! Что еще хотеть человеку.

Ольга пять лет назад уехала с мужем и двумя прелестными детишками — внучкой Фрэнки и внуком Джозиком — в США, в Штат Айдахо. Еще одна наша внучка — Юлечка, живет с нами, и будет заканчивать в 2010 году одиннадцатый класс. Как жизнь распорядится нашими судьбами, покажет будущее!

Жизнь продолжается, и никакие минные поля ее не остановят!

ЛИТЕРАТУРА:

1. Военный энциклопедический словарь инженерных войск. Изд. ВИА, Москва-2004, МО Российской Федерации
2. Інженерні війська збройних сил України. Вид. Київ-2002

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. Работин	3
От автора	5
1. Начало	7
2. Заполярье	20
3. Училище	42
4. Жизнь лейтенантская	59
5. Германия	78
6. Закавказье	106
7. Венгрия	156
8. Закавказье-2, Баку, Воюющая Ставка	183
9. Одесса, мой город родной... ..	218
10. Здравствуй, жизнь гражданская!	288

РОГОЖКИН, Олег Борисович
ПО МИННОМУ ПОЛЮ ЖИЗНИ

В авторской редакции

Сдано в набор 20.01.2010. Подписано в печать 20.03.2010. Формат 70х100/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg. Печать офсетная. Физ.печ.лист. 21.
Заказ № __. Тираж 1000.

«Издательство Барбашин». Свид. ОД № 37 от 15.02.2005 г.

Отпечатано с оригинал-макета заказчика в ГП «Издательство и типография
«Таврида». Украина, 95040, г. Симферополь, ул. Генерала Васильева, 44